

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

8

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ардашев Р.Г., Шамурзаев Т.Т. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений: рациональное и вымышленное 6

Кравченко А.И. Базовые категории экономической социологии Макса Вебера 12

Хохлова О.М., Катунцева А.В. Многополярность как структурное изменение современного мира 25

Хуссейн К.Х.А. Трансформация мировоззренческой мысли в трудах Мухаммада Абеда Аль-Джабари: аспекты выявления онтологии сознания востока XX века 32

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Смирнова О.В. Интеграционные процессы и межэтнические отношения в г. Новосибирске и Новосибирской области 37

Хэ Чэньлу. Адаптация Китая в 1950-х опыта системы образования СССР 42

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Гончарова И.В., Пушкарева Н.Н. Проектная исследовательская сессия как инновационный способ исследования ценностей молодежи 46

Гореликов Е.С. Теоретические основания построения военно-гражданских отношений в США: социально-политический аспект 53

Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Компаративный анализ образа государственных служащих в представлении студентов из республик Центральной Азии 59

Игумнов О.А., Платонова Е.Д. Содержание феномена «рентное общество» в российских условиях на основе социоресурсного подхода 68

Костырин Е.Г. Влияние цифровой трансформации рынка труда на экономическую интеграцию лиц с инвалидностью 76

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Баев П.А. Трудовые ценности разных поколений 82

Маслодудова Н.В. Ментальные особенности современной молодёжи 87

Чэнь Чэнь. Испано-китайское исследование перевода брендов с точки зрения экологического перевода 93

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Данилов В.Л. Влияние на сохранение традиционных культур глобализации общественных процессов 100

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус
Тел.: (495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добренков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силласте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Грabelных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренкова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории
Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Луиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзуцев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.08.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Кускова Д.А. «Античное тело» в романе Н. Кононова «Нежный театр» 105

Сидоров Д.Н. Принцип структурной когерентности в философском дискурсе: аспекты отражения в когнитивном и сенсорном опыте человека 109

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Владимиров И.А. Проблема подходов к определению понятий «ценности» и «ценностные ориентации» в социально-философской литературе 112

Гуров А.А. Философские основания медиации: концепция «этики согласия» 117

Коннова Е.С., Фортунатов А.Н. Влияние средств массовой информации на трансформацию телесности 123

Крюков В.В., Сотникова Е.В., Хаяров Д.Г. Этимология и аксиология власти 128

Лустин Ю.М. Человек и социум: коммуникационная модель концептуально-типологического взаимодействия 133

Майкова О.А., Фридман М.Ф. Концептуальные основания комплексных стратегий развития волонтерства в аспекте реализации государственной политики формирования гражданского общества 139

Илларионов Г.А., Мусат Р.П., Минеев В.В., Рахинский Д.В. Многообразие значений понятия «традиция» в контексте различных онтологий времени 145

Рукавишников А.С. Сущность феномена медиации в контексте социальной философии 151

Салатова Е.О., Тускаева Г.Б. Трансформация ценностей советского общества с 50-х по 70-е годы двадцатого века: на примере художественных фильмов «Чужая родня» и «Странная женщина» 157

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Щербинина З.Н. Этапы развития института образования в России: 1917–1930 годы 160

Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Социокультурные трансформации современного российского общества: ключевые тенденции и их отражение на уровне массового сознания 165

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Ardashev R.G., Shamurzaev T.T. Unconventional methods of detection crimes: rational and fictional 6

Kravchenko A.I. Basic Categories of Economic Sociology by Max Weber 12

Hohlova O.M., Katunceva A.V. Multipolarity as a structural change in the modern world 25

Hussein K.H.A. Transformation of world view thought in the works of Muhammad Abed Al-Jabri: aspects of identifying the ontology of consciousness of the eastern XX century 32

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Smirnova O.V. Integration processes and interethnic relations in Novosibirsk and the Novosibirsk region 37

He Chenlu. Adaptation by China in the 1950s of the experience of the USSR education system 42

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Goncharova I.V., Pushkareva N.N. Project research session as an innovative way to explore the values of youth 46

Gorelikov E.S. Theoretical basis of the civil-military relations' structuring in the USA: socio-political aspect 53

Rybakova M.V., Ivanova N.A. Comparative analysis of the image of civil servants as represented by the students from the central Asian republics 59

Igumnov O.A., Platonova E.D. The «rent society» phenomenon content in Russian conditions based on a socioresource approach 68

Kostyrin E.G. The Impact of Digital Transformation of the Labor Market on the Economic Integration of Persons with Disabilities 76

SOCIOLOGY OF CULTURE

Baev P.A. Labor values of different generations 82

Maslodudova N.V. Mental features of modern youth 87

Chen Chen. A Spanish-Chinese study of brand translation from an environmental translation perspective 93

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Danilov V.L. The influence of globalization of social processes on the preservation of traditional cultures 100

Kuskova D.A. "The Ancient body" in the novel by N. Kononov "Gentle Theater" 105

Founded in March 2004. Published 12 times a year
 Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
 The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.
 Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226
 Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building
 Tel.: (495)9392405;
 email: socjournal.msu@gmail.com
 http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilievich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Social Sciences Abroad"; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilievich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
 Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 08/30/2024 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

Sidorov D.N. The principle of structural coherence in philosophical discourse: aspects of reflection in human cognitive and sensory experience..... 109

SOCIAL PHILOSOPHY

Vladimirov I.A. The problem of approaches to the definition of the concepts of «values» and «value orientations» in the socio-philosophical literature 112

Gurov A.A. Philosophical foundations of mediation: the concept of “ethics of consent” 117

Konnova E.S., Fortunatov A.N. The influence of the media on the transformation of physicality..... 123

Kryukov V.V., Sotnikova E.V., Khayarov D.G. Etymology and axiology of power..... 128

Lustin Yu.M. Man and society: communication model of conceptual-typological interaction..... 133

Maykova O.A., Fridman M.F. Conceptual foundations of comprehensive strategies for the development of volunteering in the aspect of implementing state policy for the formation of civil society 139

Illarionov G.A., Musat R.P., Mineev V.V., Rakhinsky D.V. The variety of meanings of the concept of «tradition» in the context of various ontologies of time 145

Rukavishnikov A.S. The essence of the phenomenon of mediation in the context of social philosophy..... 151

Salatova E.O., Tuskaeva G.B. The transformation of the values of Soviet society from the 50s to the 70s of the twentieth century: on the example of the feature films “Foreign relatives” and “Strange woman” 157

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Shcherbinina Z.N. Stages of development of the educational institution in Russia: 1917–1930 160

Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Sociocultural transformations of modern Russian society: key trends and their reflection at the level of mass consciousness..... 165

Нетрадиционные методы раскрытия преступлений: рациональное и вымышленное

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, проф. кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,

д.ю.н., проф., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье приведена условная система нетрадиционных методов раскрытия преступлений. Дается краткий список таких методов с указанием необходимых литературных источников. Отмечено, что часть нетрадиционных методов основана на глубоких научных разработках, не связанных с правоприменительной деятельностью. Указана иррациональность сознания людей, как фактор, обуславливающий веру в лженаучные теории, наподобие астрологии и парапсихологии.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, нетрадиционные методы изобличения преступников, лженаука, иррациональное мышление, социология права.

Социология права рассматривает не только отношения всех частей и субъектов общества в аспекте правовых норм, но и обозначает, фиксирует и моделирует изменение социально-правового методологического принципа исследования нормы и преступления, наказания и социального статуса преступника и т.д. В связи с этим встает вопрос о легитимности использования тех или иных методов расследования преступлений. Так как объектом изучения социологии права могут выступать не только мотивы и последствия преступления, но и способы изучения преступления, легитимность и обоснованность выводов и возможные социально-криминологические последствия для общественного развития нормы, табу и правила.

Исследователи справедливо указывают, что изменения в криминалистической оснащённости следователей, применение новых технических средств и методов при производстве судебных экспертиз и в оперативно-розыскной деятельности влекут изменения и в тактике их использования [6]. Результатом этого становится изменение мышления и профессиональных компетенций тех, кто вовлечен в процесс расследования преступлений. А также представления общественности о том, как проходит расследование преступлений. Это меняет подход следователей, криминалистов и других сотрудников правоохранительных органов, трансформируя их понимание о собственной работе, эффективных методах и формах работы, которые стоит применять в повседневной практике. В контексте сказанного актуальными представляются проблемы новых, нетрадиционных методов, применяемых оперативными сотрудниками и следователями при раскрытии и расследовании преступлений, о чем писали Р.С. Белкин, О.А. Галустьян, А.М. Ларин, В.А. Образцов, Т.А. Седова, И.И. Тимошенко, В.И. Филиппенко и др.

Это то, что меняет как профессиональный инструментарий, так и личностно-профессиональный типаж специалистов, расследующих преступления. А это влечет за собой не только новые профессиональные стандарты, но и принципы того, что такое преступление, как его фиксировать, расследовать и завершать судом над преступником. Это социально-правовая трансформация общества, где формы, методы и технологии расследования преступлений определяют особенности мышления как следователей, так и преступников, а также рядовых обывателей.

Волчецкая Т.С. создает свою типологию методов, объединяя их по трем крупным направлениям: 1) нетрадиционные для уголовно-процессуальной сферы методы, получившие серьезную разработку в других областях научных знаний (гипнология и биоритмология); 2) методы, порожденные криминалистикой, но не получившие всеобщего признания (криминалистическая одорология, применение полиграфа при опросе); 3) методы околонаучного знания (астрология, физиогномика, графология, парапсихология) [4]. Эта типология в самом общем виде фиксирует внимание на методах и методологии изучения норм и права в современном обществе. Она не является исчерпывающей, но позволяет понять соотношение исследовательского инструментария правового поля, которое является отражением существующих в обществе представлений и норм, закрепленных и усвоенных через институты вторичной социализации и профессионального образования.

Расследование преступлений является многогранным процессом, включающим использование разных подходов. Нами разработана другая типология нетрадиционных способов расследования преступлений.

1. Профилирование преступников. Этот метод включает создание психологических и поведенческих портретов преступников на основе анализа их действий, мотивов, и методов совершения преступлений. Эксперты-профайлеры могут помочь сузить круг подозреваемых и предсказать будущие действия преступника.
2. Криминалистическая виктимология. Анализ изучает характеристики жертв преступлений для понимания, почему именно они стали объектами нападения. Это может помочь выявить закономерности и мотивы преступников и предсказать их поведение.
3. Использование медиумов и экстрасенсов. В некоторых случаях правоохранительные органы обращаются к людям, утверждающим, что имеют экстрасенсорные способности, для получения подсказок и информации, которую невозможно получить традиционными методами.
4. Обратные расследования (или «метод морфологического анализа»). Этот подход включает анализ возможных сценариев развития преступления, не полагаясь на модель, но рассматривая различные варианты и их вероятности, чтобы выявить возможные пути решения дела.
5. Социальные сети и краудсорсинг. Использование социальных сетей для сбора информации от широкой аудитории. Например, публикация фотографий подозреваемых или сцен преступлений может привести к получению полезной информации от общественности.
6. Использование дронов и спутниковых изображений. Эта технология позволяет обследовать большие или труднодоступные территории, получать данные с воздуха для анализа места преступления или поиска улик.
7. Анализ больших данных и искусственный интеллект. Применение AI и машинного обучения для анализа огромных массивов данных, выявления закономерностей и предсказания возможных криминальных событий.
8. Анализ преступного поведения с использованием видеоигр и виртуальной реальности. Создание симуляций мест преступления или действий подозреваемых с использованием виртуальной реальности, что может помочь в анализе и реконструкции преступных событий.

Эти методы не всегда могут быть использованы независимо, но в комбинации с традиционными методами они могут существенно повысить эффективность расследований и раскрываемость преступлений.

Традициями называют формы деятельности и поведения, исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение, а также сопутствующие им обычаи, правила, ценности, представления. То, что регулирует и регламентирует поведение общественности или ведет к ее разрушению, через преступления. При изменении социальной ситуации традиции могут разрушаться, испытывать изменения и заменяться новыми. Нетрадиционный подход «выходит за пределы закономерностей исторически сложившихся форм деятельности и поведения, сопутствующих им обычаев, правил, ценностей, представлений» [2].

Изучение литературных источников по ряду отраслей науки показывает, что термин «нетрадиционный» употребляется, как синоним понятия «необычный», «новый», «альтернативный» [20].

Упомянутая Т.С. Волчецкой гипнология – это метод репродуктивного гипноза или гипно-репродукция – специфический метод получения личностной информации после введения носителя информации в гипнотическое состояние [4]. Несмотря на оптимистичные утверждения последователей этого «нетрадиционного метода» в криминалистике (Л.П. Гримак, О.В. Евстигнеева, А.Н. Иванов, В.М. Кандыба, В.А. Образцов, Р.Д. Шарапов и др.), нужно признать правоту Н.Н. Китаева, который на обширном документальном материале показал: в России всегда, во все общественные эпохи, применение гипноза разрешалось и разрешается сейчас нормативными документами только дипломированным врачам и только в медицинских целях [9]. Отсюда логично вытекает, что использование гипноза в Российской Федерации для нужд оперативно-розыскной деятельности или следственной работы – незаконно. Именно это отмечают авторы, сообщая о единичных случаях успешного применения гипно-репродукции в современной России [10].

Можно отметить, что соблазн выступить «открывателем» успешного применения гипнорепродукции побудил проф. Л.Д. Удалову (Национальная академия внутренних дел Украины) выступить на международной научной конференции с докладом, в котором утверждалось: при расследовании серии тяжких преступлений в ряде областей Украины был привлечён в качестве специалиста гипнолог (для гипнотизации свидетелей, которые смогли вспомнить детали преступлений, что способствовало их раскрытию [15]. Однако тщательная проверка доклада Л.Д. Удаловой позволила выявить надуманность сообщенных ею случаев применения гипнорепродукции [8].

Названная Т.С. Волчецкой биоритмология (хронобиология) – это раздел биологии, изучающий биологические ритмы, т.е. упорядоченные во времени, предсказуемые изменения психофизиологических процессов. В России успешным разработчиком применения биоритмологии при допросах обвиняемых в определенные дни, уязвимые для их психики, выступил следователь по особо важным делам Н.Н. Китаев [12]. Его положительный опыт привлечения специалистов-биоритмологов при расследовании особо сложных дел изложен В.А. Образцовым и С.Н. Богомоловой в учебном пособии для вузов [18]. Нужно учитывать, что использование данных биоритмологии в процессе избличения преступников требует высокого уровня подготовки следователей и их тесного контакта с учёными-биоритмологами [3]. Это все фиксация на необходимых социальных процессах регулирования социального моделирования и развития в закрытых сообществах.

Криминалистическая одорология, упомянутая Т.С. Волчецкой, в настоящее время называется ольфактрономикой, представляет собой экспертизу запаховых следов, когда «в качестве анализатора пахучих веществ используется орган обоняния специально подготовленной служебной собаки» [14]. Данный нетрадиционный метод избличения преступников вызывает обоснованные сомнения у ряда ученых, поскольку не существует никаких объективных критериев, позволяющих считать, что качество обоняния собаки-детектора из одного экспертного подразделения лучше, чем из другого, отчего само проведение повторных ольфакторных экспертиз лишено смысла [12]. Но это не мешает применять данный метод в некоторых расследованиях. Хотя стоит отметить, он не является массовым и повсеместно распространённым, так как может зависеть с одной стороны от подготовленности собаки, с другой от профессионализма (или непрофессионализма) сотрудника.

Применение полиграфа при опросе (полиграфология), названное Т.С. Волчецкой, имеет достаточно широкое, но неоднозначно воспринимаемое (по результатам оценки) распространение в Российской Федерации. Так, 27 июня 2013 г. в Московском государственном юридическом университете

им. О.Е. Кутафина была защищена диссертация Я.В. Комиссаровой на соискание ученой степени доктора юридических наук – «Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве», в которой получило освещение использование полиграфа в РФ. При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 20 человек проголосовал: за присуждение ученой степени – 14 человек, против присуждения учёной степени – 6 человек. 17 июля 2014 г. Минобрнауки России был издан приказ № 453/нк об отказе Я.В. Комиссаровой в выдаче диплома доктора юридических наук [7]. Это своего рода факт непризнания официальной научной базы преступления.

Нужно признать, что в публикациях об использовании полиграфа в расследовании преступлений имеется немало спекулятивных утверждений [25]. Так, начальник отдела НИИ МВД РФ А.И. Скрыпников дал интервью журналисту А. Рохлину, утверждая, что знаменитый советский разведчик Рудольф Абель (настоящее имя Вильям Фишер), был разоблачен спецслужбами США при его опросе на «детекторе лжи» (полиграфе) [14]. Однако на официальный запрос Служба внешней разведки РФ дала письменный ответ, что Абель вообще не подвергался в США процедуре проверки на полиграфе [13].

Данный факт только подтверждает результаты наших исследований о распространении надуманных сведений в СМИ и литературе про деятельность сотрудников спецслужб [23]. Для получения достоверных сведений здесь требуется обращение к архивным документам соответствующих спецслужб [21]. А также необходимо опираться на иные альтернативы формирования общественного мнения или конструирования определенных норм и правил при ведении расследования в профессиональном сообществе.

К нетрадиционным методам раскрытия тяжких неочевидных преступлений, на наш взгляд, можно отнести и фактор «личной заинтересованности» оперативных работников. Речь идет о стимулировании названных сотрудников гарантиями их достойного вознаграждения при условии раскрытия преступления и получении доказательств, позволяющих избличить виновных лиц [22]. Многолетняя практика следователя по особо важным делам Н.Н. Китаева убедительно показывает, что фактор «личной заинтересованности» оперативных работников – нетрадиционный метод, позволяющий добиваться высокой эффективности в работе по самым сложным уголовным делам [1].

Упомянутая Т.С. Волчецкой группа «методов околонуточного знания» (астрология, физиогномика, графология, парапсихология), несмотря на кажущую абсурдность подобных «рекомендаций», имеет определенных сторонников и в XXI веке, что наглядно видно по критическим публикациям

[26]. Так, современные обладатели ученой степени пытаются связать «астрологическую характеристику» серийных убийц с динамикой совершенных преступлений и возможностью их раскрытия [24]. Доктора юридических наук С.И. Захарцев и В.П. Сальников заявляют: «Сформулированная нами наука «экстрасенсоведение»... постепенно стала развиваться в России и за её пределами» [5]. Следует согласиться с критическим замечанием Н.Н. Китаева и В.Н. Китаевой, что оперативное экстрасенсоведение является не новаторским методом, а очередной отраслью лженауки, которая не должна применяться в деятельности правоохранительных органов, поскольку откровенно дискредитирует их [11]. Это фиксация на изменении представлений о том, что является основой, а что последствием притупления. Важное понимание этого состояния приводит к регулированию социального поведения.

Как отмечают специалисты в области социальной философии, сознание наших современников в значительной мере является иррациональным в вопросах правовой культуры и грамотности, а мистичность сознания прослеживается в обществе достаточно убедительно [19]. Современники мыслят иррационально. Это факт, который надо использовать при анализе существующих процессов и при необходимости изменения представлений о чем-либо. Нет четкого и системного понимания причинно-следственных связей, социальной динамики и возможностей регулирования социального поведения во время повседневных и разовых пиковых процессов, способных изменить социально-политическую, культурно-экономическую или нормативно-правовую сторону жизни современников.

Выводы

Можно утверждать, что пропаганда иррациональных методов в российской криминалистике и следствии ведётся авторами, которые, несмотря на обладание учеными степенями и званиями, верят в сверхъестественное, отчего у них рефлексивность, критичность к тем или иным аргументам в определённой ситуации – не актуализируется [17]. Это серьёзный критерий иррационализации сознания целых регионов и культур. Возврат к прошлым стратегиям и формам социального воспроизводства, которые опирались не на современные инструменты, а особенности видения и мышления. Это не показатель регресса, но однозначный показатель расширения возможностей применения нетрадиционных способов мышления.

Стоит отметить, что иррационализация сознания – это часть более глобальных процессов, которые касаются не только права и криминалистики в частности, но и всех остальных сфер жизни, где иррациональность становится все более распространенной темой и регулирует социальные рам-

ки как обывателей, так и представителей закона, фиксируя их методы и формы работы, одобряя или порицая механизмы, которые они применяют для того чтобы более профессионально использовать свои возможности и навыки – для расследования преступлений. Общие тренды социального моделирования находятся все дальше от рациональности и все ближе к иррациональности. Это чревато необходимостью прописывания новых форм, норм и методов изучения социального пространства, а вместе с тем и изучения правовых норм общества, в частности, определяющих рамки дозволенного для большей части представителей того или иного сообщества.

Использование нетрадиционных форм работы с лицами, совершившими преступление может привести к следующему:

- более быстрому ходу / расследованию преступлений;
- фиксации новых правовых норм;
- регулированию социальных интеграций по вопросам социального тестирования.

Это правовое пространство меняет повседневность, трансформирует профессиональные инструменты в сфере расследования и анализа преступлений, а также меняет сознание специалистов, которые участвуют в этом процессе и формирует новую реальность, где действуют альтернативные варианты социально-правовых норм. Поэтому, мы можем утверждать, что нетрадиционные методы расследования преступлений, будут только набирать оборот и находить все больше эмпирически подтвержденных стратегий и форм, не вписывающихся в рациональную картину мира, но способных объяснить те процессы, которые описать и обосновать не сможет ни один рациональный подход.

Литература

1. Ардашев Р.Г., Архипова А.Н., Китаев Н.Н. Использование следователем фактора «личной заинтересованности» оперативников при раскрытии убийств «без трупа» // Закон и право. – 2016. – № 5. – С. 162–164.
2. Архипова А.Н., Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Вопросы раскрытия и расследования убийств «без трупа». – Иркутск. – 2018. – С. 67.
3. Биленко Н.П., Ардашев Р.Г. Месячная ритмика медицинских, криминологико-криминалистических, социальных, техногенных и природных эксцессов. Улан-Удэ, изд. Бурятского государственного университета. 2023. – 196 с.
4. Волчецкая Т.С. Методы познания в уголовном судопроизводстве: современные проблемы // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар. – 2002. – С. 34.

5. Захарцев С.И., Сальников В.П. В развитие науки оперативно-розыскного экстрасенсоведения // Юрид. наука: история и современность. 2019. – № 10. – С. 102.
6. Ищенко Е.П. Российская криминалистика сегодня // Вестник криминалистики. – 2006. Вып. 4(20). – С. 5.
7. Ищенко Е.П., Комиссарова Я.В., Эксархопуло А.А. История защиты одной докторской диссертации. М. Юрлитинформ. 2015. – С. 4, 21.
8. Китаев Н.Н. О применении гипноза как способа получения оперативной информации правоохранительными органами Украины (результаты исследования) // Криминалистика первопечатный. Харьков. 2012. – № 5. – С. 97–101.
9. Китаев Н.Н. Гипноз и преступления: лекции. Иркутск. БГУЭП. 2006. – 60 с.
10. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Применение гипноза при поисках трупа человека: проблемные вопросы // Закон и право. 2018. – № 12. – С. 125–127.
11. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Оперативно-розыскное экстрасенсоведение как разновидность лженауки // Закон и право. – 2020. – № 11. – С. 176–178.
12. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Повторная ольфакторная экспертиза в России: проблемные вопросы // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: Сб. научных трудов, посвящённых 90-летию проф. А.А. Дулова. Минск, 2014. – С. 87–91.
13. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Иркутск, 2002. – С. 193.
14. Криминалистика: учебник. Под ред. проф. В.А. Образцова. М., 1997.
15. Криминалистика XXI столетия: Материалы международной научно-практической конференции. Харьков, 2010. – С. 508–510.
16. Кузнецов Д.В. Уголовно-процессуальные аспекты применения гипнорепродукции в ходе расследования преступлений: Учебное пособие. – Казань: Казанский юридический институт МВД РФ. 2022. – С. 4.
17. Мешков В.М., Ардашев Р.Г. Иррациональные тенденции в теории и практике раскрытия преступлений // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 124–127.
18. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2002. – С. 299–306.
19. Полюшкевич О.А. Ритуалы как социальные конъюнктуры // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всерос. Научно-практ. Конференции. – Иркутск, 2015. – С. 338–341.
20. Филиппенко В.И. Психологические проблемы нетрадиционных путей борьбы с правонарушителями // Психопедагогика в правоохранительных органах. – Омск, 1996. – № 2(4). – С. 99.
21. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Архивное выявление ложной информации о работе спецслужб в литературе, кино и СМИ // Закон и право. – 2022. – № 4. – С. 222–224.
22. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Деятельность правоохранительных органов по розыску лиц, пропавших без вести, и трупов потерпевших: монография. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. – С. 43–45.
23. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Ложная информация о работе спецслужб, встречающаяся в литературе, кино и СМИ // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2(165). С. 86–87.
24. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Раскрытие серийных убийств и астрологическая мантика: иррационализация истины // Закон и право. – 2020. – № 4. – С. 177–179.
25. Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Использование полиграфа в расследовании преступлений // Социальная компетентность. – 2019. – Т. 4, № 2(12). – С. 120–127.
26. Шамурзаев Т.Т., Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Криминалистика и спиритизм. О проникновении лженауки в юриспруденцию // Закон и право. – 2019. – № 3. – С. 115–117.
27. Шапошникова В., Китаев Н. Значение хронобиологии для криминалистики // Законность. 1997. – № 11. – С. 46–48.

UNCONVENTIONAL METHODS OF DETECTION CRIMES: RATIONAL AND FICTIONAL

Ardashev R.G., Shamurzaev T.T.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin

The article presents a conventional system of non-traditional methods of crime detection. A brief list of such methods is given with the indication of necessary literary sources. It is noted that a part of non-traditional methods are based on deep scientific developments, not related to law enforcement activity. The irrationality of people's consciousness as a factor, the irrationality of people's consciousness as a factor causing belief in pseudoscientific theories like astrology and parapsychology.

Keywords: crime detection, unconventional methods of exposing criminals, pseudoscience, irrational thinking, sociology of law.

References

1. Ardashev R.G., Arkhipova A.N., Kitaev N.N. The use of the factor of "personal interest" of operatives by the investigator in solving murders "without a corpse" // Law and Right. – 2016. – No. 5. – P. 162–164.
2. Arkhipova A.N., Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Issues of solving and investigating murders "without a corpse". – Irkutsk. – 2018. – P. 67.
3. Bilenko N.P., Ardashev R.G. Monthly rhythm of medical, criminological-forensic, social, man-made and natural excesses. Ulan-Ude, publishing house of the Buryat State University. 2023. – 196 p.
4. Volchetskaya T.S. Methods of cognition in criminal proceedings: modern problems // Actual problems of forensic science at the present stage: Materials of the All-Russian scientific and practical conference. – Krasnodar. – 2002. – P. 34.

5. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. In the development of the science of operational-search extrasensory perception // *Legal science: history and modernity*. 2019. – No. 10. – P. 102.
6. Ishchenko E.P. Russian forensic science today // *Bulletin of forensic science*. – 2006. Issue 4 (20). – P. 5.
7. Ishchenko E.P., Komissarova Ya.V., Eksarkhopulo A.A. History of the defense of one doctoral dissertation. M. Yurlitinform. 2015. – P. 4, 21.
8. Kitaev N.N. On the use of hypnosis as a method of obtaining operational information by law enforcement agencies of Ukraine (research results) // *Criminalist first printed*. Kharkov. 2012. – No. 5. – P. 97–101.
9. Kitaev N.N. Hypnosis and crimes: lectures. Irkutsk. BSUEL. 2006. – 60 p.
10. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. The use of hypnosis in the search for a human corpse: problematic issues // *Law and Right*. 2018. – No. 12. – P. 125–127.
11. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Operational-search extrasensory perception as a type of pseudoscience // *Law and Right*. – 2020. – No. 11. – P. 176–178.
12. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Repeated olfactory examination in Russia: problematic issues // *Preserving the past, defining the present, anticipating the future: Collection of scientific papers dedicated to the 90th anniversary of prof. A.A. Dulov*. Minsk, 2014. – P. 87–91.
13. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Expert psychological research in criminal proceedings: problems, practice, prospects. Irkutsk, 2002. – P. 193.
14. Forensic science: textbook. Ed. by prof. V.A. Obraztsov. Moscow, 1997.
15. Forensic science of the XXI century: Materials of the international scientific and practical conference. Kharkov, 2010. – P. 508–510.
16. Kuznetsov D.V. Criminal procedural aspects of the use of hypnoreproduction during the investigation of crimes: A textbook. – Kazan: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2022. – P. 4.
17. Meshkov VM, Ardashev RG Irrational tendencies in the theory and practice of solving crimes // *Law and Right*. – 2020. – No. 8. – P. 124–127.
18. Obraztsov VA, Bogomolova SN Forensic psychology. – M.: UNITY-DANA; Law and Right, 2002. – P. 299–306.
19. Polyushkevich OA Rituals as social conjunctors // *Consolidation of Russian society: organizational, educational and socio-cultural resources: materials of the All-Russian. Scientific and practical. Conference*. – Irkutsk, 2015. – P. 338–341.
20. Filippenko V.I. Psychological problems of non-traditional ways of combating offenses // *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. – Omsk, 1996. – No. 2(4). – P. 99.
21. Shamurzaev T. T., Ardashev R.G. Archival identification of false information about the work of special services in literature, cinema and the media // *Law and Right*. – 2022. – No. 4. – P. 222–224.
22. Shamurzaev T. T., Ardashev R.G. Activities of law enforcement agencies in searching for missing persons and corpses of victims: monograph. – Bishkek: Publishing house of KRSU, 2022. – P. 43–45.
23. Shamurzaev T.T., Ardashev R.G. False information about the work of special services found in literature, cinema and the media // *Eurasian Law Journal*. – 2022. – No. 2 (165). P. 86–87.
24. Shamurzaev T.T., Ardashev R.G. Solving serial murders and astrological mantics: irrationalization of truth // *Law and Order*. – 2020. – No. 4. – P. 177–179.
25. Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. Use of a polygraph in crime investigation // *Social competence*. – 2019. – Vol. 4, No. 2 (12). – P. 120–127.
26. Shamurzaev T.T., Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Forensic Science and Spiritualism. On the Penetration of Pseudoscience into Jurisprudence // *Law and Right*. – 2019. – No. 3. – P. 115–117.
27. Shaposhnikova V., Kitaev N. The Importance of Chronobiology for Forensic Science // *Legality*. 1997. – No. 11. – P. 46–48.

Базовые категории экономической социологии Макса Вебера

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Мы продолжаем анализировать основные категории экономической социологии великого немецкого мыслителя. Анализируя вопрос о связи экономики с другими сферами – политикой, религией, правом, – М. Вебер пришел к необходимости специально заняться социологией, рассматривая ее главным образом как социологию экономического поведения людей, или экономическую социологию. Экономическое действие принадлежит к общему классу рационального поведения и является таковым, если ориентировано на получение выгоды. Оно представляет собой мирный (в отличие от военного, например насильственного захвата) способ контролирования индивидом ресурсов (средств), с помощью которых он намеревается достичь своих целей. Экономические процессы и объекты (предприятие, сырье, рынок) по отношению к экономическому действию выступают в роли целей, средств, препятствий или результатов. В более узкой формулировке экономическое действие включает операции в сфере современного делового предпринимательства, нацеленного на получение прибыли. Конкретно-исторический анализ типов экономического действия вывел Вебера на разделение и специализацию труда, отчуждающие работника от продукта и средств труда, типы государства и подчинения, механизм администрирования и бюрократической власти в организации, отношения между предпринимателем и рабочими.

Ключевые слова: рыночная ситуация, профессиональная стратификация, формальная и субстантивная рациональность, экономический отбор, присвоение и отчуждение.

Товар, обмен и деньги

«Социологию экономического действия» у М. Вебера достраивают до целостного здания категориями товара (услуг), обмена, денег и конкуренции. *Товаром* Вебер называет неживой объект, который служит ресурсом или источником полезности. Если таким источником является не вещь, а действие человека (например, вы приглашаете работницу для уборки вашей квартиры), то это уже не товар, а услуга.

Когда Вебер выделяет «идеальные экономические действия», или процессы, он не относит к их числу такие явления, как, например, войны, хотя они могут преследовать, а чаще всего на самом деле преследовали экономические цели – захват имущества, рынков сбыта, рабочей силы в виде рабов, а миграция – получение лучшей зарплаты, смену профессии. Но это все же не «чистые» экономические процессы, а скорее нечто похожее на них. Напротив, «чистый» экономический процесс или действие – это производство товаров или оказание услуг. Важные черты рационального экономического действия, – это осознание сиюминутной и перспективной выгоды, выбор из множества средств наиболее экономического способа, способность индивида контролировать и управлять ситуацией, гибким балансом средств и целей. Все это присутствует в производстве товаров и оказании услуг.

Разрабатывая социологическую концепцию товара как разновидности экономического действия, Вебер вовлекает в анализ такие понятия, как конкуренция, обмен, экономические организации (картели, корпорации), формальная организация (порядок), средства обмена и выплаты, деньги, рынок, кредит, формальная и субстантивная рациональность, бюджет, благосостояние, капитал, предпринимательство. Все эти понятия Вебер называет социологическими категориями, но не социального (там совсем иные категории, в частности, социальные отношения, конфликт, отбор, коммунальность и ассоциации), а экономического действия. Действительно, капитал, рынок или обмен Вебер рассматривает через призму ценностных ориентаций, выбора и поведения индивида.

Вебер полагает, что «производство» в широком смысле включает не только изготовление «товаров», но и транспорт, т.е. обслуживание, что вполне логично, ибо в состав экономического действия у него входят две компоненты – «товары» и «услуги» [5, р. 71]. Пока товар не приобрел законченной формы не куплен, а вслед за этим не потреблен,

все перемещения, которые с ним могут происходить, происходят благодаря транспорту. Если товар не потреблен, то это означает, что он не доставлен в то место, где его может приобрести потребитель. Транспортировка товара естественным образом отличается от продажи товара. Согласно Веберу, даже «изменение в контроле над товарами можно трактовать как часть производственного процесса» [5, р. 72].

Категория *обмена* у Вебер описывает процесс достижения компромисса сторон, при котором товары либо иные блага переходят из рук в руки по принципу взаимной компенсации. «Обмен может быть традиционным или конвенциональным и, следовательно, особенно если речь идет о втором случае, не быть экономически рациональным. Или такой обмен может быть экономически рациональным по намерениям и по результатам. Каждый случай рационально ориентированного обмена представляет собой разрешение ранее раскрывшегося или все еще скрытого конфликта интересов посредством достижения компромисса. Противостояние интересов, которое разрешается в процессе компромисса, потенциально вовлекает акторов в два типа конфликта. С одной стороны, это конфликт по поводу цены, о которой участники обмена должны непременно договориться. Типичным способом договора выступает обычный контракт. С другой стороны, это соревнование с реальными или потенциальными конкурентами, как настоящими, так и будущими, которые могут вступить в жесткую конкуренцию с договаривающимися сторонами на том же самом сегменте рынка. Типичный метод разрешения конфликта в этом случае – торги вокруг предлагаемой цены» [5, р. 72].

Торг за цену – показатель того, что на социальную сцену вышли экономически активные субъекты. В сфере их контроля, если речь идет о рыночной экономике, оказывается почти все, и прежде всего экономические ресурсы – средство получения прибыли. «Блага, товары и труд находятся под контролем экономически активного индивида в том случае, если он занимает такую позицию, которая позволяет ему быть полезным конфликтующим сторонам без вмешательства или помощи посторонних лиц, независимо от того, основаны его возможности на легальном законе, на некой договоренности, на обычае или на сложном пересечении множества интересов» [5, р. 72].

Рассмотрение категорий «товар» и «обмен» логически подводит к необходимости проанализировать конкуренцию. «Конкуренция в снабжении или поставке чего-либо существует при самых разных условиях. В частности, она играет важную роль в тех случаях, когда прибавочный продукт получают благодаря захвату (*seizure*), а именно охоте, рыбной ловле, сбору подножного корма или расчистке новых участков земли. Но то же самое очень часто происходит в тех организациях, которые закрыты для посторонних лиц. Механизм,

который, как кажется, способен обуздать такую конкуренцию, состоит в ранжированном распределении прибавочного продукта, которое обычно дополняется присвоением возможностей в процессе снабжения, что гарантирует выживание небольшого по численности коллектива, чаще всего семьи» [5, р. 72–73]. Средневековые сельские общины, ограничивавшие право выпаса скота на общинном поле, вырубку леса в общинном лесу, покоса травы на общинных лугах принадлежат к такому типу организаций. Различные типы прав наследования земли в частную собственность также относятся к такому типу регулирования.

Часто можно заметить, что Вебер дает необычную трактовку устоявшимся терминам. За примерами далеко ходить не надо. Что такое обмен? Обмен – социальный запрос или форма взаимодействия, в котором оба участника ожидают получить выгоду. В обмене каждый ищет то, что желает, и что другим способом он получить не может. Если передача из рук в руки того, что представляет интерес для каждого участника, санкционируется обществом и оформляется документом, то обмен принимает форму контракта, или договора. Договор в гражданском праве обозначает соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (заем, купля-продажа, подряд). Договор заключается в устной, письменной либо нотариальной форме. А вот как понимает обмен Вебер: «Все, что может быть взято из под контроля одного человека и помещено под контроль другого при условии, что первый согласен получить компенсацию, может служить объектом обмена» [5, р. 73]. По Веберу, обмениваться таким образом можно не только товарами и услугами, но гораздо более широким кругом благ, преимуществ и возможностей, разрешений.

«Условия обмена могут быть традиционными, частично традиционными, хотя и побуждаемыми конвенцией, а также рациональными. Примером конвенционального обмена служит обмен подарками между друзьями, героями, вождями, принцами... Рациональный обмен возможен только тогда, когда оба партнера надеются получить от него выгоду или когда один из них вынужден это сделать, побуждаемый собственными потребностями либо применением силы со стороны других людей... Обмен может служить целям потребления или приобретения в собственность. Он должен быть ориентирован на удовлетворение личных потребностей человека либо на получение прибыли. Первый случай очень разнообразен по формам проявления и в этом смысле иррационален» [5, р. 73].

Посредниками в экономическом обмене, если речь идет о рыночном обществе, выступают *деньги*, которые, пишет М. Вебер, «выбраны в качестве таковых за свою способность выражать какие-либо оценки, действительные в определенном горизонте времени, а также за их способность быть

утилизированными в другом обмене, где участвуют несколько товаров, согласно четко определенной процедуре ранжирования, независимо от того, идет ли речь обо всех товарах, которые, благодаря им, вступают в обмен, или только о специфических товарах. Вероятность того, что посредник обмена будет принят в определенной количественной пропорции в обмен на другие специфические товары, будет именоваться “субстантивной стоимостью” (“substantive validity”, *materiale Geltung*). А польза сама по себе будет называться “формальной стоимостью” (*formale Geltung*). Объект будет называться “средством платежа”, поскольку его принимают к платежу по специальной договоренности либо по навязанным обязательствам, гарантированным законом или контрактом...” [5, p. 75–76].

Если смотреть на деньги, как выражается Вебер, «с чисто технической точки зрения», то они представляют наиболее совершенное средство экономической калькуляции. «Иначе говоря, формально это наиболее рациональное средство ориентации экономической активности... Поскольку деньги являются целиком рациональным средством, денежные расчеты имеют следующие последствия» [6, p. 86].

Денежная калькуляция, подобно математике, становится неким универсальным языком, на котором можно выразить буквально все, что попадает в сферу делового предпринимательства и экономической деятельности, даже то, что раньше считалось неподдающимся никакому количественному выражению, например, построение портфеля заказов, краткосрочные и среднесрочные планы предприятия, оценка возможного риска, инвестирование в отдаленные проекты. Все это можно записать на языке цифр и выразить в деньгах. Этот язык понятен любому бизнесмену, значит он является интернациональным средством общения независимо от родного языка. На язык калькуляции можно перевести все принимаемые в экономике решения.

Рассмотрев исторические формы, в которых выражали себя деньги в самых разных обществах и в различные эпохи, например, в средневековой Европе, Китае, Вебер делает оговорку о том, что субстантивная теория денег в ее отношении к проблеме цен – это «область экономической социологии», которую он не намерен здесь обсуждать. А что касается социологических следствий из этой теории, то приходится констатировать, что деньги никогда не играли только формальную роль и потому их неправильно рассматривать только в качестве предмета экономической теории, деньги как средство платежей. Недостаток или переизбыток денег существовали во все времена и во всех обществах [5, p. 79].

Рынок и рыночная ситуация

Понятие рыночной ситуации проходит красной нитью не только через социологию экономического дей-

ствия Вебера, но также через его теорию социальной стратификации. Здесь помещен перевод веберовской статьи, касающейся описания теории статусных групп и классов. Передача оригинальной веберовской мысли, а не пересказ и комментарии, гораздо полнее способны передать букву и дух учения М. Вебера. Воспользуемся данным приемом и приведем обширный фрагмент из его главы и рынке.

«Рыночная ситуация» применима ко всем случаям, где созданы все возможности для обмена товаров на деньги по правилам, заранее известным участникам сделки, которые при этом ориентированы на конкурентную борьбу за цены. «Товарность» (“marketability”) описывает степень регулярности, с какой любой объект может выступать в роли предмета обмена на рынке. «Свобода рынка» указывает на степень автономии, которой наделены участники конкурентной борьбы за цены на рынке. Напротив, «регулирование рынка» описывает такое положение дел, при котором существуют серьезные ограничения, принимаемые якобы для поддержания порядка, сдерживающие либо потенциальную возможность какого-либо объекта выступать в роли предмета обмена, либо рыночную свободу действий участников.

Регулирование рынка может задаваться: (1) традиционно, т.е. благодаря длительному привыканию актора подчиняться издавна существующим ограничительным традициям; (2) конвенцией, т.е. через социальное неодобрение погоня за выгодой как рыночного поведения либо изъятие ряда объектов из свободного рыночного обмена и свободного действия механизма спроса и предложения, которое распространяется либо на все население, либо на отдельные группы граждан; (3) законом, т.е. благодаря законодательным ограничениям, налагаемым на обмен либо на свободу конкуренции, которым должны подчиняться либо все население, либо отдельные группы населения, либо отдельные категории товаров. Законодательное регулирование может принять форму регулирования цен, которое распространяется на все участвующие в рыночном обмене объекты, либо форму ограничения обладания, присвоения или передачи прав контроля над конкретной категорией товаров со стороны конкретной категории лиц. Примером служат многочисленные, законом установленные, монополии или законодательные ограничения на экономические действия (видимо, Вебер имеет в виду монополию государства на продажу алкогольных напитков в первом случае и запрещение занятия проституцией, как видом экономической деятельности, связанной с извлечением прибыли, во втором). (4) Добровольным действием, берущим свое начало в структуре интересов. В этом случае на рынок накладываются серьезные ограничения, хотя он остается формально свободным. Подобный тип регулирования появляется тогда, когда определенная группа

участников рыночного обмена оказываются, благодаря своему полному или частичному контролю над уже имеющейся или только еще зарождающейся возможностью получить выгоду, т.е. благодаря своей монополистической власти, в позиции, с которой можно влиять на рыночную ситуацию таким образом, чтобы реально уничтожить рыночную свободу других людей. В частности, они могут договориться между собой и с другими участниками обмена ради регулирования рыночных условий. Типичный пример – соглашение о рыночных квотах и картельные цены.

1. Разумно, хотя в этом нет особой необходимости, ограничить термин «рыночная ситуация» только случаями обмена денег, ибо лишь здесь возможно установить единообразные числовые принципы отношений между людьми. Однако даже там, где денежная экономика получила мощное развитие, не все виды товаров могли вступать в денежный обмен. Прежде всего это товары, не имеющие широкого хождения и потому не пользующиеся повышенным спросом. Например, сельскохозяйственные угодья и леса имели меньший рыночный спрос, т.е. меньшую товарность, нежели конечная продукция промышленности, особенно повседневного употребления, и средства производства, которые быстро изнашивались и могли поэтому использоваться только один раз либо те из них, которые быстро окупались.

2. Рациональность регулирования рынка исторически ассоциируется с ростом его формальной свободы и расширения степени конкурентоспособности товаров. Первоначальные способы рыночного регулирования широко варьировались, отчасти они были традиционными и магическими, отчасти были продиктованы характером родственных отношений, статусными привилегиями, военными потребностями, политикой повышения благосостояния народа. Но не в меньшей степени также интересами и требованиями высшего эшелона власти в организации. Но в любом из этих случаев доминирующие интересы первоначально не касались увеличения до максимума возможностей присвоения и экономического снабжения участников рыночных отношений; скорее они находились в конфликте с ними. «(1) Иногда результатом являлось исключение из сферы рыночного обмена – временно или навсегда – той или иной группы товаров. Если мы рассматриваем магические способы регулирования, то исключению подвергалось все, на что накладывалось табу. Если мы берем родственные отношения, то майоратное наследование земли, а если за точку отсчета взять социальный статус, то из рыночного оборота исключались феодальные поместья рыцарей. Во время голода запрещалось продавать зерно. В других случаях разрешалось продавать товары только или прежде всего родственникам, равным по статусу, членам своей гильдии или горожанам; либо продажа ограничивалась установлением

максимальной цены, как это бывало во время войн, или, наоборот, минимальной цены.

Так, в интересах поддержания «чести мундира» своей статусной группы чародеям, юристам и врачам не дозволялось опускать планку гонораров ниже определенного минимума. (2) Иногда определенные категории населения, например, дворяне, крестьяне, а порой и ремесленники исключались из сферы рыночной торговли, им запрещалось продавать либо все товары, либо некоторые их разновидности. (3) Иногда ограничениям подвергалась рыночная свобода покупателей, как в случае издания законов, регулирующих расходы тех или иных статусных групп, либо устанавливающих некие пропорции потребления, как это бывало в голодные или военные времена. (4) К другому типу относятся ограничения рыночной свободы потенциальных конкурентов в интересах укрепления рыночной позиции определенной группы людей, в частности, речь идет о представителях свободных профессий и членах гильдий. Наконец, (5) определенные экономические привилегии или возможности резервировались за лицами, наделенными политической властью (королевские монополии), либо за теми, кто имел специальную грамоту, ограждающую их от привилегий первых. Эта ситуация типичная для времени зарождения первых капиталистических монополий» [5, р. 82–84].

Приведенные Вебером пять позиций расположены вовсе не в случайном порядке. Они составляют своеобразную шкалу типов рыночного регулирования. Сам он выражается по этому поводу следующим образом: «из всех них пятый тип рыночного регулирования обладает наивысшей степенью «рыночной рациональности», а первый – самой низкой». Под «рациональностью мы будем понимать силу, которая двигает ориентацию экономической деятельности от слоя (страты) тех, кто заинтересован в купле-продаже товаров на рынке, к рыночной ситуации. Все другие типы регулирования размещены между ними в соответствии с тем, какое препятствие рационализации они оказывают» [5, р. 84]. Монополизация экономических условий, по Веберу, принимает несколько форм: (1) регулирование условий купли-продажи – типичный случай торговой монополии; (2) регулирование транспортных условий – случай железнодорожной и паровой монополии; (3) монополизация производства определенного типа продукции; (4) регулирование кредитования и финансирования предприятия. Названные типы регулирования представляют достаточно развитые, построенные на методической основе способы контролирования рыночной ситуации. Они принципиально отличаются от примитивных, иррациональных форм регулирования через прямой диктат и грубое насилие. Вебер относит их к «добровольной рыночной регуляции». Она начинается с того, что некая группа людей, достигших далеко идущей степени

контроля над экономическими ресурсами, занимает позицию, которая позволяет получить монополии, используя законы рыночной свободы.

Профессиональная стратификация

Составной частью социологии экономического действия М. Вебера надо считать экономическую и профессиональную стратификацию. Первая основана на распределении дохода и по существу идентичная социальной стратификации, основным элементом которой являются классы. Классовая и социально-экономическая стратификация Вебера изложена в Приложении. Здесь же уместно рассмотреть профессиональную стратификацию. Она излагается в параграфе 24 главы «Социологические категории экономического действия».

Понятие профессиональной структуры (если пользоваться устоявшимся в отечественной социологии термином), или структуры занятий (если придерживаться традиции, принятой в западноевропейских странах и США) лежит на стыке веберовской экономической социологии и социологии труда. Исходным в концепции профессиональной структуры выступает понятие профессиональной занятости. Термин «профессиональная занятость» он применяет к способу специализации, спецификации и комбинации функций, которые формируют для индивида базис, т.е. совокупность возможностей получать доход или заработную плату.

Распределение занятий достигается у Вебера следующими способами: 1) с помощью гетерономного назначения функций внутри организации – это несвободная дифференциация занятий, – либо через автономную ориентацию на рынок труда – это свободная дифференциация занятий; 2) ориентированное на экономическое, а не внутриорганизационное использование услуг со стороны субъектов занятий, происходящее на авто или гетерокефальной основе.

Вебер оговаривает, что две переменные – структура профессиональной дифференциации и возможности получения предпринимательского дохода – тесно связаны между собой. Оба понятия выводят социологию на такие категории, как «статусная» и «классовая» стратификация. Причем статус формируется на основе профессиональных занятий. Несвободная дифференциация занятий возникает там, где в организации существует принудительное назначение функций, например в примитивно-коммунистических организациях, при королевском дворе, в феодальном поместье. В связи с этим Вебер употребляет специальный термин «литургия», в древнегреческом полисе «литургия» означала государственную повинность, которую несли состоятельные граждане и метеки, например содержание участников гимнастических состязаний. Свободный тип распределения занятий возникает там, где существует успешная продажа (за хорошую цену

своих профессиональных услуг на рынке труда [5, р. 141].

Спецификация функций характерна для средневековых ремесленников, а специализация – для современной деловой организации. Как ни странно, отмечает Вебер, но распределение занятий в рыночной экономике в значительной мере подразумевает технически иррациональную спецификацию функций скорее, нежели рациональную специализацию. Причина – в ориентации экономики на рыночную конъюнктуру, следовательно, на интересы потребителей. Примером автокефальной профессиональной специализации служат так называемые «свободные профессии» – юристы, врачи, артисты. Напротив, фабричные рабочие и государственные служащие – это скорее гетерокефальные профессиональные позиции.

Структура профессиональных занятий какой-то одной социальной группы может достаточно широко варьироваться, в частности от того, насколько отчетливо определены и стабильны профессии, а это зависит от уровня развития стандартов потребления, техники производства, рыночной системы. В немалой степени на стабильность спроса на данную профессию влияет объем подготовки, требующийся для выполнения специализированных функций, возможности хорошо оплатить труд данной профессии.

Социолог, по мнению Вебера, должен основательно изучить типы образования и подготовки, тесно связанные с теми или иными типами статусной стратификации. Так, например, существует определенное множество функций, для выполнения которых требуется минимум подготовки, которые легко оплачивать сравнительно невысоким вознаграждением, и которые всегда остаются объектом постоянного и стабильного интереса для ищущих работу. Выбор профессии может основываться на традициях (семейные профессии), на целерациональных соображениях (например, величине заработка), а также на харизматических и аффективных критериях. Особая группа – критерии престижности профессии, когда выбирающий учитывает ее общественный статус.

Профессиональная специализация и характер занятости различны у социальных групп, владеющих собственностью и не владеющих ею. Одно дело собственник-капиталист, совмещающий предпринимательские и менеджерские функции, совсем другое – лишенный собственности рабочий. Характер занятости последнего зависит от случайных факторов – конъюнктуры на рынке труда, спроса на рабочую силу в данном регионе. Наемный рабочий никогда не может быть уверен, что завтра он найдет работу или не будет уволен с того предприятия, на котором он сейчас трудится.

В отличие от него работник в бюджетной экономике имеет как бы гарантированный заработок. Но его оплата, в этом можно быть уверенным, является компенсацией несвободного труда. Прини-

дительное распределение функций, куда он вовлечен независимо от своей воли, нередко пожизненно закрепляет его за какой-либо одной профессией. Его заработная плата – это аванс в счет будущего продукта труда, который он изготовит вскоре и который перейдет к хозяину, например лорду, в полную его собственность.

Хозяин субсидирует труд несвободного рабочего наравне с субсидированием вещественных средств труда, технологии и организации дела. Точно так же потребители субсидируют доход производителя в тех случаях, когда они, например, заранее покупают билеты на концерт, еще не прослушав его и не убедившись в хорошем качестве предоставляемого развлечения. Или вы заранее платите репетитору, готовящему вас к поступлению в вуз. Оплата его труда заранее авансируется вами и, каким бы ни было качество услуг, вы не вольны отказать, ибо уже оплатили свое будущее потребление.

В настоящей рыночной экономике оплата должна происходить после приобретения товара и после того, как потребитель убедится в хорошем качестве товара. Тот же репетитор может получить деньги только с тех, кто поступил в вуз. Это справедливо, так как оплата труда происходит здесь после потребления услуг, а их высокое качество доказано успешной сдачей конкурсных экзаменов. Несомненно, перед нами случай рискованного предпринимательства, а не бюджетной экономики. И хотя Вебер не рассматривает такие случаи (с репетитором), но логика его рассуждений не противоречит сделанным нами выводам.

Тонкие механизмы присвоения и отчуждения в бюджетной экономике Вебер рассматривает на примере домашнего (семейного) хозяйства. Если рабочий отчужден от предмета труда, когда сырье ему поставляет, например, помещик, он автоматически будет отчужден и от контроля над конечным продуктом своего труда. Рабочий (крепостной или полукрепостной крестьянин) в условиях домашней промышленности, т.е. выполняющий трудовые процессы у себя на дому, сохраняет контроль чаще всего только над промежуточным продуктом – полуфабрикатом.

Он может продавать его или покупать (для выполнения последующих трудовых операций) либо у странствующих купцов, либо у таких же, как он, рабочих, так же специализирующихся на изготовлении частичного продукта. Весь производственный цикл разбит на этапы и операции, а каждая операция выполняется в отдельном крестьянском доме. Чтобы их соединить в одно целое, нужны посредники, которых лишь условно можно назвать потребителями.

Они приобретают полуфабрикат с целью его перепродажи таким же рабочим, но по более высокой цене. Каждый частичный рабочий, если речь идет о домашней промышленности, является, как правило, собственником примитивных средств

производства (ручных инструментов, небольших ветряных или паровых движков), но не собственником ни предметов труда, ни продуктов труда, ни своей рабочей силы. Не изготовляя продукцию на рынок, он не выходит за рамки бюджетной экономики и получает не прибыль как плату за рискованное предпринимательство, а гарантированную зарплату.

Вознаграждение здесь не претерпевает колебаний, оно стабильно, но такая стабильность, во-первых, закрепляется чуть ли не на уровне прожиточного минимума, во-вторых, зависит от субъективного произвола собственника (лорда, помещика), а не от объективных факторов рыночной экономики. Противоположностью этому типу является труд свободного ремесленника или мелкого крестьянина, владеющего всеми средствами производства и работающего на рынок.

Другую разновидность профессиональной занятости составляет так называемый случайный предпринимательский труд, например мелких арендаторов, нанимающих участок только на определенный сезон, допустим, для сбора винограда или лука. Мигрирующие рабочие являются собственниками (временными) предметов труда (сырья), а также продукта труда (урожая), который принадлежит им же.

Кроме указанных типов в структуру профессиональной специализации без постоянной занятости входят: 1) небольшие фабрики, перерабатывающие сырье (например, уголь), которое принадлежит другому собственнику (землевладельцу), либо фабрики, работающие по контракту с внешним предпринимателем, который сохраняет за собой контроль над продажами и другими коммерческими операциями; 2) особая разновидность домашней промышленности, когда небольшая группа формально свободных ремесленников, не имеющая первоначального капитала, выполняет некоторые промежуточные работы для хозяйства лорда, но подчиняется не ему, а монополизировавшей рынок группе купцов, которые и покупают их продукты [5, р. 143].

К этому же типу принадлежат различного рода спекуляции товарами, землей и т.п., спекуляции на бирже (рантье), случайные публикации непрофессиональных авторов и возникшая недавно «вспомогательная занятость». Все эти категории Вебер называет «случайные стяжательные действия». Их характерная черта, говорит он, фундаментальная нестабильность. Индивид переходит от одного вида занятия к другому, от одной «случайной» прибыльной деятельности к другой, «кочует» между нормальным узаконенным заработком и нищенством, воровством.

Существование подобных видов занятости обусловлено наличием в обществе, с одной стороны, источников благотворительности, с другой – карательных институтов. Стяжательные действия могут происходить при помощи силы либо уголовно

наказуемых деяний. В этих случаях надо говорить о насилии над правами других или правовым порядком, а формой выражения такого насилия является мошенничество, обман. Подобного рода действия выходят за рамки собственно экономической деятельности [5, p. 144].

Формальная и субстантивная рациональность

Углубляя тему рыночного обмена, М. Вебер подробно рассматривает его внутренние составляющие, прежде всего посредников, в роли которых материальные объекты, предлагаемые к обмену. Они, пишет Вебер, «будут называться “посредниками обмена”, ибо выбраны в качестве таковых за свою способность выражать какие-либо оценки, действительные в определенном горизонте времени, а также за их способность быть утилизированными в другом обмене, где участвуют несколько товаров, согласно четко определенной процедуре ранжирования, независимо от того, идет ли речь обо всех товарах, которые благодаря им вступают в обмен, или только о специфических товарах. Вероятность того, что посредник обмена будет принят в определенной количественной пропорции в обмен на другие специфические товары, будет именоваться “субстантивной стоимостью” (“substantive validity”, *materiale Geltung*). А польза сама по себе будет называться “формальной стоимостью” (*formale Geltung*). Объект будет называться “средством платежа”, поскольку его принимают к платежу по специальной договоренности либо по навязанному обязательству, гарантированному законом или контрактом...” [5, p. 75–76].

Дальше Вебер подробно рассматривает технические детали денежной экономики, вводя некоторые малоупотребительные в Европе (по замечанию комментаторов) термины и выражения типа «чартальные» средства обмена (в английском языке даже не нашлось такого термина), легальная (формальная) стоимость средств обмена, «международные» средства обмена, «текущие деньги», «монетарная шкала стоимости», «коэффициент обмена» для рыночного типа денег, финансовые операции, монетарная система, деноминация и т.п. Вебер говорит о ситуациях, когда деньги напрямую используются как средство обмена либо для целей социального престижа, деньги также различаются в зависимости от того, используются они как средства внутреннего или внешнего обмена. Деньги могут быть в виде бумажных банкнот и в виде монет. Вторые могут быть «свободными», когда они обращаются на рынке, и «связанными» («административными») деньгами, если органы управления в данной организации, а ей может быть государство, проводят фискальную политику и используют их как им заблагорассудится. Их следует назвать «регулируемыми» деньгами, если степень и объем их «связанности» регулируются формальными правилами.

Достаточно подробно Вебер рассматривает различные виды бумажных денег – от банкнот до сертификатов. Складывается впечатление, что свои дефиниции он черпал из учебников политической экономии, но добавлял к ним специфически свое, в результате «аналитической чистки» прежде неясные и туманные определения засверкали точностью и познавательной мощью. Конечно, социологическими категориями многочисленные экономические термины, касающиеся, в частности, типов и видов денежных единиц, назвать социологическими в принятом сегодня смысле невозможно. Но Вебер идет на такой шаг, ибо все, о чем он говорит, помещено в главе «Социологические категории экономического действия». Это и неудивительно, так как некоторые категории, в частности, неперебиваемые на другие языки «чартальные» деньги, он позаимствовал у современного ему экономиста Г. Кнаппа [5, p. 79]. Возможно, что вместе с ними Вебер позаимствовал и ряд предубеждений, которые были свойственны живущим с ним в одно время экономистам и которые позднее были исправлены, преодолены или вовсе исчезли из научного обихода. Так, например, как отмечает Т. Парсонс, Вебер разделял общий с современниками (включая и лидеров большевистской России) предубеждение, будто при «социализме» и «коммунизме» должны навсегда исчезнуть деньги и монетарные категории (денежная цена, денежные выплаты и т.п.). В действительности же, все они использовались в коммунистических странах даже при почти полном отсутствии рынка [5, p. 207]. Книгу Г. Кнаппа, посвященную описанию теории денег, М. Вебер тут же называет превосходной с формальной точки зрения [5, p. 78]. Правда, многие важные моменты в ней упущены, поэтому Вебер взял на себя труд систематизировать термины и понятия, связанные с социологическими категориями экономического действия, в частности, категорией денег.

Рассмотрев исторические формы, в которых выражали себя деньги в самых разных обществах и в различные эпохи, например, в средневековой Европе, Китае, Вебер делает оговорку о том, что субстантивная теория денег в ее отношении к проблеме цен – это «область экономической социологии», которую он не намерен здесь обсуждать. А что касается социологических следствий из этой теории, то приходится констатировать, что деньги никогда не играли только формальную роль и потому их неправильно рассматривать только в качестве предмета экономической теории, деньги как средство платежей. Недостаток или переизбыток денег существовали во все времена и во всех обществах [5, p. 79].

Термин «формальная рациональность экономического действия» используется у М. Вебера для обозначения степени количественной калькуляции или расчетов, которые технически возможно осуществить и которыми можно воспользоваться

ся на практике. «Субстантивная рациональность» (“substantive rationality”), с другой стороны, указывает на степень, с какой «распоряжение товарами со стороны определенной группы людей (независимо от того, как определены ее границы) задано экономически ориентированным социальным действием при некоторых критериях (прошлое, настоящее или предполагаемое будущее), детерминированных конечными целями, независимо от того, какова их природа» [5, р. 85]. Далее рассматриваются та и другая формы «рациональности».

Согласно Веберу, система экономической деятельности может быть названа «формально» рациональной в зависимости от степени, с какой процесс удовлетворения естественных для всякой рационально устроенной экономики потребностей поддается выражению в цифровых, рассчитываемых, т.е. калькулируемых терминах. В первом приближении вовсе не важна техническая форма, какую принимает эта калькуляция, т.е. выражает она себя в денежной или натуральной форме. Разница между ними та, что деньги выражают наивысшую степень формальной калькуляции, а натуральная оплата нет.

Понятие «субстантивная рациональность», в отличие от «формальной», полно неясностей. Оно указывает лишь на то, что тот, кто берется анализировать ее, не должен ограничиваться формальной стороной дела, например, утверждать, что данное действие относится к «целеориентированному». Этого мало. Надо идти дальше, туда, где лежат конечные цели, а именно этические, политические, утилитарные, гедонистические, феодальные, эгалитарные критерии. Если «формальная рациональность» можно представить одной шкалой, которая по существу является технической, или расчетно-технической, ибо учитывается количественная мера явлений, то «субстантивная рациональность», согласно Веберу, может выражаться многими шкалами. Он даже говорит о «неопределенном числе возможных ценностных шкал для этого типа рациональности, среди которых социалистические и коммунистические стандарты конституируют только одну группу» [5, р. 86]. На этой шкале различимы такие ценностные критерии, влияющие на принятие управленческих решений, ориентацию экономической системы в целом и на ориентацию экономических действий отдельных индивидов, как равенство и социальная справедливость. А по соседству на той же шкале разместились критерии статусных различий, способности к власти, политическое единство. «Все они, как и многие другие, наполнены “субстантивным” содержанием» [5, р. 86].

Хотя учет «субстантивных» моментов рациональности, по существу, выводит нас за рамки экономического действия, предупреждает Вебер, оно необходимо в том случае, если мы собираемся анализировать дух экономической деятельности. Только в этом случае нам могут понадобиться

эстетические, аскетические и этические критерии. За рамками технического, т.е. «чисто формального» рассмотрения экономического действия находится собственно социология. Но социология в том своем виде, в каком она предстает нынешнему поколению европейцев. М. Вебер понимал ее, видимо, иначе. Поэтому он тут же оговаривается, что вовсе не собирается покидать пределы «формальной рациональности» и даже приравнивает к ней «субстантивную рациональность». Буквально он заявляет следующее: «В данном контексте понятие “субстантивная” является в определенном смысле “формальной”, т.е. выступает абстрактным, общеродовым понятием» [5, р. 86]. Почему Вебер сделал шаг назад в чистую экономику? Почему он «испугался» сделать шаг в сторону социологии? Дело в том, что область этических и эстетических критериев, с его точки зрения, оставалась в значительной мере еще областью оценочных суждений. А с ними социологии не по пути. Хотя и областью ценностей эта сфера является с равным правом. Но, возможно, у Вебера пока что не нашлось надежных инструментов отделить одно от другого.

Экономический отбор: от «этики убеждения» к «этике ответственности»

Чрезвычайно важную роль в социологии Вебера играет понятие экономического отбора, которое тесно связано с его учением о капитализме. Теория происхождения или генезиса капитализма Вебера описывает смену различных типов общества, их восхождение по лестнице рациональности и капитализации. Чем ближе к нашим дням расположено общество на шкале исторического времени, тем интенсивнее в нем выражены оба признака. Капитализм пробовал свои силы в Вавилоне, Китае, Индии, средневековой Европе, но окончательно утвердился лишь в Западной Европе нового времени. С точки зрения исторической типологии (и только с этой точки зрения), различные типы обществ представляют собой лишь приближение к рациональному идеалу капитализма: в каждом из них выражены те или иные признаки, в большей или меньшей степени, но ни в одном они не собраны вместе. Для полномасштабного капиталистического эксперимента история выбрала западную Европу, так как именно она обладала всеми необходимыми талантами: трудолюбивым и бережливым народом, особой религиозной этикой (духом капитализма), всесторонними институциональными предпосылками. Оказывается, не каждая страна подходила на такую роль, не любое сочетание задатков годилось: неудачные образцы история отбраковывала.

Точно также жизнь отбраковывает людей, не усвоивших дух капитализма и не научившихся трудиться по-капиталистически. Субъективная усвоение капиталистической культуры, новой трудовой этики со стороны предпринимателей и ра-

бочих, говорит Вебер, «является *сегодня* необходимым условием дальнейшего существования капитализма» [1, с. 76]. Вебер не случайно выделяет слово «сегодня». Речь идет не о генезисе капитализма, где отбирались и сортировались целые общества, а о состоявшемся, готовом капитализме, для жизни в котором сортируются, и отбираются отдельные индивиды и социальные группы. Современный капитализм, настаивает Вебер, это чудовищный космос, в который человек погружен с момента своего рождения и правило которого, придуманные до него и без него, он вынужден принимать. Заброшенный в сложное переплетение рыночных отношений, он вынужден подчиняться нормам капиталистического поведения. А что происходит с теми, кто не принимает правила игры? Они выпадают из игры: «фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним. Таким образом, капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и создает необходимых ему хозяйственных субъектов – предпринимателей и рабочих – посредством экономического отбора» [1, с. 76–77].

Так Вебер вводит в научный оборот понятие, которое должно было бы сыграть важнейшую роль в современной экономической социологии. Но оно ее не сыграло. Почему? В современной западной социологии обходятся иным понятием «социализация», при помощи которого описывают воспитание, научение, усвоение индивидом социальных ролей, норм и ценностей своего общества. В том числе и экономических. Ни Н. Смелзер, ни другие теоретики экономической социологии не увидели пользы в веберовском понятии для объяснения происходящих в их постиндустриальном обществе процессов. Может быть, так оно и должно быть, ведь Вебер писал об существе, только еще вступающем на широкий путь индустриализации. Хотя он упоминает готовый, состоявшийся капитализм, речь идет о некоем переходном этапе от раннего к зрелому капитализму. Аргументом служит тот факт, что экономический отбор затрагивает *остаточные социальные группы*, унаследованные от предшествующих укладов. Именно их должен устранить как препятствие на своем пути вступающий в пору расцвета капитализм. Однако понятие «социализация» касается индивида, а не группы.

Вебер поясняет мысль о границах применения понятия «отбор» в сфере жизненного уклада людей и их отношения к профессии, чтобы определенный вид поведения и мировоззрения одержал победу над другими, новые ценности и нормы должны утвердиться не изолированных друг от друга личностей, а у больших групп людей [1, с. 77]. В экономическом отборе, таким образом, участвуют социальные группы с противополож-

ными укладами жизни, социальными позициями, политическими интересами и пристрастиями. Они борются за новое, другие отстаивают старое. Подобное противоборство совершенно отсутствует в постиндустриальном обществе, но оно присутствует там, где общество переходит от социалистического уклада жизни к капиталистическому, где не закончен процесс индустриализации, где живы носители традиционного, исторически отжившего уклада. Таким обществам является Россия рубежа XXI в. И к ней, конечно же, применимо скорее веберовское понятие экономического отбора, учитывающего всю степень социального напряжения, кризисности общества, нежели современное понятие «социализация», описывающее стабильное, процветающее общество. Применяя его к анализу российской действительности, социолог должен выяснить: какие социальные группы (старики, инвалиды, дети) совершенно выпадают из процесса капитализации по объективным условиям? Какие социальные группы (бывшие партработники, коммунисты или кто-то еще) субъективно не участвуют в этом процессе, не хотят этого делать и активно сопротивляются? Какие социальные группы временно и по объективным причинам выпали из процесса капитализации, но при благоприятных условиях субъективно готовы в него включиться, например, безработные? Какие социальные группы временно и по объективным причинам выпали из процесса капитализации, но при благоприятных условиях субъективно готовы в него включиться, например, безработные? Какие социальные группы активно включились и воспринимают капитализм как «свою» систему ценностей? Какие группы включились в него только по видимости, замаскировались и готовы, при изменении обстановки, вернуться к старому укладу?

На эти и другие вопросы способен ответить только социолог-эмпирик. Он изучает конкретную расстановку сил в стране на определенный период. Сравнивая данные по различным периодам, можно выстроить динамику исторического продвижения России по капиталистическому пути, взяв за основу методологию Вебера. М. Вебер отдавал себе отчет в том, что нарисованная им картина протестантской трудовой этики и ее влияние на зарождение капитализма – это всего лишь историческая реконструкция того, что было на самом деле. Но реконструкция сознательная, принятая им на основе его же методологии «идеальных типов». Эмпирическая реальность может и не соответствовать тому идеальному типу протестантизма, который изобразил Вебер. В частности, с критикой веберовской версии выступили сами протестантские теологи, считая, что он серьезно искажил суть дела [2, с. 294]. По мнению Г. Робертсона, движущей силой капитализма был католицизм, а согласно теории Л. Брентано, таковой выступали политические идеи [3, с. 43–44].

У Вебера мерой свободы выступает не столько мера усвоения или подчинения индивида религиозным ценностям, сколько мера рациональности его действий. Человек свободен, когда его действия рациональны, т.е. когда он ясно осознает преследуемую цель и сознательно выбирает наиболее подходящие для этого средства. Однако рациональность, по мнению советских историков, у Вебера не имела онтологической значимости [2, с. 293]. Она служила методологическим средством классификации и сравнения нескольких исторических явлений по степени нарастания или убывания рациональности. Все религиозные системы от наименее рациональных (первобытная магия) Вебер расположил в порядке возрастания к конфуцианству («средний» уровень) и христианству, особенно протестантизм как наиболее рациональному типу. Стало быть, именно в протестантизме человек ведет себя, в наибольшей мере руководствуясь сознательно выбранными, в частности экономическими, мотивами.

Возрастание степени активности у Вебера соответствует переходу от «этики убеждения» к «этике ответственности». Эра капитализма и протестантизма соответствует «этике ответственности», которая предполагает трезвую оценку ситуации, жестко рациональную формулировку альтернативных возможностей и последовательную реализацию выбранной цели. Личная ответственность за собственные поступки – это квинтэссенция целерационального действия. Если индивид сознательно выбирает цель и поступает в соответствии с ней, то он обязан нести личную ответственность за каждое свое действие. Конечно, мало провозгласить принцип ответственности. Обществу необходимо закрепить его а) этически и религиозно, что и сделал протестантизм; б) юридически и политически, что означает господство гражданского общества, сильного и эффективного правового порядка (легального господства), а также парламентарной демократии во главе с политическим лидером; в) экономически, т.е. посредством рационально организованного хозяйства, в котором конкуренция и соперничество групп сдерживается легальным порядком и нормами.

Напротив, «этика убеждений» характеризует традиционное и аффективное поведение; они чаще всего неподвластны категориям «цели» и «средства», не ориентированы на рациональные экономические ценности, поэтому подвержены принуждению или убеждению. Трудовая деятельность, если она протекает в системе преимущественно традиционного и аффективного поведения, не может основываться на «этике ответственности», ибо она, как и само человеческое поведение, несвободны. Труд здесь не является внутренне мотивированным, не следует логике интересов, а задается и определяется извне. Но за то, что навязывается индивиду, он, естественно, не может нести никакой ответственности.

Присвоение и отчуждение

Наиболее полно социологическую точку зрения на капитализм выразил Макс Вебер в своей книге «Экономика и общество» [5]. Важную роль в ней играют понятия присвоения и отчуждения. Объектом присвоения в концепции капитализма М. Вебера выступают средства производства, рабочая сила, получаемый доход, власть, а также возможность получить прибыль благодаря управленческим функциям. Присвоение – это одна из существеннейших характеристик социальной организации, рационально организованных экономических действий и групп. В самом деле, неравенство, господство и подчинение возможны там, где средства существования, одинаково доступны всем, присваиваются или узурпируются одним индивидом или отдельной группой. Там, где существует присвоение – насильственное или узаконенное, кратковременное или постоянное, – формируются иерархия отношений, монополия на источники власти, одностороннее использование выгод (экономических, социальных), неравное владение и доступ к орудиям труда и т.п., там возникают очаги социального напряжения и, следовательно, необходимость в механизмах их легального, протекающего в рамках закона, регулирования. Категория «присвоение» играет у Вебера одну из ключевых ролей. Так, например, право можно определить как совокупность обязательных норм поведения, санкционированных государством. А можно поступить иначе и определить «права» так, как сделал Вебер, т.е. как присвоенные преимущества. Это уже чисто социологическое, а не юридическое понимание права.

Преимущества можно истолковать как социальные или экономические блага, открывающие доступ к чему-то, что всегда в дефиците, что потенциально несет в себе элементы будущего превосходства и неравенства. За преимущества всегда идет борьба между отдельными индивидами, группами, классами, партиями. Социальная группа, добившаяся для себя каких-то преимуществ, т.е. победившая в соперничестве или конкурентной борьбе, устанавливает монополию на владение благами. Наилучшей формой легального, узаконенного владения этими преимуществами является власть. Она гарантирует сохранение преимущественной позиции, занятой группой, через особые институты и механизмы, которые обязательно должны быть закреплены юридически. Такое закрепление и позволяет считать владение преимуществами мирным процессом (в противоположность военному захвату власти). Права как «присвоенные преимущества» могут передаваться по наследству или по договору (право собственности на имущество) другим лицам. В последнем случае держатель (субъект) права, т.е. собственник, добровольно отчуждает присвоенные преимущества в пользу другого лица. Так возникают *наследственное присвоение и отчуждаемое присвоение*.

Когда право на использование рабочей силы присвоено, то услуги могут 1) передаваться отдельному лицу (сеньору) или организации; 2) быть проданы на рынке. В обоих случаях, полагает Вебер, имеют место четыре следующих варианта.

А. Монопольное присвоение возможности распоряжаться рабочей силой и услугами исключительно самим рабочим – случай ремесленно организованного свободного труда. Присвоенные права могут быть унаследованными, но отчуждаемыми. Если они отчуждаются в пользу отдельного лица (лорда) или организации, то перед нами индийская община ремесленников, если же через рынок, то – деперсонализированные (не принадлежащие личности) права ремесленника в средневековой Европе. Присвоенные права могут быть в строгом смысле персональными (личными) и неотчуждаемыми или, наконец, унаследованными, но неотчуждаемыми.

Б. Права по использованию рабочей силы и услуг присвоены собственником рабочего – это несвободный труд. Право владеть рабочим как своим имуществом может быть и унаследованным, и отчуждаемым – это случай рабства в чистом виде. Право может быть унаследованным, но объект владения не может отчуждаться свободно, а лишь вместе со средствами производства, например землей. Примером служит крепостной крестьянин. Присвоение его труда помещиком (лордом) ограничено весьма серьезными обстоятельствами, последний не может бесконтрольно распоряжаться личностью крестьянина. Крестьянин, правда, тоже не способен изменить свой социальный статус по собственной воле, но никто, однако, не может и отобрать имеющий статус самовольно.

Крепостные крестьяне как разновидность несвободного труда могут использоваться не только в натуральном хозяйстве, что вполне естественно, но и для целей бизнеса. Примером служит домашняя промышленность в поместье лорда. В этом случае домашние фабрики работают на сырье, например на льне, доставленным лордом либо произведенном на других фабриках. Несвободный крестьянин, а в домашней промышленности крепостной рабочий, обязан платить лорду натуральной продукцией, а последний волен продавать ее на рынке уже за деньги. Для России, говорит М. Вебер, ссылаясь при этом на книгу М.И. Туган-Барановского «История русской фабрики» [4] (переведена в Берлине в 1900 г.), крепостные фабрики характерны и сейчас. Действительно, в конце XIX в. в России сохранялись по крайней мере две главные формы домашней промышленности: крестьянские светелки, т.е. избы-цехи и фабрики в барской усадьбе.

В. Совсем иной тип представляет отсутствие всякого присвоения – это формально свободный труд, когда трудовые отношения оформляются контрактом и обе договаривающиеся стороны свободны в своем выборе. Причем и в этом случае

организация свободного труда может принимать самые разные формы: постоянно или временно свободный труд, в бюджетной или рыночной экономике.

Г. Четвертый тип – присвоение права распоряжаться рабочей силой со стороны организации. Этот тип представлен закрытыми профессиональными группировками типа профессиональных каст и цехов в средневековье, тред-юнионами и рабочими советами в Новое время. Любая форма присвоения трудовых услуг организацией самих рабочих либо работодателем в условиях свободного предпринимательства, считает Вебер, ограничивает свободное передвижение рабочей силы. Это означает, что выбор новичков на рынке труда зависит не только от технической компетенции рабочего, как это должно быть, но и от чего-то еще. Примером является требование профсоюзов к предпринимателям трудоустраивать в первую очередь тех, кто принадлежит к этой организации. В противном случае профсоюзы могут вызвать ряд забастовок и наказать работодателя. Хотя сам Вебер не упоминает такие случаи, но они встречались в практике американских профсоюзов конца XIX – начала XX в. Ряд американских тред-юнионов действительно превратились в замкнутые касты, принимающие в свои ряды только высококвалифицированных рабочих, ограничивая доступ извне с помощью высоких вступительных взносов и добиваясь всевозможных улучшений исключительно для «своих».

Ограничения формальной рационализации

Такого рода ограничения М. Вебер называет ограничениями формальной рационализации экономической деятельности. Но присвоение трудовых услуг (занятий) может иметь своим следствием и материальные ограничения на техническую рациональность. Это происходит, когда собственник присваивает право использовать (эксплуатировать) продукты труда, ради получения прибыли с помощью сознательного ограничения (restriction) трудовых усилий либо через традиции, либо по договоренности (контракту). Такое ограничение может принять крайнюю форму полного запрета деятельности. Так поступает рабовладелец со своим рабом, в полной собственности которого последний находится. В этих случаях интересы работника в оптимальном использовании своей трудовой активности, своих усилий редуцируются собственником рабочей силы к некоему минимуму.

Иная ситуация складывается, когда собственником на производственный продукт выступают сами рабочие. В этом случае интересы рабочего сохранить традиционный образ жизни, пишет Вебер, вступают в противоречие со стремлением работодателя поддерживать технически оптимальный и достаточно высокий темп труда. Если такое противоречие не разрешается к обоюдному согла-

сию и рабочий продолжает трудиться не очень интенсивно, работодатель заменяет живой труд механизированным. Эта форма присвоения (субъектом присвоения выступает рабочий) означает для работника практически полное отделение его от управления.

Право на присвоение занятия и трудовых услуг самим рабочим и отчуждение этих прав в пользу собственника М. Вебер называет двумя противоположными формами присвоения, которые, как бы удивительно это ни показалось, на практике ведут к одним и тем же результатам. Но это происходит лишь в том случае, когда под рабочим мы будем понимать не конкретного индивида, а совокупность рабочего, в частности профессиональную организацию. Тогда, действительно, обе формы владения трудом или услугами человека – со стороны собственника и со стороны трудовой организации, допустим, касты ремесленников, – окажутся тождественными, сходными. Ведь и цеховая организация ремесленников, и частный собственник в равной мере ограничивают некоторые свободы и права рядового рабочего. Американские профсоюзы во времена Ф. Тейлора существенно ограничивали норму выработки на достаточно низком уровне с тем, чтобы поддерживать зарплату членов профсоюза на приемлемом уровне и одновременно противостоять попыткам предпринимателей снизить расценки. И хотя передовых рабочих, способных производить гораздо больше, почасовые нормы профсоюза не устраивали, если эти рабочие стремились как следует подзаработать, они ничего не могли поделать. У них была одна возможность – не подчиниться требованиям профсоюза, выйти из его состава и тем самым лишиться его поддержки, либо соблюдать установленные нормы, получать по минимуму или не выше среднего и остаться тем самым в рамках традиционного образа жизни, как выражается Вебер.

М. Вебер не упоминает практику американских профсоюзов, он приводит в качестве примера закрытой (корпоративный) организации рабочих феодально-поместную ассоциацию полусвободных крестьян и ремесленников. Эксплуатация (использование) труда в таких случаях в значительной степени стереотипизирована. Следствием рестрикционизма является у Вебера падение внутренней заинтересованности рабочего в конечных результатах, с одной стороны, и сопротивление рабочих любым техническим нововведениям – с другой. Разумеется, и сам собственник попадает в ловушку несовершенной системы экономических отношений. Она ему не выгодна потому, что он вынужден пользоваться некачественной рабочей силой. У него нет выбора в противоположность современному управляющему на фабрике, считает Вебер, который может подбирать на рынке труда рабочую силу в соответствии с требованиями технической компетенции. В условиях же традиционной экономики или при рабовладении

любая попытка собственника извлечь максимум из трудовой активности работника наталкивается на непреодолимое сопротивление традиционных институтов. Не имея возможности манипулировать рабочим с помощью экономических методов и скованный юридическими законами рабовладельческого общества, такой собственник, дабы получить максимум производительности, вынужден прибегать к безжалостной эксплуатации. Но последняя вовсе не безопасна для интересов собственника, ибо способна подорвать традиционный базис его авторитета. Универсальная тенденция таких экономических систем – постепенное ограничение выработки, тенденция к рестрикционизму.

Вплоть до недавнего времени, считает Вебер, подобная тенденция была присуща восточной Европе, где технический уровень производства тормозился полным отсутствием заинтересованности рабочих в своем труде и недостатком ориентированных на предпринимательский риск собственников. В эпоху средневековья сходные явления были присущи и западной Европе. Правда, субъектом присвоения здесь выступали не собственники, а организации самих рабочих. Но монопольным правом ограничения выработки они владели только в раннем средневековье. Позже ситуация стала напоминать ту, что характерна для восточной Европы. Причины диктата рабочих организаций, например, в сельском хозяйстве и угольной промышленности, в ранние периоды Вебер видит в следующем. Во-первых, свободный переход рабочих от одного работодателя к другому, которые при дефиците рабочих рук в разной мере соревновались за кадры, например, повышая оклады. Во-вторых, существование неосвоенных земель, рудников и местных рынков. Классический пример – гильдия английских шахтеров и рудокопов, которые в состоянии были выбивать у работодателей более высокие ставки и контролировать норму выработки, не позволяя ей подниматься очень высоко. Рост городов в Англии также способствовал переходу крестьян к занятию ремеслами, отказу платить оброк своему бывшему хозяину. Так возникал очень разнообразный, дифференцированный рынок труда для предпринимателей. В таких условиях эксплуатация труда не могла основываться на прямом принуждении или монопольном присвоении. Она управлялась и регулировалась свободным рынком.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
2. История буржуазной социологии XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1979.
3. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М.: Прогресс, 1968.

4. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. – М., 1907.
5. Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology. – Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1.
6. Weber M. Economy and Society. Berkeley. 1978. Vol. 1.

BASIC CATEGORIES OF ECONOMIC SOCIOLOGY BY MAX WEBER

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

We continue to analyze the main categories of economic sociology of the great German thinker. Analyzing the question of the relationship between the economy and other spheres – politics, religion, law – M. Weber came to the need to deal with sociology especially, considering it mainly as a sociology of economic behavior of people, or economic sociology. Economic action belongs to the general class of rational behavior and is such if it is focused on obtaining benefits. It is a peaceful (as opposed to military, for example, violent seizure) way of controlling an individual's resources (means) with which he intends to achieve his goals. Economic processes and ob-

jects (enterprise, raw materials, market) in relation to economic action act as ends, means, obstacles or results. In a narrower form, economic action includes operations in the field of modern business entrepreneurship aimed at making a profit. Specific historical analysis of the types of economic action led Weber to the division and specialization of labor, alienating the worker from the product and means of labor, types of state and subordination, the mechanism of administration and bureaucratic power in the organization, the relationship between the entrepreneur and workers.

Keywords: market situation, professional stratification, formal and substantive rationality, economic selection, appropriation and alienation.

References

1. Weber M. Selected Works. – Moscow: Progress, 1990.
2. History of Bourgeois Sociology of the 19th – Early 20th Century. – Moscow: Nauka, 1979.
3. Seligman B. Main Currents of Modern Economic Thought. – Moscow: Progress, 1968.
4. Tugan-Baranovsky M. Russian Factory in the Past and Present. Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century. – Moscow, 1907.
5. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. – Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1.
6. Weber M. Economy and Society. Berkeley. 1978. Vol. 1.

Многополярность как структурное изменение современного мира

Хохлова Ольга Михайловна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: olgamikhaylovna@bk.ru

Катунцева Анастасия Вячеславовна,

магистрант Института социальных наук Иркутского государственного университета

Авторы рассматривают происходящие в современной действительности структурные изменения в мире, изменяющие его полярность. В условиях происходящих структурных изменениях многополярность представляет собой уникальный феномен, позволяющий объяснить происходящие в мире события. Авторы считают, что необходим единый подход к пониманию феномена многополярности. Дается также оценка процесса осуществления перехода однополярной мировой системы к многополярной. Многополярность будет способствовать сохранению суверенитета государств, их целостности, социокультурной идентичности, возможности гармонично развиваться в соответствии со своими традициями без вмешательства других государств. Мировое устройство в современных реалиях нуждается в новой модели, основанной на принципе многополярности, суть которой заключается в свободном и равноправном сотрудничестве между странами.

Ключевые слова: современный мир, полярность, биполярность, многополярность, многополярный мир, структурные изменения, центры силы, эволюция мирового развития, международные отношения.

В новом дипломатическом словаре термин «многополярность», зачастую используется и как «многополюсность», обозначающая геополитическую концепцию, предполагающую наличие нескольких центров силы (экономических, военно-политических, культурных) в системе международных отношений, что исключает как появление гегемона, так и конкуренцию двух крупнейших центров и способствует демократизации международной системы [1].

Анализируя теорию международных отношений, стоит отметить, что, до сих пор не выработан единый подход в понимании многополярности [11, с. 436].

Концепция многополярного мира представляет собой альтернативу однополярному или однополюсному, потому, что представляет собой несколько независимых, суверенных центров, способных и принимающих стратегические решения на глобальном уровне. Эти центры или центры силы, как часто их именуют, должны быть достаточно оснащены и независимы в материальном отношении, чтобы иметь возможность отстоять свою самостоятельность, и не признавать универсализм западных политических нормативов и ценностей [3].

В современных условиях все больше разгорается интерес большинства стран мирового сообщества к проблематике формирования многополярного мира. Заявляющие о себе, новые центры мирового развития стараются найти в многополярности возможность сохранения своего суверенитета, целостности, социокультурной идентичности, возможность без вмешательства извне гармонично развиваться в соответствии со своими традициями, опираясь на национальные интересы и приоритеты [2, с. 54–62].

Для современного мира характерны присущие ему постоянно происходящие структурные изменения, влияющие на полярность, и оказывающие на нее самое прямое воздействие. Политическая действительность в реальном своем проявлении насыщена большим количеством угроз, конфликтов и войн, приводящим мировую систему к нестабильности и несбалансированности. Изменения, происходящие в мировой системе, в свою очередь, изменяют и все международные институты, что при неблагоприятных условиях способно привести к разрушению всей системы мироустройства, с таким трудом за длительный период времени одержавшей победу антигитлеровских государств в Великой Отечественной войне над фашистами. В то же время, зародившийся несколько десятилетий назад, новый мировой порядок, базирующийся

ся на принципах многополярности стабильно набирает обороты, и, по сути, ворвался в современную картину мира.

Видный государственный деятель нашей страны, Евгений Максимович Примаков в свое время научно обосновал концепцию многополярности мироустройства в книге «Мысли вслух», где отметил, что начало периода многополярности мира приходится на годы после окончания холодной войны [10].

Период формирования нового мирового порядка пришелся на период хаоса, международной нестабильности, войн, конфликтов и революций, развязанных в разных точках мира. Картина мироустройства выглядела в тот момент парадоксально: нацеленная на мир, порядок и рационализм многополярная система столкнулась с позицией ряда лидирующих государств, стремящихся посеять хаос в международных отношениях, активно использовали эту позицию Соединенные Штаты Америки, развязавшие ряд цветных революций в странах Ближнего Востока, Африке и странах СНГ.

Современная мировая система стала разрушаться, этот процесс предопределен, объективен и неизбежен, поскольку современный мир стал сложным, приобрел новые характеристики, запустил процесс модернизации ранее существующих моделей международных отношений, распадающихся из-за несовершенства развития, и, вынужденных уступить место новым, более прогрессивным и эффективным системным проектам.

Кризис, зародившийся еще в конце холодной войны, продемонстрировал миру, что многие страны социалистической ориентации не справляются с гонкой вооружений, но стремятся сохранить свои позиции в общемировом пространстве, а отдельные страны и укреплять их уже после прекращения холодной войны, а за тем и после распада Советского Союза. Коллективный Запад планировал, что после развала Советского Союза в скором времени произойдет распад Российской Федерации (далее – РФ) на мелкие отдельные государства, но РФ стойко выдержала, сохранив свою целостность, став правопреемницей СССР, и приняла всю его ответственность на себя. Распад самого мощного по ряду показателей государства – Советского Союза создало в мировом масштабе настоящий политический диссонанс, который способствовал активизации и основного конкурента СССР – США, и ряду таких крупных государств, как: Китай, Бразилия, Индия. Все они с развалом СССР получили мощный стимул и шанс для успешного прогрессивного развития и серьезной заявки о себе на международном уровне. Перечисленные страны сегодня уже претендуют на роль новых центров силы формирующегося многополярного мира. Однако, США, предоставленным шансом не смогли воспользоваться в полном объеме, поскольку распад Советского Союза привел к формированию ряда новых государств – конкурен-

тов, стремительно и эффективно развивающихся, с заявками на противодействие экспансии со стороны США, объединяющихся в союзы, коалиции и объединения для еще большего и убедительного противовеса, мощи и противодействия внешнему воздействию.

Развал Советского Союза и окончание холодной войны для Соединенных штатов явились периодом провозглашения мировому сообществу, что они ответственны за судьбу всего человечества, обозначив, что берут на себя глобальную миссию распространять демократию, либеральные ценности, в реалиях же, развязывая военные конфликты во всем мире и порождая международный терроризм, создали в последствии практически неразрешимую проблему для всех государств мирового сообщества.

До сих пор США играют в мире важную роль с момента окончания холодной войны, это еще раз подтверждает, что мировая современная система не способна адекватно оценивать происходящие события. Ожесточенная борьба за лидерство в мировом сообществе носит затяжной характер, предлагает один вариант однополярного мира, с одним лидером, но однополярная модель мироустройства неэффективна, противоречива, уязвима и зависит от США, к тому же, она насыщена ошибками некомпетентных лидеров, которых история знает уже немало.

Международные отношения, складывающиеся в однополярном мире связаны с состоянием турбулентности, поскольку политика одного лидера часто приводит мировую систему к кризису в целом. Как правило, единственный лидер строит международную политику, полагаясь только на свои принципы, идеологию и мировоззрение, не учитывая мнение большинства. В этом и сосредоточены слабость и несостоятельность однополярного мира, эту ситуацию, как правило, и используют государства, пытающиеся заявить о себе, претендующие на роль лидера (центра силы) в мировой политике.

Процесс преобразования однополярной системы, уже ослабленной и истощенной в многополярную не может произойти быстро, за короткий временной промежуток, для этого требуется время, чтобы активно и успешно развивающиеся страны, находящиеся пока еще в тени двух мощных держав международной политики: СССР, за тем его правопреемница – РФ и США смогли стать окрепшими, самостоятельными, с серьезными экономическими возможностями, чтобы их роль в трансформации международной политической системы стала весомой и значимой, соответствующей центру силы мирового уровня.

Длительный или затянувшийся период перехода однополярной мировой системы к новому витку – многополярному существенно ослабил существующую систему отношений в мире, при этом, транснациональные корпорации, част-

ные военные компании и международные фонды стали оспаривать роль государств в мировом пространстве и претендуют теперь на эту роль, это подтверждает попытка оппозиции заменить действующего Президента Николаса Мадуро в 2019 г. в Венесуэле, используя силы частной военной компании «Silvercorp». Эти причины накладывают свой отпечаток на новый многополярный мир, но существует угроза состояния хаоса, при котором мировые полюсы (центры силы) способны стать ненужными. Самым лучшим судьей в этом случае является время, оно и покажет, что будет происходить в мире в ближайшее время, как будут в дальнейшем развиваться события, какие перемены ждать на международной арене.

Изучая современный переходный период, отметим, что, феномен развития многополярного мира необходимо тщательно анализировать, эта тема актуальна, поскольку новые центры силы стремятся занять свою достойную нишу в международной политике, среди них выделим государства, занимающие огромные территории, густонаселенные, с развитой экономикой и имеющие внушительные по численности и оружейному арсеналу армии: Китай и Индию. Нашей стране, несомненно, приходится учитывать их появление, как новых полюсов (центров силы) с равноценной значимостью, чем США, статус которой Китай и Индия не раз доказывали своими показателями и возможностями.

Отметим, что, в настоящий момент новые мировые центры, подающие заявку на статус полюса силы в многополярном мире, пока еще дружелюбно относятся к России. Китай, Индию и Бразилию с Россией сегодня связывают отношения стратегического взаимовыгодного сотрудничества и экономического партнерства. Все они входят в БРИКС – организацию, претендующую на ведущий статус на мировой арене.

Россия приоритетом для себя считает формат БРИКС, который был проведен в октябре 2020 г. После первой встречи в г. Екатеринбурге БРИКС заметно изменилось, став разноплановым партнером по вопросам экономического развития, политической деятельности и культурных преобразований. В Санкт-Петербурге 12 июля 2024 г. был проведен X Парламентский форум БРИКС, который смог объединить 10 государств [9]. БРИКС использует формат в зависимости от приглашенного партнера, эффективно развивая отношения между Россией и Китаем, с Индией это взаимодействие пока еще уступает российско-китайским, но в последнее время наметилась тенденция к активному взаимодействию по ряду вопросов. С Бразилией используется особый формат, при котором, оба государства выступают с консолидированной позицией международного сотрудничества.

Председательствуя в БРИКС, Россия активно заявляет о себе, отстаивает свою позицию, противостоит хаосу, выстраивает выгодное взаимодействие с формирующимися центрами силы ми-

ровой системы, осуществляющими внешнюю политику в противовес США. При этом, необходимо отметить, что, хаос уже у российской границы, захлестнул Украину, а с августа 2024 г. затронул российские западные регионы. Волна хаоса уже была в Армении, где удалось избежать массовых столкновений и большого количества жертв. Похожее развитие событий уже наблюдалось в Белоруссии в период выборов Президента.

Роль украинского президента, выполняемая актером, привела к стабильному снижению его рейтинга, а рекомендации и команды от иностранных кураторов к большому количеству проблем: разрушенной экономике и социальной сфере, опустошенному бюджету, долгам, коррумпированности должностных лиц и органов власти. США стремятся переложить финансирование Украины на Европейский союз, который будет оплачивать за свою безопасность. Непрофессиональная активность Зеленского, как политика, обеспечит Украине системный кризис, и будет способствовать ее распаду, этот процесс всегда происходит напряженно. Югославский сценарий может быть использован и для Украины, что отразится на безопасности соседних стран, включая Россию.

Проводимая политика Соединенных Штатов по отношению к нашей стране, которая уже многие годы строится на экономических санкциях, еще больше усилила накал отношений между странами.

Виктор Александрович Кременюк – российский ученый, член-корреспондент РАН в своей книге «Уроки холодной войны» ответил на ряд часто задаваемых вопросов, прослеживая основные поворотные вехи советско-американского соперничества. Одна из новаторских тем его книги – влияние кризиса холодной войны на политическое руководство СССР и США. В.А. Кременюк анализировал кризисные ситуации 1940–1970-х гг., среди которых: Берлин, Карибский кризис, Вьетнамская война, конфликты на Ближнем Востоке, и исследовал воздействие объективных факторов на роль и деятельность политических лидеров, принимающих судьбоносные для этих стран решения, особенно выделяя Дж. Кеннеди, Н. Хрущева, Р. Никсона и М. Горбачева. Книга обладает высокой научной ценностью, позволяя иначе оценить закономерности и долгосрочные тенденции советско-американского взаимодействия и противостояния [7].

Президент Соединенных Штатов Д. Трамп сегодня сознательно выбрал путь конфронтации с Россией, особо не задумываясь уроками холодной войны, под его крылом собираются сателлиты, поддерживающие и одобряющие Вашингтон: Польша, Прибалтика, ряд других западных стран, совершенно забывшие свое прошлое, фашизм, и уничтожение своего народа в годы Великой Отечественной войны немецкими фашистами.

Василий Осипович Ключевский – известный русский историк XIX в. отмечал, что история ничему не учит, а только «наказывает за незнание уроков» [12].

Обществу свойственно менять взгляды, современное общество не является исключением из правил, ему характерна смена взглядов даже на проблемы международных отношений, включая их глобальный уровень, кардинальную переоценку ценностей и традиций, даже изменение институтов демократического общества и ряд других. Провозглашенные и продвигаемые западными странами либерально-демократические ценности не всегда могут прижиться, и адекватно быть принятыми элитами, могут встретить отчуждение, отпор, неприятие как ненужное и чужеродное.

Демократию, которую выстраивают на навязывании американского образа жизни в восточных государствах и странах, построенных на племенном и общинном типе, не ждет процветающий и эффективный успех. Демократизация, затеянная в Ираке и Афганистане, в свое время привела к зарождению мощных общинных механизмов для самозащиты. Соединенные Штаты умеют создать хаос в любом регионе мирового сообщества, хотя это и противоречит их стремлению унифицировать мир, объединить либеральные ценности и демократические институты.

Парадигма многополярности в современных реалиях формирует новое мировоззрение в международных отношениях, выстраиваемое на принципах баланса международной политики.

Многополярный мир представляет собой систему политических полюсов – центров мировой политики, способных объединить между собой группы государств. Если система дает сбой из-за внешней угрозы или происходит разрушение ее полюсов, при этом сохраняются связи, изменяется лишь форма системы. Мировая система, построенная на архитектуре многополярности, может вернуться в свое состояние, на чем и основана ее политическая геометрия и кардинальное отличие от системы однополярного мира, при которой кризис, поражающий единственный полюс может уничтожить всю систему, осуществляя процессы распада вертикально построенных цепочек между единственным мировым центром принятия политических решений. Многие десятки лет в роли такого центра были Соединенные Штаты, подчинявшие государства, поддерживающие политику США.

Кризис последних лет отчетливо продемонстрировал всему мировому сообществу, что однополярный мир непрочен, а сложная и многогранная многополярная система способна подстраиваться, отвечая на новые вызовы и угрозы, обеспечивать функции стабильности и безопасности на всем мировом пространстве. С другой стороны, ей требуется модернизация и поиск новых форм

и механизмов управленческих решений в международных вопросах.

Многополярную систему характеризует адекватность, рациональность и безопасность, она способна ответить на постоянно появляющиеся международные вызовы и угрозы. Описанные выше преимущества организации современной системы международных отношений сегодня признают многие государства, среди них – те, кто недавно поддерживал Соединенные Штаты.

Формат международных отношений должен выстраиваться на принципах рациональности, эффективности, гармонизации, гуманизма и успешной организации жизни каждого отдельного государства. Только такой подход будет являться фундаментом, востребованным в условиях постковидного периода, краха либеральных ценностей, финансово-экономического кризиса и духовно-нравственного переоценки.

Советский Союз стоял у истоков создания ООН – организации с богатой историей, созданной по итогам Великой Отечественной войны. Россия, являясь правопреемницей СССР – постоянного члена Совета Безопасности ООН не пропускает ни одной встречи. ООН решает глобальные и значимые дела для всего мирового сообщества: разрешает кризисные ситуации, конфликты во всем мире, ликвидирует деколонизацию, способствует развитию социально-экономического сотрудничества. Совет Безопасности до сих пор является уникальным органом, способствующим быстрому и эффективному решению вопросов правопорядка, поддержания мира между государствами, народами, обеспечению безопасности и стабильности в международном масштабе.

ООН также подвержена изменениям, включая структурные, были созданы новые управленческие органы, продемонстрированы современные и эффективные подходы разрешения конфликтов, вооруженных мятежей и войн, продемонстрированы ведение диалога и поиск компромиссных решений указанных ситуаций. ООН стремится к постоянному развитию и совершенствованию, она до остается единственной универсальной площадкой для мирового сообщества, и ей нет альтернативы до сих пор.

Не меняются только принципы работы Организация Объединенных Наций, которые по праву можно назвать гарантом международного мироустройства, в чем и есть суть стабильности и незаменимости организации.

Небензя В.А., представляющий нашу страну в ООН отметил в своем интервью 25 июня 2020 г. газете «Известия», что: «ООН не идеальна, но и наш мир не идеален. Всемирная организация отражает его противоречия и недостатки. Она – сама его часть. По мере того, как будет меняться к лучшему наш мир, будет становиться лучше и ООН» [8].

Наша страна многие годы последовательно и твердо выступает за многополярный мир. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 31 марта 2023 г., сказано: «Россия ... выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня» [6]. Президент РФ В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что всему мировому сообществу необходимо укрепление многополярного мира, причем оно неизбежно. Имеющиеся конфликты и противоречия, несомненно приведут к новым центрам многополярного мироустройства, а Западу придется выстраивать разговор о будущем со странами мирового сообщества на равных началах, поскольку подлинная демократия многополярного мира складывается из возможности любого народа, любой нации и цивилизации выбрать свой путь развития и создать собственную социально-политическую систему [5].

Выгоду в сохранении мировой системой принципов однополярного мира нашли только страны Запада, выкачивающим различные ресурсы из развивающихся стран. На заседании лидеров БРИКС в расширенном составе в 2023 г. отмечалось, что страны-участницы группы БРИКС и их сторонники выступают и требуют формирования сбалансированного мирового порядка, способного учитывать суверенные интересы всего мирового сообщества, по сути всех государств, предоставляя и открывая равные возможности для различных моделей развития, помогая сохранять многообразие национальной идентичности, национальных культур и традиций [4].

Анализируя все вышесказанное, отметим, что: современный период развития общества демонстрирует, что сегодня отсутствует какая-либо альтернатива многополярности в общественном взаимодействии и дальнейшем развитии общества. Вопросы многополярности были и будут актуальны в дальнейшем, они нуждаются в многоаспектном анализе и тщательном, многостороннем изучении.

Многополярность является особым регулирующим началом, определяющим рычаги воздействия на дихотомию «согласие-несогласие» во всем мировом сообществе [13] и достижения общественного согласия как успешного и эффективного условия развития современной России [14, с. 24].

Современное общество серьезно нуждается сегодня в многополярном мировом порядке, основанном на принципах справедливости, сотрудничества, доверия, уважения к этнокультурному разнообразию, верховенстве закона, признания достоинства и суверенитета наций.

Насильственный экстремизм, подпитывающий проявления терроризма, все чаще воспринимается во всем мировом пространстве как глобальная угроза, требующая комплексных, скоординированных международных усилий.

Вспышки серьезных заболеваний, включая пандемию COVID-19, которая привела к серьезному снижению народонаселения всего мира, продемонстрировало мировому сообществу необходимость в сотрудничестве и договоренностях.

Большое количество организаций в гражданском обществе, продвигающих различные цели, от гендерного равенства до разоружения и нераспространения оружия, прошли определенный путь в своем историческом развитии.

Многополярный мир не может строиться только на балансе сил, он должен базироваться на фундаменте этнокультурного разнообразия, взаимопонимания и сотрудничества. Диалог цивилизаций имеет решающее значение в этом отношении, поскольку способствует взаимопониманию, выстраиваемому между различными культурами, этносами и цивилизациями.

Многополярность открывает возможность для создания более диверсифицированной и сбалансированной экономической системы, в отличие от экономического порядка, в котором в настоящее время доминируют несколько западных держав. Современному миру необходимы реформы международных экономических институтов, продвижение справедливой торговли и инвестиций, а также усиление региональной экономической интеграции.

Организация Объединенных Наций и другие институты нуждаются в глубоких реформах для реализации и эффективного решения нарастающих проблем во всем мировом пространстве. Необходимы также новые институты коллективной безопасности и управления. Механизмы управления должны стать более инклюзивными и демократичными.

Нам нужны мощные коллективные усилия для разрушения однополярной системы путем изучения идеологических альтернатив, расширения гуманитарного сотрудничества, продвижения диалога, уважения плюрализма и противостояния тенденциям к гегемонии со стороны держав, которых на протяжении долгого времени было принято считать лидерами.

Независимо от своих размеров и масштабов, все страны должны будут получать выгоду от установления принципа суверенного равенства государств, который лежит в основе успешного многополярного миропорядка, за счет формирования усовершенствованных и более инклюзивных многосторонних структур, для принятия решений и сотрудничества.

Гражданское общество и прочные принципы многостороннего сотрудничества должны подкрепляться наличием просвещенного руководства,

проявлением дипломатической изобретательности и социальной мобилизацией. Граждане наших взаимосвязанных обществ, которые стремятся реализовать свой потенциал и жить в мире и счастье, несомненно, будут готовы сделать этот мир лучше для потомков благодаря наличию общих ценностей [15, с. 65–66].

Литература

1. Дипломатический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/> (дата обращения: 02.08.2024).
2. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 2. – С. 54–62.
3. Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теория, социология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект. – 2013. – 348 с.
4. Заседание лидеров БРИКС в расширенном составе. Президент России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72089> (дата обращения: 01.08.2024).
5. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». Президент России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 01.08.2024).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 01.08.2024).
7. Кременюк В.А. Уроки холодной войны. – М.: Аспект Пресс. – 2015. – 320 с.
8. Небензя В. А. ООН остается востребованной, несмотря на недостатки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/8819189> (дата обращения: 01.08.2024).
9. Председательство Российской Федерации в объединении БРИКС в 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://brics-russia2024.ru/> (дата обращения: 02.08.2024).
10. Примаков Е.М. Мысли вслух. – М.: Центрполиграф. – 2016. – 224 с.
11. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций / В.С. Солуянов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 3. – С. 424–445.
12. Троицкий Н. Василий Ключевский и его уроки истории. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20110128/327371366.html> (дата обращения: 01.08.2024).
13. Хохлова О.М. Дихотомия «согласие-несогласие» в социальной сфере (философско-методологический анализ). Дис. ... канд. фи-

лос. наук: 09.00.11: защ. 06.12.2013, утв. 24.02.2014. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. – М., 2013. – 175 с.

14. Хохлова О.М. Общественное согласие как условие развития современной России. – Социология. – 2024. – № 2. – С. 21–28.
15. Хохлова О.М. Гражданское общество в современной России. – Миссия Конфессий. Том 11. Часть 4. – 2022. – № 61. – С. 60–67.

MULTIPOLARITY AS A STRUCTURAL CHANGE IN THE MODERN WORLD

Hohlova O.M., Katunceva A.V.
Irkutsk State University

The authors examine the structural changes taking place in the world today, changing its polarity. In the context of the ongoing structural changes, multipolarity is a unique phenomenon that allows us to explain the events taking place in the world. The authors conclude that a unified approach to understanding the phenomenon of multipolarity is needed. An assessment is also given of the process of transition from a unipolar world system to a multipolar one. Multipolarity will help preserve the sovereignty of states, their integrity, socio-cultural identity, and the ability to develop harmoniously in accordance with their traditions without interference from other states. The world order in today's reality needs a new model based on the principle of multipolarity, the essence of which lies in free and equal cooperation between countries.

Keywords: modern world, polarity, bipolarity, multipolarity, multipolar world, structural changes, centers of power, evolution of world development, international relations.

References

1. Diplomatic Dictionary. [Electronic resource]. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/> (date of access: 08/02/2024).
2. Drobinin A. Yu. The Image of a Multipolar World // Russia in Global Politics. – 2023. – Vol. 21. – No. 2. – P. 54–62.
3. Dugin A. G. International Relations. Paradigms, Theory, Sociology: A Textbook for Universities. – Moscow: Academic Project. – 2013. – 348 p.
4. Expanded Meeting of BRICS Leaders. President of Russia. [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72089> (date of access: 08/01/2024).
5. Meeting of the Valdai International Discussion Club. President of Russia. [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (date of access: 01.08.2024).
6. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // MFA of Russia. [Electronic resource]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (date of access: 01.08.2024).
7. Kremenyuk V.A. Lessons of the Cold War. – Moscow: Aspect Press. – 2015. – 320 p.
8. Nebenzia V. A. The UN Remains in Demand, Despite Its Shortcomings. [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/politika/8819189> (date of access: 01.08.2024).
9. The Russian Federation's Presidency of the BRICS Association in 2024 [Electronic resource]. – URL: <https://brics-russia2024.ru/> (date of access: 02.08.2024).
10. Primakov E.M. Thoughts Out Loud. – Moscow: Centerpoligraf. – 2016. – 224 p.
11. Soluyanov V.S. The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations / V.S. Soluyanov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2021. – Vol. 23. – No. 3. – P. 424–445.
12. Troitsky N. Vasily Klyuchevsky and His History Lessons. [Electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20110128/327371366.html> (date accessed: 01.08.2024).
13. Khokhlova O.M. Dichotomy of "agreement-disagreement" in the social sphere (philosophical and methodological analysis). Dis. ... Cand. Philosophical Sciences: 09.00.11: defend-

- ed. 06.12.2013, approved. 24.02.2014. Bauman Moscow State Technical University. – M., 2013. – 175 p.
14. Khokhlova O.M. Public consent as a condition for the development of modern Russia. – Sociology. – 2024. – No. 2. – P. 21–28.
15. Khokhlova O.M. Civil society in modern Russia. – Mission of Confessions. Volume 11. Part 4. – 2022. – No. 61. – P. 60–67.

Трансформация мировоззренческой мысли в трудах Мухаммеда Абеда Аль-Джабри: аспекты выявления онтологии сознания востока XX века

Хуссейн Карим Хоссам Абдельрауф,

аспирант, Томский государственный университет

E-mail: karimmax625@gmail.com

В статье рассмотрены те изменения, которые происходят в мировоззрении арабского общества в XX веке. Изучая вопросы онтологии сознания, можно прийти к выводу о том, что ментальность присуща каждому отдельному народу, поскольку представления о мире у человека не возникают сами по себе, без влияния общей идеологии, существующей в том обществе, в котором он вырос. То есть, особенности рассуждений и мыслей – это не объективная неизменная категория, она подвержена трансформации в зависимости от событий, явлений и процессов, происходящих в социуме. Следовательно, вполне уместно говорить об отличительных чертах отдельного общества, в частности, арабского народа. Долгое время, оставаясь практически неизменным, сознание жителей Востока начинает меняться в результате проникновения в него европейских норм и ценностей в XX веке. Данному вопросу, касающемуся трансформации мировоззренческой мысли, посвящены работы известного марокканского и арабского философа Мухаммеда Абеда Аль-Джабри. В статье проанализированы публикации ученого, что позволяет определить основные характеристика сознания жителей Востока XX века. Необходимость рассмотрения данного вопроса помогает понять особенности мыслей и поведения арабского человека, спрогнозировать возможные варианты дальнейшего развития взаимоотношений в системе «Восток-Запад», и наметить наиболее эффективные и действенные способы контактов между представителями разных цивилизаций.

Ключевые слова: ментальность, онтология, сознание, арабская мысль, европейские идеи, рациональность.

Процесс глобализации, вызванный развитием информационных технологий и характеризующийся усилением взаимодействия между разными цивилизациями, способствует обоюдному проникновению и влиянию друг на друга культур Запада и Востока [2, с. 126–134]. Именно поэтому вопрос изменений состояния арабской мысли, происходящих на протяжении прошлого века и наблюдаемого сегодня, особенно актуален в настоящее время. Изучение и анализ трансформации мировоззрения народов Востока необходимо обществу XXI века с целью увеличения возможностей для беспрепятственных контактов и плодотворных взаимоотношений между представителями различных цивилизаций. Данное обстоятельство обусловило выбор темы статьи.

Резкие и быстрые перемены, происходящие в мире, их прямая взаимосвязь с онтологией сознания личности и общества в целом, заставляют сегодня любого мыслящего человека задуматься о последствиях и перспективах дальнейшего развития человечества. Данный вопрос представляет собой серьезную проблему, требующую решения, для этого необходим анализ и изучение особенностей отдельной цивилизации, в том числе и сознания народов Востока.

Для понимания характера изменений арабской мысли, происходящих в результате усиления взаимного влияния Запада и Востока, что является целью нашего исследования, необходимо разобратся в самом понятии разум, под которым понимается высшая степень мыслительного процесса, то есть, способность человека думать и рассуждать творчески, рационально, абстрактно [3]. Онтология сознания отдельно взятого народа и человечества в целом не может оставаться неизменной при трансформации общественных норм и ценностей, следовательно, процессы и события, происходящие в мире прямым образом взаимосвязаны с особенностями мыслей и рассуждений человека и социума, в котором он существует.

В результате развития нейронауки, ученые приходят к выводу о том, что познание окружающего мира реализуется благодаря физиологическим механизмам, происходящим в нервной системе индивида. Но при данном подходе возникает противоречие, представляющее собой проблему, требующую разрешения. Связана она с наличием субъективного и индивидуального в процессе восприятия и интерпретации окружающей действительности, где каждый человек по-своему, с при-

сущей именно ему особенностью, познает явления и события реального мира. Таким образом, целесообразен вопрос: если разум представляет собой физический процесс, который происходит механически по одной и той же схеме и связан именно с физиологией, то почему конечный его результат уникален у каждой отдельной личности?

При попытках разобраться в данной проблеме, невозможно не обратиться к факторам, оказывающим непосредственное влияние на результат мыслительного процесса человека. Одним из основополагающих является социальное окружение, особенности национального мировоззрения, общественные нормы и ценности, в которых живет и формируется личность. Данную группу следует отнести к разряду внешних факторов.

Рассматривая многие практические примеры индивидуального восприятия и познания окружающего мира отдельным человеком, можно выявить общие черты, присущие представителям определенной цивилизации, следовательно, не стоит исключать влияние ментальности на результат мыслительных процессов. Еще только появляясь на свет, ребенок перенимает от окружающих взрослых нормы и правила поведения, установленные в том обществе, в котором проживает его семья. Усвоенные ценности не могут не оказать влияния на особенности человеческого сознания и отношения к окружающей действительности. Помимо места проживания, на характер размышлений человека оказывает влияние и эпоха, в которой находится личность. Следовательно, сознание подвержено трансформации, причем как в пространстве, так и во времени [1, с. 5–10].

Не является исключением и арабская цивилизация, изучая и рассматривая которую не возможно не увидеть общие черты в особенностях представлений и понимания окружающей действительности. На протяжении длительного времени, тянувшегося веками и тысячелетиями, для восточной культуры была свойственна ориентация на прошлое, на существующие обычаи и традиции, передаваемые от одного поколения другому. В отличие от стран Запада, где преобладает линейное, прогрессирующее представление о течении времени, для арабской цивилизации всегда было характерно циклическое понимание движения и развития любого процесса. Данное обстоятельство не могло не отразиться на сознании восточного человека, для которого свойственна иррациональность мышления, находящаяся за пределами разума, противоречащая логике. Для арабского менталитета свойственен поиск решений возникающих проблем в прошлом. Кроме этого, обращаясь к истории, можно наблюдать сосредоточенность и замкнутость восточных обществ на своей культуре. Данные установки, сформировавшиеся в сознании Востока, очень сложно вытеснить или предать забвению, поэтому они, не смотря на все из-

менения современного мира, продолжают сохраняться в мировоззрении арабских народов.

Описанные выше характеристики позволяют раскрыть определенную модель сознания, свойственную восточным обществам. В результате перед нами предстает личность, строго соблюдающая традиции и обычаи прошлого, глубоко уважающая предков и знающая историю и корни своего народа. Несомненно, описанный выше характер сознания необходим любому человеку, он способен положительным образом отразиться на развитии личности, но для возможности практической жизни и деятельности в условиях современного мира, важна такая черта, как стремление к прогрессу, движению вперед, а не беспрерывный взгляд в прошлое. Эти особенности не свойственны арабскому менталитету, но сегодня общество остро нуждается в данных качествах, что заставляет обратиться к вопросу возможной трансформации в наиболее выгодных для человечества условиях.

Подробно вопросом изменения сознания восточных народов занимался один из самых выдающихся деятелей философии и науки XX столетия, оставивший заметный след во многих областях современной арабской культуры, Мухаммед Абед Аль-Джабри. Ученый создал свою концепцию, ориентируясь на различные аспекты истории Востока, его система основана на философии, теологии, политике, этике и других сферах [7].

Обращаясь к вопросам онтологии сознания можно сделать вывод о том, любой объект, попавший в поле изучения человека, при рассмотрении его с одной позиции, позволяет сформировать представление только определенного его свойства. В том случае, если взглянуть на анализируемый предмет с разных углов, то перед исследователем откроется более полная картина. Интеграция наук в процессе изучения того или иного вопроса позволяет взглянуть на проблему с различных позиций, сформировав, таким образом, более широкое представление об объекте.

Именно поэтому при анализе арабского менталитета Мухаммед Абед Аль-Джабри прибегает к рассмотрению истории Востока, ее культуры, политики, экономики в разные эпохи. Хорошо ориентируясь в прошлом, философ находит причинно-следственные связи с нынешним состоянием восточной идеологии, сформировавшейся в обществе XX века. Применяемая практика не была свойственна арабскому миру ранее, но данный подход дал больше возможностей для рационального понимания окружающей действительности, позволяя выдвигать различные гипотезы, выявляя наиболее объективные и жизнеспособные из них, приближаясь, таким образом, к истине [8].

Для понимания особенностей мировоззрения представителей восточной цивилизации необходимо обращение к истории. Человеческое сознание не терпит непонимания, что приводит предст-

вителей Homo sapiens к стремлению объяснить себе явления, процессы и события окружающей его действительности любыми возможными методами. Данное обстоятельство способствовало формированию мифологической картины мира. Древние народы Востока, в частности жители Египта, Месопотамии и других первых государств не могли рационально обосновать, основываясь на научной доказательной базе, происходящие вокруг них явления и процессы.

Постепенно политеистические идеологии сменяются монотеистической картиной мира, основанной на глубоко укоренившихся традициях и обычаях исламской религии. Опирающееся на уважение и почитание накопленного предыдущими поколениями опыта, арабское мировоззрение на протяжении многих веков оставалось практически неизменным, сосредоточенным на своем внутреннем состоянии, обособленным от других культур и цивилизаций. Стремление познать и научно обосновать окружающую действительность, было свойственно арабскому обществу на протяжении всей истории, но происходило оно в основном через призму религиозной картины мира [5].

Таким образом, на Востоке в наибольшей степени мы сталкиваемся с традиционализмом – мировоззрением, которое имеет в своей основе выраженную в традиции практическую мудрость, ее часто считают следствием многовекового доказанного опыта или практического разума. То есть, познание мира арабского человека происходило не при помощи теоретических доказательных идей, а благодаря следованию уже накопленной житейской мудрости.

События прошлого века, те политические, экономические, социальные и иные изменения, новые открытия и изобретения в сфере науки и техники, не могли не отразиться на особенностях мышления арабских народов. Влияние Запада постепенно увеличивается, идеи Возрождения, прогрессивного развития общества, рационального подхода к процессу изучения того или иного объекта, начинают проникать в сознание людей Востока, но они не в состоянии полностью вытеснить укоренившиеся веками нормы и ценности.

Мухаммед Абед Аль-Джабри выдвигает идею о том, что преобразования, требующиеся в арабском и исламском мире, существенным образом связаны с изменением общественного мировоззрения, поэтому основное внимание он обращает на характер и структуру сознания восточного человека. Мир в XX веке изменился настолько, что он уже не может быть прежним, отсюда следует вывод о невозможности жить, опираясь только на традиции и обычая прошлых столетий. Идеи, пришедшие с Запада, заставили пересмотреть взгляды в отношении схемы «Я-другие», при этом Мухаммед Абед Аль-Джабри говорит не о полном отказе от накопленного предыдущими поколениями опыта, но указывает на важность объективного

понимания передовых европейских идей. Знакомство и изучение рациональных концепций, не зависимо от сферы, к которой они относятся, не станут губительными для арабского мира, а наоборот, позволят по-новому взглянуть на многие процессы, события и явления окружающей действительности. При этом философ говорит не о полном перенимании всех технологий, пришедших от других цивилизаций, а о поиске наиболее эффективного способа взаимодействия арабских традиций и передового европейского опыта, способного самым плодотворным образом повлиять на различные области жизни [11, с. 233–249].

Основываясь на особенностях арабского менталитета, формировавшегося и укрепляющегося в обществе на протяжении многих веков, ученый говорит о необходимости постепенных нововведений и преобразований, которые способны предотвратить шок. Следовательно, необходим плавный и медленный поворот, способствующий укреплению, а не разрушению арабской цивилизации. Обществу Востока важно предоставить время для того, чтобы осознать и принять происходящие изменения. В этом отношении арабскому миру приходится намного сложнее в условиях ускорения ритма происходящих событий, явлений и процессов, наблюдаемых в современную эпоху [10, с. 133–147].

В процессе рассмотрения вопроса рациональности в арабском сознании современного общества, ученый использует критический метод. Он анализирует существующие на момент написания своих работ философские школы и концепции, выявляя возможности для их применения в арабском мире, учитывая условия и особенности восточной цивилизации. Кульминацией трудов Мухаммеда Абеда Аль-Джабри стала знаменитая книга «Арабский разум», в которой он рассмотрел «Структуру арабского разума» и дополнил своей главной публикацией «Критика арабского разума» [12, с. 19–26].

Выводы, к которым приходит ученый в процессе работы над своими трудами, необходимы не только для развития арабского общества, но и человечества в целом. Усиление созидательных контактов между Западом и Востоком имеют большое значение в разных областях.

1. Экономике, установление более тесного взаимопонимания представителей арабской и европейской цивилизаций способно привести к увеличению торговых оборотов.
2. Политическая ситуация в мире, являющаяся на сегодняшний день серьезной проблемой, так же заставляет вернуться к вопросам поиска способов укрепления взаимопонимания между цивилизациями Запада и Востока.
3. Многие социальные конфликты могут быть разрешены при условии налаживания контактов арабского и европейского общества.

4. Культурное и духовно-нравственное обогащение человечества в результате обмена опытом между разными цивилизациями так же способно привести к развитию мирового сообщества [9, с. 71–78].

Практическое применение описанной ученым теории имеет достаточно широкий спектр применения в различных сферах жизни современного общества. Труды Мухаммеда Абеда Аль-Джабри могут быть полезными и использоваться в следующих областях.

1. Культурологам они позволяют познакомиться с особенностями арабской культуры, ее отличительными чертами и выявить наиболее эффективные и перспективные пути ее дальнейшего развития.
2. Историкам данные знания помогают получить информацию о явлениях, процессах и событиях, происходящих в арабском мире в прошлом.
3. Социологи получают возможность сформировать представление об особенностях восточных обществ.
4. Психологи, опираясь на полученную информацию, способны использовать ее во время консультаций с представителями арабской культуры, учитывая характер их менталитета.
5. Педагоги в процессе обучения и воспитания так же имеют возможность опираться на имеющиеся знания о мировоззрении и национальных традициях восточных народов.

Прошел сравнительно небольшой промежуток времени с момента жизни и деятельности Мухаммеда Абеда Аль-Джабри, но тенденции, наблюдаемые в современном мире, подтверждают идеи, отображенные в его публикациях. Интеграция всех процессов, происходящих сегодня, позволяет на достаточно большой скорости передавать любую информацию из одной точки планеты на противоположную территорию, что прямым образом отражается на сознании личности. Данное обстоятельство приводит арабский мир к необходимости изменений и преобразований. Для того чтобы эти перемены происходили безболезненно и несли в себе созидательный, а не разрушительный характер, необходим анализ и учет особенностей традиционных обществ Востока, рассмотрение его структуры, что было осуществлено Мухаммедом Абедой Аль-Джабри.

Таким образом, трансформация сознания современного человека неизбежна в условиях сегодняшней реальности, она касается всех людей, не зависимо от национальной принадлежности, места проживания и т.д. Данное обстоятельство имеет вполне логичное объяснение. Взаимодействие государств, находящихся в разных уголках мира, становится значительно проще и происходит быстрее. Это, в свою очередь приводит к усилению взаимного влияния в экономической, социальной, политической, культурной и в других сферах [4].

Серьезной проблемой, с которой сегодня сталкивается человечество, является поиск наиболее действенных и эффективных способов внедрения инноваций с учетом менталитета и сознания того общества, где осуществляются эти изменения. Для выполнения данной задачи необходим подробный анализ и рассмотрение особенностей мировоззрения цивилизации, в нашем случае арабской. Только при условии понимания способа мышления, характера сознания восточных народов, становится возможным наиболее плодотворно повлиять на особенности восприятия изменений [6, с. 91–95].

Литература

1. Астафьев А.К. Онтология сознания и объективный разум // Серия «Мыслители», Тугариновские чтения, Выпуск 1 / Материалы научной сессии Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 5–10.
2. Валиахметова Г.Н. Запад – исламский мир: политический контекст активизации диалога цивилизаций / Г.Н. Валиахметова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2013. – № 2 (115). – С. 126–134.
3. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
4. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли. – М.: Изд. дом Марджани, 2012. – 88 с.
5. Исламский фактор в истории и современности / ин-т востоковедения РАН; отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульяновко. – М.: Вост, лит., 2011. – 605 с.
6. Киселева О.В., Науметова Ю.Э. Формирование общественного мнения и способы манипулирования им в различных целях // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 6. – С. 91–95.
7. Мухаммед Абед Аль-Джабри. Арабо-исламская философия: современная критика (серия монографий CMES о Ближнем Востоке). 1999. – 152 с.
8. Портрет философа Мохаммеда Абеда аль-Джабри. Критика арабского разума. [Электронный ресурс]. – URL: <https://qantara.de/en/article/portrait-philosopher-mohammed-abad-al-jabri-critique-arab-reason-0> (дата обращения: 23.08.2024).
9. Черникова И.В., Логиновская Ю.В. Глобально-эволюционный подход к сознанию в когнитивной науке // Вестник Том. гос. ун-та. – 2021. – № 466. – С. 71–78.
10. Чешев В.В. Есть ли у сознания онтологический статус? // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28. – № 1. – С. 133–147.
11. Lachkar Mohammed al-Ghazali's image in al-Jabri's works // Вестник РУДН. Серия: Филосо-

фия. – 2021. – № 2. – С. 233–249. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-ghazalis-image-in-al-jabris-works> (дата обращения: 23.08.2024).

12. Yesdaulet, Y., Zhamashev, A., & Rysbekova, S. (2020). Мухаммад Абид ал-Жабири и его труд «Критика арабского разума». Вестник КазНУ, Серия Религиоведение. – № 22(2). – С. 19–26. [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.26577/ejrs.2020.v22.i2.r3> (дата обращения: 23.08.2024).

TRANSFORMATION OF WORLD VIEW THOUGHT IN THE WORKS OF MUHAMMAD ABED AL-JABRI: ASPECTS OF IDENTIFYING THE ONTOLOGY OF CONSCIOUSNESS OF THE EASTERN XX CENTURY

Hussein K.H.A.

Tomsk State University

The article examines the changes that are taking place in the worldview of Arab society in the 20th century. Studying the issues of the ontology of consciousness, one can come to the conclusion that mentality is inherent in each individual nation, since a person's ideas about the world do not arise by themselves, without the influence of a common ideology existing in the society in which he grew up. That is, the peculiarities of reasoning and thoughts are not an objective unchangeable category, it is subject to transformation depending on events, phenomena and processes taking place in society. Therefore, it is quite appropriate to talk about the distinctive features of a particular society, in particular, the Arab people. For a long time, remaining practically unchanged, the consciousness of the inhabitants of the East begins to change as a result of the penetration of European norms and values into it in the XX century. The works of the famous Moroccan and Arab philosopher Mohammed Abed Al-Jabri are devoted to this issue concerning the transformation of worldview thought. The article analyzes the publications of the scientist, which allows us to determine the main characteristics of the consciousness of the inhabitants of the East of the XX century. The need to consider this issue helps to understand the peculiarities of the thoughts and behavior of an Arab person, to predict possible options for further development of relations in the East-West system, and to outline the most effective and efficient ways of contacts between representatives of different civilizations.

Keywords: mentality, ontology, consciousness, Arabic thought, European ideas, rationality.

References

1. Astafiev A.K. Ontology of consciousness and objective reason // Series "Thinkers", Tugarinov readings, Issue 1 / Proceedings of the scientific session St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. – P. 5–10.
2. Valiakhmetova G.N. The West – the Islamic world: the political context of the intensification of the dialogue of civilizations / G.N. Valiakhmetova // Bulletin of the Ural Federal University. Series 3, Social Sciences. – 2013. – No. 2 (115). – P. 126–134.
3. Vasiliev V.V. The difficult problem of consciousness. – M.: Progress-Tradition, 2009. – 272 p.
4. Globalization and the Muslim world: an assessment of modern Islamic legal thought. – M.: Publ. Marjani House, 2012. – 88 p.
5. The Islamic Factor in History and Modernity / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; ed. V. Ya. Belokrenitsky, I.V. Zaitsev, N. Yu. Ulchenko. – Moscow: Vost, lit., 2011. – 605 p.
6. Kiseleva O. V., Naumetova Yu.E. Formation of Public Opinion and Methods of Manipulating It for Various Purposes // International Journal of Experimental Education. – 2017. – No. 6. – P. 91–95.
7. Muhammad Abed al-Jabri. Arab-Islamic Philosophy: Contemporary Criticism (CMES Monograph Series on the Middle East). 1999. – 152 p.
8. Portrait of the Philosopher Mohammed Abed al-Jabri. Critique of Arab Reason. [Electronic resource]. – URL: <https://qantara.de/en/article/portrait-philosopher-mohammed-abed-al-jabri-critique-arab-reason-0> (date of access: 23.08.2024).
9. Chernikova I.V., Loginovskaya Yu.V. Global-evolutionary approach to consciousness in cognitive science // Bulletin of Tomsk State University. – 2021. – No. 466. – P. 71–78.
10. Cheshev V.V. Does consciousness have an ontological status? // Philosophy of Science and Technology. – 2023. – Vol. 28. – No. 1. – P. 133–147.
11. Lachkar Mohammed al-Ghazali's image in al-Jabri's works // Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy. – 2021. – No. 2. – P. 233–249. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-ghazalis-image-in-al-jabris-works> (accessed: 23.08.2024).
12. Yesdaulet, Y., Zhamashev, A., & Rysbekova, S. (2020). Muhammad Abid al-Jabiri and his work "Critique of the Arab Mind". Bulletin of KazNU, Religious Studies Series. – No. 22(2). – P. 19–26. [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.26577/ejrs.2020.v22.i2.r3> (accessed: 23.08.2024).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Интеграционные процессы и межэтнические отношения в г. Новосибирске и Новосибирской области

Смирнова Ольга Валерьевна,

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: olg77smv@yandex.ru

В статье анализируются интеграционные процессы и межэтнические отношения в городе Новосибирске и Новосибирской области, одном из самых многонациональных регионов России. Автором статьи отмечено, что миграция населения значительно влияет на этнодемографическую ситуацию в регионе. Основные миграционные потоки в Новосибирскую область формируются из стран Центральной Азии: Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана. Иностранцы задействованы в различных отраслях, включая работу у физических лиц, строительство, сферу услуг и обрабатывающие производства.

В статье указано то, что для контроля миграционных процессов и предотвращения межнациональных и межконфессиональных конфликтов Министерство региональной политики Новосибирской области проводит систематический мониторинг ситуации. Автором дано подробное описание проектов, направленных на интеграцию и адаптацию мигрантов в 2023 году. Среди них образовательные курсы для мигрантов, проекты по знакомству детей иностранных граждан с культурой разных народов и мероприятия по адаптации подростков-мигрантов.

В статье приведены результаты социологического исследования состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в Новосибирской области.

Автор выделил проблемы, отраженные в Стратегии государственной национальной политики в Новосибирской области до 2025 года, связанные с негативными этническими предубеждениями, незаконной миграцией и слабой социальной и культурной адаптацией мигрантов.

В итоге сделан вывод, что для устойчивого развития региона необходимо продолжать работу по укреплению механизмов защиты прав этнических меньшинств, поддержке культурных мероприятий и разработке программ для лучшей интеграции мигрантов.

Ключевые слова: интеграционные процессы, межэтнические отношения, миграция, мониторинг, проекты.

Введение

Новосибирская область – это один из наиболее многонациональных регионов России, в котором проживает множество этнических групп [9, с. 42]. На ее территории в условиях значительных миграционных изменений проживают представители более 180 народов, демонстрируя этнокультурное и межконфессиональное согласие и участвуя в укреплении российской государственности [1].

Вопросы интеграции и гармонизации межэтнических отношений являются ключевыми для обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития региона. В 2023 году была продолжена реализация Комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений, который включает меры, направленные на укрепление общероссийской гражданской идентичности и поддержку этнокультурного развития.

Цель исследования заключается в проведении анализа интеграционных процессов и межэтнических отношений в г. Новосибирске и Новосибирской области.

Материалы и методы исследований

Исследование интеграционных процессов и межэтнических отношений в Новосибирске и Новосибирской области базировалось на анализе двух основных источников: Постановления Правительства Новосибирской области от 23 мая 2022 г. № 227-п «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики в Новосибирской области на период до 2025 года» и отчета о выполнении комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений и реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Новосибирской области на 2022–2025 годы [2]. Эти документы позволили оценить текущее состояние и эффективность мероприятий, направленных на улучшение социокультурной интеграции и снижение напряженности в области межэтнических взаимоотношений.

Результаты и обсуждения

Луксен О.Н. отмечает, что на данный момент миграция безусловно играет значительную роль в развитии российского общества, однако меры, принимаемые в отношении адаптации и интеграции мигрантов на различных уровнях, не вполне достаточны [6, с. 429]. Миграция населения значительно

влияет на этнодемографическую ситуацию в регионе. Несмотря на экономический кризис в стране, рынок труда Новосибирской области стабильно нуждается в иностранных работниках. В 2023 году миграционные потоки, прерванные пандемией, начали восстанавливаться. По данным на 01.10.2022, в Новосибирскую область прибыло 313 146 иностранных граждан, уехало 251 870 человек, на миграционный учет встало 217 999, а снято с учета 109 178 человек [5].

На рисунке 1 продемонстрируем страны, откуда поступают основные миграционные потоки в Новосибирскую область.

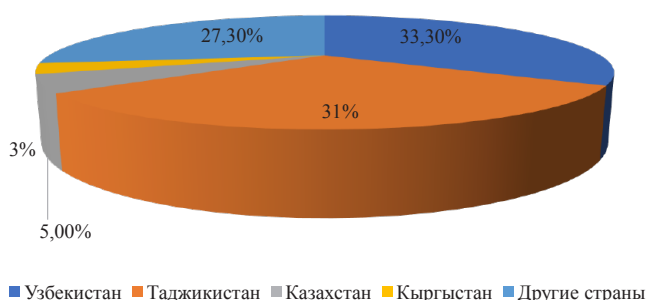

Рис. 1. Страны основных миграционных потоков, % [5]

Исходя из рисунка 1, можно сделать вывод о том, что основные миграционные потоки в Новосибирскую область в 2023 году формировались из стран Центральной Азии. Наибольшая доля мигрантов прибыла из Узбекистана (33,3%) и Таджикистана (31,4%). В меньших количествах мигранты прибыли из Казахстана (5%) и Кыргызстана (3%). Оставшиеся 27,3% составили мигранты из других стран.

Основные отрасли, в которых в 2023 году осуществляют трудовую деятельность иностранные граждане на основании патента (рис. 2).

Рис. 2. Основные отрасли трудовой деятельности иностранных граждан, % [5]

Исходя из рисунка 2, можно сделать вывод о том, что основные отрасли трудовой деятельности иностранных граждан в Новосибирской области в 2023 г. разнообразны, что свидетельствует

о широкой вовлеченности мигрантов в экономику региона. Наибольшая доля иностранных работников занята у физических лиц (35,0%). Значительная часть мигрантов также трудится в строительстве (16,7%), сфере услуг (15%) и обрабатывающих производствах (12,6%). Меньшие доли заняты в транспорте (8%), оптовой и розничной торговле (6,7%), профессиональной, научной и технической деятельности (4,5%), а также в сельском и лесном хозяйствах (1,5%).

В связи с этим, особое внимание уделяется контролю за процессами в сфере миграции. Каждые полгода проводится анализ количества, качества и этнического состава прибывающих в регион, а также их занятости и мест проживания. Организуется деятельность по профилактике экстремизма на территории города [10, с. 7].

В рамках борьбы с национальным и религиозным экстремизмом, выявлением противоправных действий иностранных граждан, а также предотвращением межнациональных и межконфессиональных конфликтов министерство региональной политики Новосибирской области систематически отслеживает ситуацию в области межэтнических и межрелигиозных отношений и оперативно реагирует на потенциальные конфликтные ситуации.

В Новосибирске ключевым органом, реализующим государственную межнациональную политику, является Городской межнациональный центр. На последнем заседании консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений начальник управления общественных связей мэрии Игорь Викторович Щукин сообщил, что центр в этом году организовал 88 мероприятий, в которых приняли участие более 2500 человек [3].

Интеграционные процессы в Новосибирской области активно поддерживаются через реализацию различных проектов и инициатив. Важность данных мероприятий заключается в их способности создавать условия для гармоничного сосуществования и сотрудничества всех этнических групп региона. Министерство региональной политики Новосибирской области в 2023 году оказало поддержку ряду проектов, направленных на интеграцию и адаптацию мигрантов.

1. Проект «Доступно о важном».

Исполнитель: учебно-консультационный центр «Алгоритм-С».

Финансирование: 800 тыс. рублей.

Цель: образовательные услуги для иностранцев, прибывших для временного проживания и трудовой деятельности.

Мероприятия: курс «Доступно о важном» (модули: русский язык, культурология РФ, законодательство РФ, история РФ), цикл просветительских мероприятий «Красный день в календаре», цикл образовательных видеороликов.

Охват: 800 человек [5].

2. Проект «Среда возможностей».

Исполнитель: узбекско-Русский национально-культурный центр.

Финансирование: 150 тыс. рублей.

Цель: знакомство детей иностранных граждан с культурой разных народов.

Мероприятия: интерактивная площадка «Мы разные – мы дружим».

Охват: 350 человек [5].

3. Проект «Свой, Чужой – Равный».

Исполнитель: городской межнациональный центр при мэрии Новосибирска.

Цель: адаптация и интеграция подростков-мигрантов.

Мероприятия: этноэкскурсии, межнациональные смены, этноигры, акции, тренинги, квизы, спортивные квесты.

Охват: 1000 человек [5].

4. Проект «Помоги ближнему».

Исполнитель: духовное управление мусульман Новосибирской области.

Цель: образовательные курсы для детей мигрантов в мечетях.

Мероприятия: летние образовательные площадки, экскурсии, соревнования, помощь в подготовке к школе [5].

5. Проект «Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов средствами образования».

Исполнитель: Московский педагогический государственный университет и АНО Центр содействия межнациональному образованию «Этносфера».

Цель: методическая и консультативная поддержка школ и детских садов.

Мероприятия: консультации, диагностика, языковая подготовка, знакомство с русской культурой.

Охват: 15 общеобразовательных и 12 дошкольных учреждений [5].

Министерство региональной политики Новосибирской области также издало и распространило учебные материалы для образовательных учреждений:

- учебно-методическое пособие «Адаптация детей мигрантов к этнокультурной образовательной среде» (100 экземпляров);
- монография «Дети мигрантов в начальной школе» (50 экземпляров) [2].

Перечисленные меры, направленные на поддержку этнокультурного многообразия, борьбу с дискриминацией и создание условий для гармоничного сосуществования всех этнических групп, проживающих в регионе, являются важными шагами на пути к устойчивому развитию и социальной стабильности в Новосибирске и Новосибирской области.

Министерством региональной политики Новосибирской области совместно с департаментом информационной политики администрации Губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области ежегодно проводятся ис-

следования по вопросам состояния межнациональных и межрелигиозных отношений. Ю.В. Попков отмечает, что подобный мониторинг как в исследовательской, так и в управленческой практике позволяет отслеживать состояние, изменения и общую динамику этносоциальных процессов, решать текущие социальные проблемы и моделировать городское межэтническое пространство [8, с. 16].

Результаты социологического исследования «Состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Новосибирской области», проведенного в 2023 году, продемонстрируем на рисунке 3.

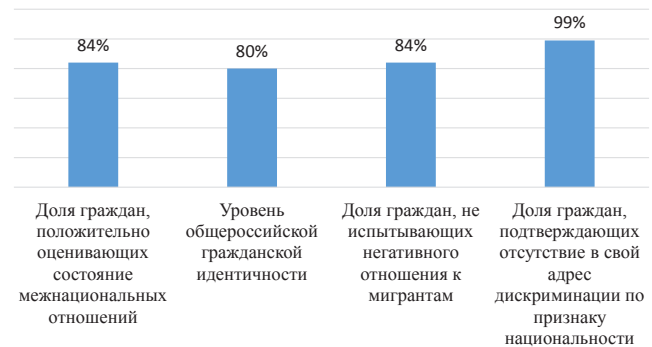

Рис. 3. Результаты социологического исследования «Состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Новосибирской области» в 2023 году, % [5]

Данные рисунка 3 свидетельствуют о достаточно высоком уровне толерантности и согласованности в межнациональных и межконфессиональных отношениях в регионе на момент исследования в 2023 году.

Уровень межэтнической (межнациональной) и межконфессиональной напряженности в Новосибирской области можно оценить как невысокий. Жители области не считают проблему межнациональных отношений острой, еще реже они говорят о религиозных разногласиях [1].

Специалисты отмечают, что общая обстановка в регионе спокойная, однако уже возникли отдельные проблемные ситуации, требующие немедленного решения [7].

В Стратегии государственной национальной политики в Новосибирской области до 2025 года выделяются следующие проблемы, связанные с характером межэтнических (межнациональных) отношений.

1. Присутствие негативных этнических предрасположений в обществе.
2. Нерешенность проблемы незаконной миграции и существование объективных различий в культуре и традициях между иностранными трудовыми мигрантами и местным населением.
3. Слабая социальная и культурная адаптация и интеграция иностранных граждан, включая членов их семей, на уровне первичных социальных групп.

4. Влияние внешнеполитических факторов, направленных на подрыв общегражданского единства и межэтнического согласия, а также на размывание традиционных нравственных ценностей народов Российской Федерации [1].

Таким образом, для устойчивого развития и преодоления существующих вызовов необходимо продолжать работу по следующим направлениям:

- укрепление механизмов защиты прав этнических меньшинств и борьба с дискриминацией;
- продолжение финансирования и поддержки культурных мероприятий, направленных на сохранение и развитие этнокультурного многообразия;
- разработка программ и мероприятий, способствующих лучшей интеграции мигрантов в общество;
- создание платформ для постоянного диалога между различными этническими группами, направленного на взаимное понимание и уважение.

Перечисленные меры помогут укрепить социальную стабильность и создать условия для гармоничного сосуществования всех этнических групп, проживающих в Новосибирской области.

Выводы

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что интеграционные процессы и межэтнические отношения в Новосибирске и Новосибирской области демонстрируют позитивную динамику благодаря системному и многоаспектному подходу, который реализуется в рамках Комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений.

В 2023 году регион активно поддерживал проекты, направленные на социокультурную адаптацию и интеграцию иностранных граждан, что способствовало улучшению общей социальной атмосферы и укреплению межэтнического мира.

Проекты, такие как «Доступно о важном», «Среда возможностей», «Свой, Чужой – Равный» и другие, охватили широкую аудиторию и предоставили важные образовательные и социальные услуги. Эти инициативы показали, что интеграционные процессы могут быть успешными при условии финансовой поддержки, активного участия некоммерческих организаций и сотрудничества с образовательными учреждениями.

Несмотря на достигнутые успехи, перед регионом стоят серьезные вызовы, связанные с миграцией и необходимостью дальнейшего снижения социального напряжения. Поэтому важно продолжать работу по совершенствованию программ адаптации и интеграции, уделяя особое внимание новым вызовам и условиям.

Комплексный подход, включающий образовательные, культурные и социальные аспекты, дол-

жен оставаться основой стратегии интеграции. Укрепление межэтнического диалога, поддержка культурных инициатив и создание благоприятных условий для всех этнических групп являются ключевыми элементами устойчивого развития и социальной стабильности региона.

Как отмечает Н.Д. Вавилина, будущее конструктивного развития городского сообщества заключается в создании солидарности, способствующей активному межнациональному (межэтническому) взаимодействию [4, с. 56].

Таким образом, Новосибирск и Новосибирская область демонстрирует положительную направленность в реализации интеграционных процессов, что способствует укреплению единства и улучшению взаимопонимания между различными этническими группами, проживающими в регионе.

Литература

1. Постановление Правительства Новосибирской области от 23 мая 2022 г. № 227-п «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики в Новосибирской области на период до 2025 года» // СПК «Гарант».
2. В Новосибирске утвердили стратегию гармонизации межнациональных отношений [Электронный источник]. – URL: <https://novo-sibirsk.ru/news/235946/> (дата обращения: 25.06.2024).
3. В Новосибирске подвели итоги работы в сфере этнокультурного развития и межнациональных отношений // ЧС-Инфо [Электронный источник]. – URL: <https://4s-info.ru/2024/06/27/v-novosibirsk-podveli-itogi-raboty-v-sfere-etnokulturnogo-razvitiya-i-mezhnatsionalnyh-otnoshenij/> (дата обращения: 25.06.2024).
4. Вавилина Н.Д. Межнациональные и межконфессиональные отношения: динамика и прогнозы. Новосибирск, 2021/Н.Д. Вавилина//Реализация государственной национальной политики на муниципальном уровне: материалы IV межрегиональной научно-практической конференции 25 ноября 2021 года / составитель М.Н. Терентьева. – Новосибирск: ООО «Архимед», 2022. – С. 26–56.
5. Информация об исполнении в 2023 году комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений и реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Новосибирской области на 2022–2025 годы [Электронный источник]. – URL: https://min-region.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/informaciya_o_realizacii_v_2023_godu_kompleksnogo_plana_deystviy_po_garmonizacii_mezhetnicheskikh_otnosheniy.pdf (дата обращения: 25.06.2024).
6. Луксен О.Н. Новосибирская область как принимающая сторона для мигрантского сооб-

- щества: проблемы, вызовы и возможности / О.Н. Лукзен // Евразийское Научное Объединение. – 2021. – № 2–6(72). – С. 429–431.
7. Миграцию и межнациональные отношения обсудили эксперты «Клуба Наставников» // Российское общество «Знание» [Электронный источник]. – URL: <https://znanierussia.ru/news/migraciyu-i-mezhnacionalnye-otnosheniya-obsudili-eksperty-kluba-nastavnikov> (дата обращения: 25.06.2024).
 8. Попков Ю.В. Об актуальных вопросах национальной политики на муниципальном уровне; Попков Ю.В. Реализация государственной национальной политики на муниципальном уровне: материалы IV межрегиональной научно-практической конференции 25 ноября 2021 года / составитель М.Н. Терентьева. – Новосибирск: ООО «Архимед», 2022. – С. 11–25.
 9. Рубан В.А. Анализ влияния государственной национальной политики на межнациональные отношения (на примере Новосибирской области) / В.А. Рубан, Р.В. Цатурян // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2020. – № 3. – С. 41–49.
 10. Реализация государственной национальной политики на муниципальном уровне: материалы IV межрегиональной научно-практической конференции 25 ноября 2021 года / составитель М.Н. Терентьева. – Новосибирск: ООО «Архимед», 2022. – 64 с.

INTEGRATION PROCESSES AND INTERETHNIC RELATIONS IN NOVOSIBIRSK AND THE NOVOSIBIRSK REGION

Smirnova O.V.

Siberian Institute of Management – branch of RANEPА

The article analyzes the integration processes and interethnic relations in the city of Novosibirsk and the Novosibirsk region, one of the most multinational regions of Russia.

The author of the article notes that population migration significantly affects the ethnodemographic situation in the region. The main migration flows to the Novosibirsk region are formed from the countries of Central Asia: Uzbekistan, Tajikistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan. Foreign workers are involved in various industries, including working for individuals, construction, services, and manufacturing.

The article indicates that to control migration processes and prevent interethnic and interfaith conflicts, the Ministry of Regional Policy of the Novosibirsk Region conducts systematic monitoring of the situation.

The author gives a detailed description of projects aimed at the integration and adaptation of migrants in 2023. Among them are educational courses for migrants, projects to introduce children of foreign citizens to the culture of different peoples and activities for the adaptation of migrant adolescents.

The article presents the results of a sociological study of the state of interethnic and interfaith relations in the Novosibirsk region.

The author highlighted the problems reflected in the Strategy of the State National Policy in the Novosibirsk region until 2025, related to negative ethnic prejudices, illegal migration, and weak social and cultural adaptation of migrants.

As a result, it was concluded that for the sustainable development of the region, it is necessary to continue working to strengthen mechanisms for protecting the rights of ethnic minorities, support cultural events and develop programs for better integration of migrants.

Keywords: integration processes, interethnic relations, migration, monitoring, projects.

References

1. Resolution of the Government of the Novosibirsk Region dated May 23, 2022 No. 227-p “On approval of the Strategy of the state national policy in the Novosibirsk Region for the period up to 2025” // SPK “Garant”.
2. In Novosibirsk, a strategy for harmonizing interethnic relations was approved [Electronic source]. – URL: <https://novo-sibirsk.ru/news/235946/> (date of access: 06/25/2024).
3. In Novosibirsk, the results of work in the field of ethnocultural development and interethnic relations were summed up // CHS-Info [Electronic source]. – URL: <https://4s-info.ru/2024/06/27/v-novosibirsk-podveli-itogi-raboty-v-sfere-etnokulturnogo-razvitiya-i-mezhnatsionalnyh-otnoshenij/> (date of access: 06/25/2024).
4. Vavilina N.D. Interethnic and interfaith relations: dynamics and forecasts. Novosibirsk, 2021 / N.D. Vavilina // Implementation of state national policy at the municipal level: materials of the IV interregional scientific and practical conference on November 25, 2021 / compiled by M.N. Terentyeva. – Novosibirsk: ООО “Archimedes”, 2022. – P. 26–56.
5. Information on the implementation in 2023 of the comprehensive action plan for the harmonization of interethnic relations and the implementation of the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025 in the Novosibirsk region for 2022–2025 [Electronic source]. – URL: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/informaciya_o_realizacii_v_2023_godu_kompleksnogo_plana_deystviy_po_garmonizacii_mezhethnicheskikh_otnosheniy.pdf (date of access: 06/25/2024).
6. Lukzen O.N. Novosibirsk region as a host for the migrant community: problems, challenges and opportunities / O.N. Lukzen // Eurasian Scientific Association. – 2021. – No. 2–6(72). – P. 429–431.
7. Migration and interethnic relations discussed by experts of the “Mentor Club” // Russian Society “Knowledge” [Electronic source]. – URL: <https://znanierussia.ru/news/migraciyu-i-mezhnacionalnye-otnosheniya-obsudili-eksperty-kluba-nastavnikov> (date of access: 06/25/2024).
8. Popkov Yu.V. On topical issues of national policy at the municipal level; Popkov Yu.V. Implementation of state national policy at the municipal level: materials of the IV interregional scientific and practical conference on November 25, 2021 / compiled by M.N. Terentyeva. – Novosibirsk: ООО “Archimedes”, 2022. – P. 11–25.
9. Ruban V.A. Analysis of the influence of state national policy on interethnic relations (on the example of the Novosibirsk region) / V.A. Ruban, R.V. Tsaturyan // Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management. – 2020. – No. 3. – P. 41–49.
10. Implementation of state national policy at the municipal level: materials of the IV interregional scientific and practical conference on November 25, 2021 / compiled by M.N. Terentyeva. – Novosibirsk: ООО “Archimedes”, 2022. – 64 p.

Адаптация Китаем в 1950-х опыта системы образования СССР

Хэ Чэньлу,

докторант, Центр изучения русского языка, литературы
и культуры Хэйлунцзянского университета
E-mail: hechenlu@qq.com

Образование, являясь основой для развития культурных начинаний, сыграло важнейшую роль в строительстве и развитии государства. В первые годы существования КНР сфера образования, как и другие сферы, такие как экономика и общество, находилась в относительно отсталом состоянии развития. Небольшое количество школ, низкое качество преподавания, неравноценный состав учителей, преобладание частных школ и различные условия в каждой частной школе, а также крайне неравномерный уровень развития образования между регионами – все это было важными проблемами, которые необходимо было решить для образования в Китае того времени. После основания КНР, с установлением политики «Склоняться на одну сторону. Китай не только перенял у Советского Союза систему образования, но и подражал ему в написании учебников, а также в методах преподавания. Подражая советской модели обучения, Китай быстро завершил преобразование старой системы образования, построил совершенно новую систему обучения, способствовал развитию преподавания в колледжах и университетах и направил большое количество профессиональных и технических кадров на социалистическое дело КНР.

Ключевые слова: образование, советская культура, советская модель образования, китайская модель образования.

Внедрение советских образовательных идей в Китае можно проследить еще до событий «Движения четвертого мая». Победа Октябрьской революции в России вселила надежду в передовую интеллигенцию Китая. Когда ранние марксисты познакомили Китай с русской революцией, они также привнесли в Китай образовательные идеи и опыт Советской России. Но вскоре они были заглушены американскими прагматическими образовательными идеями, особенно после приезда Дьюи в Китай в 1919 году, и в китайских образовательных кругах звучал только один голос прагматического образования. Массовое распространение советских образовательных идей в Китае началось в недавно освобожденных районах Северо-Востока во второй половине Освободительной войны.

Уже в сентябре 1948 года Северо-Восточный административный комитет провел четвертую конференцию по образованию, на которой был четко сформулирован лозунг изучения образовательного опыта СССР, а 5 декабря 1949 года Дун Чуньцай, тогдашний заместитель министра образования Северо-Восточного народного правительства, опубликовал в журнале «Северо-Восточное образование» статью «Изучая опыт СССР, преобразуем наше образование». Под непосредственным руководством Дун Чуньцай с 1949 по 1951 год в «Северо-восточном образовании» было опубликовано 89 статей об опыте советского образования, 53 статьи об изучении новых учебных материалов, а Северо-восточное общество образования перевело и издало книги по советским теориям образования, в том числе «Основы педагогики» Гончарова Н.К., «Педагогика» Каирова И.А. Министерство образования Народного правительства Северо-Востока Китая также организовало работу по подготовке учебников для средней школы на основе учебников по естествознанию десятилетней средней школы СССР, которые постепенно стали применяться с первого и второго классов младшей школы. [1, с. 170] В то же время передовые образцы советского педагогического опыта культивировались и организовывались для распространения своего опыта в различных местах.

После образования Китайской Народной Республики была установлена политика обучения «Склоняться на одну сторону», в сторону СССР. Один из руководителей Коммунистической партии Китая, вице-председатель КНР Лю Шаоци на торжественном заседании Ассоциации китайско-советской дружбы 5 октября 1949 года отметил: «Если мы хотим построить страну, мы должны так-

же изучить опыт народа СССР в строительстве страны, *взяв СССР в качестве учителя*. Советский Союз обладает многими совершенно новыми научными знаниями, которых нет в мире, и которым мы можем научиться только у Советского Союза, включая экономику, банковское дело, финансы, торговлю, образование и т.д.» [2, с. 4]. С 23 по 31 декабря 1949 года в Пекине состоялась первая конференция по вопросам народного образования. На конференции утвердили: формирование нового образования должно основываться на опыте нового образования в старых освобожденных районах, впитывая некоторые полезные наработки старого образования, и особенно опираясь на передовой опыт Советского Союза в сфере образования. [2, с. 8] Это стало основой для изучения советского педагогического опыта.

Школьное образование в первые годы существования Китая

В начале создания Нового Китая общий уровень образования в Китае был очень отсталым, с высоким уровнем неграмотности, и существовали заметные различия в уровне развития образования между регионами, причем уровень образования в крупных городах был намного выше, чем в сельских и отдаленных районах. Кроме того, частных школ было больше, чем государственных: в 1947 году 30 из 52 колледжей и университетов юго-западного региона были частными и 30 из 40 колледжей и университетов Шанхая – частными. [3, с. 24] В сельской местности почти не было официальных школ, в основном традиционные школы с устаревшим форматом; в городах были только средние школы, колледжи и университеты располагались в основном в городах с более высоким уровнем развития, таких как Пекин и Шанхай, а частные школы создавались в основном в прибрежных районах, а районы, которые располагаются далеко от побережья, были еще более отсталыми по уровню развития образования. Согласно соответствующим статистическим данным, в 1946 году в Синьцзяне было всего 9 школ, в Северо-Западном Китае – 8, а в Тибете не было школ. [4, с. 93] В то время 80% из 400-миллионного населения Китая были неграмотными, менее 20% детей школьного возраста учились в начальной школе и только 6% – в средней. Продолжительность обучения на душу населения составляла полтора года. В 1949 году в стране было всего 205 высших учебных заведений, а общий коэффициент охвата высшим образованием составлял всего 0,26%, в которых обучалось менее 120 000 студентов, в том числе только 30 000 студентов инженерных специальностей, что составляло менее 1/4 от необходимого количества для выполнения пятилетнего плана развития страны. Нехватка инженеров, неравенство учебных дисциплин, отсутствие достаточного количества учебных заведений, нерациональное распределение регионов, недостаточное количе-

ство колледжей и университетов и нерациональное распределение регионов стали большими проблемами, требующими решения.

Вышеизложенное показывает, что быстрое создание различных типов школ и сокращение доли неграмотных людей было насущной проблемой для Китая того времени.

До и после 1949 года в сфере образования было принято иметь небольшое количество учителей и широкий диапазон стандартов преподавания. В то время многие учителя имели ограниченный уровень образования, поэтому результаты их преподавания были значительно ниже.

Во-первых, количество учителей в начале основания КНР было недостаточным. Например, в уезде Тунчэн провинции Аньхуэй в начальной школе училось более 17 000 учеников, а количество учителей к ним составляло всего 1677 человек. Причиной такой ситуации была низкая зарплата у учителей. Многие предпочитали заниматься сельским хозяйством вместо преподавания. Во многих сельских районах страны действовала система оплаты продуктами питания. Но продуктов, получаемых многими преподавателями, часто не хватало не только на семью, но даже и на одного человека. Многие учителя не могли полностью посвятить себя преподавательской деятельности.

В период основания КНР все отрасли и производства остро нуждались в дополнительных средствах, то же самое касалось и системы образования. Процесс образования никак не контролировался со стороны государства.

Учебники в разных регионах отличались друг от друга – в каждом регионе было свое авторское агентство, а некоторые школы даже использовали учебники, составленные самими школами; распределение образовательных ресурсов между регионами было крайне неравномерным, особенно в быстро развивающихся провинциях Китая, где качество учебников было лучше, чем в бедных провинциях.

Еще одной проблемой было недостаточное количество учебников и их плохое качество. Часто в классе два-три человека использовали одну книгу. Кроме того, недостаток материалов и оборудования приводил к тому, что учебники печатались нечетко, бумага легко повреждалась, и возникали серьезные проблемы с количеством и качеством учебников.

Применение советской системы образования в Китае

До образования КНР система начального образования в Китае была шестилетней и состояла из двух уровней: младшей, старшей и начальной школы, в которую ученики поступали в возрасте шести лет. Такое деление уровней обучения не подходило для получения базового образования детьми, рабочих и крестьян, поэтому система была изменена на пя-

титлетнюю. 1 октября 1951 года Государственный совет Китая принял решение о реформе системы образования, и новая система образования первоначально предусматривала, что начальная школа должна быть пятилетней, а ученики поступали в школу в возрасте семи лет. Это имело много общего с советской системой образования. Впоследствии, в результате экономического и культурного прогресса страны, начальные школы в Китае также снова перешли на шестилетнюю систему. [5, с. 5–13]

Новая система обучения, в которой особое внимание уделялась школам для рабочих и крестьян, является не только наследием образовательных традиций старых освобожденных районов, но и полезным обобщением образовательного опыта Советского Союза. Советский Союз придавал большое значение культурному воспитанию кадров, которое было унаследовано и Китаем. Из-за влияния советского образования факультеты и отделения колледжей и университетов претерпели значительные изменения. Эта реформа факультетов не была простым заимствованием опыта Советского Союза, а скорее попыткой адаптировать китайское высшее образование к потребностям нового Китая. Однако результатом этой адаптации стало то, что советская модель образования была в значительной степени воспроизведена в Китае. С 1952 года реформа факультетов началась в Пекине и Тяньцзине, последовательно проводилась в пяти регионах: Восточный Китай, Юго-Западный Китай, Центральный и Юго-Западный Китай, Северо-Восточный Китай и Северо-Западный Китай, и в основном была завершена к 1953 году. Основными элементами реформы были: консолидация и укрепление комплексных колледжей и университетов, особенно промышленных, педагогических и других специализированных колледжей и университетов; во-вторых, рациональное географическое расположение колледжей и университетов. Типы колледжей и университетов во многом повторяли советскую модель и делились на: общеобразовательные колледжи (с преподаванием только гуманитарных и естественных наук) и специализированные колледжи (с преподаванием таких дисциплин, как инженерное дело, сельское хозяйство, педагогика, финансы и экономика, политика и право, искусство, языки, спорт и т.д.).

Основополагающей причиной реформы факультетов высшего образования стало разрешение противоречия между китайским высшим образованием и социальным развитием нового Китая. До того, как государство провело реформу факультетов, в Китае было 211 общеобразовательных колледжей и университетов. Среди них 49 университетов имели не менее трех факультетов или колледжей, 91 независимых колледжей и 71 специализированных колледжей. Основные проблемы, существовавшие в то время, сводились к трем пунктам:

Во-первых, существуют серьезные проблемы с типом школ и факультетов. Это выражается в чрезмерном внимании к преподаванию гуманитарных дисциплин и недостаточном развитии инженерного образования, а также в ограниченном количестве студентов педагогического факультета. Из 211 университетов, было только 33 высших промышленных университета, что составляло всего 15% от общего количества; также только 17 высших сельскохозяйственных и лесных университетов, что составляло только 8% университетов страны; и только 12 педагогических университетов. В 1952 году их число постепенно увеличилось до 32.

Во-вторых, масштабы высшего образования относительно невелики, и количество студентов невелико. Это замедляло поток новых кадров; в 1951 году в высших учебных заведениях общего профиля обучалось более 150 000 студентов, при этом в каждом учебном заведении было в среднем 700 студентов. Колледжей и университетов, в которых обучалось более 2000 студентов, было не много, а в некоторых факультетах было всего около десятка студентов, и даже на некоторых факультетах и кафедрах было менее десяти студентов. Это не только не отвечает потребностям социального развития Китая в человеческих ресурсах, но и не позволяет рационально распределять и полностью использовать образовательные ресурсы.

В-третьих, географическое и пространственное распределение колледжей и университетов нерационально: большинство колледжей и университетов сосредоточено в крупных городах и прибрежных районах, а количество колледжей и университетов во внутренних районах было недостаточно.

После двух корректировок преподавательского состава число высших учебных заведений по всей стране сократилось до 182, из которых 14 – это общеобразовательные университеты, 39 – высшие промышленные школы, 31 – высшие педагогические школы, 29 – высшие сельскохозяйственные и лесохозяйственные школы, 29 – высшие медицинские школы, 4 – высшие политологические школы, 6 – высшие финансово-экономические школы, 15 – высшие школы искусств, 8 – высшие языковые школы, 5 – высшие школы физической культуры и 2 – высшие школы образования для этнических меньшинств. Однако ситуация с нерациональным региональным распределением не решена. [5, с. 5–13]

Система руководства и управления высшими учебными заведениями также опирается на опыт Советского Союза: прежде всего, Министерство государственного образования осуществляет непосредственный контроль над всеми высшими учебными заведениями общего профиля. Министерство высшего образования издает национальные планы строительства высших учебных заведений, финансовые планы, финансовые сис-

темы, учебные программы, учебные планы, протоколы стажировок и другие важные положения, инструкции или приказы, которые применяются всеми высшими учебными заведениями. Во-вторых, административное управление общими высшими учебными заведениями осуществляется непосредственно Министерством высшего образования КНР. Моно-технические колледжи и университеты находились под управлением соответствующих департаментов центрального правительства; а некоторые колледжи и университеты находились под управлением административных комитетов регионов, в которых они расположены.[6, с. 87]

Благодаря реформе колледжей и университетов по образцу советской модели обучения Китай быстро завершил преобразование старой системы образования, построил совершенно новую систему обучения, способствовал развитию преподавания в колледжах и университетах и направил большое количество специалистов и технических работников на социалистическое дело Китайской Народной Республики.

Образование, как основа для развития культурных начинаний, сыграло решающую роль в строительстве и развитии китайского общества. В начале существования Советского Союза, чтобы как можно быстрее завершить экономическое и политическое строительство страны, первым шагом было достижение общего улучшения качества нации путем проведения кампании по ликвидации неграмотности. Программа по повышению грамотности охватывала все слои общества без дискриминации, от рабочих и крестьян до военных, и все люди получили право на образование и культурное развитие.

Литература

1. Выдающийся вклад Дун Чунцяя в образование северо-восточных народов. Мемориальный сборник Дун Чунцяя. – Пекин.: Издательство педагогической науки, 1992. С. 170.
2. Хронология образования КНР (1949–1982) (3). – Пекин: Издательство педагогической науки, 1984. С. 4.
3. Мао Лижуй, Шэнь Гунцюнь. Всеобщая история образования. – Цзынань: Шаньдунское образовательное издательство, 1989. С. 24.
4. Китайский ежегодник образования (1949–1981). – Пекин: Китайское архивное издательство. 1984. С. 93.
5. Гу Минюань. О влиянии советской теории образования на китайское образование. // Вестник Пекинского нормального университета: издание по общественным наукам, 2004. № 1. С. 5–13.
6. Хао ВэйЦянь, Лон Чжэнчжун. История высшего образования. – Хайкоу: Издательство Хайнань, 2000.

ADAPTATION BY CHINA IN THE 1950S OF THE EXPERIENCE OF THE USSR EDUCATION SYSTEM

He Chenlu

Heilongjiang University

Education, as the basis for the development of cultural endeavors, has played a crucial role in the construction and development of the state. In the early years of the PRC, the field of education, like other areas such as the economy and society, was in a relatively backward state of development. The lack of schools, the poor quality of teaching, the unequal composition of teachers, the predominance of private schools and the different conditions in each private school, and the highly uneven level of educational development between regions were all important problems to be solved for education in China at that time. After the founding of the PRC, with the establishment of the policy of "Leaning to One Side". China not only adopted the education system from the Soviet Union, but also imitated it in textbook writing as well as teaching methods. By imitating the Soviet model of education, China quickly completed the transformation of the old education system, built an entirely new education system, promoted the development of teaching in colleges and universities, and sent a large number of professional and technical cadres to the socialist construction of the PRC.

Keywords: education, Soviet culture, Soviet education model, Chinese education mode.

References

1. Dong Chuncai's outstanding contribution to the people's education in the northeastern regions. Dong Chuncai's Memorial Collection. – Beijing: Publishing House of Pedagogical Science, 1992. P. 170.
2. Chronology of Education of the People's Republic of China (1949–1982) (3). – Beijing: Publishing House of Pedagogical Science, 1984. P. 4.
3. Mao Lizhui, Shen Gongqun. General History of Education. – Zinan: Shandong Educational Publishing House, 1989. P. 24.
4. Chinese Yearbook of Education (1949–1981). – Beijing: Chinese Archives Publishing House. 1984. P. 93.
5. Gu Mingyuan. On the influence of Soviet educational theory on Chinese education. // Bulletin of Beijing Normal University: social science publication, 2004. No. 1. P. 5–13.
6. Hao Weiqian, Lon Zhengzhong. History of Higher Education. – Haikou: Hainan Publishing House, 2000.

Проектная исследовательская сессия как инновационный способ исследования ценностей молодежи

Гончарова Ирина Валентиновна,

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики, Государственный университет управления
E-mail: 79208195393@yandex.ru

Пушкарева Наталья Николаевна,

кандидат социологических наук, директор центра социологических исследований «14–35», Государственный университет управления
E-mail: nn_pushkareva@guu.ru

В статье рассматривается проектная исследовательская сессия как инновационный метод исследования ценностей молодежи. Рассматриваются методологические подходы к изучению ценностей молодежи. Анализируется, как проектная исследовательская сессия может восполнить пробелы традиционных способов их идентификации, которые часто показывают свои слабые стороны в контексте понимания многогранности взглядов молодых людей. Систематизируются предлагаемые для работы на форумах «Росмолодежи» ключевые ценности молодежи, а также определяет потенциал проектной сессии как способа получения более глубоких и достоверных данных. В статье также представлена технология исследовательского метода проектной сессии. Ее суть заключается в проведении качественного исследования мнения участников с использованием проективных методик в ходе дискуссий, групповых заданий, упражнений. В заключении делается вывод о целесообразности анализа результатов внедрения данного подхода.

Ключевые слова: проектная исследовательская сессия, ценности, молодежь, «Росмолодежь», инновационный метод, форум.

Введение

В современном мире стремительных изменений и глобальных вызовов молодежь становится активным участником процессов, формирующих ее будущее. Постоянные трансформации в социальной, политической и экономической сферах требуют не только способности адаптироваться к новым условиям, но и активного формирования своих жизненных ценностей. В этом контексте проектные исследовательские сессии выступают как одна из самых эффективных инновационных методик изучения ценностных ориентиров у молодежи.

В данной статье рассматриваются проектные исследовательские сессии как инновационный метод изучения ценностей молодежи.

Актуальность исследования обусловлена не только исследовательским интересом к понятию «ценности» различных областей современной науки, но и практической значимостью в настоящее время. Ценности выступают основополагающим инструментом реализации государственной молодежной политики, результатом которой является сформированная у поколения молодых людей совокупность патриотических и традиционных духовно-нравственных ценностей, побуждающих молодежь вносить вклад в развитие государства, участвовать в социально-значимых проектах, выдвигать и реализовывать социальные инициативы, нести ответственность за себя, свою семью, родную страну¹.

Методологические подходы к изучению ценностей

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 определяет молодежь в качестве социально-демографической группы в возрастном диапазоне от 14 до 35 лет включительно, владеющих статусом граждан РФ². Возраст 16–27 лет, представляет собой период вторичной социализации и формирования социальной зрелости, что важно учитывать при реализации молодежной политики.

Молодежь, интегрированная в разнообразные социальные процессы, является не только осо-

¹ Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52xyn3us4ky.pdf>

² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» Режим доступа: https://constitution.garant.ru/law_evolution/400156192/

бым маркером происходящих трансформаций, но и формирует потенциал будущего социума, где важная роль отведена ценностям.

Проблеме ценностей молодежи уделено достаточно внимания для понимания сущности этого явления и методологических подходов к познанию этих ценностей. В БРЭ ценность определяется как междисциплинарное понятие (на стыке социологии, культурологи, психологии) «для обозначения объектов и явлений, значимых в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов (что является ценностью), а также для обозначения самой этой значимости (нечто имеет ценность)¹.

Понятие ценностей как феномена, отражающего спектр как положительных, так и отрицательных сторон жизни присуще таким отечественным и зарубежным исследователям (В. Вичев, В.В. Гречаный, О.Г. Дробницкий, М.С. Каган, В. Проданов, Л.Н. Столович и др.) [3,5,6,9,19,24] Такая трактовка ценностей допускает их деление на позитивные и негативные[1].

Некоторые исследователи считают ценностью только ту значимость, которая играет положительную роль в развитии общества и связанную с социальным прогрессом[8,12]. С точки зрения Н.И. Лапина, ценности – это обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества[13].

Американский социолог Нил Смелзер трактует ценности с позиции, общепринятых убеждений в контексте целей, к которым человек должен стремиться. При этом, учёный делает акцент на том, что именно ценности выступают базой нравственных принципов человека, обосновывая «нормы или ожидания и стандарты, реализующиеся в ходе взаимодействия между людьми» [22, с. 8].

Основные методологические подходы к изучению ценностей включают следующие направления:

1) Феноменологическое, сторонники которого предполагают исследование предмета методом интенции, вчувствования (М.Шеллер) [25];

2) Социокультурный подход позволяет найти точки соприкосновения различных философских направлений, рассматривает ценности в конкретный исторический период на локальной территории (П.Сорокин, Т.Парсонс, Р.Мертон) [23,18,16];

3) Материалистический подход, трактующий ценность как благо (К.Менгер) [16];

4) Культурологический подход рассматривает ценность как совокупность принятых норм, традиций, объединяющих общество в единую культуру (Г.Риккерт, Н.Гартман) [20,4];

5) Психологический подход уделяет внимание субъективной стороне восприятия, определяющих человеческое поведение и деятельность (Д.А. Леонтьев) [14];

6) Социологический подход рассматривает ценность как ней ориентир, способствующий социализации и адаптации индивида в социуме (Э.Дюркгейм, М.Вебер) [7,2].

Концепция ценностей М.Вебера важна для предлагаемого научно-методологического подхода к изучению ценностей социологическими методами[2]. Так как она составляет научную основу предлагаемого подхода, необходимо акцентировать внимание на ее следующих составляющих.

1. В толковании Вебера, ценность не может быть однозначно понятым повелением; она – всегда пожелание. Обязательно нужен тот, кто, принимая ее по тем или иным соображениям, воплотит в своей жизни. Более того, сам выбор ценностей не просто выбор между «правильным» и «неправильным». «Правильными» ценностями являются щедрость и бережливость, милосердие и справедливость, активная борьба со злом и непротивление насилию. Однако в каждой конкретной ситуации человеку придется выбирать одну из двух трудно сочетающихся друг с другом добродетелей.

2. Ценность выступает способом человеческого мышления. Человек является носителем ценностей, они необходимы ему для определения целей, которые он перед собой ставит. Для мотивации ценности гораздо важнее целей и интересов, поскольку именно к ценностям, в конечном счете, обращена воля человека.

3. Тот или иной человек всегда «расшифровывает» для себя ценности, вкладывает в них определенный смысл, то есть понимает их так, как может понять только он и никто другой. Свобода человека представляет собой внутреннее состояние, которое заключается в возможности самостоятельного и ответственного выбора ценностей и их толкования.

4. Ценности являются относительно устойчивой социальной величиной. Они не вечны, но надисторичны. Каждой исторической эпохе соответствуют определенные ценности, при этом существуют неизменные[2].

В целях настоящего исследования под ценностями молодежи наиболее продуктивно понимать ценность как общественный идеал, определяющий поведение человека.

В свою очередь, система ценностей – это совокупность принципов и взглядов, на основании которых человек совершает то или иное действие, а также выступающих регуляторами поведения в социуме. В этой связи, категория «ценности» сопряжена с понятием «мотивация». Ценности являются основой для выработки социальных норм.

В сценарии проектной исследовательской сессии предлагается заменить слово «ценность»

¹ Ценность. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699>

на «норму» с целью более приближенного к повседневной (практической плоскости) понимания респондентами тех понятий, с которыми они будут работать. Условное допущение направлено на создание условий выхода респондентов из «зоны комфорта», стимулирования выработки новых идей и подходов, активизации критического и творческого мышления, максимального ухода от социально-одобряемых ответов.

Традиционные подходы к исследованию ценностей

Отмечая важность исследования ценностей у молодежи, необходимо отметить, что их изучение с применением традиционных социологических методов сопряжено с определенными трудностями, ведь эта категория не поддается изучению такими традиционными методами, как метод ранжирования, ценностный опросник Ф. Тромпенаарса, метод Шварца и т.д.

Все они имеют следующие недостатки:

1. Выявление не истинных ценностей, а оценочных суждений. Так, анкетный опрос позволяет оценить высказывания с позиции «нравится – не нравится», что не всегда совпадает с ценностями, как неделимыми элементами личности[11].
2. Отсутствие возможности прогнозировать проявление ценностей в реальных жизненных ситуациях выбора и принятия решений[10].
3. Опросные методы не всегда дают полную и точную информацию о взаимосвязи ценностей и поведения.
4. Отсутствие возможности воспроизведения исследования. Сбор данных о поведении в повседневной жизни, а не в лабораторных условиях, повышает прогностическую ценность результатов, однако ставит под сомнение возможность воспроизведения исследований.
5. Ограниченность только самоотчетных методов.

Более того, участники исследований могут не в полной мере понимать абстрактно изложенные трактовки ценностей, и, как следствие, с трудом их формулировать. «Исходя из этого, некоторые исследователи могут делать выводы о ценностях косвенно из: фильмов или литературы, невербального поведения людей, из ответов на вопросы, заключающих в себе информацию о тех или иных присущих им ценностях. Но использование опосредованных выводов также проблематично: субъективные интерпретации исследователя могут отразиться на этих заключениях»¹.

Исследовательскую традицию изучения базовых ценностей начал Рокич, он анализировал ценности, используемые людьми как осознанное руководство к выбору и обоснованию решений[21].

Процесс изучения видоизменяется: если ранее большинство исследователей применяли эссе, интервью или методику Сакса-Леви[26], то почти все современные исследователи применяют структурированные опросники, суть которых заключается в изучении того, насколько респонденты согласны с представленными ценностями, обличенными в словесную форму: слова или короткие фразы, описывающих общую концепцию². Зачастую формат ответа позволяет респонденту выразить степень своего согласия в рамках предложенной оценочной шкалы, однако такой способ измерения результатов также подвержен ряду ошибок. Наиболее значимыми, но часто игнорируемыми, особенно в кросс-культурных исследованиях, являются тенденциозность ответов и эквивалентность смысл. Так, для опрашиваемых, являющихся носителями разных культурных кодов, характерно типичным образом отвечать на оценочные шкалы. Например, одни из них используют крайние ответы, а другие – усредненные, что создает трудности исследователю в процессе интерпретации опросников. Возникает вопрос: вариации в ответах – это артефакт или истинные различия.

Существуют разнообразные методы для корректировки тенденциозности ответов, одна из которых, наиболее распространенная, стандартизация данных испытуемых (standardizing data within subjects) [17]. Другой подход – предлагать респондентам ранжировать ценности по степени их важности, без ориентации на рейтинговую шкалу[21].

Еще одна проблема изучения ценностей и интерпретации результатов заключается в необходимости дополнительного анализа ценностей на предмет того, имеют ли они один и тот же смысл в разных культурах, ведь даже использование высокоточных методов трактовки результатов не гарантирует что понятие «ценности» имеет аналогичный смысл в различных языках и культурах. Исходя из этого, центральное место в изучении ценностей занимает психологическое исследование, которое заключается в поиске универсалий когнитивного, эмоционального или поведенческого характера. Не редко исследователи решают данную проблему, выясняя, является ли структура отношений между ценностями внутри каждой культуры эквивалентной[27]. С этой целью уточняется и дополняется смысл понятия «ценности» с применением ассоциаций – позитивных, негативных или нейтральных – с другими понятиями. Если значения ценностей аналогичны в различных культурах, то и взаимосвязи между этими ценностями должны быть схожими. А если значения ценностей различаются в разных культурах, то и взаимосвязи между ними должны быть различными.

Однако, если мы рассмотрим ценности как желаемые социальные нормы нашего общества, опираясь на Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г.

¹ ResearchGate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/289252331_Values

² ResearchGate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/289252331_Values

№ 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”¹, то здесь откроется возможность применения инновационных подходов. Более того результаты изучения будут точнее соответствовать практическим запросам в подборе технологий и методов трансляции, продвижения и закрепления ценностей в обществе.

Изучение ценностей при помощи проектной исследовательской сессии

Инновационным методом исследования ценностей молодёжи представляется проектная исследовательская сессия, суть которой заключается в исследовании мнения участников в ходе дискуссий, групповых заданий, упражнений с использованием проективных методик, где за основу берутся традиционные правила фокус-групп и интегрируются различные фасилитационные и модерационные форматы работы с группой, тем самым больше вовлекая участников в обсуждения заявленной для исследования темы.

Проектные сессии обладают потенциалом в области социальных исследований, так как позволяют изучить сферы, так как позволяют:

- Участвовать не одному эксперту, а целой команде, в рамках которой можно распределить роли, что дает возможность руководителю проекта наблюдать за тем, как работает команда и направлять её деятельность;
- Изучить ценности молодого поколения с учетом присущих им социокультурных особенностей, посредством подбора соответствующих участников в сессию;
- Исключить оценочные суждения участников;
- Получить более точную информацию о взаимосвязи ценностей и поведения;
- Спрогнозировать проявление ценностей в реальных жизненных ситуациях выбора и принятия решений.

Проанализируем условия и факторы, обеспечивающие достоверность и репрезентативность результатов исследования с помощью проектной сессии «Духовно-нравственные ценности – оптика восприятия, смыслового содержания и понимания участниками форумной капании».

Перед сессией ставятся следующие исследовательские задачи:

- 1) Изучить ассоциативный и синонимичный каждой ценности;
- 2) Определить смысловое и содержательное понимание ценностей, их проявления в повседневных действиях молодёжи;

3) Изучить технологии, форматы и методы работы, которые подходят для трансляции, продвижения, надформирования, закрепления ценностей в мировоззренческой картине отдельного молодого человека и в молодёжной среде в целом.

Респондентам предлагаются для анализа следующие нормы общества.

1. Жизнь
2. Достоинство
3. Права и свободы человека
4. Патриотизм
5. Гражданственность
6. Служение Отечеству и ответственность за его судьбу
7. Высокие нравственные идеалы
8. Крепкая семья
9. Созидательный труд
10. Приоритет духовного над материальным
11. Гуманизм
12. Милосердие
13. Справедливость
14. Коллективизм
15. Взаимопомощь и взаимоуважение
16. Историческая память и преемственность поколений
17. Единство народов России

Технология исследовательского метода заключается в следующем. В ходе дискуссий, групповых заданий, упражнений с использованием проективных методик проводится качественное исследование мнения участников.

В основу положен метод фокус-групп, заключающийся в организации исследования посредством сбора группы для обсуждения поставленной задачи. В процессе мероприятия участники взаимодействуют под руководством фасилитатора, который модерирует дискуссию, стимулируя максимальную включенность участников в обсуждение..

Проводится 6 форумов «Росмолодёжи», по 2 сессии на одном форуме, всего 12 проектных исследовательских сессий. Продолжительность сессии 3 часа с перерывом 15 минут.

Количество участников: 12–15 человек (молодёжь, участники форумов), для 1 сессии – 18–25 лет, для 2 сессии – 26–35 лет с равным представительством мужчин и женщин.

Репрезентативность результатов достигается тем, общий охват респондентов составляет до 180 участников с гендерным паритетом, в возрасте от 18 до 35 лет, что позволяет оценить возрастную динамику восприятия.

Одним из важных приемов является группировка предложенных ценностей (норм) по группам. Исследовательский метод предполагает 4 подхода к группировке ценностей. Респонденты не будут знать, почему они работают с данным набором. Подход играет важную обобщающую роль для исследователей, чтобы при обработке результатов лучше осмыслить ту или иную группировку.

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

Группировка по принципам представлена в следующем виде:

1. Схожие по проявлению ценности (таблица 1);
2. Ценности, которые в некоторых жизненных обстоятельствах могут противоречить друг другу (таблица 2);
3. Смежные ценности, трансляция и формирование которых очень близки (таблица 3);

4. Приоритетные ценности в каждом из возрастных периодов молодёжи. (Это не совсем подходит для участников Форумов в силу отсутствия у них опыта проживания всех возрастных периодов, но может использоваться для другой категории респондентов) (таблица 4).

Таблица 1. Схожие по проявлению ценности. Название групп выделено

Жизнь Права и свободы человека	Патриотизм Гражданственность Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	Историческая память и преемственность поколений Единство народов России Коллективизм
Высокие нравственные идеалы Крепкая семья Приоритет духовного над материальным	Гуманизм Милосердие Взаимопомощь и взаимоуважение	Достоинство Справедливость Созидательный труд

Таблица 2. Ценности, которые в некоторых жизненных обстоятельствах могут противоречить друг другу, нужно делать выбор

ВОЙНА Служение Отечеству и ответственность за его судьбу Жизнь	СВОБОДА ВЫБОРА Крепкая семья Достоинство Права и свободы человека	СОЗИРЦАНИЕ И ПРИНЯТИЕ Высокие нравственные идеалы Созидательный труд Приоритет духовного над материальным
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ Патриотизм Гуманизм Единство народов России	САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО РОДОВОМУ ПРИЗНАКУ Гражданственность Историческая память и преемственность поколений Взаимопомощь и взаимоуважение	ОТНОШЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ Коллективизм Справедливость Милосердие

Таблица 3. Смежные ценности, трансляция и формирование которых очень близки

Жизнь Достоинство Права и свободы человека	Крепкая семья Приоритет духовного над материальным	Справедливость Коллективизм Взаимопомощь и взаимоуважение
Патриотизм Гражданственность Историческая память и преемственность поколений	Служение Отечеству и ответственность за его судьбу Созидательный труд Единство народов России	Высокие нравственные идеалы Гуманизм Милосердие

Таблица 4. Приоритетные ценности в каждом из возрастных периодов молодёжи.

12-13 Подростки Коллективизм Достоинство Жизнь	14-17 Маленькие взрослые Справедливость Гуманизм Милосердие	18-22 Студенты Права и свободы человека Высокие нравственные идеалы Взаимопомощь и взаимоуважение
23-25 В поиске себя Приоритет духовного над материальным Гражданственность	26-29 Работать и создать семью Созидательный труд Крепкая семья Историческая память и преемственность поколений	30-35 Взрослые Патриотизм Единство народов России Служение Отечеству и ответственность за его судьбу

Заключение

В заключении необходимо отметить, что проектная исследовательская сессия может рассматриваться как инновационный метод изучения ценностей молодежи. Традиционные методы исследования зачастую оказываются недостаточно гибкими и адаптивными для изучения многогранного и динамичного мира взглядов, установок и приоритетов молодых людей. Перспективными представляются попытки построения более комплексных моделей исследования, включающих личностные и ситуационные переменные, как, например, проектная сессия.

Проектная сессия, в отличие от традиционных методов, позволяет исследователю получить глубокое, многоплановое представление о ценностях молодежи через совместную коммуникацию и групповую рефлексивность. Этот метод не только способствует более полной интерпретации получаемых данных, но и вовлекает участников в активный процесс исследования, повышая их заинтересованность и ответственное отношение к результатам.

Возраст, количество и состав молодых участников форумной кампании «Росмолодежи», на которой проходит апробация метода, обеспечивают достоверность и репрезентативность результатов исследования. Технология исследовательского метода проектной сессии включает в себя несколько ключевых этапов: от определения темы исследования и формирования рабочих групп до анализа и презентации полученных результатов. Такой последовательный подход обеспечивает систематизацию данных, что, в свою очередь, позволяет углублять анализ и делать выводы о восприятии ценностей в молодежной среде.

Проектная исследовательская сессия открывает новый механизм для изучения молодежных ценностей, а также является потенциальным катализатором для изменений в образовательной и социальной практике. Интеграция таких методов в исследовательскую работу может привести к более качественным результатам, способствуя лучшему пониманию мировосприятия молодежи и, как следствие, разработке более эффективных стратегий по поддержке и развитию этого важного сегмента общества.

Анализ результатов внедрения данного подхода целесообразно провести по итогам проектной исследовательской сессии.

Литература

1. Андреевкова А.В. Жизненные планы, ценностные ориентации и моральный облик молодежи – К: Знания, 2007. – 278с.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 805 с.
3. Вичев В. Мораль и социальная психика. – М.: Прогресс, 1978. – 688 с.
4. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры на рубежах веков / Axiology of Culture at the Turn of the Centuries // Международный журнал исследований культуры. - 2016. 2 (23). С. 15–26
5. Гречаний В.В. Категория ценности (философский и лингво-семантический анализ). СПб.: СПбГУ, 1993. – 98 с
6. Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей. // Проблема ценности в философии под ред. А.Г. Харчева. Л.: Наука, 1966. С. 25–40
7. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология ее предмет, метод, назначение: пер. с фр. – М., 1995. С. 286–304.
8. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений // Психологический журнал. – 2006. – № 1. – С. 35–44.
9. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
10. Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 20–33.
11. Корнеева М.Ю. Возможности и границы применения количественных и качественных социологических методов в исследовании социальных ценностей // Russian Journal of Education and Psychology. – 2010. – № 4. – С. 252–258.
12. Кули, Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: / Под общ.ред. В.И. Добренькова. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 314–327.
13. Лапин, Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России /Н.И.Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224с
14. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл – 1992. 17 с.
15. Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. – С. 59–288.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006, – 873 с.
17. Науменко Т.В, Морозова Д.А Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – № 1(30). – С. 144–151.
18. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. – 832с.
19. Проданов В. Познание и ценности. – София: Наука и искусство, 1979. – 183 с.
20. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 363–391.

21. Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич // Свободная пресса. – 1973. – № 5. – С. 20–28.
22. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
23. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ.ст. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Академический проект, 2020. – 988 с.
24. Столович, Л.Н. Природа эстетической ценности / Л.Н. Столович. – Москва: Политиздат, 1972. – 271 с.
25. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
26. Sacks J. M., Levy S. The Sentence Completion Test // Projective psychology / Eds. L.E. Abt, L. Bellak. N.Y.
27. Schwartz, S. H. (1992). Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 Countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (Vol. 25, pp. 1–65). New York: Academic Press.

PROJECT RESEARCH SESSION AS AN INNOVATIVE WAY TO EXPLORE THE VALUES OF YOUTH

Goncharova I.V., Pushkareva N.N.
State University of Management

The article considers the project research session as an innovative method of researching the values of youth. Methodological approaches to the study of youth values are considered. The article analyzes how a project research session can fill in the gaps of traditional ways of identifying them, which often show their weaknesses in the context of understanding the diversity of views of young people. The key values of youth proposed for work at the «Rosmolodezh» forums are systematized, and the potential of the project session is also determined as a way to obtain deeper and more reliable data. The article also presents the technology of the research method of the project session. Its essence is to conduct a qualitative study of the participants' opinions using projective techniques during discussions, group assignments, and exercises. In conclusion, it is concluded that it is advisable to analyze the results of the implementation of this approach.

Keywords: project research session, values, youth, «Rosmolodezh», innovative method, forum.

References

1. Andreenkova A.V. Life plans, value orientations and the moral image of youth – K: Knowledge, 2007. – 278s.
2. Weber M. Selected works. – M.: Progress, 1990. – 805 p.
3. Vichev V. Morality and social psychology. – M.: Progress, 1978. – 688 p.

4. Vyzhletsov G.P. Axiology of culture at the turn of the centuries / Axiology of Culture at the Turn of the Centuries // *International Journal of Cultural Studies*.- 2016. 2 (23). pp. 15–26
5. Grechany V.V. The category of value (philosophical and linguistic-semantic analysis). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1993. – 98 p.
6. Drobniisky O.G. Some aspects of the problem of values. // *The problem of value in philosophy*, edited by A.G. Kharchev. L.: Nauka, 1966. pp. 25–40
7. Durkheim E. Value and «real» judgments // Durkheim E. *Sociology, its subject, method, purpose*: trans. from French – M., 1995. pp. 286–304.
8. Zhuravleva N.A. Dynamics of value orientations of youth in conditions of socio-economic changes // *Psychological Journal*. – 2006. – No. 1. – pp. 35–44.
9. Kagan M.S. Philosophical theory of value. – St. Petersburg: LLP TC «Petrovskoye», 1997. – 205 p.
10. Kiselnikova N.V. Methodological problems of measuring values and value-oriented human behavior // *Social psychology and society*. 2021. Volume 12. No. 4. pp. 20–33.
11. Korneeva M. Yu. Possibilities and boundaries of the use of quantitative and qualitative sociological methods in the study of social values // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2010. – No. 4. – pp. 252–258.
12. Cooley, Ch. Social self // *American sociological thought: / Under the general editorship of V.I. Dobrenkov*. – M.: International University of Business and Management, 1996. pp.314–327.
13. Lapin, N.I. Dynamics of values of the population of reformed Russia /N.I.Lapin, L.A. Belyaeva, N.F. Naumova, A.G. Zdravomyslov. – M.: Editorial URSS, 1996. – 224c
14. Leontiev D.A. Methods of studying value orientations. M.: Sense – 1992. 17 p.
15. Menger K. Selected works. M.: Territory of the future, 2005. – pp. 59–288.
16. Merton R. Social theory and social structure. M.: AST: AST MOSCOW: GUARDIAN, 2006, – 873 p.
17. Naumenko T.V., Morozova D.A. The theory of intercultural dimensions by G. Hofstede as a methodological basis for the study of modern social processes // *International Journal of Cultural Studies*. – 2018. – № 1(30). – Pp. 144–151.
18. Parsons T. On social systems. M.: Academic project, 2002. – 832s.
19. Prodanov V. Cognition and values. – Sofia: Science and Art, 1979. – 183 p.
20. Rickert G. On the value system // Rickert G. *Sciences of nature and sciences of culture*. M., 1998. pp. 363–391.
21. Rokich, M. The nature of human values / M. Rokich // *Free Press*. – 1973. – No.5. – pp. 20–28.
22. Smelzer N. *Sociology*: trans. from English. – M.: Phoenix, 1994. – 688 p.
23. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics / Translated from English, introduction and commentary by V.V. Sapova. – M.: Academic project, 2020. – 988 p.
24. Stolovich, L.N. The nature of aesthetic value / L.N. Stolovich. – Moscow: Politizdat, 1972. – 271 p.
25. Scheler M. Selected works. M.: Gnosis, 1994. – 490 p.
26. Sacks J. M., Levy S. The Sentence Completion Test // *Projective psychology / Eds. L.E. Abt, L. Bellak*. N.Y.
27. Schwartz, S. H. (1992). Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 Countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (Vol. 25, pp. 1–65). New York: Academic Press.

Теоретические основания построения военно-гражданских отношений в США: социально-политический аспект

Гореликов Евгений Сергеевич,

кандидат военных наук, докторант кафедры социологии, ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: general85@yandex.ru;

На протяжении XX века, периода активного вовлечения вооруженных сил США во внешние конфликты, военное и политическое руководство пришло к пониманию необходимости расширить понимание концепции военно-гражданских отношений во избежание возможных конфликтов внутри общества. В результате сейчас это разнообразная, часто нормативная область знаний, сама по себе не являющаяся отдельной академической областью обучения, но находящаяся на пересечении политики, общественных и управленческих наук. В статье перечислены научные деятели, оставившие наиболее яркий отпечаток в развитии данной теории. Военно-гражданские отношения в США представляют собой «делку» между гражданским и военным истеблишментом и соответствующее распределения прерогатив и обязанностей. Выделены знаковые поворотные периоды американской истории, повлиявшие на их пересмотр с целью учесть политические, социальные, технологические или геополитические изменения. Также приводятся ключевые вопросы, на которых фокусируются военно-гражданские отношения на современном этапе. Особенную проблемную значимость несет вопрос связи и баланса между политикой, истинными потребностями нации, оперативным уровнем войны и стратегией. Именно поэтому объективный контроль, выбранный как основополагающая парадигма, до сих пор ищет своих идеальных форм. Разнообразия добавляют современные нерешенные вопросы обязательности военной службы, прохождения службы женщинами, представителями гендерных и религиозных меньшинств, дифференциация между военными и гражданскими в киберпространстве. Главной целью методологии построения военно-гражданских отношений в США является эффективность выбранной модели, измеряемая полнотой интеграции всех гражданских и военных взглядов на реализацию национальной политики.

Ключевые слова: военно-гражданские отношения, взаимодействие, гражданский контроль, безопасность, политика, стратегия.

Введение

Армия США имеет в своем распоряжении порядка трех миллионов человек личного состава по всему миру, включая военнослужащих, гражданских специалистов и резервистов, обладает, возможно, самой сложной в мире логистической, закупочной и другими системами, что требует соответствующей сложной системы управления. С другой стороны, опасения по поводу растущего милитаризма в обществе, в значительной степени обусловленные опытом первой половины двадцатого века, привели к стремлению к глубокому изучению взаимодействия военной организации и общества внутри страны. Постепенно в представлениях американских военных и политических деятелей понятие «безопасность» стало приобретать новое значение. Поскольку конфликты происходили скорее внутри государств или вне их контроля, чем между государствами, возникла концепция «безопасности человека». Так выросли миротворчество и предотвращение конфликтов как военно-гражданские предприятия в ответ на этот сдвиг парадигмы. Поскольку возможности для гуманитарного реагирования и содействия миру и гражданскому обществу все больше возлагались на гражданские структуры, включая такие инструменты обеспечения верховенства права, как, например, полиция, военно-гражданское взаимодействие в равной степени развивалось как связующее звено в урегулировании конфликтов. Естественно, само развитие практик военно-гражданского взаимодействия требовало и развития таковой концепции [1, с. 151]. *Целью данной статьи является выявление и структуризация основных направлений развития теории военно-гражданских отношений в США.*

Основное содержание

В понимании теоретиков США военно-гражданские отношения описывают отношения между политическими и военными лидерами, между военной организацией и гражданским обществом, военной организацией и другими правительственными бюрократиями. Это разнообразная область знаний, непосредственно связанная с политикой, наукой об управлении и общественными науками: политологией, социологией, юриспруденцией, философией, регионоведением, психологией, культурологией, экономикой, историей, журналистикой и, конечно, военным делом. Включает в себя изучение

и обсуждение широкого круга вопросов, включая, но не ограничиваясь ими: гражданский контроль над вооруженными силами, военный профессионализм, война как общественный феномен, военно-гражданские операции, военные институты и другие смежные темы [2, с. 101].

Представителями теоретической базы изучения военно-гражданских отношений в США выступают следующие ученые: Эндрю Гудпастер, Майкл Деш, Питер Фивер, Ричард Кон, Томас С. Лэнгстон, Джин Коэн, Дейл Р. Херспринг, Ребекка Л. Шифф, Томас О. Маккубин, наиболее признанными из которых по сей день остаются Сэмюэль Хантингтон и Моррис Яновиц. Традиционно назначение американской армии видится в том, чтобы оказывать обществу хорошо оплачиваемые услуги по обеспечению безопасности последнего. Солдат по весьма характерной формуле С. Хантингтона призван быть «специалистом по применению насилия» [3, с. 355]. Проблема гражданского контроля над военными им описана как основная проблема теории гражданско-военных отношений. И в этом смысле США служат наиболее показательным примером того, как армию можно держать под гражданским контролем. А это, в свою очередь, усиливает стремление военных к автономии, «заставляет их сосредоточиться на оперативном уровне войны, а не на стратегии. В результате создается разрыв между оперативным превосходством в бою и политической, которая определяет причины войны» [4, с. 6]. Слишком часто ведение войны не связано с целями войны.

С другой стороны, по мнению последователя ученика Хантингтона Питера Фивера, в основе всех проблем в отношениях военных с гражданским обществом лежит противоречие [5, с. 141], которое может быть сведено к следующему: гражданское общество создало армию для защиты от врага, но нет уверенности, что действия армии будут полностью соответствовать ожиданиям общества. Задачу сдерживания армии может выполнять демократический контроль армии. Испанский ученый П. Гарсия, в свою очередь, утверждает, что проблему контроля над армией можно решить двумя различными способами: «императив ограничений», т.е. строгие правила поведения на законодательном уровне и 2. «моральное самоограничение» – само мировоззрение военнослужащих, в соответствии с которым они применяют оружие только по распоряжению высшей политической власти [6, с. 87].

Термин военно-гражданских отношений раскрывается через взаимодействие между вооруженными силами государства как института, правительством и другими секторами общества, в которое встроена вооруженная сила, и через распределение обязанностей и прерогатив между ними. За последние 70 лет было проведено несколько пересмотров военно-гражданской «дел-

ки» в США, связанных со значительными военно-политическими событиями, как то:

1. Вторая мировая война: когда военные стали центральными, а не периферийными социальными институтами
2. Холодная война: когда развитие систем ядерного вооружения и постепенная централизация их роли в стратегическом сдерживании маргинализировали вклад военных в разработку стратегий
3. После холодной войны: переход к региональным конфликтам и полицейским операциям изменил оперативную ориентацию военных
4. После террористических актов 11 сентября 2001 года: военно-гражданские отношения развивались в период затяжного конфликта, порождающего возможность преторианства [4, с. 10].

Итак, с этих точек зрения военно-гражданская «делка» фокусируется на семи вопросах или группах вопросов, рассматриваемых ниже:

1. Как обеспечить гражданский контроль над военным истеблишментом?

По словам Хантингтона, объективный контроль обеспечивает гражданский контроль, одновременно максимизируя военную эффективность. Элиот Коэн называет это «нормальной» теорией гражданско-военных отношений, но отмечает, что на практике она часто нарушается. Тот факт, что либеральные общества, такие как Соединенные Штаты, часто воспринимают гражданский контроль как должное, вызывает еще несколько вопросов. Относится ли гражданский контроль лишь к доминированию гражданских лиц в исполнительной власти – президента или министра обороны? Какова роль законодательной власти в контроле над военным инструментом? Является ли военный истеблишмент «единым» по отношению к гражданскому правительству? В большинстве своих действий американские военные отталкивались от гражданского руководства в течение последних нескольких десятилетий. Последствиями такого подхода явились потеря оперативности управления, нерешительность действий, а также утечки в прессу информации, подрывающей авторитет как вооруженных сил, так и самих политиков. Причиной тому было то, что гражданские управленцы принимали решения, не уделяя достаточного внимания военной точке зрения [7, с. 7].

2. С другой стороны, встает вопрос о мотивах военачальников, когда они настаивают на том, чтобы к их советам прислушивались. Какова природа утверждений военных лидеров, которые считают, что гражданские власти принимают плохие решения?

Эта область изучения сфокусирована на том, есть ли в таких утверждениях что-то, что можно было бы назвать «политикой инакомыслия». Американская теория приходит к следующим выводам. Инакомыслие – это не обязательно непови-

новение. Военные обязаны давать свои лучшие советы, но не имеют права настаивать на том, чтобы их советам следовали. С точки зрения такого понятия как профессионализм поднимается вопрос: являются ли военнослужащие еще одной послушной бюрократией в исполнительной власти или это профессия, которой предоставлена значительная автономия и уникальная роль в ее отношениях с гражданскими политиками благодаря своим экспертным знаниям и опыту? Какие варианты есть у офицера, когда он не согласен с политикой, приказами и т.д.? В США ведутся исследования по «исчислению инакомыслия», которое выходит за рамки строгого выбора «подчиниться» или «уходить в отставку». Для некоторых отставка является единственным вариантом в случае несогласия с политикой. Но, как утверждает выдающийся военный историк Ричард Кон, «личная и профессиональная честь не требует просьбы о переназначении или отставке, если гражданские лица приказывают действовать каким-то образом, который офицер считает неприятным, катастрофическим или даже аморальным. Работа военных состоит в том, чтобы консультировать, а затем выполнять законные приказы. Если офицеры на различных уровнях будут соизмерять политику, решения, приказы и операции с личными системами морали и этики и действовать в соответствии с ними, эффективный порядок и военная дисциплина рухнут» [8, с. 30].

3. Важно понимать, что отсутствие государственного переворота не обязательно означает, что отношения между гражданскими и военными здоровы. Слишком часто американские военные офицеры, похоже, считают, что если Соединенные Штаты не сталкиваются с перспективой военного переворота, то дела в сфере военно-гражданских отношений обстоят приемлемо, однако по мнению ряда ученых, таких как Ричард Кон, Питер Фивер, Рассел Вейгли, Майкл Деш и Элиот Коэн военно-гражданские отношения в США ухудшились за последние два десятилетия. Внутренняя политика – поистине забытый аспект гражданско-военных отношений США: как общество относится к своим солдатам и ветеранам и наоборот. Например, будет ли ПТСР преобладать в представлении общества о ветеранах, другими словами, рассматриваются ли ветераны как жертвы или как те, кто с честью служил в трудных обстоятельствах? Здесь уместно взглянуть на наследие Вьетнама. Карл Марлантес затронул эти вопросы в книгах «Каково это – идти на войну» и «Маттерхорн», где он описывает психологический «раскол» солдата на войне [5, с. 140].

Нужно упомянуть, что военно-гражданская напряженность в Соединенных Штатах не нова. На данном этапе на повестке дня армии США стоит вопрос сокращения оборонных бюджетов, что может привести к нарушению единства и появ-

лению военно-гражданских фракций, борющихся за ресурсы и миссии. Военно-гражданские споры обычно не противопоставляют гражданских лиц военным, а вовлекают одну военно-гражданскую фракцию против другой. Специалисты сходятся во мнении, что действительно большая опасность заключается в том, что межвидовые сражения за ресурсы могут привести американский народ к выводу, что американские военные – это просто еще одна группа интересов. Если это произойдет, высокий авторитет американских военных может быстро испариться. Поскольку бюджеты сокращаются, это, вероятно, станет основной формой военно-гражданских разногласий в обозримом будущем.

4. Отсюда вытекает еще ряд вопросов о том, насколько критична роль военной культуры, в некотором роде отличной от остального общества, которому она служит, и о том, какое влияние оказывает структура общества и политическая структура, а также структура отношений между гражданскими военными на военную эффективность и на эффективность процессов принятия стратегических решений. Поскольку верно утверждение о том, что военные должны быть за столом политики и стратегии, чтобы убедиться, что их рекомендации относительно вариантов и рисков были услышаны, то необходимо признать существование разницы между тем, чтобы быть «политическим» и быть «партийным». Военные офицеры должны быть «политическими» в смысле понимания политической среды и умения ориентироваться в ее течениях. Но они должны быть беспартийными и сопротивляться тому, чтобы стать приверженцем какой-либо политической партии [9, с. 257].

5. Что касается теоретических воззрений на то, какие факторы будут влиять на военно-гражданские отношения США в будущем, то они по большей части включают в себя умозрения на характер будущих войн. Это вызывает к жизни измышления высокого порядка и исследования о предназначении военнослужащих: побеждать в национальных войнах или участвовать в полицейских операциях, то есть о внешнем или внутреннем фокусе их деятельности. Какое влияние такие вопросы оказывают на гражданско-военные отношения? Например, затяжные войны часто создают опасность преторианства, примером чего являются французские военные после участия в боевых действиях на Индокитае и в Алжире. Более мягкое, хотя и все же опасное проявление преторианства проявилось, очевидно, в тщеславии американского генерала С. Маккрystalа в интервью журналу Rolling Stone, которое привела к его отставке. По мнению зарубежных аналитиков, новые обстоятельства, порожденные развитием противостояния в киберпространстве и расширением возможностей надзора

за специальными операциями, могут создать новые зоны напряженности в этой сфере.

6. Также остается открытым вопрос об определении военного профессионализма и военной экспертности. Выходит ли это понимание за рамки того, что Сэмюэл Хантингтон назвал «экспертностью в применении насилия»? Как для Хантингтона, так и для Яновица военные являлись опытными профессионалами, к которым предъявлялись особые требования по знаниям в военной сфере и которые, в свою очередь, разделяли чувство корпоративности и ответственности. Однако вышеназванные ученые расходились во мнениях относительно того, что вообще считать военным опытом. В то время как Хантингтон сосредоточился исключительно на «экспертности по применению насилия» и, следовательно, был в основном озабочен военным опытом, который направляет законное насилие, Яновиц расширил понятие «военный профессионал» гораздо шире, чем охват экспертов в области материально-технического обеспечения, вспомогательных служб и процессов, которые в равной степени необходимы для успеха на войне.

Как писал Ричард Кон: «В самой важной области профессиональной экспертизы – связи войны с политикой и операций с достижением целей нации – роль американских вооруженных сил оказалась недостаточна. Превосходство американских военных в операциях, логистике, тактике, вооружении и боях проявлялось в течение поколения или более. Не так дела обстоят со стратегией». Ему вторит Колин Грей, который заметил, что: «Слишком часто существует черная дыра, где должна находиться американская стратегия». Проблема здесь в том, что объективный контроль Хантингтона, который усиливает стремление военных к автономии, заставляет их сосредоточиться на оперативном уровне войны, а не на стратегии. Как заметил Хью Страчан: «Оперативный уровень войны привлекает армии: он функционирует в зоне, свободной от политики, и он ставит во главу угла профессиональные навыки» [10, с. 33]. Это проблема для разработки стратегии. Фокусирование самой армии на оперативном уровне ведения боевых действий отрывает их от политики, которая и определяет причины ведения войны. В итоге, следование объективному контролю Хантингтона и сосредоточенности американских военных на неполитическом оперативном уровне войны слишком часто приводит к тому, что само ведение войны не связано с ее истинными политическими целями и первопричинами. Таким образом, политические лидеры оказываются в роли спонсоров войны. Результатом становится способность выигрывать сражения, которые не всегда способствуют стратегическому успеху. Воспроизводится «способ битвы», а не «способ войны». Проблема видится в том, что политическому руководству

не следует просто ставить цели для войны, предоставлять необходимые материальные средства, а затем отходить в сторону и ждать победы, а напротив – необходимо быть вовлеченными в ведение войны. Как напоминает нам Клаузевиц, политические соображения «влияют на планирование войны, кампании и часто даже битвы». При этом верно и обратное: военных необходимо привлекать за стол политики и стратегии, чтобы обеспечить, правильное выполнение их рекомендаций.

Наряду с изменением стратегического контекста с тех пор, как Хантингтон и Яновиц написали свои основные работы, расширение масштабов военных миссий, а также социальные сдвиги, все больше смещают фактические обязанности вооруженных сил от их традиционных моделей. Понятие военной специфики становится все более расплывчатым. Даже самые консервативные специалисты по военным вопросам сегодня признают, что для сохранения конкурентоспособности военный опыт должен выходить далеко за рамки традиционного поля боя. В настоящее время в США формируются военные оперативные концепции, такие как мультидоменные операции, а также операции проводимые совместно армией, ВМС и ВВС США на основе концепций совместного доступа и маневрирования в «Глобальном пространстве общего пользования» (JAM-GC), расширяющие непосредственную компетенцию командиров на поле боя вглубь технологической и гуманитарной областей. Таким образом, для военных специалистов, работающих сегодня, военный опыт обычно понимается как обширная и развивающаяся концепция, которая в значительной степени пересекается со знаниями в различных гражданских секторах [11, с. 152].

Что касается военной силы как инструмента политики, то он используется западными политиками для проецирования власти, как правило, за пределы территориальных границ государства. Отметим при этом, что в демократических странах этой властью распоряжаются избранные и назначаемые должностные лица, но фактически ею обладают организации, укомплектованные военнослужащими и ими управляемые. Эти военнослужащие, в свою очередь, уполномочены организовывать свои внутренние дела, включая такие принципиальные области как планирование операций, передвижение и маневрирование подразделений и непосредственно боевые действия. Такие механизмы разграничения и баланса не являются уникальным правом военнослужащих, а скорее продуктом бюрократической и концептуальной борьбы. Политика, выработанная в результате такой борьбы, рассматривается как наиболее эффективная форма применения военного опыта. Таким образом, военный эксперт является членом сети лиц внутри и за пределами военной организации, которая вносит свой вклад в проведение политики, ставящей военной организации задачи. Хотя

наиболее чистое выражение этого баланса может проявляться на поле боя, оно неизбежно существует в концептуально нечетком ландшафте политики и практики, которые не поддаются упрощенным определениям. В этом смысле военный опыт можно понимать как подкатегорию опыта в области безопасности, узко сфокусированного на том, что делают военные в более широкой среде безопасности, и который разделяется между гражданским и военным сообществами практиков, но не имеет четкого определения [12, с. 18].

7. Разнятся также теоретические воззрения на саму суть военной службы, является ли она обязанностью гражданина или чем-то еще. Здесь же вопросы набора и удержания рядового личного состава и вопросы баланса рекрутской и контрактной службы. На протяжении большей части своей ранней истории Соединенные Штаты поддерживали небольшую регулярную армию мирного времени, которое в основном проводило ограниченные полицейские операции. Во время Гражданской войны существовала ограниченная федеральная воинская повинность. Чуть более обширный призыв пришелся на время Первой мировой войны. Общий призыв стал нормой в Соединенных Штатах только в канун Второй мировой войны до 1970-х годов. Сегодня американские военные являются добровольческой профессиональной силой. Но даже сейчас вооруженные силы продолжают развиваться, поскольку не утихают дебаты по таким вопросам, как роль резервных компонентов в вооруженных силах, вопросам службы женщин, а также службы гендерных и религиозных меньшинств [13, с. 58].

Результаты

Приведенное краткое теоретическое описание лишь намекает на сложность взглядов американских теоретиков на все, что называется военно-гражданскими отношениями. Их взгляды были рассмотрены как яркий пример западной теории в этой области, а поскольку большинство стран-членов НАТО строят свои вооруженные силы по американским образцам, то нам стоит задуматься над некоторыми нетрадиционными концепциями. Точно так же, стоит обратить внимание на то, что согласно западным воззрениям, некоторые сферы, в которых ранее доминировали гражданские лица (например, киберпространство или космическое пространство), теперь колонизируются военными субъектами, в то время как гражданские лица выходят на сферы, в которых ранее доминировали военные [14, с. 7].

Заключение

Главный вопрос методологии построения военно-гражданских отношений в США заключается в том,

насколько хорошо выбранная модель позволит интегрировать расходящиеся и даже противоречивые взгляды и насколько она обеспечит реализацию военной стратегии, служащей целям национальной политики. Для установления доверия в контексте военно-гражданской сделки обеим сторонам необходим пересмотр своих позиций [15, с. 20]. Военным – с одной стороны, необходимо восстановить свой голос в разработке стратегий, понимая при этом, что политика пронизывает ведение войны и что гражданское население имеет последнее слово не только в отношении целей войны, но и в отношении того, как она ведется. Это бы вполне отвечало концепции объективного контроля над деятельностью вооруженных сил. С другой стороны, гражданские лица должны понимать, что для осуществления эффективной политики и стратегии требуется надлежащий военный инструмент, и поэтому они должны настаивать на том, чтобы военные откровенно и решительно излагали свои взгляды на протяжении всего процесса разработки и осуществления стратегии. А это бы, в свою очередь, вполне отвечало реализации общественного договора характерным для демократических стран способом вовлечения армии и общества в командную работу. В конечном счете, в этом видится ключ к здоровым гражданско-военным отношениям в США.

Литература

1. Вестов Ф.А. Политика формирования правового государства: противоречия и перспективы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 220 с.
2. Dayne E.N. The U.S. «Spring 2012 Full Issue» Naval War College Review. American Civil-Military Relations. 2012. Vol. 65: № . 2, Article 1. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol65/iss2/1> (Дата обращения: 12.04.2024)
3. Huntington S.P. 1957. The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, pp. 354–357.
4. Mackubin T.O. Foreign Policy Research Institute What Military Officers Need to Know about Civil-Military Relations. 2013. URL: <https://www.fpri.org/article/2013/07/what-military-officers-need-to-know-about-civil-military-relations/> (Дата обращения: 12.04.2024)
5. Feaver P., Gelpi C. 2004. Choosing Your Battles: American Civil–Military Relations and the Use of Force. Princeton: Princeton University Press, pp. 136–139.
6. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова – СПб.: Питер, 2008. 296 с.
7. Верховская А.И. Потенциал гражданского общества и гражданских массмедиа в условиях политической консолидации в России (по результатам опросов социологических центров) // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.me>

- diascope.ru/?q=node/2183 (Дата обращения: 12.04.2024)
8. Гуськов Ю.В. Армия в системе отношений государства и гражданского общества: автореф. дис.д.пол.н. М. 2005. 38 с.
 9. Taylor B.D. 2003. Politics and the Russian army. Civil-military relations, 1689–2000. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 255–259.
 10. Scott C.T. The U.S. «Spring 2012 Full Issue» Naval War College Review. Taking Mines Seriously. 2012. Vol. 65: № 2, Article 1. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol65/iss2/1> (Дата обращения: 12.04.2024)
 11. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. 192 с.
 12. Chase M.S. 2015. China's incomplete military transformation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR800/RR893/RAND_RR893.pdf (Дата обращения: 12.04.2024)
 13. Вестов Ф. А., Петров Д.Е. Гражданский контроль над вооруженными силами в правовом государстве. Военная мысль. 2012. № 8. С. 52–60
 14. Олевский В. Концепция военно-гражданского взаимодействия НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 8. С. 29–34. URL: http://pentagonus.ru/load/zhurnaly/zvo/zarubezhnoe_voennoe_obozrenie_7_2015/56-1-0-1369 (Дата обращения: 12.04.2024)
 15. Кривопапов А.А. Армия, общество и государство в поисках оптимальной формы взаимодействия. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. Том. 10, № 3, С. 14–33.

THEORETICAL BASIS OF THE CIVIL-MILITARY RELATIONS' STRUCTURING IN THE USA: SOCIO-POLITICAL ASPECT

Gorelikov E.S.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

During the 20th century, the period of active involvement of the US armed forces in external conflicts, the military and political leadership realized the need to expand their understanding of the civil-military relations concept in order to avoid possible conflicts within society. Eventually, now it is a diverse, often normative field of knowledge, not a separate academic field of study, but located at the crossing of politics, social and management sciences. The article lists the scientists who have left the most vivid imprint on the development of this theory. This relationship represents a «deal» between civilian and military establishment and a corresponding distribution of prerogatives and responsibilities. Significant turning points in American history, which influenced its' revision in order to take into account political, social, technological or geopolitical changes have been highlighted. The key issues on which civil-military relations are currently focused are also presented. Of particular prob-

lematic importance is the question of the connection and balance between politics, the true nation needs, the operational level of the war and strategy. That is why objective control, chosen as the fundamental paradigm, is still looking for its perfect forms. The current unresolved issues of compulsory military service, service by women, representatives of gender and religious minorities, and differentiation between military and civilian in cyberspace add to the diversity. The main goal of the methodology of civil-military relations structuring in the United States is the effectiveness of the chosen model, measured by the completeness of integration of all civil and military views of national policy.

Keywords: civil-military relations, interaction, civil control, security, policy, strategy.

References

1. Vestov F. A. (2012). The policy of formation of the rule of law: contradictions and prospects. Saratov: IZD-VO SARAT. UN-TA, 220 p. (In Russian)
2. Dayne E.N. The U.S. «Spring 2012 Full Issue» Naval War College Review. 2012. Vol. 65: no. 2, Article 1. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol65/iss2/1> (accessed 12.04.2024)
3. Huntington S.P. (1957). The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, pp. 354–357.
4. Mackubin T. O. (2013). Foreign Policy Research Institute What Military Officers Need to Know about Civil-Military Relations. Available at: <https://www.fpri.org/article/2013/07/what-military-officers-need-to-know-about-civil-military-relations/> (accessed 12.04.2024)
5. Feaver P., Gelpi C. (2004). Choosing Your Battles: American Civil-Military Relations and the Use of Force. Princeton: Princeton University Press, pp. 136–139.
6. Bauman Z. (2008). Fluid modernity. SPb: Piter. 296 p. (In Russian)
7. Verhovskaya A.I. (2016). The potential of civil society and civil mass media in the context of political consolidation in Russia (according to the results of surveys of sociological centers). Mediascope. iss. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2183> (accessed 12.04.2024) (In Russian)
8. Gus'kov Yu. V. (2005). The army in the system of relations between the state and civil society. Abstract of Ph.D. Sc. dissertation. M. 38 p. (In Russian)
9. Taylor B.D. (2003). Politics and the Russian army. Civil-military relations, 1689–2000. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 255–259.
10. Scott C.T. The U.S. «Spring 2012 Full Issue» Naval War College Review. Taking Mines Seriously. 2012. Vol. 65: no. 2, Article 1. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol65/iss2/1> (accessed 12.04.2024)
11. Bakshtanovskij V.I. (2004). Sogomonov YU.V. Civil society: Ethics of public arenas. Tyumen': NII prikladnoj etiki TyumGNG U. 152 p. (In Russian)
12. Chase M.S. (2015). China's incomplete military transformation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR800/RR893/RAND_RR893.pdf (accessed 12.04.2024)
13. Vestov F. A., Petrov D.E. (2012). Civilian control over the armed forces in a State governed by the rule of law. Voennaya mysl'. no. 8. pp. 52–60. (In Russian)
14. Olevskij V. (2015). The concept of NATO civil-military cooperation. Zarubezhnoe voennoe obozrenie. no. 8. pp. 29–34. Available at: http://pentagonus.ru/load/zhurnaly/zvo/zarubezhnoe_voennoe_obozrenie_7_2015/56-1-0-1369 (accessed 12.04.2024) (In Russian)
15. Krivopalov A. A. (2017). The army, society and the state in search of the optimal form of interaction. The contours of global transformations: politics, economics, law. Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN, Vol. 10, no. 3, pp. 14–33. (In Russian)

Компаративный анализ образа государственных служащих в представлении студентов из республик Центральной Азии

Рыбакова Марина Владимировна,

д.с.н., профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН
E-mail: rybakovamv@yandex.ru

Иванова Наталья Анатольевна,

к.с.н., научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: na.an.ivanova@yandex.ru

Цель работы заключается в обсуждении проблем, с которыми сталкивается население при взаимодействии с государственными служащими в Республике Таджикистан и Республике Узбекистан; определяются важные личные и профессиональные качества, необходимые государственным служащим в этих странах с точки зрения как социальных характеристик, так и профессиональных навыков. Представлены основные результаты компаративного анализа и дискурс-анализа представлений студентов высших учебных заведений Таджикистана и Узбекистана об образе государственного служащего.

Объектом исследования стал набор доминирующих ценностных ориентаций государственных служащих. Сравнительный анализ образа государственных служащих Центрально-Азиатских стран позволил определить направления корректировки поведения государственных служащих с учетом их ценностных ориентаций, что в свою очередь будет способствовать более позитивному восприятию государственных служащих в глазах общественности не только в Центрально-Азиатском регионе, но и в России, а также представляет практический интерес для лучшего понимания процессов, происходящих в этих республиках.

Ключевые слова: государственные служащие, государственная служба, компаративный анализ, дискурс-анализ, ценностные ориентации, профессиональные качества, студенты.

Актуальность темы

В современном сложном мире России приходится решать множество проблем, и одним из важнейшим становится взаимодействие с бывшими Советскими республиками, а сегодня самостоятельными государствами, имеющими тесные экономические, политические, социальные связи. В этих странах государство приобретает новые черты, и оно должно обладать властью. Нельзя не согласиться с русским философом И.А. Ильиным: «Власть есть, прежде всего, сила. Это выражается в том, что она есть способность к воздействию и влиянию... Организованность и исполнительность аппарата – все это образует самую основу государственного аппарата... В отличие от всякой физической силы, государственная власть есть волевая сила...» [3, с. 133].

Государство должно обладать различными функциями, их реализация невозможна без государственных служащих, чья работа влияет на повседневную жизнь граждан. Федеральные, региональные, локальные органы власти принимают решения, от которых зависит положение страны в мире, так и качество личной жизни граждан не только в этих странах, но и в России.

Взаимодействие населения с государственными служащими по различным вопросам может существенно варьироваться в зависимости от различных факторов, таких как страна, регион, тип государственных услуг, а также индивидуальных обстоятельств граждан. Люди взаимодействуют с государственными служащими в различных сферах жизни. Это может включать посещение медицинских учреждений, получение образования, решение вопросов в области социальной защиты, обращение в судебные органы, оплата налогов, получение государственных услуг и многие другие виды различных взаимодействий, может быть как личным (например, при личном визите в офис), так и электронным (через онлайн-платформы и сервисы).

Поскольку такое взаимодействие с государственными служащими влияет на качество жизни членов общества, то его можно определить через такой интегративный показатель, как социальное благополучие. Понятие носит междисциплинарный характер, имеет не только субъективные, но и объективные показатели. Исследование социального благополучия общества «не может ограничиваться лишь восприятием, субъективной картиной, субъективной оценкой... Обязательно

требуются его объективные характеристики, связанные с их экономическим, социальным, социокультурным положением» [2]. Ответственность госслужащих может варьироваться от обеспечения безопасности и правопорядка до управления финансами, образованием, здравоохранением и другими сферами общественной жизни и влияет на социальное благополучие населения в этих странах.

В рамках авторского исследования проведен анализ мнений студентов из Таджикистана и Узбекистана в отношении образа государственного служащего, его ценностных ориентаций и качеств, проблем, с которыми сталкивается население при общении с государственными служащими, а также предложений по изменению обучения студентов в целях улучшения имиджа госслужащего.

Проведенное теоретическое исследование литературы и источников по теме дает общее представление о подходах к изучению ценностных ориентаций государственных служащих, о состоянии государственной службы. В работе используется современный диагностический инструментарий по исследованию ценностных ориентаций личности. Объектом исследования стал набор доминирующих ценностных ориентаций современных государственных гражданских служащих Узбекистана и Таджикистана.

Методика исследования

В качестве методики исследования применялись междисциплинарные и интегративные методы дискурса. Авторы опирались на критический подход, разработанный в работах М. Фуко [8] и Н. Фэркло [12]. Идеи Ю. Хабермаса [9] легли в основу создания коммуникативной модели исследования взаимосвязи дискурса с драматургией социального действия. Полученная в ходе исследования социологическая информация систематизирована в соответствии с методологией структурно-функционалистского подхода Р. Мертона [4]. Теоретико-методологической базой послужила концепция социокультурной модернизации, которая была сформирована в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН [1; 5; 7].

В качестве эмпирической базы исследования были использованы данные, полученные методом фокус-группы N университета (N9) со студентами двух филиалов в Узбекистане (N 4) и Таджикистане (N 5). Всего в опросе принимали участие 93 чел. (51 чел. – граждане Узбекистана и 42 чел. – граждане Таджикистана). В исследовании приняли участие студенты 3 курса бакалавриата факультетов гуманитарной направленности. Срок проведения исследования – ноябрь–декабрь 2023 г.

В ходе исследования были выявлены важные личные и профессиональные качества госслужащего с точки зрения как социальных характеристик, так и профессиональных навыков. Объектом

исследования стал набор доминирующих ценностных ориентаций государственных служащих Таджикистана и Узбекистана.

Структура анкеты содержала вопросы, отражающие цель и задачи исследования. Демографические характеристики участников исследования отражали культурные особенности регионов, для основной части принявших участие в опросе родным языком является узбекский или таджикский. Большинство респондентов составляла молодежь в возрасте 20–25 лет, из них женщин – 62%, мужчин – 38%, основная часть опрошенных относилась к этнической группе (91%).

Помимо проведенного исследования авторы опирались на материалы вторичного анализа данных интернет-ресурсов и результатов социологических исследований ВЦИОМ по аналогичной проблематике.

Престиж профессии государственного служащего в России снижается, что демонстрируют данные ВЦИОМ в разные периоды: в 2012 году около 20% респондентов связали бы свою жизнь с государственной службой и среди молодежи каждый третий хотел выбрать профессию государственного служащего¹. При выборе этой профессии граждан привлекала стабильность, льготы и уровень заработной платы. На первое место респонденты ставили уровень заработной платы (31%), наличие льгот (28%) и только на третье – служение Родине (16%). Аналогичный опрос ВЦИОМ в 2023 году показал, что респонденты считают наиболее престижной профессию в сфере информационных технологий (31%)², а вот профессию государственного служащего выбрали всего 2% (по сравнению с 2006 годом, когда эту профессию хотели выбрать 7% опрошенных).

Научный интерес представляет анализ мнений студентов других стран к работе государственной службы. Проведенный анализ литературы дает представление о состоянии государственной службы в Таджикистане, о путях развития в контексте разработки и становления законодательной базы по вопросам кадровой политики, привлечению молодежи на государственную службу, о перспективах применения искусственного интеллекта на государственной службе, существующих проблемах и путях решения этих проблем [10; 11].

Введение

Вначале обратимся к проведенному исследованию с таджикскими студентами. По мнению студентов,

¹ Я б в госслужащие пошел или госслужба: кого и чем она привлекает. Опрос ВЦИОМ от 25.05.2012. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ya-b-v-gossluzhashhie-poshel-ili-gossluzhba-kogo-i-chem-ona-privlekaet> (дата обращения: 08.06.2024).

² Профессии в России: престиж, доходность, востребованность от 05.07.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost> (дата обращения: 08.07.2024).

образ государственного служащего в Таджикистане играет важную роль в обеспечении эффективного функционирования государственной системы и обслуживании населения. В настоящее время общение с государственными служащими является неотъемлемой частью жизни каждого гражданина (жен., 25 лет). Однако в процессе такого общения могут возникать различные проблемы, которые затрагивают как личные, так и общественные аспекты. Частота общения с государственными служащими зависит от конкретной ситуации и потребностей гражданина (муж., 21 год).

Эффективная коммуникация между гражданами и государственными должностными лицами необходима для надлежащего функционирования демократического общества. Частота общения между населением в целом и государственными служащими варьируется в зависимости от конкретных ситуаций и потребностей отдельных лиц. Как правило, граждане взаимодействуют с чиновниками по различным поводам, таким как: подача заявления для получения государственных услуг; поиск информации; участие в общественных консультациях (муж., 25 лет).

Основные проблемы

Государственные служащие играют важную роль в обеспечении функционирования государства и предоставлении услуг гражданам. Однако, как и в любой стране, существуют определенные проблемы в общении с этой категорией работников, осложняющие взаимодействие с населением и снижающие социальное самочувствие. Молодые люди как в Таджикистане, так и в Узбекистане не часто обращаются в различные государственные структуры, но тем не менее этот процесс является неотъемлемой частью современной жизни.

Студенты из Таджикистана отмечают, что в процессе взаимодействия с государственными служащими гражданин может столкнуться с различными видами барьеров, которые могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и контекста. Ниже выделены некоторые из наиболее часто встречающихся проблем, приведенных в исследовании.

- Бюрократическая сложность. Государственные структуры часто могут быть сложными и бюрократичными. Это может вызывать трудности для граждан при получении информации, оформлении документов или решении своих вопросов.
- Длительные сроки и ожидание. Граждане могут столкнуться с длительными сроками обработки запросов, что может быть особенно проблематичным в случаях, требующих оперативного решения ситуации.
- Неудовлетворенность обслуживанием. Некачественное обслуживание со стороны государственных служащих может вызывать недоволь-

ство и негативное отношение со стороны граждан, а также приводить к уменьшению авторитета данного государственного органа.

- Коррупция (каждый второй опрошенный отмечал высокий уровень коррупции в своей стране). В ряде случаев может возникнуть проблема коррупции, когда государственные служащие злоупотребляют своим положением в обмен на взятки или личную выгоду.
- Технологические проблемы. Использование технологий в государственных службах может приводить к проблемам в случае сбоев, недостаточной обученности персонала или недоступности электронных сервисов для граждан, несмотря на удобство, которое предоставляют нам технологии.
- Непонимание требований. Граждане могут испытывать трудности из-за недостаточного понимания своих прав и обязанностей, что может сделать процесс взаимодействия менее эффективным.

Несмотря на усилия, предпринимаемые для улучшения предоставления государственных услуг и прозрачности в рамках государственной службы Таджикистана, по мнению некоторых студентов, сохраняется ряд проблем, препятствующих эффективной коммуникации между населением и чиновниками. Некоторые из заметных проблем, с которыми приходится сталкиваться, включают следующее.

- o Языковые барьеры: Таджикистан – многоязычная страна, официальным языком которой является таджикский. Однако гражданам, которые не говорят на таджикском как на своем родном, может быть трудно выразить свои опасения или понимать официальные сообщения. Этот языковой барьер препятствует эффективному диалогу и пониманию (муж., 22 года).
- o Недоступность информации: Государственные служащие несут ответственность за распространение точной и актуальной информации среди общественности. Однако были случаи, когда соответствующая информация была труднодоступной или передавалась некорректным образом, что приводило к путанице и разочарованию среди граждан (жен., 22 года).

Данные, полученные в ходе проведения фокус-групп в Узбекистане и Таджикистане, были сгруппированы и представлены в таблицах 1 и 2.

Студенты из Таджикистана среди проблем, возникающих при общении с государственными служащими, выделяли такие как: бюрократия, коррупция, а также отсутствие информированности.

В Узбекистане участники фокус-группы отметили следующие проблемы в общении с государственными служащими (табл. 2).

Наибольшее количество респондентов отмечали длительные сроки рассмотрения заявлений, сложности при решении жилищно-коммунальных

вопросов, а также сложности получения разрешений на различные виды деятельности.

Таблица 1. Проблемы в общении с государственными служащими

Проблема	Количество ответивших (человек)
Бюрократическая сложность	16
Коррупция	14
Недоступность информации	10
Языковые барьеры	9
Длительные сроки ожидания решения вопроса	6
Неудовлетворенность обслуживанием	6
Непонимание требований к предоставлению услуг	2

Источник: составлено на основании опроса студентов из Таджикистана.

Таблица 2. Проблемы в общении с государственными служащими

Проблема	Количество ответивших (человек)
Длительность сроков рассмотрения заявлений	28
Сложность решения жилищно-коммунальных вопросов	26
Сложности получения разрешений на различные виды деятельности	23
Длительность прохождения банковских операций	14
Недостаточная прозрачность и бюрократия	13
Перекалывание ответственности	11
Решение социальных проблем	7
Доступность медицинских услуг	5
Сложности с пониманием русского языка при получении государственной услуги	5
Отсутствию инициативности в решении вопросов	3

Источник: составлено на основании опроса студентов из Узбекистана.

В то же время респонденты из Узбекистана отмечали и положительные стороны общения с государственными служащими, особо подчеркивали эффективность их работы в решении следующих вопросов:

- в целом государственные органы достаточно компетентны и действуют строго в рамках законов, не возникало проблем со сроками исполнения, все строго по регламенту (муж., 20 лет);
- удобно и эффективно решаются вопросы поддержки малоимущим семьям, финансирование спортсменов (жен., 21 год);
- получение фактической информации. Например, предоставление основных сведений о за-

конах, правилах и общественных программах; помощь в понимании процедур: объяснение шагов и процессов, связанных с оформлением документов, запросами и другими административными процедурами; представление общей информации о государственных органах (жен., 20 лет);

- легко решать вопросы оплаты налогов, получения дополнительных документов (жен., 20 лет);
- наиболее эффективно решать вопросы, которые требуют оперативного реагирования и принятия решений на месте (муж., 20 лет);
- легче всего с госслужащими советоваться по их специфике, они хорошо разбираются в своей сфере (жен., 21 год);
- наиболее эффективно решаются финансовые операции и оплата услуг, решение вопросов по защите прав женщин и детей; обеспечение малообеспеченных семей, поддержка малого бизнеса (жен., 22 года);
- проблемы экологии и благоустройством района (каждый год проводятся работы по озеленению) (жен., 20 лет);
- вопросы бытового и правового характера (жен., 22 года);
- наиболее эффективно работают налоговые службы, где все хорошо структурировано (жен., 22 года);
- решение вопросов, связанных с документационным оборотом (жен., 20 лет).

В последние годы Правительство Узбекистана предпринимает значительные усилия по упрощению процедур для предпринимателей и инвесторов, что способствует развитию бизнеса и экономики в стране.

Личные и профессиональные качества государственного служащего

Личные и профессиональные качества играют важную роль для государственных служащих в Таджикистане и Узбекистане. Участники фокус-групп подчеркивали, что они должны быть преданными своей работе и готовыми служить интересам общества. Государственные служащие должны быть честными, справедливыми и непредвзятыми, чтобы обеспечить равноправное обслуживание всех граждан (жен., 22 года). Они также должны быть готовыми к постоянному самообразованию и развитию своих профессиональных навыков, чтобы быть в курсе последних изменений и нововведений (жен., 21 год).

На вопрос о необходимости патриотических качеств у государственного служащего студенты в основном отвечали положительно (83%). Студент из Узбекистана отметил (муж., 22 года), что «государственный служащий должен знать, зачем и чему он служит, испытывать чувство любви к своей родине и чувствовать ответственность перед ней и народом».

все государственные служащие должны уметь эффективно общаться с людьми.

Таким образом, государственные служащие как в Таджикистане, так в Узбекистане должны обладать как личными, так и профессиональными качествами, чтобы обеспечить эффективное функционирование государственных институтов и предоставление качественных услуг гражданам. Их честность, ответственность, уважение к гражданам, профессионализм и эффективность играют важную роль в достижении этой цели.

Образ государственного служащего

Образ государственного служащего ассоциирован с профессионализмом, доброжелательностью, отзывчивостью и готовностью помогать гражданам. Государственные служащие являются представителями власти, которые работают на благо общества и должны быть готовы отвечать за свои действия. И подчас нравственность и этика выступают социально-правовым регулятором профессиональной деятельности государственного служащего [6, с. 142].

На имидж государственного служащего в Таджикистане влияют несколько факторов, включая общественное восприятие, исторический контекст и личный опыт. Хотя государственные служащие рассматриваются как лица, занимающие руководящие посты, имидж может варьироваться в зависимости от конкретного опыта общения граждан с государственными должностными лицами. Имидж государственного служащего в Таджикистане может формироваться с помощью следующих атрибутов (жен., 22 года).

- Профессионализм и компетентность. Государственные служащие, которые профессионально выполняют свои обязанности и демонстрируют высокий уровень компетентности, воспринимаются положительно. Ожидается, что эти люди будут обладать современными знаниями, навыками и экспертным опытом для эффективного решения общественных проблем.
- Прозрачность и подотчетность. Положительный имидж формируется, когда государственные служащие прозрачны в своих действиях, обеспечивая подотчетное управление, которое придерживается этических стандартов и поддерживает доверие к государственным институтам.
- Менталитет государственной службы. Государственные служащие, которые ставят во главу угла интересы общества, демонстрируют эмпатию и стремятся предоставлять качественные услуги, как правило, пользуются благосклонным отношением.
- Эффективность. Государственные служащие, которые эффективны и могут эффективно справляться с бюрократическими процессами, способствуют созданию положительного имид-

жа. Своевременное и удовлетворительное разрешение запросов и озабоченностей граждан влияет на то, как воспринимаются государственные служащие.

Государственный служащий представляет собой профессионала, занятого на государственной службе, чьи обязанности направлены на выполнение функций в интересах государства (жен., 22 года). Он может заниматься широким спектром задач, начиная от административных функций до разработки и реализации государственной политики.

В таджикском обществе ценится высокий уровень профессионализма и образования у государственных служащих (муж., 20 лет). Обычно, чтобы успешно занимать позицию в государственных органах, требуется не только высшее образование, но и специализированные навыки, соответствующие области службы.

Важной чертой образа государственного служащего в Таджикистане является его связь с национальной идентичностью и патриотизмом (муж., 20 лет). Государственные служащие часто рассматривают свою работу как служение обществу и стремятся к улучшению благосостояния граждан.

Традиционные ценности включают в себя уважение к старшим, семейные ценности и строгий этикет. Эти аспекты отражают важность межличностных отношений и культурных норм в общении государственных служащих с коллегами и гражданами.

С учетом современных вызовов государственные служащие в Таджикистане также сталкиваются с необходимостью адаптации к новым технологиям и изменениям в социально-экономической сфере (жен., 22 года). Важными качествами в этом контексте являются готовность к инновациям, умение эффективно использовать современные технологии и принимать решения в условиях быстро меняющейся действительности. В Узбекистане многие студенты отмечали, что цифровые технологии облегчают процесс получения государственных услуг.

Многие респонденты подчеркивают, что цифровизация повышает эффективность качества услуг, прозрачность и открытость. Цифровизация во многом облегчает процессы оформления, замены и получения каких-либо документов, дает огромные возможности и сильно упрощает общение граждан с государственными службами, дает экономию времени, можно оперативно получать ответа на все вопросы, быстрее проходит перепись населения, упрощаются бюрократические процедуры и мониторинг всей активности граждан. В качестве примера один из студентов привел возможность с помощью цифровых технологий любому гражданину Республики Узбекистан зарегистрироваться в качестве предпринимателя на едином портале (муж., 21 год).

В ряде случаев может возникать недовольство из-за коррупции в государственных структурах. Это может включать в себя взяточничество, злоупотребление властью и другие формы недобросовестного поведения, что оказывает негативное воздействие на общественное доверие к государственным службам.

Низкое качество обслуживания и недостаточное внимание к потребностям граждан также вносят свой вклад в формирование негативного образа государственного служащего. Отсутствие профессионализма и дружелюбного отношения может вызывать разочарование и усиливать негативные восприятия.

В итоге можно отметить, что образ государственного служащего представляет собой профессионального, компетентного и преданного своей работе человека, стремящегося к постоянному повышению качества жизни граждан, а также эффективному выполнению своих полномочий и обязанностей.

Что нужно изменить в обучении студентов

Высокий уровень профессионализма подразумевает не только глубокие знания в своей области, но и умение применять их на практике с максимальной пользой для общества. Государственные служащие должны следить за изменениями в своей сфере, постоянно обновлять свои знания и навыки. Сфера государственной службы часто подвергается изменениям. Государственные служащие, стремясь к профессиональному развитию, обеспечивают актуальность своих знаний и умений, что важно для эффективного выполнения служебных обязанностей.

Образ государственного служащего в Таджикистане, как и во многих других странах, подвержен воздействию различных факторов, которые могут создавать как положительные, так и негативные перспективы. Их образ в значительной степени формируется под влиянием сочетания традиционных ценностей, культурных особенностей и современных вызовов.

По мнению студентов, помимо теоретического обучения, следует предоставлять больше практического опыта, чтобы лучше понять свою будущую профессию и быть готовыми к реальным вызовам и проблемам. Также важно проводить строгое воспитание, чтобы студенты осознавали свою ответственность перед обществом и правильные принципы работы в государственной службе. Обмен опытом с зарубежными студентами и коллегами может быть полезным для развития навыков и поднятия уровня профессионализма государственных служащих.

Важно включить в учебные программы специальные курсы по профессиональной этике, коммуникации и управлению, чтобы студенты приобрели необходимые навыки и знания для работы в государственной службе. Также студентам сле-

дует предоставить возможности для практического опыта работы в государственных организациях, чтобы они могли применить свои знания на практике и развить необходимые навыки.

Обеспечение комплексного и сбалансированного образования в университетах с учетом различных аспектов будет способствовать подготовке высококвалифицированных и эффективных государственных служащих. Следует уделить внимание нескольким ключевым аспектам.

- Разработка специализированных программ, охватывающие теоретические и практические аспекты работы в государственных структурах.
- Установление партнерства с государственными органами для организации практических занятий.
- Обучение этики государственной службы и лидерским навыкам.
- Включение в программу кейс-стади и обсуждения этических дилемм.
- Включение в программу занятия по цифровой грамотности.
- Способствование развитию навыков публичных выступлений, письменной и устной коммуникации.
- Организация тренингов по взаимодействию с обществом и СМИ.
- Содействие возможностям международного обмена и сотрудничества с университетами в других странах.
- Организовать систему менторства, где опытные госслужащие могут поддерживать и направлять студентов.

Важно отметить, что образ государственного служащего также формируется под влиянием традиций, культуры и современных вызовов в конкретной стране, в данном случае в Таджикистане. В этой стране очень ценятся такие качества, как национальная идентичность, патриотизм и традиционные ценности, уважение к старшим и семейные ценности. Однако современные вызовы требуют от них адаптации к новым технологиям и изменениям в социально-экономической сфере.

Один из студентов предложил внедрить дополнительные занятия по этике человеческого поведения в обществе (муж, 22 года), прививая молодежи правильное отношение к любому слою населения.

Обучение студентов должно акцентироваться не только на формальных процедурах, но и на развитии коммуникационных навыков, решении проблем и работа в условиях многокультурного общества. Эти изменения помогут формированию нового поколения государственных служащих, способных эффективно отвечать на вызовы современности и служить интересам населения Таджикистана (жен, 21 год).

Важно включать в образовательные программы специальные курсы и тренинги по развитию личных и профессиональных качеств, а также ак-

центрировать внимание на практических навыках работы с людьми и решении сложных ситуаций. Также необходимо уделить большее внимание этике и моральным принципам работы государственных служащих (муж., 22 года).

Выводы

Обобщение полученных результатов подтвердило, что проблемы, с которыми сталкивается население как в Таджикистане, так в Узбекистане, имеют социокультурные особенности. Принципиально важным является понимание роли и значения в жизни общества государственной службы и государственного служащего.

Использование компаративного анализа и дискурс-анализа представлений студентов высшего образования Таджикистана и Узбекистана об образе государственного служащего позволило определить, что частота и качество общения между населением и чиновниками играют важную роль в формировании государственного управления и государственных услуг в Таджикистане и Узбекистане. Несмотря на предпринимаемые усилия по улучшению коммуникации, крайне важно решать проблемы, с которыми сталкиваются граждане, включая языковые барьеры, недоступность информации, коррупцию и недостаточную оперативность реагирования. Решая эти проблемы, можно создать более прозрачную, подотчетную и ориентированную на интересы граждан систему управления, что в итоге улучшит общее качество жизни населения страны.

Важность личных и профессиональных качеств для государственных служащих в Таджикистане и Узбекистане трудно переоценить. Честность, уважение, адаптивность и сильные коммуникативные навыки являются важнейшими личностными качествами, способствующими общественному доверию и эффективному взаимодействию с гражданами. В то же время знания, профессионализм, командная работа, способность решать проблемы и политическая нейтральность являются теми профессиональными качествами, которые позволяют государственным служащим эффективно выполнять свои функции. Уделяя приоритетное внимание развитию и укреплению этих качеств, можно создать компетентную и преданную своему делу государственную службу, которая эффективно служит обществу и вносит свой вклад в прогрессивное развитие страны.

Для формирования положительного имиджа государственных служащих в Таджикистане и Узбекистане решающее значение имеют изменения в подготовке студентов. Создание целостной учебной программы, практического опыта, этического тренинга, развития мягких навыков и постоянного профессионального развития могут улучшить набор навыков и личностных качеств, необходимых государственным служащим. Сосредоточив вни-

мание на этих аспектах, можно воспитать новое поколение государственных служащих, профессионализм которых укрепит общественное доверие к государственной службе.

В итоге образ государственного служащего в этих странах должен строиться на принципах служения обществу, эффективной работы и уважения к гражданам. Это должны быть люди, способные находить решения для разнообразных запросов населения, внимательные к деталям и готовые развиваться вместе с обществом.

Безусловно, нормативно-правовая база включает большинство аспектов, необходимых для осуществления базовых, конституционных прав граждан, но большинство взаимоотношений, в которые человек вступает в обществе, регулируются морально-нравственными и этическими нормами поведения. Эти нормы поведения, на наш взгляд, для каждого гражданина независимо от социального статуса, финансового положения или занимаемой должности должны иметь силу закона, то есть выполняться безукоризненно.

Сравнительный анализ ценностных показателей образа государственных служащих студентов Центрально-Азиатских стран позволил определить направления корректировки поведения государственных служащих с учетом их ценностных ориентаций, что в свою очередь будет способствовать более позитивному восприятию государственных служащих в глазах общественности не только в Центрально-Азиатском регионе, но и в России, а также представляет практический интерес для лучшего понимания процессов, происходящих в этих республиках, учитывая нарастающие международные проблемы.

Литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. Редкол.: Н.И. Лапин(пред.), Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М.: Весь мир, 2016. 360 с.
2. Зборовский Г.Е. Методологические подходы к исследованию социального благополучия молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 4. С. 8–19. DOI 10.15593/2224–9354/2021.4.1.EDN AIAACB.
3. Ильин И.А. О сущности самопознания. М.: Репорт, 1993. 235 с.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Пер. с фр. Е.А. Самарской. Ред. перевода М.Н. Грецкий. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.

6. Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Образ государственных служащих в России в представлении студентов // *Власть*. 2024. Т. 32. № 1. С. 137–143. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-1-137-143>.
7. Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общей редакцией Н.И. Лапина. Институт философии РАН. М., 2022. 360 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. полит. статьи, выступления и интервью. М., 2006. 384 с. ISBN 5-910574-23-0.
9. Хэбермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир, 2022. 880 с. ISBN 978-5-7777-0856-4.
10. Эргашева Ф.М. Государственная служба Таджикистана: проблемы и новации // *Государственное управление*. 2022. № 1(55). С. 250–256.
11. Эргашева Ф.М. Искусственный интеллект: перспективы применения на государственной службе Таджикистана // *Государственное управление*. 2021. № 3(52). С. 260–266.
12. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. Boston: Addison Wesley Publishing Company. 1995. 266 p.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGE OF CIVIL SERVANTS AS REPRESENTED BY THE STUDENTS FROM THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS

Rybakova M.V., Ivanova N.A.
Lomonosov Moscow State University

The purpose of this study is to discuss the problems that people face when interacting with civil servants in the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan, identify important personal and professional qualities required by civil servants in these countries, both in terms of social characteristics and professional skills. The main results of comparative analysis and discourse analysis of the ideas of students of higher educational institutions in Tajikistan and Uzbekistan about the image of a civil servant are presented. The object of the study was a set of dominant value orientations of civil servants. A comparative analysis of the image of civil servants in Central

Asian countries made it possible to determine directions for adjusting the behavior of civil servants taking into account their value orientations, which in turn will contribute to a more positive perception of civil servants in the eyes of the public not only in the Central Asian region, but also in Russia, and is also of practical interest for a better understanding of the processes occurring in these republics.

Keywords: civil servants, civil service, comparative analysis, discourse analysis, value orientations, professional qualities, students.

References

1. Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems / Compiled and edited by N.I. Lapin. Editorial Board: N.I. Lapin (chairman), L.A. Belyaeva, N.A. Kasavina. Moscow: Ves' mir, 2016. 360 p.
2. Zborovsky G.E. Methodological Approaches to the Study of Social Well-Being of Young People // *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*. 2021. No. 4. pp. 8–19. DOI 10.15593/2224–9354/2021.4.1.EDN AIAACB.
3. Ilyin I.A. On the Essence of Self-Knowledge. Moscow: Report. 1993. 235 p.
4. Merton R. Social structure and anomie // *Sociology of crime (Modern bourgeois theories)*. Translated from French by E.A. Samarskaya. Translation editor M.N. Gretskey. Moscow: Progress Publishing House. 1966. Pp. 299–313.
5. Problems of socio-cultural modernization of Russian regions / Compiled, general editor: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: «Academia». 2013. 416 p.
6. Rybakova M.V., Ivanova N.A. The image of civil servants in Russia in the minds of students // *Power*. 2024. Vol. 32. No. 1. Pp. 137–143. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-1-137-143>.
7. Sociocultural studies of Russia's post-Soviet transit / Edited by N.I. Lapin. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, 2022. 360 p.
8. Foucault, M. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews*. Moscow, 2006. 384 p. ISBN 5-910574-23-0.
9. Habermas, J. *Theory of Communicative Activity*. Moscow: Ves' mir, 2022. 880 p. ISBN 978-5-7777-0856-4.
10. Ergasheva, F.M. Public Service of Tajikistan: Problems and Innovations // *Public Administration*. 2022. No. 1 (55). P. 250–256.
11. Ergasheva, F.M. Artificial Intelligence: Prospects for Application in the Civil Service of Tajikistan // *Public Administration*. 2021. No. 3(52). P. 260–266.
12. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. Boston: Addison Wesley Publishing Company. 1995. 266 p.

Содержание феномена «рентное общество» в российских условиях на основе социоресурсного подхода

Игумнов Олег Александрович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Платонова Елена Дмитриевна,

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: platonova.e@mail.ru

В статье представлен критический анализ теоретического обоснования понятия «рентное общество», формирующегося в результате трансформации существующего общества труда. Авторами предложено рассматривать понятие «рентное общество» не только с позиций положений экономического и политического разделов социальной науки, но и с включением социологического компонента. Это обеспечивает научную полноту и теоретическую обоснованность относительно нового концепта – «рентное общество». Выводы авторов основаны на понимании ренты как социального отношения, что определяет необходимость социологической интерпретации её содержания с позиций социоресурсного подхода, в рамках которого основной формой социальных ресурсов выступает социальный капитал организации. Авторами критически оцениваются теоретические построения, характеризующие новые социальные слои (прекариат, «исключённые», «страдающие социальные группы»), которые отражают социальные последствия имплементации нелиберальных идей в современную «ткань» рыночного капитализма. Уточнение содержания понятия «общество ренты» на основе междисциплинарной интеграции в изучении актуальных проблем современного российского общества позволило актуализировать концепт – «общество социальной ренты», который более точно определяет изменения в социальной структуре общества.

Ключевые слова: рентное общество, общество труда, рента, социальный капитал, социальные ресурсы, социоресурсный подход, социальное отношение, субъектность, субъект-субъектный подход в управлении, социальная солидарность.

В последнее время в научных публикациях активно дискутируется проблема становления рентного общества в РФ. В работах, посвящённых данной проблеме, авторами, с позиций преимущественно политической науки, представлен анализ феномена ренты как фундамента экономической и политической жизни современных обществ [14; 15]. Основываясь на тезисе об усилении рентных оснований эволюции капитализма, рынка и демократии, исследователи делают вывод о формировании «нового рентного общества». Авторы утверждают, что «политическое мышление современности во многом определено своего рода экономизмом – экспансией экономического мышления <...>. Поэтому политическая мысль, особенно в её идеологическом аспекте, пронизана экономическими метафорами» [15, с. 7].

Одной из подобных «метафор» проponentы концепции рентного общества пользуются при определении ренты как «маргинализованного» понятия, «поскольку в его основе содержится представление о неза заслуженном, незаработанном, исключительном преимуществе, которое не может быть устранено путём воздействия неких общих закономерностей» [15, с. 8]. Очевидно, что данная концептуальная посылка расширяет коннотацию понятия «рента», выводя её из собственно экономического в политэкономическое поле. Оставляя за рамками аргументы в пользу подобного перевода, отметим, что наряду с понятием «экономическая рента» ими активно используется понятие «социальная рента», понимаемое как «присвоение труда другого, социальное паразитирование», обусловленное статусом [15, с. 13].

В условиях кризиса «общества труда» становление «рентного общества» можно рассматривать как своеобразный «рентный поворот» в экономической и политической науках. Однако концепт «рентное общество» будет теоретически неполным, не будучи дополненным социологической составляющей. Данный вывод обусловлен принципиальным положением о ренте как *отношении*, которое не сводится только к «присвоению» и перераспределению результатов труда других. Вместе с тем понятие «рента» требует переосмысления с позиций социологической науки именно как *социальное отношение*, которое направлено не только, и не столько на присвоение, сколько на изменение характера и содержания отношений в социуме.

В настоящее время социологический аспект анализа социальной ренты сторонниками рент-

ного общества лишь обозначен, что обусловлено не только экономическим, но и политическим империализмом их исходных теоретических позиций. В связи с указанным обстоятельством целесообразно остановиться на некоторых аспектах данного подхода, что будет, по нашему мнению, способствовать формированию новых сегментов проблемного поля социологической науки вообще и, в частности, социологии управления. Тем более что и сторонники рентного подхода отмечают, что «понятие ренты тесно связано с понятиями социальной структуры, социального неравенства <...>, легко переводится на язык социологии... и полностью релевантно при анализе широкого спектра ... социальных феноменов» [15, с. 27]. Кроме того, в основе ренты, по их мнению, «лежит пользование неким даром природы или его *социальным эквивалентом*» (выделено нами – **О.И., Е.П.**) [15, с. 27].

Несмотря на декларирование экономико-политологического подхода к исследованию ренты, его сторонники интуитивно придерживаются социологической коннотации, которая, хотя и присутствует подспудно, тем не менее, определяет вектор анализа ренты как социального отношения. Это проявляется как в использовании социологической терминологии (социальный порядок, социальные группы, социальная мобильность, социальная норма), так и в отсылке к структурно-функциональной парадигме в социологии, которая, впрочем, трактуется ими весьма упрощённо – как объясняющая социальное неравенство тем, что «социальная стратификация выполняет важную социальную функцию, а именно – позволяет поощрять наиболее способных и инициативных», отмечая, что социологическая теория выступает одним из примеров «современных дискурсов, служащих легитимации социального неравенства и социальной ренты» [15, с. 23].

К утверждению о том, что «в вопросе о ренте трудно отделить *чистую* экономику от политики» [15, с. 25], нам представляется логичным добавить и сомнение в том, что при анализе ренты как социального явления возможно обойтись без социологической интерпретации её собственно *социального* содержания. Тем более что интуитивно осознаваемая авторами социологическая составляющая проявляется в их тезисе о том, что «по мере развёртывания соответствующих социально-экономических процессов одни люди по отношению к другим оказываются такими же *дарами природы*, как земля, воздух, вода или полезные ископаемые» [15, с. 25].

Указанное положение соответствует в определённой степени нашему пониманию социальных отношений как социального ресурса особой – нематериальной – природы. Их характеристика подробно рассмотрена нами в ряде публикаций, в которых обоснован социоресурсный подход в социально ориентированном управлении организаци-

ями [7; 8]. В этой связи концептуально значимым выступает положение английского социолога Э. Гидденса о том, что социальные ресурсы не являются объективными, возникают в ходе деятельности людей, и поэтому их можно интерпретировать как «средства, с помощью которых исполняется власть, рутинная составляющая осуществления поведения в социальном воспроизводстве» [2, с. 147].

Социальные ресурсы трактуются в двух смыслах. В узком смысле под социальными ресурсами понимаются социальные акторы и контексты их взаимосвязей. В этом качестве они, по мнению американского социолога Дж. Коулмана, наращиваются и обмениваются посредством социальных связей, которые являются основополагающим ресурсом *per se*, что и определяет их ценность в процессе достижения целей, добиться которых при их отсутствии невозможно [9].

В широком смысле социальные ресурсы определяются как «воспринимаемые в качестве таковых в процессах взаимодействия» [18], то есть непосредственно включённые в обеспечение динамики социальных процессов и социальной структуры.

Данный вид ресурсов, как показали наши исследования: а) обладает уникальностью, поскольку он невоспроизводим в других организациях в той форме, в которой он существует в конкретной организации; б) дополняет (а в некоторых случаях и заменяет) ресурсы традиционных форм, что особенно актуально в условиях их дефицита; в) обладает способностью к воспроизводству, не уменьшаясь, а прирастая в процессе использования; г) представляет собой значимый фактор повышения конкурентоспособности организации.

В результате историко-социологического анализа теоретических подходов к исследованию социальных ресурсов организации выявлена их основная форма – социальный капитал как ресурс, определяемый характером социальных отношений между субъектами управления, опосредованных функционально обусловленной деятельностью и их социально-значимыми интересами [4]. Указанный концепт, по нашему мнению, в достаточной степени позволяет интерпретировать понятие «социальная рента», поскольку содержит в себе ключевое понятие «капитал», онтологически связанное с понятием «рента».

Исходной посылкой для анализа понятия «рента» является её социологическая коннотация. Вместе с тем в политэкономическом смысле с позиции воспроизводства экономическая рента как «любой доход от производительного использования ресурсов» образуется вследствие определённых (хотя бы однократных) вложений (инвестирования) в ресурсы и их использование в процессе производства [17]. Поскольку в нашем подходе ресурсом выступают социальные отношения, основанные на доверии и нормах, инвестиции не-

обходимы в их развитие и поддержание, что обеспечит своеобразный социальный «доход» при условии, что: а) инвестировать в данный ресурс будут все участники отношений в равной степени, б) инвестиции будут осуществляться на основе принципа реципрокности (взаимности), в) инвестиции будут осуществляться на основе универсализма социальных норм и правил, г) проявления организационно-управленческих эффектов, обеспечиваемых использованием социальных ресурсов, будут распространяться на всех субъектов управления в организации.

Однако, в отличие от ренты экономической, социальная рента обеспечивает социальные эффекты в процессе управления организацией. Одним из наиболее значимых эффектов использования социального капитала как основной формы социальных ресурсов выступает повышение уровня синергичности совместной деятельности в организации, характеризующейся амбивалентностью, фиксирующейся как: а) «капитальное в социальном» и б) «социальное в капитальном».

Проявление «капитального в социальном» предполагает понимание социального капитала как такового, как ценности, использование которой приводит к созданию новых ценностей, представляя собой целенаправленное генерирование дополнительной трудовой энергии созидательной деятельности, определяемой качеством социальных отношений.

Проявление «социального в капитальном» основано на формировании положительной обратной связи творчески-трудовой энергии с качеством породивших эту энергию социальных взаимодействий. Формы социальных взаимодействий, доказавшие свою полезность, институционализируются в форме социально-экономических активов субъекта (уровне дохода, различных формах участия в творческих коллективах и группах и т.п.).

Изложенное даёт основание для важного в теоретическом отношении вывода о том, что социальные отношения, основанные на доверии, реципрокности и нормах, составляют основу «социальной ренты», доступной для всех акторов социальных отношений («действующих акторов» по А. Турену). При этом данный вид ренты не предусматривает присвоения акторами себе чего-либо «незаслуженного, незаработанного» за счёт других. Наоборот, инвестирование в социальные отношения становится условием приобретения «рентных» преимуществ всеми участниками социальных процессов.

Инвестирование в «социальное», в отличие от инвестирования в «экономическое», не обладает материальной формой (инвестиции в доверие, формирование отношения к «другому» как к равному «субъекту»), что делает его доступным для всех участников взаимодействия. Очевидно, что подобная «инвестиция», по нашему мнению, обеспечивает не только качественно иной уровень со-

циальных отношений, но и реальное приращение результативности организации, поскольку положительное изменение социально-психологического климата значимо влияет на результативность профессиональной деятельности.

Объективности ради отметим, что в этом случае создаются дополнительные условия и для формирования экономической ренты, которая, по общему правилу рыночного капитализма, будет распределяться в соответствии с социальным статусом акторов, что не предполагает равенства в доступе к полученным благам. Данный процесс достаточно основательно представлен в политэкономических работах К. Маркса и его последователей, что избавляет нас от необходимости его дополнительной конкретизации [11; 12].

Другим аспектом «социализации» ренты выступает проблема, определяемая, по мнению российского политолога Л.Г. Фишмана и ряда других авторов, «столкновением инструментальной и нормативной социальной рациональности, когда первая претендует на автономию от второй» [цит. по: 15, с. 256]. Данную проблему сторонники рентного подхода рассматривают с неолиберальных позиций, обосновывая её рассуждениями о «неизбежности сосуществования альтернативных этик», обусловленной, по их мнению, «институциональной дифференциацией самого современного общества, когда любому индивиду приходится одновременно быть членом разных сообществ, каждое из которых претендует на выработку имманентного варианта этики» [15, с. 256]. Данная посылка приводит к выводу о том, что «индивид, обладающий множественной идентичностью, будет легко переключать этические модальности, в зависимости от того, в каком институциональном контексте он действует в данный конкретный момент» [15, с. 256].

Очевидно, что в данном случае логичным будет предположение о возникновении ценностных конфликтов в рамках организаций; в частности, «распадение» ценностей субъекта и организации не позволит сформировать когнитивный компонент социального капитала (ценности, цели, корпоративный тезаурус, корпоративные знания, традиции, нормы, правила, нарративы и интерпретация артефактов) и поддерживать его функционирование. В этих условиях, по мнению немецкого философа К. Шмитта, формируется «плюрализм лояльностей», не предполагающий «...иерархии обязательств, никакого безусловно значимого принципа главенства и подчинения» [19, с. 239].

Продолжая эту мысль, отметим, что в данном подходе организация утрачивает роль своеобразного морального регулятора не только в профессиональной сфере, но и в более широком смысле. Это, по нашему мнению, не способствует и формированию социальной солидарности в рамках организации, предполагающей сосуществование субъектов управления на условиях принципа «многообразия в единстве» («единство без слия-

ния, различие без розни»), основанном на одобряемых и принимаемых всеми членами организации ценностях и нормах. При этом многообразии обеспечивается не за счёт единства, а на его основе, поскольку одной из ведущих идей социальной солидарности выступает идея о необходимости «жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех», обоснованная русским философом Н.Ф. Фёдоровым [13].

Социальная солидарность в современных условиях выступает как один из факторов, скрепляющих как общество в целом, так и организации как его составляющие. Кроме того, в рамках формирования реляционного компонента социального капитала актуализируется проблема социальной субъектности членов организации, обостряющаяся, по мнению ряда авторов, в связи с «закатом общества труда и переходом его в какое-то иное, ещё не вполне ясное качество» [15, с. 278], который привёл к «кризису идентичности прежнего трудового социального субъекта» [15, с. 281].

Рассматривая понятие «социальный субъект» в сочетании с атрибутивом «трудовой» отметим, что подобное словосочетание представляется своеобразным оксюмороном, употребление которого можно рассматривать как проявление концептуального «инжиниринга», сопровождающего большинство исследований неолиберальной направленности и отражающих функциональную парадигму научного знания, а также новые констелляции концепций и соответствующие им концептуальные метафоры.

В строго социологическом смысле социальным субъектом выступает индивид как носитель социального действия, самостоятельно определяющий и реализующий комплекс целей. При этом любая редукция субъектности исключительно к профессиональной (трудовой) сфере, по нашему мнению, неправомерна. В ряде публикаций мы неоднократно доказывали, что современные подходы в управлении организациями основаны на изменении представлений об отношениях субъекта и объекта управления в классических схемах данного процесса [4]. В частности, в основе современного управления принципиальной выступает позиция, в соответствии с которой базовой предпосылкой управления является изменение в понимании прежнего объекта управления как «подчинённого» субъекту управления компонента: теперь он рассматривается как «равный другой».

Принятие указанной позиции, обладающей значимым потенциалом в управлении организациями, порождает одновременно проблему амбивалентности статуса индивида, который, в силу специфики роли в процессе управления, выступает и как объект управленческого воздействия, и как субъект управления, обладающий свойствами актора. Свойство амбивалентности субъекта позволяет поставить вопрос о том, «что именно преобладает у каждого конкретного социального индивида... —

качество субъекта преобразования социальных условий или качество объекта их воздействия» [10, с. 87]. Иными словами, это вопрос о *качестве* социальной субъектности.

Другой аспект данной проблемы представляется нам обусловленным транзитом от «общества труда» к «обществу ренты», который фиксируется в отдельных публикациях [14, 15]. Развивая мысль о динамике общественного развития в направлении общества ренты, сторонники рентного подхода под влиянием неолиберализма отмечают, что «современные страдающие классы, вроде прекариата, или приближающиеся к ним группы трудно считать субъектами преобразования социальных условий» [15, с. 282]. Это, собственно, и имеется в виду, когда речь идёт о потере субъектности. В итоге смена общества труда обществом ренты приводит к превращению субъектов труда в «производителей ренты»...

На основе данной посылки презюмируется, что современные идеологии не исчезают, а «трансформируются в парадигме утраты субъектности... и дискурсы отложенной субъектности», каковыми «их делает надвигающаяся тень *рентного общества* [14], в котором большая часть населения окажется экономически непродуктивной и поэтому лишней, однако безболезненно избавиться от неё в силу политических соображений будет невозможно» [15, с. 282].

С указанным выводом и обосновывающими его предпосылками сложно согласиться по следующим основаниям. Прежде всего, следует поставить вопрос о причинно-следственных связях появления «страдающих классов» и прекариата как одной из основных их форм. Пропонентам «рентного общества», по нашему мнению, следовало бы признать, что само появление «страдающих классов» есть проявление «провалов» рынка, прежде всего, затрагивающих социальную структуру, о которых предупреждали ведущие советские и российские экономисты в период рыночной эйфории 90-х годов XX века, а также реализации «шапкозакидательской», по сути, программы построения рыночного общества в одной отдельно взятой стране за 500 дней.

Изменения в структуре занятости, усугубляемые процессом перехода к новому технологическому укладу и цифровой экономике, объективно приводят к трансформации социальной структуры. Однако появление прекариата не представляется, по нашему мнению, абсолютно неизбежным, поскольку в условиях рыночной экономики регулирующая роль государства не снижается, а возрастает, что приводит к интервенционизму, в том числе и в странах с высоким уровнем развития рыночной экономики. Система мер социальной поддержки, профессиональная переподготовка волне могли бы придать этому процессу смягчённые по социальным последствиям формы. Вместо этого сторонники концепции рентного об-

щества обосновывают переход от идеологии труда, базирующейся на идее «труд как основа идентичности, субъектности» к ренте как к «компенсации за утрату такой идентичности», «либо компенсации за утрату власти над собственной судьбой» [15, с. 283, 286].

Данная позиция представляется, однако, не столь новой и выступает как очередное «переиздание» социал-дарвинизма в его реформистском проявлении, отражающем основные постулаты лессеферизма, ставящих человека перед выбором: «либо плыви, либо утони», признавая всех, кто не смог приспособиться к рыночным условиям, «людьми низшего сорта». Остаётся поставить вопрос о необходимости реализации основных идей эвгеники и логический круг замкнётся...

В нашем понимании, данная проблема должна решаться в ином ключе. Общеизвестно, что люди становятся субъектами под воздействием социальных условий лишь в той мере, в какой они сами активно изменяют эти условия. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса приведена известная «формула», которая утверждает, что «... обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [11, с. 37]. Если исходить из равенства формального объёма понятий «люди» и «обстоятельства», не определяя их как общее и частное, то, по мнению Ю.В. Лоскутова, «со стороны содержания данных понятий «люди» (социальный субъект) шире, содержательнее, чем «обстоятельства», «условия» (объект целенаправленного воздействия людей)» [10, с. 87].

Так, например, способность к труду как важнейшее человеческое качество, по мнению классиков, «включает в себя самый труд и его условия (предмет и средства труда)» [11, с. 189]. Это означает, что социальный субъект обладает способностью к постоянному самосовершенствованию посредством включения в своё содержание объектов его деятельности. Деятельность воспроизводит свои условия в качестве своих результатов, поэтому, «строго говоря, не условия создают людей, а люди создают самих себя посредством изменения условий» [1, с. 19].

На основе приведённых аргументов можно сделать практикоориентированный вывод: в условиях трансформаций современного общества основной целью управленческой деятельности становится предоставление людям возможностей для «создания самих себя», формирования собственной субъектности, основанной на возможности самореализации в труде в рамках индивидуальной профессиональной траектории. Реализации данного вывода в рамках организаций в определённой степени будет способствовать разработанный социоресурсный подход в управлении, основанный на преимущественном использовании социальных ресурсов в управлении в условиях дефицита ресурсов традиционных форм, а также положения концепции социального капитала организации,

образованного структурным, реляционным и когнитивным компонентами [5; 8].

Реляционный компонент социального капитала определяет субъект-субъектный подход в управлении и создание социальной среды, способствующей как повышению уровня субъектности членов организации, так и приращению социального капитала организации как совокупности субъектов-действующих акторов [3]. Необходимо отметить, что на указанную цель ориентирует бизнес-сообщество и манифест «Новая эпоха управления», в котором провозглашены следующие фундаментальные положения: «переход от управления через контроль к управлению через совместное целеполагание и общие ценности; переход от управления через власть и авторитет к поиску синергии между интересами компании и интересами сотрудников; переход от клиентоцентричной модели бизнеса к *человекоцентричной*» [20].

Считаем необходимым обратить внимание на позицию представителей рентного подхода по вопросу о трансформации сознания «отдельных поднимающихся социальных групп», составляющих «явное меньшинство населения». Данная трансформация, по мнению сторонников данного подхода, «выражается в педалировании проблематики общества, общественного блага, социального капитала, необходимости согласования интересов, достижения справедливости...», а также в росте «коммунитаристской парадигмы» [15, с. 287]. Примечательно также, что дискурс справедливости рассматривается в качестве признака «исчерпания модели капитализма как общества труда» [15, с. 288].

Коммунитаристская идеология, возникшая на волне критики либерализма, в современных условиях в значительной степени способствует возвращению субъектности тех, кто в результате активного продвижения либеральных идей зачислен в разряд «исключённых». «Взлёт популярности дискурса справедливости во второй половине XX века», который отмечен в публикациях сторонников концепции «рентного общества» [14; 15], на наш взгляд, явился не столько признаком «исчерпания модели капитализма как общества труда», сколько признаком исчерпания модели социальных отношений, которые были сформированы в результате дисфункций определённой социально-экономической модели. Именно данной модели требуется «социальный ремонт», о котором пишут сторонники рентного подхода [15].

В рамках указанной модели сформировалась современная форма представительной демократии, представляющая, по сути, интересы социальных групп, которые не относятся в логике сторонников «рентного подхода» к «исключённым» или «страдающим классам». При соблюдении общепризнанных норм в сложившихся условиях делиберативная демократия выступает одной из форм

проявления субъектности значительного числа людей. Опираясь на результаты анализа становления рентного общества в России, в своих прогнозах сторонники «рентного общества», по нашему мнению, в недостаточной степени учли опыт развития элементов делиберативной демократии в нашей стране.

Суждения о содержании социального капитала, представленные в публикациях, посвящённых рентному переходу, представляются нам не вполне состоятельными, поскольку социальный капитал упоминается вскользь, поверхностно, в числе прочих составляющих проблематики трансформации современного социума. Потенциал концепта «социальный капитал» для теоретического анализа формирующегося рентного общества и ещё не ушедшего в историю общества труда в указанных публикациях явно недооценён и не конкретизирован.

Более того, знакомство с публикациями о рентном обществе натолкнуло на мысль о необходимости теоретического обоснования необходимости расширения объёма содержания концепта «рентное общество» до «общества социальной ренты», в котором понятие «рента» приобретёт иную – именно социальную – коннотацию, и будет оцениваться с позиции обеспеченности благами каждого члена общества посредством улучшения его социального самочувствия. При этом «мир экономически рентный» сменится «миром социально ориентированным, социально солидаризированным».

Формирование подобного общества в рамках социально-экономического транзита возможно при условии повышения роли социальных ресурсов в управлении на всех уровнях, а также перехода к социоресурсным методам и субъект-субъектной парадигмы управления. Это позволило бы активизировать создание социального капитала организаций, социума в целом и обеспечить условия, в которых не будет «лишних», «исключённых» и «страдающих» социальных групп. Иными словами, был бы обеспечен описанный Ф. Хайеком «расширенный порядок человеческого сотрудничества» [16].

Уточняя свою позицию относительно ряда тезисов сторонников рентного подхода, мы не расходимся с их выводом о том, что «рентное общество – это состояние мутировавшего капитализма, утратившего свою цивилизационно-преобразующую силу – созидательное разрушение» [15, с. 390]. Согласимся также и с утверждением о том, что отечественная специфика «рентизации» проявляется отчётливее, чем на Западе, поскольку рыночные механизмы в нашу действительность были имплементированы фактически в административном порядке.

В качестве, несомненно, положительной черты концепции «рентного общества» отметим безусловно заслуживающую внимания попытку её сторонников осмыслить «социальное через поли-

тическое» на основе применения методов политического анализа констелляции идеологических оснований процесса рентизации. Отметим при этом, что не всё в этой части получается теоретически безупречно. В частности, представляется целесообразным при проведении дальнейших исследований проблемы применять методы, позволяющие выделять «социальное в политическом» для последующего анализа их взаимосвязи, характеризующейся свойством супервентности, что, по нашему мнению, будет способствовать укреплению междисциплинарного подхода в изучении актуальных проблем развития современного российского общества.

Литература

1. Абишев К.А. Предметная деятельность как отношение субъекта к объекту // Проблема субъекта и объекта в марксистской философии / К.А. Абишев, Г.Г. Акмабетов, В.И. Ротницкий. – Алма-Ата: Казахстан, 1975. – 192 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
3. Игумнов О.А. К проблеме определения концепта «социальный капитал организации» с позиции управления его эффектами // Сборник научных статей по итогам Международного научного форума «Наука и инновации – современные концепции» (г. Москва, 1 февраля 2024 г.). Том 2 / отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. – Москва: Издательство «Инфинити», 2024. – 158 с. – С. 57–67. DOI: 10.34660/INF.2024.42.95.017. EDN WSIODQ
4. Игумнов О.А. Капитализация социального капитала организации как ресурса управления: социологические аспекты // Прорывные научные исследования: проблемы, пределы, возможности: сб. ст. Междунар. научно-практ. конф. (2 февраля 2023 года, г. Казань) / в 2 ч. Ч. 2. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2023. – С. 182–190.
5. Игумнов О.А. Концептуальная схема и эмпирическая проверка операционализации социального капитала организаций // Социологический журнал. – 2024. – Том 30. – № 1. – С. 64–89. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.4. EDN: GJOUPH
6. Игумнов О.А. Социальный капитал как нересурсный фактор роста // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XII Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2021. – 142 с. – С. 134–137.
7. Игумнов О.А., Иванов С.Ю. Социоресурсный подход в социальном управлении: постановка проблемы // Социология. – 2022. – № 1. –

- C. 215–224. DOI: 10.24412/1812-9226-2022-1-2-15-224.
8. Игумнов О.А., Платонова Е.Д. Социальный капитал как ресурс управления организацией: ретроспектива концептуальных подходов с целью формирования парадигмы // Социология. – 2023. – № 6. – С. 146–156. DOI: 10.24412/1812-9226-2023-6-146-155.
 9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
 10. Лоскутов Ю.В. Проблема социальной субъектности // Толерантность и полисубъектная социальность: материалы конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 211 с. – С. 86–88.
 11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.
 12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
 13. Фёдоров Н.Ф. Сочинения в 2 ч. Ч. 2. Философия общего дела. Статьи, письма. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 348 с.
 14. Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. От капитализма к рентному обществу? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2015. – № 1. – С. 39–54.
 15. Фишман Л.Г., Мартянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии [Текст] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 416 с.
 16. Хайек Ф. фон. Пагубная самонадеянность. – М.: Изд-во АСТ, 2023. – 280 с.
 17. Чеботарёв В.С., Киреев Н.В. Современный взгляд на теорию экономической ренты и концепцию рентного дохода // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. – 2014. – № 1. – С. 38–47.
 18. Чернега А.А. Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Политические науки и социология. – 2014. – № 2(58). – Т. 2. – С. 157–161.
 19. Шмитт К. Государство и политическая форма. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. – 272 с.
 20. Манифест «Новая эпоха управления. Как меняется управленческая реальность». – URL: <https://blog.bitobe.ru/article/manifest-povaqa-erokha-upravleniya/>. (дата обращения: 21.08.2024).

THE «RENT SOCIETY» PHENOMENON CONTENT IN RUSSIAN CONDITIONS BASED ON A SOCIORESOURCE APPROACH

Igumnov O.A., Platonova E.D.
Moscow State Pedagogical University

The article presents a critical analysis of the «rental society» concept theoretical justification which is formed as a result of the existing labor society transformation. The authors propose to consider the «rent society» concept not only from the standpoint of the social science economic and political sections but also with the sociological component inclusion which will ensure the proposed concept scientific completeness and theoretical validity. The author's conclusions are based on the understanding of rent as a social relation-

ship which determines the need for its sociological interpretation. It is proposed to analyze the «rent» concept from the standpoint of the socio-resource approach developed by the authors in which the main form of social resources is the organization social capital. The authors critically evaluate the theoretical constructions characterizing new social strata (precariat, «excluded», «suffering social groups») which reflect the social consequences of the neoliberal ideas implementation into the modern market capitalism «fabric». Clarifying the «rent society» concept on the interdisciplinary integration basis in the study of current problems of modern Russian society has made it possible to actualize the «social rent society» concept which more accurately defines changes in the social structure of society.

Keywords: rental society, labor society, rent, social capital, social resources, socio-resource approach, social attitude, subjectivity, subject-subjective approach in management, social solidarity.

References

1. Abishev K.A. Subject activity as the relationship of the subject to the object // The problem of subject and object in Marxist philosophy / K.A. Abishev, G.G. Akmabetov, V.I. Rotnitsky. – Almaty: Kazakhstan, 1975. – 192 p.
2. Giddens E. The structure of society: an essay on the theory of structuration / E. Giddens. – Moscow: Academicheskyy proekt, 2005. – 528 p.
3. Igumnov O.A. On the problem of defining the concept of «social capital of an organization» from the standpoint of managing its effects // Collection of scientific articles following the results of the International Scientific Forum «Science and Innovation – Modern Concepts» (Moscow, February 1, 2024). Volume 2 / ed. D.R. Khismatullin. – Moscow: Infinity Publishing House, 2024. – 158 p. – P. 57–67. DOI: 10.34660/INF.2024.42.95.017. EDN WSIODQ
4. Igumnov O.A. Capitalization of an Organization's Social Capital as a Management Resource: Sociological Aspects // Breakthrough Scientific Research: Problems, Limits, Possibilities: Coll. Art. Int. scientific-practical. conf. (February 2, 2023, Kazan) / in 2 parts. Part 2. – Ufa: OMEGA SCIENCE, 2023. – P. 182–190.
5. Igumnov O.A. Conceptual Framework and Empirical Testing of the Operationalization of Organizations' Social Capital // Sociological Journal. – 2024. – Vol. 30. – No. 1. – P. 64–89. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.4. EDN: GJOUHP
6. Igumnov O.A. Social capital as a non-resource growth factor // High technologies, science and education: current issues, achievements and innovations: collection of articles from the XII All-Russian scientific and practical conference. – Penza: MCNS «Science and Education». – 2021. – 142 p. – P. 134–137.
7. Igumnov O. A., Ivanov S. Yu. Socioresource approach in social management: problem statement // Sociology. – 2022. – No. 1. – P. 215–224. DOI: 10.24412/1812-9226-2022-1-215-224.
8. Igumnov O.A., Platonova E.D. Social capital as a resource for managing an organization: a retrospective of conceptual approaches aimed at forming a paradigm // Sociology. – 2023. – No. 6. – P. 146–156. DOI: 10.24412/1812-9226-2023-6-146-155.
9. Coleman J. Social and human capital / J. Coleman // Social Sciences and Modernity. – 2001. – No. 3. – P. 121–139.
10. Loskutov Yu.V. The problem of social subjectivity // Tolerance and polysubject sociality: conf. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2001. – 211 p. – P. 86–88.
11. Marx K., Engels F. Soch., vol. 3.
12. Marx K., Engels F. Soch., vol. 23.
13. Fedorov N.F. Essays in 2 parts. Part 2. Philosophy of the common cause. Articles, letters. 2nd ed., rev. and additional – M.: Yurayt, 2016. – 348 p.
14. Fishman L.G., Davydov D.A. From capitalism to rental society? // Polity: Analysis. Chronicle. Forecast. – 2015. – No. 1. – P. 39–54.
15. Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. Rental society: in the shadow of labor, capital and democracy [Text] / Nat. research University «Higher School of Economics». – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. – 416 p.

16. Hayek F. von. Pernicious arrogance. – M.: AST Publishing House, 2023. – 280 p.
17. Chebotarev V.S., Kireev N.V. Modern view on the theory of economic rent and the concept of rental income // Scientific Bulletin of the defense-industrial complex of Russia. – 2014. – No. 1. – P. 38–47.
18. Chernega A.A. Specificity of social resources: from understanding to application // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political sciences and sociology. – 2014. – No. 2 (58). – Vol. 2. – P. 157–161.
19. Schmitt K. The State and Political Form. – M.: HSE Publishing House, 2010. – 272 p.
20. Manifesto “A New Era of Management. How Management Reality is Changing”. – URL: <https://blog.bitobe.ru/article/manifest-novaya-epokha-upravleniya/>. (date of access: 21.08.2024).

Влияние цифровой трансформации рынка труда на экономическую интеграцию лиц с инвалидностью

Костырин Евгений Геннадьевич,

преподаватель кафедры социальных технологий Института философии и социально-политических наук ЮФУ
E-mail: kostyrin.evgeny@yandex.ru

В данной статье рассматривается процесс влияния факторов цифровизации на традиционный инклюзивный рынок труда, который открывает значительные возможности для успешной интеграции инвалида в цифровую сферу деятельности. Активное развитие рынка труда может способствовать экономическому росту государства, а главное создает возможность для профессионального и личностного развития специалиста с инвалидностью. Основная цель данной статьи – определить достоинства и недостатки формирующегося в последние годы цифрового рынка труда.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровой рынок труда, дистанционная занятость, цифровизация труда, инклюзия, занятость лиц с инвалидностью.

Введение в проблему

Сегодня, защите прав и свобод инвалидов уделяется значительное внимание как со стороны общества, так и со стороны государственных структур, активно развивается законодательство, совершенствуется инфраструктура и трансформируется отношение общества к лицам с инвалидностью.

Согласно отечественному законодательству, понятие инвалид определяются как «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.»¹. В конвенции ООН о правах инвалидов говорится, что это люди «которые имеют долговременные физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения, которые при взаимодействии с различными барьерами могут препятствовать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими»². Важно обратить внимание, что данные определения признают наличие существенных социальных барьеров, усложняющих процесс социальной и экономической интеграции инвалида в социум.

Практические наблюдения и открытые статистические данные указывают на существенное развитие инклюзивного рынка труда в последние десятилетия. Так согласно данным «Федеральной службы по труду и занятости РФ» доля трудоустроенных инвалидов за 8 месяцев 2023 года увеличилась до 26,9%, обновив максимальный показатель за последние годы³.

Однако, сложно утверждать, что данная положительная тенденция характерна для всех стран мира в связи с отсутствием статистических данных отражающих положения лиц с инвалидностью на рынке труда в международном пространстве⁴.

¹ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024).

² Конвенция ООН 13.12.2006 № 61/106 «Конвенция о правах инвалидов».

³ Федеральная служба по труду занятости // <https://rg.ru/2023/10/20/v-rossii-vyroslo-dolia-trudoustroennyh-invalidov.html>

⁴ Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. // <https://www.un.org/development/desa/disabilities/resources/factsheet-on-persons-with-disabilities/disability-and-employment.html>

В большинстве стран мира действующие законы, направлены на стимулирование процесса трудоустройства инвалида и в основном ограничиваются правовыми и экономическими границами, не принимая в расчет важность успешной практики трудоустройства инвалида для его полноценной интеграции в культурную и социальную жизнь общества (Aichner, T., 2021)¹.

Во многом позитивное развитие инклюзивного рынка труда можно объяснить существенной заинтересованностью всех сторон данного процесса. Человек с инвалидностью заинтересован в построении успешной карьерной стратегии и возможностью стать экономически независимым; государству остро необходимо увеличить количество квалифицированных кадров в экономических областях со значительной нехваткой специалистов; общество начинает осознавать важность процесса трудоустройства для успешной социальной интеграции лиц с инвалидностью в социум.

Сегодня мы все живем в эпоху непрерывной цифровизации, которая накладывает свой отпечаток не только на экономическую и правовую область, но и существенно влияет на социальные взаимосвязи в обществе. Побочные эффекты цифровизации меняют и традиционный рынок труда, открывая значительные возможности для успешной интеграции человека с любым состоянием здоровья в цифровую сферу деятельности. Активное развитие цифрового рынка труда может способствовать экономическому росту государства, а главное создает возможность для профессионального и личностного развития специалиста с инвалидностью.

Процесс цифровизации может привести к устранению многих барьеров, препятствующих трудовой интеграции инвалидов. Минимализуются физические и коммуникативные барьеры, с которыми обычно сталкиваются люди с ограниченными возможностями в период поиска подходящей вакансии, происходит облегчение повседневных трудовых функций, с которыми они сталкиваются как сотрудники на рабочем месте, что позволяет развиваться профессионально и вносить свой вклад в успех организации (Babucea Ana-Gabriela, 2023)².

Однако наряду с позитивным потенциалом, развитие цифровых технологий таит в себе и целый ряд рисков и угроз. К сожалению, многие социальные и экономические барьеры традиционного рынка труда оказывают негативное влияние и на цифровую сферу. По словам Барбары Муньос (EBU): «В переходный период найти работу и устроиться на нее достаточно сложно: вы

не готовы к этому и не знаете, как это сделать. Мы должны научиться этому, адаптироваться к цифровому миру и приобрести цифровые навыки, которыми обладают не все. Доступность и разумное приспособление остаются основными проблемами для людей с ограниченными возможностями в получении доступа к цифровым инструментам в рабочей среде. Наличие доступности и приспособления означает, что мы можем получить доступ к работе и сохранить ее, а также, мы можем сделать профессиональную карьеру»³.

Обзор научных подходов к проблеме

Специфика инклюзивного цифрового трудоустройства активно рассматривается в научных публикациях. Расширяется не только количество работ, но и спектр рассматриваемых проблем и аспектов цифровизации⁴. Так, растет количество работ, рассматривающих специфику и новые механизмы трудовой интеграции лиц с инвалидностью в цифровую экономику государства (Goggin, G., Yu, H., 2019)⁵.

Важно понимать, что цифровой рынок труда так же, как и традиционный обладает элементами социальных и экономических барьеров, которые могут оказывать свое негативное влияние на процесс успешного трудоустройства лиц с инвалидностью под действием факторов цифрового неравенства (Johansson, S., Gulliksen, J., 2021)⁶.

Признание проблемы цифрового неравенства для лиц с инвалидностью позволяет исследователям сосредоточить усилия на разработке новых механизмов, облегчающих процесс интеграции данной категории населения в цифровое пространство (Schur, L. A., Ameri, M., Kruse, D., 2020)⁷.

Непрерывная трансформация цифрового рынка труда все чаще вызывает поводы для дискуссии в правовом поле, что благоприятно влияет на разработку нормативно-правового законодательства, направленного на защиту интересов лиц с ограниченными возможностями здоровья в цифровом пространстве (Mark, B.G., Hofmayer, S., Rauch, E., Matt, D.T., 2019)⁸.

³ Высказывание вице-президента Европейского союза слепых Барбара Муньос в рамках European Accessibility Summit 2023.

⁴ Смирнов А.В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. № 4. 2023. С. 39–50.

⁵ Goggin, G., Yu, H., Fisher, K.R., Li, B. Disability, technology innovation and social development in China and Australia. Journal of Asian Public Policy, 12(1), 34–50. 2019.

⁶ Johansson, S., Gulliksen, J., Gustavsson, C.. Disability digital divide: the use of the internet, smartphones, computers and tablets among people with disabilities in Sweden. Universal Access in the Information Society, 20(1), 105–120. 2021.

⁷ Schur, L. A., Ameri, M., Kruse, D. Telework after COVID: a “silver lining” for workers with disabilities? Journal of occupational rehabilitation, 30, 521–536, 2020.

⁸ Mark, B.G., Hofmayer, S., Rauch, E., Matt, D.T. Inclusion of workers with disabilities in production 4.0: Legal foundations in Europe and potentials through worker assistance systems. Sustainability, 11(21), 2019.

¹ Aichner, T. The economic argument for hiring people with disabilities. Humanities and Social Sciences Communications, 8(1), 1–4. 2021.

² Babucea Ana-Gabriela, «Digital Labor Market – Digital Skills And Assistive Technology Required For People With Disabilities Accessibility, » Annals – Economy Series, Constantin Brancusi University, Faculty of Economics, vol. 6, pages 61–70, December. 2023.

В последние годы существенно возрастает количество успешных практик цифрового трудоустройства крупных отечественных и международных компаний. Их изучение может способствовать созданию универсальных моделей трудовой интеграции, а также предоставляет возможность разработки и внедрения образовательных материалов, направленных на повышение цифровых компетенций у соискателя, с учетом запроса работодателя, что существенным образом сможет повысить его конкурентоспособность. (Iftimoaei, C., Achîței, A. (2023)¹. Тиражирование успешных практик позволяет увеличить масштабы занятости лиц с инвалидностью в новой, цифровой экономике.

Анализ существующих наработок показывает наличие определенных методологических и исследовательских лагун. В частности, отсутствует системный анализ и сопоставление достоинств и недостатков традиционного и цифрового рынка труда. Цель данной работы, опираясь на имеющиеся научные публикации, осветить как положительное, так и негативное влияние цифровизации на трудовую интеграцию лиц с инвалидностью.

Достоинства и недостатки цифрового рынка труда

Цифровизация и стремительный переход нашего общества к цифровой экономике значительным образом изменяет все экономические и социальные отношения человека.

В первую очередь необходимо понимание, что цифровой рынок труда в значительной мере отличается от традиционного. Для него характерно непрерывное развитие новых профессиональных компетенций, динамичным появлением и исчезновением профессий. Свою специфику имеет рабочее пространство и процесс организации труда.

Важной особенностью цифрового рынка труда, является существенное снижение коммуникационных и социальных барьеров, которые возникают перед соискателем с инвалидностью в процессе поиска работы и первые месяцы адаптации к рабочей среде.

Внедрение цифровых технологий и помощников, оцифровка данных, платформенные решения, развитие формата удаленной работы и фриланса в значительной мере снижают рабочую нагрузку, гибко используют остаточную трудоспособность и повышают производительность сотрудника с инвалидностью, во многом это связано со следующими позитивными факторами.

1. Свобода от физических и пространственных барьеров. В зависимости от своих профессиональных навыков и карьерных интере-

сов, для соискателя с инвалидностью открыт свободный поиск работы среди множества вакансий цифрового рынка труда, с перспективами трудоустройства в различных сферах экономической деятельности. Доступность рабочего места не ограничена инфраструктурными барьерами. Для человека с инвалидностью нет необходимости организовывать процесс проезда к рабочему месту и домой. Свобода от пространственных ограничений позволяет более легко найти место работы соискателям из сельской местности или регионов с низким уровнем развития экономики.

2. Возможности адаптации рабочего пространства и графика работы. Работодатель предоставляет соискателю возможность удаленной работы и выполнение трудовых обязательств в адаптированной среде с использованием инновационных вспомогательных технологий². Для выполнения многих алгоритмизированных трудовых функций достаточно иметь смартфон. Технологии позволяют не только предоставить программное обеспечение, но и осуществить удаленную помощь в его установке и настройке. Более гибким является и график выполнения трудовых функций, а значит появляется возможность для отдыха, приема лекарственных средств, реабилитационных мероприятий.

3. Широкие возможности саморазвития. Работа во фрилансе: Развитие онлайн образовательных платформ и цифровых технологий помощников трудовой деятельности для лиц с инвалидностью существенно повышает их конкурентоспособность на цифровом рынке труда и способствует раскрытию личностного, социального и образовательного потенциала, что в свою очередь благоприятно сказывается на построении автономных карьерных стратегий и поиске свободного заработка в цифровом пространстве³.

4. Финансовая независимость. Развитие цифрового инклюзивного трудоустройства может способствовать расширению финансовой независимости лиц с инвалидностью, а также позволить сократить имеющийся дефицит квалифицированных кадров в отечественной цифровой сфере⁴.

5. Цифровой рынок труда поощряет инклюзивность. Все больше работодателей пони-

¹ Iftimoaei, C., Achîței, A. The Employment of Persons with Disabilities. The Role of Digital Skills, Assistive Technologies and Reasonable Accommodation. Scientific Annals of the "Alexandru Ioan Cuza" University, Iași. New Series Sociology and Social Work Section, 16(1). 2023.

² Babucea Ana-Gabriela, «Digital Labor Market – Digital Skills And Assistive Technology Required For People With Disabilities Accessibility, » Annals – Economy Series, Constantin Brancusi University, Faculty of Economics, vol. 6, pages 61–70, December. 2023.

³ Козлов В. Н., Романенкова Д. Ф. Потребности лиц с инвалидностью в компетенциях, расширяющих возможности трудоустройства в условиях цифровизации общества. Цифровая социология. Digital Sociology. Т. 5. № 3. 2022.

⁴ Мещерякова Н. Н., Роготнева Е. Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // Цифровая социология. Т. 4. № 3. 2021.

мают преимущества наличия внутрикорпоративной социальной политики или социальной ответственности стремясь создать доступную и инклюзивную рабочую среду. Цифровое трудоустройство лиц с инвалидностью может повысить осведомленность и сопереживание как сотрудников, так и других работодателей о проблемах, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями здоровья, что будет способствовать снижению неблагоприятных факторов влияния социальных и экономических барьеров, унаследованных из традиционного рынка труда¹.

Однако, важно понимать, что несмотря на наличие значительного количества позитивных эффектов цифрового трудоустройства, существуют и негативные стороны данного процесса. По словам, Е.А. Григорьевой: «цифровизация способна как усугублять существующие формы неравенства, так и производить новые»². К негативным аспектам цифровизации в трудовой сфере можно отнести следующее.

- 1. Отсутствие единой модели цифрового трудоустройства лиц с инвалидностью.** Цифровой рынок в отличие от традиционного не обладает разработанными и внедренными на уровне государств моделями цифрового трудоустройства лиц с инвалидностью, механизмами помощи в их трудовой интеграции. Большинство действующих государственных программ, направленных на обучение и последующую интеграцию кадров для цифровой сферы не уделяют должного внимания обучению или повышению квалификации специалистов с инвалидностью.
- 2. Отсутствие массовой практики от работодателей.** Многие работодатели пока избегают массовой практики внедрения инклюзивного цифрового трудоустройства. Во многом опасаясь социальных и экономических барьеров, унаследованных от традиционного рынка труда, занимают выжидательную позицию, научной проработанности данной проблемы и результатов реализуемых пилотных проектов цифрового трудоустройства лиц с инвалидностью.
- 3. Доступность цифровых технологий.** Несмотря на существенное развитие цифровых технологий, платформенных решений и внедрения массовой практики их применения на рабочем месте, значительная часть лиц с инвалидностью не обладают экономической возможностью даже приобретения базовых технических устройств или переоборудования их с помощью

специальных программ помощников, которые в свою очередь так же требуют приобретения или подписки. Например, программа Dragon Naturally Speaking для управления компьютером и диктовки текста с помощью голосовых команд.

- 4. Недостаточный уровень квалификации и компетенций.** Многие информационные, административные и социально-психологические барьеры, существующие в традиционном рынке труда, продолжают оказывать негативное влияние как на соискателя с инвалидностью, так и работодателя в цифровой сфере³, что в свою очередь способствует развитию цифрового неравенства. Особенности цифрового неравенства заключаются в отсутствии свободного доступа к информационно-коммуникационным технологиям и на прямую зависит от уровня жизни и достатка лица с инвалидностью⁴. Важно понимать, что если лицо с инвалидностью под действием социальных и экономических барьеров не обладает необходимыми цифровыми навыками, или если по разным причинам считает, что цифровые инструменты ему недоступны, или если он действительно не адаптирован для того, чтобы быть доступными для них, то данный специалист не сможет воспользоваться возможностями цифровизации, что повлияет только на увеличения цифрового неравенства и сохранения риска исключения на рынке труда.
- 5. Дифференцированный доступ лиц с инвалидностью различных нозологических групп к цифровым технологиям.**

Мещерякова Н.Н. в своих работах отмечает: «что большинство лиц с инвалидностью в свете процесса цифровизации не выделяются в социальную группу с особыми потребностями».

Успешность процесса трудовой интеграции специалиста с инвалидностью, во многом зависит от двух важных независимых факторов, таких как нозологическая группа и тяжесть функционального дефекта.

В рамках проведенных исследований было отмечено, что функциональные нарушения нижних конечностей вплоть до тяжелой степени инвалидности, паралича, в случае если они не сочетаются с другими нарушениями, не оказывают серьезные проблемы в процессе трудоустройства и последующей трудовой интеграции специалиста в адаптированное рабочее пространство⁵. Однако, данная

¹ Babucea Ana-Gabriela, «Digital Labor Market – Digital Skills And Assistive Technology Required For People With Disabilities Accessibility, » Annals – Economy Series, Constantin Brancusi University, Faculty of Economics, vol. 6, pages 61–70, December. 2023.

² Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. № 2. 2022. С. 161–163.

³ Архипова Л.С., Мельникова Д.М. Оценка современных барьеров, влияющих на цифровизацию Российского рынка труда. // Региональная экономика и управление. № 2 (70). 2022.

⁴ DiMaggio, P., & Hargittai, E. (2001). From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases. Working Paper No. 47. Princeton, NJ: Princeton University, School of Public and International Affairs, Centre for Arts and Cultural Policy Studies. <https://econpapers>.

⁵ Park E.Y. (2020), "Digital competence and internet use/behavior of persons with disabilities in PC and smart device use", Uni-

тенденция не прослеживается у лиц с нарушением работоспособности верхних конечностей тела, обладающих нарушением зрения или полной потерей слуха¹. Это связано с ограниченностью доступа данной категории соискателей к сложному (многие специализируемые программы попросту не адаптированы для пользователей всех нозологических групп) и дорогостоящему специализируемому оборудованию, которое необходимо для выполнения трудовых функций, что только увеличивает цифровое неравенство среди различных нозологических групп. Еще хуже ситуация сложилась с интеграцией в цифровой рынок труда лиц с нарушением когнитивных функций. Зачастую работодатель не может предоставить специализированное оборудование для их трудоустройства, а низкий уровень обладания цифровыми компетенциями не позволяет им использовать все возможности цифровых технологий для повышения качества своей жизни².

6. Правовые барьеры к официальному трудоустройству в цифровой среде.

Значительная часть соискателей с инвалидностью сознательно уклоняются от официального трудоустройства и предпочитают различные форматы временной работы или фриланса. Главным фактором данной тенденции является не совершенство отечественного трудового законодательства, согласно которому в процессе официального трудоустройства лицо с инвалидностью теряет возможность получения социальных выплат от государства.

Данная практика подтверждается открытыми результатами исследования «Цифровой платформы Everland». В котором отмечается, что согласно официальной статистики федерального реестра за 2022 год только 26% лиц с инвалидностью заключили трудовые договора на период не менее 4 месяцев. Также отмечается существенные различия в региональном законодательстве в отношении снятия надбавок, нет четкого законодательного понимания по алгоритмам лишения выплат (иногда они происходят, иногда нет, иногда происходят, спустя существенный период времени)³.

Таким образом, анализ достоинств и недостатков цифрового рынка труда позволяет говорить

об амбивалентности влияния цифрового рынка труда для лиц с инвалидностью.

Несмотря на очевидные позитивные стороны развития новых цифровых технологий, облегчающих процесс трудовой интеграции лиц с инвалидностью, данная категория населения все еще сталкивается с трудностями цифровой недоступности или цифровой изоляции так как многие социальные и экономические барьеры для трудоустройства переходят от традиционного рынка к новым трудовым цифровым отношениям.

Литература

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024).
2. Конвенция ООН 13.12.2006 № 61/106 «Конвенция о правах инвалидов».
3. Архипова Л.С., Мельникова Д.М. Оценка современных барьеров, влияющих на цифровизацию Российского рынка труда. // Региональная экономика и управление. № 2 (70). 2022 г.
4. Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. № 2. 2022. С. 161–163.
5. Козлов В.Н., Романенкова Д.Ф. Потребности лиц с инвалидностью в компетенциях, расширяющих возможности трудоустройства в условиях цифровизации общества. Цифровая социология. Digital Sociology. Т. 5. № 3. 2022.
6. Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // Цифровая социология. Т. 4. № 3. 2021.
7. Смирнов А.В. Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов// Социологические исследования. № 4. 2023. С. 39–50.
8. Aichner T. The economic argument for hiring people with disabilities. *Humanities and Social Sciences Communications*, 8(1). 2021.
9. Adam A. and Kreps D. (2006), "Web accessibility: A digital divide for disabled people?" *Social Inclusion: Societal and Organizational Implications for Information Systems*. IFIP International Federation for Information Processing, vol. 208, edited by E.M. Trauth, D. Howcroft, T. Butler, B. Fitzgerald, J.I. DeGross, Springer, Boston, M.A., US, pp. 217–228. https://doi.org/10.1007/0-387-34588-4_15
10. Babucea Ana-Gabriela, «Digital Labor Market – Digital Skills And Assistive Technology Required For People With Disabilities Accessibility» *Annals – Economy Series, Constantin Brancusi University, Faculty of Economics*, vol. 6, pages 61–70, December 2023.
11. DiMaggio P., & Hargittai E. (2001). From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases. Working Paper No.

versal Access in the Information Societ. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10209-020-00782-z> (accessed: 11.06.2021).

¹ Adam A. and Kreps D. (2006), "Web accessibility: A digital divide for disabled people?", *Social Inclusion: Societal and Organizational Implications for Information Systems*. IFIP International Federation for Information Processing, vol. 208, edited by E.M. Trauth, D. Howcroft, T. Butler, B. Fitzgerald, J.I. DeGross, Springer, Boston, M.A., US, pp. 217–228. https://doi.org/10.1007/0-387-34588-4_15

² Macdonald S.J. and Clayton J. (2012), "Back to the future, disability and the digital divide", *Disability & Society*, vol. 28, no. 5, pp. 702–718. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.732538>

³ Исследование ситуации на цифровом рынке труда Цифровой платформы Everland. Электронный ресурс: <https://evland.tilda.ws/page30687115.html>

47. Princeton, NJ: Princeton University, School of Public and International Affairs, Centre for Arts and Cultural Policy Studies. <https://econpapers>.
12. Goggin G., Yu H., Fisher K.R., Li B. Disability, technology innovation and social development in China and Australia. *Journal of Asian Public Policy*, 12(1), 34–50, 2019.
13. Johansson S., Gulliksen J., Gustavsson C. Disability digital divide: the use of the internet, smartphones, computers and tablets among people with disabilities in Sweden. *Universal Access in the Information Society*, 20(1), 105–120, 2021.
14. Iftimoaei C., Achiței A. The Employment of Persons with Disabilities. The Role of Digital Skills, Assistive Technologies and Reasonable Accommodation. *Scientific Annals of the “Alexandru Ioan Cuza” University, Iași. New Series Sociology and Social Work Section*, 16(1), 2023.
15. Macdonald S.J. and Clayton J. (2012), “Back to the future, disability and the digital divide”, *Disability & Society*, vol. 28, no. 5, pp. 702–718. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.732538>.
16. Mark B.G., Hofmayer S., Rauch E., Matt D.T. Inclusion of workers with disabilities in production 4.0: Legal foundations in Europe and potentials through worker assistance systems. *Sustainability*, 11(21), 2019.
17. Park E.Y. (2020), “Digital competence and internet use/behavior of persons with disabilities in PC and smart device use”, *Universal Access in the Information Society*. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10209-020-00782-z>
18. Schur L. A., Ameri M., Kruse D. Telework after COVID: a “silver lining” for workers with disabilities? *Journal of occupational rehabilitation*, 30, 521–536 2020.

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE LABOR MARKET ON THE ECONOMIC INTEGRATION OF PERSONS WITH DISABILITIES

Kostyrin E.G.
SFedU

This article examines the process of influence of digitalization factors on the traditional inclusive labor market, which opens up significant opportunities for the successful integration of a disabled person into the digital sphere of activity. Active development of the labor market can contribute to the economic growth of the state, and most importantly, creates an opportunity for the professional and personal development of a specialist with disabilities. The main goal of this article is to determine the advantages and disadvantages of the digital labor market that has been emerging in recent years.

Keywords: digitalization, digital economy, digital labor market, remote employment, digitalization of labor, inclusion, employment of persons with disabilities.

References

1. Federal Law of 24.11.1995 № 181-FZ “On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation” (as amended on 29.05.2024).
2. UN Convention of 13.12.2006 No. 61/106 “Convention on the Rights of Persons with Disabilities”.
3. Arkhipova L.S., Melnikova D.M. Assessment of modern barriers affecting the digitalization of the Russian labor market. // *Regional Economics and Management*. No. 2 (70). 2022.
4. Grigorieva E.A. Digital inequalities: causes, forms, consequences // *Sociological studies*. No. 2. 2022. Pp. 161–163.
5. Kozlov V.N., Romanenkova D.F. Needs of persons with disabilities for competencies that expand employment opportunities in the context of digitalization of society. *Digital Sociology*. Vol. 5. No. 3. 2022.
6. Meshcheryakova N. N., Rogotneva E.N. Digitalization: new risks for people with disabilities. Statement of the problem // *Digital sociology*. Vol. 4. No. 3. 2021.
7. Smirnov A.V. Russian sociology in the context of digitalization of society: results of the analysis of the corpus of scientific texts// *Sociological studies*. No. 4. 2023. Pp. 39–50.
8. Aichner T. The economic argument for hiring people with disabilities. *Humanities and Social Sciences Communications*, 8(1). 2021.
9. Adam A. and Kreps D. (2006), “Web accessibility: A digital divide for disabled people?” *Social Inclusion: Societal and Organizational Implications for Information Systems*. IFIP International Federation for Information Processing, vol. 208, edited by E.M. Trauth, D. Howcroft, T. Butler, B. Fitzgerald, J.I. DeGross, Springer, Boston, M.A., US, pp. 217–228. https://doi.org/10.1007/0-387-34588-4_15
10. Babucea Ana-Gabriela, “Digital Labor Market – Digital Skills And Assistive Technology Required For People With Disabilities Accessibility” *Annals – Economy Series, Constantin Brancusi University, Faculty of Economics*, vol. 6, pages 61–70, December 2023.
11. DiMaggio P., & Hargittai E. (2001). From the ‘Digital Divide’ to ‘Digital Inequality’: Studying Internet Use as Penetration Increases. Working Paper No. 47. Princeton, NJ: Princeton University, School of Public and International Affairs, Center for Arts and Cultural Policy Studies. <https://econpapers>.
12. Goggin G., Yu H., Fisher K.R., Li B. Disability, technology innovation and social development in China and Australia. *Journal of Asian Public Policy*, 12(1), 34–50, 2019.
13. Johansson S., Gulliksen J., Gustavsson C. Disability digital divide: the use of the internet, smartphones, computers and tablets among people with disabilities in Sweden. *Universal Access in the Information Society*, 20(1), 105–120, 2021.
14. Iftimoaei C., Achiței A. The Employment of Persons with Disabilities. The Role of Digital Skills, Assistive Technologies and Reasonable Accommodation. *Scientific Annals of the “Alexandru Ioan Cuza” University, Iași. New Series Sociology and Social Work Section*, 16(1), 2023.
15. Macdonald S.J. and Clayton J. (2012), “Back to the future, disability and the digital divide”, *Disability & Society*, vol. 28, no. 5, pp. 702–718. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.732538>.
16. Mark B.G., Hofmayer S., Rauch E., Matt D.T. Inclusion of workers with disabilities in production 4.0: Legal foundations in Europe and potentials through worker assistance systems. *Sustainability*, 11(21), 2019.
17. Park E.Y. (2020), “Digital competence and internet use/behavior of persons with disabilities in PC and smart device use”, *Universal Access in the Information Society*. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10209-020-00782-z>
18. Schur L. A., Ameri M., Kruse D. Telework after COVID: a “silver lining” for workers with disabilities? *Journal of occupational rehabilitation*, 30, 521–536. 2020.

Трудовые ценности разных поколений

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье рассматриваются особенности развития трудовых ценностей среди разных поколений, подчеркивается роль внешних условий и внутреннего выбора, который совершает каждый человек в отношении своей трудовой карьеры и одновременно его ценности и взгляды отражают те установки, что соответствуют его поколению в настоящий момент времени. Показывается роль различных социальных институтов в формировании трудовых ориентиров (образование, семья, СМИ и сеть Интернет). Анализируются трудовые ориентиры и ценностные критерии профессиональной длительности и карьеры. Делаются выводы о развитии трудовых ценностей разных поколений в будущем.

Ключевые слова: трудовые ценности, поколения, социальные институты, ценности.

Трудовые ценности определяют не только отношение к труду, но и формируют духовные ориентиры развития всего общества. То, что делает человека, наполняется смыслом, и, если в этих действиях есть ориентиры на созидательный труд, вклад в общественное развитие через деятельность каждого – общество развивается (как бы пафосно это ни звучало), в обратном случае – общество деградирует.

Изменение социального пространства в сфере экономики и политики, культуры и религии приводит к новым условиям жизни людей. Глобализация, цифровизация, военная операция стали теми точками, что навсегда изменили условия и возможности профессиональной реализации разных поколений. Жизненные вызовы ставят общество в новые рамки, где каждый член этого общества выбирает приемлемые лично для себя перспективы и формы профессионального развития.

Трудовые ценности выступают показателем социально-экономических притязаний, социальных лифтов, профессиональной реализации и карьерного роста тех, кто только вступает на рынок труда и начинает воплощать в жизнь те ценности, что уже сформировались. Разные поколения – разные трудовые ориентиры. Во многом это обусловлено социальной политикой, но также и личные потребности реализации и заявления о себе могут в каждом конкретном случае влиять на результат.

Например, дети войны (второй мировой) – труд оценивали как саму жизнь и во многом благодаря их усилиям в нашем обществе случился научно-технический прорыв, изменивший лицо всего мира. Или же дети перестройки – отказались от ценностей родителей, перетянули на себя ценности западного общества, но в полной мере адаптировать их под себя не смогли. И среди них много тех, кто желает легких денег, ориентирован на результат здесь и сейчас, и лично для меня, а не для общества. Дети пандемии наверняка будут совсем оторваны от реального взаимодействия, и их профессиональная деятельность будет развиваться в цифровом пространстве в разы более масштабно, чем среди более старших поколений.

Современный рынок труда характеризуется уникальным смешением поколений, каждое из которых приносит свои трудовые ценности, подходы и ожидания. Понимание этих различий критично для эффективного управления, разработки корпоративных стратегий и создания устойчивых рабочих отношений. В этой статье представлена оригинальная типология трудовых ценностей раз-

ных поколений и рассмотрены их ключевые особенности.

Трудовые ценности – это результат адаптации базовых ценностей к новым социальным условиям. Социальное расслоение сегодня становится все более актуально и это также выступает критерием изменения трудовых ценностей.

Если опираться на работы современных исследователей, то рационализм, прагматизм и материализм являются ориентирами современной молодежи в трудовой сфере. Они более эгоистичные и индивидуалистичные. Тогда как более старшие поколения обладали большим уровнем романтизма и идеализма. Они более альтруистичные и коллективно ориентированные. Трудовые ориентиры и ценности молодежи рассмотрены в работах Е.В. Андриановой, А.Н. Тарасовой и И.Ф. Печеркиной [1], Г.Б. Кошарной и Н.В. Корж [11], Т.А. Пакиной [13], А.А. Поплавской [16], В.В. Ретивиной [17], В.А. Скуденкова [19, 20], Т.А. Тереховой и Л.Г. Гавеской [21]. Преодоление стереотипов в бизнесе через трудовые ориентиры рассмотрены в работе С.Н. Мозулева, Л.В. Саниной и И.С. Шавкуновой [12], В.В. Полякова [18], вопросы карьерных ориентаций изучены в работе Н.С. Фонталовой и В.И. Рерке [24].

Виртуализация и цифровизация повлияла на трудовые установки современников, это исследовано в работах Р.Г. Ардашева [2–4], И.А. Журавлевой [7–9], трансформации социальной идентичности в условиях виртуализации рассмотрены в исследованиях О.А. Полюшкевич [15–16].

Удаленная занятость изучается О.Н. Бaeовой и В.Н. Елшанской [5], особенности потребностей в рабочей силе рассмотрены в исследовании В.Г. Былкова [6], внутрифирменная трудовая мобильность изучена Е.П. Федоровой и Р.Т. Утаралиевой [23]. Перспективы содействия государства занятости молодежи изучены в работе О.В. Забелиной, А.В. Майоровой и Е.А. Матвеевой [10], глобализация трудовых рыночных ориентаций проанализирована в работе Е.А. Трофимова [22].

Особенности исследования

Исследование трудовых ценностей разных поколений проводилось через анкетирование населения различных регионов РФ. Опрос проводился в виде онлайн анкетирования (n = 1200). Поколения выделялись по возрастному критерию: в возрасте от 18 до 35 лет – 35%, от 36 до 55 лет – 35%, старше 56 лет – 30%; 55% женщин и 45% мужчин. Уровень образования: 22% – среднее, 23% – среднеспециальное, 55% – высшее; 60% проживают в городе и 40% в селе.

Также мы провели шесть фокус-групп (на каждое поколение по две фокус-группы). Всего приняло участие 55 человек. В фокус-группах нами уточнялись смысловые показатели трудовых ори-

ентиров и раскрывались особенности терминальных и инструментальных ценностей.

Анализ результатов исследования

Чем младше респонденты, тем более они ценят гибкость, инновационность и технологичность, индивидуализм и социальную ответственность. Представители среднего поколения ориентированы на личное и социальное признание, развитие, обучение, коллективную работу. Старшее поколение ценит стабильность, эффективность, независимость, самостоятельность, основательность. На рисунке 1 представлено рейтинговое распределение основных ценностей трех рассматриваемых поколений.

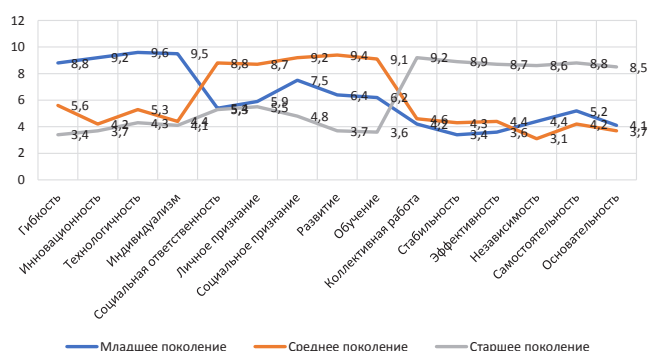

Рис. 1. Рейтинговое распределение основных ценностей трех поколений

Основные сферы жизни определяют приоритетность и ключевые смыслы, которые определяют отношение к труду. Рассмотрим более подробно такие наиболее сильно влияющие на трудовые ценности сферы как институты как образования, семья и СМИ и сеть Интернет.

Образование позволяет не только приобрести знания и навыки, но и сформировать отношение к труду, установки и ориентиры применения полученных ранее или получаемых сейчас знаний.

Люди старшего возраста имеют большой жизненный и профессиональный опыт, их профессионализм строится на жизненной мудрости, и они хотели бы именно ее передавать младшим поколениям. Поэтому, для них очень важно признание их опыта, заслуг, уважение коллег. У них есть установка на работы в доброжелательном коллективе, где признаются и уважаются их заслуги, их вклад в общее дело. Для них важны: *опыт, передача знаний (преимущество поколений) и гибкость условий (чтобы быть продуктивными и здоровыми)*.

Образование для среднего поколения – это возможность, инструмент, средство для достижения значимых вершин в жизни. Через свои знания и образование они хотят получить стабильность, построить карьеру и расти профессионально. Для них важен: *профессиональный рост, уверенность в завтрашнем дне и баланс между личной и рабочей жизнью*.

Для младшего поколения, образование – это гибкая стратегия, где не нужны фундаментальные

вещи, которые надо изучать несколько лет, достаточно освоить навыки и стратегии, которые можно использовать прямо сейчас, не разбираясь как и почему работает, важно лишь то, что работает. Молодые профессионалы в возрасте 18–35 лет, как правило, характеризуются высокой мобильностью и стремлением к самореализации. Их образовательные установки часто ориентированы на получение широкого спектра знаний и навыков, которые могут быть применены в различных областях. Это поколение выросло в условиях быстро меняющегося мира, где традиционные карьерные пути часто уступают место более гибким и нестандартным вариантам. Для них важна: *мобильность и гибкость, самореализация и технологичность, и техничность.*

Выделенные аспекты образования влияют и на труд, сферу занятости, форму и условия. Для старшего поколения важно официальное трудоустройство, стабильная зарплата, работа с 9 до 17 часов и т.д. Для среднего поколения возможно совмещение нескольких работ, дистанционная занятость, дополнительные не фиксируемые доходы и т.д. Для младшего поколения – приоритет – удаленной занятости, фриланс, без официального трудоустройства или временная работа, направленная на решение актуальных задач прямо сейчас, без ориентиров на будущее.

Семья также влияет на отношение к труду. В разных возрастных группах эти установки могут проявляться по-разному, что определяет их карьерные предпочтения, мотивацию и удовлетворение от работы.

Для старшего поколения – важны обязательства перед семьей и работа выбирается исходя из возможности их выполнения. Для людей старше 56 лет, семейные установки часто касаются завершения профессионального пути и передачи накопленного опыта следующему поколению. Эти установки могут влиять на их подход к труду и профессиональным обязанностям. Влияние семьи на трудовую сферу старшего поколения проявляется через: *передачу опыта (семейные династии или просто работа с младшими коллегами), гибкость и условия работы (для сохранения активности и вовлеченности в профессиональную деятельность), признание профессиональных достижений и подчеркивание вклада в развитие компании.*

Для среднего поколения – важно проявить себя, оставить след (личная и социальная реализация через известность в узких кругах), что может мешать выполнению семейных обязанностей, максимальное количество разводов, выполнения формальных обязательств перед детьми (одеты, обуты, спать, где есть, кушать тоже есть). В возрасте 36–55 лет профессионалы часто уже достигли определенного уровня карьерного роста и задействованы в профессиональных и семейных обязательствах. На этом этапе семейные установ-

ки фокусирует внимание на долгосрочные ориентиры и стабильное профессиональное развитие. Приоритетными являются: *стабильность и устойчивость, долгосрочные цели и возможности, баланс работы и личной жизни.*

Для младшего поколения трудовые ориентиры воспринимаются как стратегии противопоставления себя и семейных профессиональных ценностей и ориентиров. Для молодых людей характерны протестные стратегии в реализации своих профессиональных ориентаций и установок (чтобы не походить на своих родителей). Они предпочитают работать на себя (через ИП или самозанятость, а не устраиваться в найм, чаще работают не официально, предпочитают фриланс, официальному трудоустройству). Приоритетами являются: *гибкость, самореализация и поиск равновесия.*

Роль СМИ и сети Интернет также достаточно велика в современном обществе. Новые ориентиры и представления приходят из медиасреды, они заставляют молодых людей ориентироваться на личные стратегии успеха блогеров и шоу-звезд, для людей среднего поколения ориентироваться на образы успешных профессионалов из фильмов, для представителей старшего поколения – ровняться на жизнь людей из сериалов.

Для младшего поколения – социальные сети и блогеры являются основным источником информации о карьере и труде. Их вовлеченность в медиасреду и цифровое пространство серьезно меняет представления о собственном трудовом пути (их карьерные стратегии зависят от тех инфлюенсеров, за которыми они следят, кого воспринимают своим героем и на кого ровняются). Для них важно быть не похожим ни на кого, нестандартно выглядеть и реализовываться – это является критерием успеха. А быть как все – уже пройденный этап, важный скорее для самого старшего поколения. Такие формы работы как фриланс, стартапы и гибкий график, становятся нормой. Традиционные трудовые ценности воспринимаются негативно как пережитки прошлого, современные – как возможности, которые позволяют самораскрыться.

Представители среднего поколения как правило более профессиональны, опираются на свой личный карьерный и профессиональный опыт. Для них СМИ и сеть Интернет это пространство их профессиональных связей, формирования социального капитала, повышения квалификации и профессионализма в тех сферах, что уже активно развиваются. Они ставят акценты на баланс между работой и семьей, чтобы не было перекосов. Для них важен тайм-менеджмент и мобильные (гибкие) формы работы. Это люди, знающие цену своему времени и умеющие им распоряжаться. Перспективой их профессионального развития выступает то, что нужно быть в нужном месте в нужное время.

Старшее поколение более традиционно в своих профессиональных ценностях, но и оно вовле-

кается в возможности СМИ и сети интернет организовать профессиональную реализацию в любом возрасте. Повышение цифровой грамотности старшего поколения помогает развивать идеи о возможностях для дополнительного заработка, таких как консультирование или наставничество, продажа своих работ в социальных сетях (вязание, вышивание, работа по дереву, гальванопластике и т.д.).

Выводы

Таким образом, трудовые ценности разных поколений отличаются. Они зависят от внешних условий (научного прогресса, глобализации и цифровизации), влияет на социальные институты (образования, семьи, СМИ и сети Интернет), что в конечном счете – меняет трудовые ориентиры каждого поколения в целом и отдельного человека в частности.

Каждое поколение несет свой смысл, свою идею труда. Они помогают ответить на вопрос – зачем что-то делать для общества. Этот ответ лежит в личных смыслах и социально-идеологической пропаганде власти. Это тот инструмент, который может стать основой управления социально-техническим развитием общества в настоящем и будущем. Если трудовые ценности разных поколений станут основой для разработки новых программ и стратегий профессионального развития, то мы получим общество активных, социально ответственных, инициативных людей, вовлеченных в свою профессиональную реализацию в максимально возможных условиях и формах самореализации.

Литература

1. Андрианова Е.В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
2. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
3. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
4. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
5. Баева О.Н., Елшанская В.Н. Методические аспекты принятия решения об использовании дистанционной занятости // Baikal research journal. 2020. Т. 11. № 2. С. 10.
6. Былков В.Г. Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 1.
7. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
8. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
9. Журавлева И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
10. Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А. Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 3. С. 1093–1104. doi: 10.18334/et.6.3.41176
11. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 58–64. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213
12. Мозулев С.Н., Санина Л.В., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 536–546.
13. Пакина Т.А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале социологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 120–131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>
14. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
15. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
16. Поплавская А.А. Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 181–206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
17. Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Выс-

- шее образование в России. 2019. Т. 29. № 1. С. 57–63. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.
18. Санина Л.В., Мозулев С.Н., Поляков В.В. Исследование предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области // *Baikal research journal*. 2022. Т. 13. № 3. С. 39.
 19. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // *Социология*. 2020. № 1. С. 341–344.
 20. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // *Социология*. 2022. № 5. С. 80–87.
 21. Терехова Т.А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода // *Baikal research journal*. 2023. Т. 14. № 2. С. 680–689.
 22. Трофимов Е.А. Глобализация рыночных процессов в трудовой сфере // *Baikal research journal*. 2012. № 3. С. 3.
 23. Федорова Е.П., Утаралиева Р.Т. Внутрифирменная мобильность на российском рынке труда // *Baikal research journal*. 2017. Т. 8. № 3. С. 12.
 24. Фонталова Н.С., Рерке В.И. Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // *Baikal research journal*. 2015. Т. 6. № 3. С. 38.
 4. Ardashev R.G. New meanings in the consciousness of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 152–156.
 5. Baeva O.N., Elshanskaya V.N. Methodological aspects of making a decision on the use of remote employment // *Baikal research journal*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 10.
 6. Bylkov V.G. Attributes of labor demand in the labor market: interregional comparisons (based on the materials of a sample survey of Rosstat) // *Bulletin of the Baikal State University*. 2022. Vol. 32. No. 1.
 7. Zhuravleva I.A. Modernists and Traditionalists: Educational Trajectories of Russian Youth // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2019. No. 6. Pp. 31–34.
 8. Zhuravleva I.A. Resource and Educational Potential of Modern Youth // *Sociology*. 2020. No. 1. Pp. 279–286.
 9. Zhuravleva I.A. Social Framework for Educational and Labor Prospects of Russian Youth // *The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man*. 2019. No. 10. Pp. 264–274.
 10. Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva E.A. Labor Attitudes of Russian Youth and State Assistance to the Development and Realization of Its Labor Potential // *Labor Economics*. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 1093–1104. doi: 10.18334/et.6.3.41176
 11. Kosharnaya G.B., Korzh N.V. Value orientations of student youth in the labor sphere // *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*. 2013. No. 2. Pp. 58–64. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213
 12. Mozulev S.N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // *Baikal research journal*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 536–546.
 13. Pakina T.A. Labor Values and Attitudes of Modern Students (Based on a Sociological Study) // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2014. No. 3. P. 120–131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>
 14. Polyushkevich O.A. Formality of Trust and Solidarity in an Unstable World // *Sociology*. 2024. No. 2. P. 121–127.
 15. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Ideas about Social Success // *Sociodynamics*. 2016. No. 10. P. 37–44.
 16. Poplavskaya A.A. Factors in the Formation of Internal and External Labor Values of Students of Russian Universities // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022. No. 2. Pp. 181–206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
 17. Retivina V.V. Labor Values and Attitudes of Modern Student Youth // *Higher Education in Russia*. 2019. Vol. 29. No. 1. Pp. 57–63. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.
 18. Sanina L.V., Mozulev S.N., Polyakov V.V. Study of Entrepreneurial Intentions of Student Youth in the Irkutsk Region // *Baikal Research Journal*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 39.
 19. Skudencov V.A. Transformation of Life Goals of Young People under the Influence of Economic Sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. No. 1. P. 341–344.
 20. Skudencov V.A. Economic Aspirations in the Context of Mobilization // *Sociology*. 2022. No. 5. P. 80–87.
 21. Terekhova T.A., Gaevskaya L.G. The System of Meaning-Forming Activity of an Individual in the Context of a Metasystemic Approach // *Baikal Research Journal*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 680–689.
 22. Trofimov E.A. Globalization of Market Processes in the Labor Sphere // *Baikal Research Journal*. 2012. No. 3. P. 3.
 23. Fedorova E.P., Utaraliev R.T. Intra-firm mobility in the Russian labor market // *Baikal research journal*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 12.
 24. Fontalova N.S., Rerke V.I. The relationship between career orientations of the personality of a future specialist and their social effectiveness // *Baikal research journal*. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 38.

LABOR VALUES OF DIFFERENT GENERATIONS

Baev P.A.

Baikal State University

The article examines the peculiarities of development of labor values among different generations, emphasizes the role of external conditions and internal choice that each person makes in relation to his/her labor career, and at the same time his/her values and views reflect those attitudes that correspond to his/her generation at the present time. The role of various social institutions in formation of labor guidelines (education, family, mass media and the Internet) is shown. Labor guidelines and value criteria of professional duration and career are analyzed. Conclusions are made about development of labor values of different generations in the future.

Keywords: labor values, generations, social institutions, values.

References

1. Andrianova E.V., Tarasova A.N., Pecherkin I.F. Motives and work values of young people: paradoxes of development // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2018. No. 3. P. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
2. Ardashev R.G. Virtualization in new meaningful life orientations of Russians // *Global and regional impacts in the system of modern societies*. Collection of scientific papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. P. 130–134.
3. Ardashev R.G. Change in consciousness in the era of post-pandemic society // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Internet Conference: in 2 parts. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol NC RAS, 2021. Pp. 76–79.

Ментальные особенности современной молодёжи

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье показывается влияние ментальности как социокультурного и социально-психологического явления на мировоззренческие установки и поведенческие реакции современной молодёжи. На основе результатов исследования выявляются современные особенности развития ментальности молодёжи и обозначается новая типология.

Ключевые слова: ментальность, молодёжь, установки, социальная среда, идеология.

Ментальность – это уникальная социально-психологическая и социокультурная черта сообщества, сформированная исторически, она опирается на коллективный опыт, нормы и традиции людей, объединённых общими социальными условиями жизни. Под влиянием внешних обстоятельств ментальность может меняться, но в основе своей она определяет поведение людей, их мышление, чувства и эмоциональные состояния. Ментальность определяет взгляды и установки людей, которые формируют мировоззрение представителей различных сообществ. Ментальность может влиять на долгосрочные стратегические цели отдельных групп и целых поколений людей. Поэтому, ментальность молодёжи как социально-экономической группы, определяющей долгосрочные перспективы определяет многие социальные перспективы развития общества.

Ментальность современной молодёжи представляет собой сложное сочетание социальных, культурных и психологических факторов, формирующих ее восприятие мира и поведение. В условиях быстрого технологического прогресса, глобализации и социальных изменений молодёжь адаптируется к новым реалиям, что влечет за собой изменения в их ментальности. Ментальность молодёжи обладает рядом уникальных характеристик.

1. Медиапространство и цифровые технологии.

А. Виртуальные коммуникации. Большая часть социальных коммуникаций происходит через различные гаджеты, где традиционные формы общения заменяются фото, видео материалами, выражение эмоций происходит через символы (смайлы), т.е. изменяется образное, речевое и поведенческое восприятие себя и других. Это меняет ментальные установки на принципиально новом уровне (Е.А. Кузнецова [18–21]).

Б. Социальные сравнение. Тип взаимодействия с появлением цифровых технологий поменялся с информационно-аналитического, на коммуникативно-оценочный. Постоянное желание показать себя лучше, стремление получить одобрение (лайк или комментарий) формирует новые установки в общении. Постоянное сравнение себя с более успешными (на их взгляд) медийными личностями приводит к тревожности и депрессивности (Р.Г. Ардашев [1–6]).

2. Мировоззренческие и ценностные трансформации.

А. Индивидуализация и уникальность. Общая черта современной молодёжи быть уникаль-

ми, реализованными, нашедшими собственный способ самовыражения. Индивидуальность и неповторимость – основные ценности молодых людей. Самореализация – основная стратегия жизни. В результате молодые люди могут выбирать нетипичные образовательные и карьерные планы (П.А. Баев [7–12], И.А. Журавлева [13–17]).

Б. Социальная инициативность и активизм. Молодые люди вступают в волонтерские и добровольческие проекты для реализации собственных убеждений (в сфере защиты экологии или животных, помощи больным или пострадавшим от техногенных, экологических катастроф или террористических акций). Для одних – это возможность выразить и отстаивать собственные убеждения, для других – возможность построить свой личный социальный капитал, который поможет наладить социальные связи, выстроить социальные лифты, построить в будущем карьеру и т.д. (О.А. Полюшкович [27–31], П.А. Трескин [38–39]).

3. Экономические притязания и социальные возможности.

А. Новые экономические и социальные притязания в условиях социальной неопределенности. Молодые люди строят новые модели социальной реализации и успеха, опирающиеся не на долгосрочные планы и проекты, а позволяющие достичь результата здесь и сейчас. Изучают варианты освоения новых специальностей, формирование профессиональных ориентиров в цифровом мире (В.А. Скуденков [32–37]).

Б. Неопределенность порождает тревожность. В условиях нестабильности и отсутствия возможностей прогнозирования своего будущего молодые люди все чаще испытывают стресс и тревогу. Это связано с экономическими возможностями и профессиональными реалиями современных молодых людей (Н.В. Маслодудова [22–26]).

Современные молодые люди находятся на пике социальных перемен, вызванных изменениями общества массовой культуры, цифровизации. Это приводит к изменению ментальных особенностей и социальных стереотипов в поведении молодых людей.

На теоретическом уровне эти изменения рассматриваются через призму разных подходов.

1. Культурологический подход фокусируется на анализе культурных практик и ценностей, которые формируются под влиянием массовой культуры и цифровых технологий. Через этот подход раскрываются такие процессы, как молодежь адаптируется к новым культурным нормам и как эти нормы влияют на их идентичность и социальное поведение (Н.Е. Щуркова, О.С. Газман).

2. Социологический подход исследует социальные структуры и процессы, которые формируют жизнь молодежи в цифровом обществе. Этот подход включает анализ социальных сетей и коммуникаций, мобильности и маргинальности, а также

основных институтов, регулирующих жизнь молодежи (Вал. А. Луков, И.С. Кон, С.Н. Иконникова).

3. Психологический подход изучает ментальные процессы и психологические особенности молодежи, возникающие под влиянием цифровой культуры массового общества. В рамках этого подхода исследуется идентичность молодых людей, их аффективные, когнитивные и поведенческие особенности (Л.Д. Столяренко, И.С. Самыгин, О.В. Курышова).

4. Этнографический подход основан на глубоком полевом исследовании повседневной жизни молодежи. Он позволяет получить детальное представление о том, как молодежь взаимодействует с цифровыми технологиями и массовой культурой в различных социальных контекстах. Этнографические исследования часто включают наблюдение, интервьюирование и анализ социальных практик молодежи (О.А. Симонова, А.М. Пономарева).

Анализ существующих подходов к изучению современной молодежи в цифровом обществе массовой культуры показывает, что каждый подход вносит свой вклад в понимание сложных социальных и культурных процессов, влияющих на молодежь. Для более полного и глубокого понимания этих процессов целесообразно использовать интегративный подход, объединяющий различные методологии и теоретические перспективы. Такой подход позволит разработать более эффективные стратегии поддержки и развития молодежи в современном мире.

Особенности исследования

Изучая происходящие в сознании молодежи процессы, мы можем увидеть, как меняется ее менталитет. Этому вопросу было посвящено наше исследование. В нем приняли участие 1200 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, 56% женщин и 44% мужчин, проживающих в разных регионах России. Исследование проводилось в виде онлайн-анкетирования. При анализе использовались методы средних значений и критерий Манна-Уитни. Погрешность выборки 3,2.

Анализ результатов исследования

Молодые люди указали 436 качеств, которые характерны для молодых людей. Общее число качеств составило 787. Мы выделили наиболее часто встречающиеся черты личности современной молодежи: индивидуализм (28%), активность (25%), мобильность (22%), виртуальность 15% (в смысле виртуальная личность), креативность (10%).

Говоря о менталитете, они выделили 645 качеств (общее число 886), мы смогли обобщить и выделить следующие характеристики: традиционность (25%), основательность (22%), личност-

ные особенности (20%), правила и нормы (18%), привычки (15%).

Сравнивая эти ответы, можно выделить, что менталитет молодые люди воспринимают как что-то устоявшееся, свойственное культуре, обобщенная характеристика или черта, которая влияет на поведение всех людей, относимых к данному менталитету. Тогда как личные характеристики и черты молодежи – это гибкие формы адаптации к меняющимся условиям жизни, влияющие на поведение молодых людей. Эти данные показывают, что разрыв образов в сознании молодежи достаточно ярок. И менталитет существенно меняется.

На основе проанализированных данных, можно заключить, что в современном мире, где общество массового потребления и виртуализация становятся доминирующими факторами, ментальные особенности молодежи претерпевают значительные изменения. Мы попытались их типологизировать, чтобы понять и систематизировать эти изменения.

1. Тип «Виртуальных исследователей» (20%).

Молодые люди этого типа активно используют цифровые технологии для исследования мира и самопознания. Они стремятся к знаниям и опыту, часто переходя от одного виртуального сообщества к другому. Этот тип характеризуется высоким уровнем адаптации к быстро меняющимся информационным потокам и способностью к многозадачности. Они видят свое призвание и профессиональную и личную реализацию в виртуальном пространстве. В реальном мире они практически не присутствуют, кроме еды и сна их мало что удерживает в режиме оффлайн. Среди этой групп больше молодых людей (70%), чем девушек (30%). Хотя, полагаем, это временное явление, через несколько лет ситуация может выровняться.

2. Тип «Маркетинговых манипуляторов» (24%).

Этот тип молодежи особенно чувствителен к маркетинговым стратегиям и рекламным кампаниям. Они легко поддаются влиянию потребительской культуры, стремясь к статусным товарам и брендам. Ментальные особенности этого типа включают в себя высокую степень потребительского интеллекта и способность к манипуляции социальными сетями для достижения личных целей. Виртуальное пространство необходимо им для предъявления того, что и когда они приобрели, с кем и где взаимодействуют. Селфи и личное позиционирование становится основой смыслов в жизненном пространстве. Среди данного типа доминируют девушки – 85%, но присутствуют и молодые люди – 15%. Полагаем, что с течением времени нарциссические особенности выровняются что у мужчин, что у женщин.

3. Тип «Социальных инноваторов» (26%).

Молодые люди этого типа активно используют виртуальные пространства для социальных инноваций и изменений. Они стремятся к созданию новых сообществ и движений, часто связанных с со-

циальной справедливостью и экологией. Этот тип характеризуется высоким уровнем социальной ответственности и креативным подходом к решению проблем. Социально активные, не безразличные и вовлеченные молодые люди. Гендерно равномерно представленные (50 на 50%).

4. Тип «Гиперконнектированных глобализаторов» (20%).

Этот тип молодежи активно использует цифровые технологии для поддержания связей с людьми по всему миру. Они стремятся к глобальному взаимодействию и культурному обмену, часто работая в международных проектах и сообществах. Этот тип характеризуется высоким уровнем глобального сознания и способностью к межкультурной коммуникации. Молодых людей немного больше, чем девушек (58 и 42% соответственно).

5. Тип «Цифровых изоляционистов» (10%).

Несмотря на всеобщую виртуализацию, некоторые молодые люди стремятся к изоляции от цифрового мира. Они предпочитают традиционные формы общения и развлечений, стараясь минимизировать свое присутствие в онлайн-пространствах. Этот тип характеризуется высоким уровнем самосознания и стремлением к внутренней гармонии. Данный тип не столь распространен, чаще представлен молодыми людьми (75% и лишь 25% девушками).

Заключение

Ментальность современной молодежи характеризуется динамичным и многогранным характером. Влияние цифровых технологий, стремление к индивидуальности и социальная ответственность формируют уникальные особенности восприятия мира и поведения молодого поколения. Понимание этих особенностей важно для успешного взаимодействия с молодежью, а также для разработки эффективных стратегий в образовании, трудовой деятельности и социальной политике. Предложенная типология показывает ключевые моменты изменения ментальности.

Продолжение изучения и анализа ментальности молодежи поможет лучше адаптировать социальные и экономические системы к потребностям и ожиданиям нового поколения.

Существует мнение, что молодежь не обладает достаточным жизненным опытом для принятия важных решений. В то же время, молодые люди активно ищут знания и опыт через образование, стажировки и волонтерскую деятельность, что помогает им развиваться и принимать взвешенные решения.

Современная молодежь представляет собой уникальное поколение с ярко выраженными ментальными особенностями и социальными характеристиками. Несмотря на существующие стереотипы, они демонстрируют высокий уровень адаптивности, критического мышления и стремления к са-

морализации. Понимание этих аспектов важно для создания благоприятных условий для их развития и интеграции в общество.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
2. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
3. Ардашев Р.Г. Девиантное поведение молодежи в условиях виртуального мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. Сост.: А.А. Жаворонкова, О.С. Кравченко. Санкт-Петербург, 2023. С. 100–103.
4. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
5. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 141–144.
6. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
7. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
8. Баев П.А. Экспертная оценка трудовой мотивации молодежи в цифровом мире // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 241–244.
9. Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России // Социология. 2024. № 4. С. 83–89.
10. Баев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
11. Баев П.А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
12. Баев П.А., Хаустов Д.С. Материальные притязания и финансовые идолы современных студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2023. С. 352–355.
13. Журавлева И.А. Образовательные и трудовые стратегии молодежи в 2018 и 2023 гг. // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 185–190.
14. Журавлева И.А. Образовательные траектории современной российской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 286–290.
15. Журавлева И.А. Образовательные траектории студенческой молодежи в структуре жизненного мира // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 371–374.
16. Журавлева И.А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
17. Журавлева И.А. Социальная роль и функции образования в региональном сообществе // Социальная регионология. Межвузовский сборник. Иркутский государственный университет. Иркутск, 2006. С. 118–126.
18. Кузнецова Е.А. Виртуальный досуг молодежи как условие социализации // Социология. 2024. № 4. С. 109–116.
19. Кузнецова Е.А. Интернет как фактор социализации молодежи // Социология. 2023. № 6. С. 19–26.
20. Кузнецова Е.А. Ценностно-рефлексивное восприятие виртуальной социализации молодежи // Социология. 2024. № 5. С. 58–65.
21. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
22. Маслодудова Н.В. Блоггерство как новый вид профессиональной деятельности // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108–2. С. 133–136.

23. Маслодудова Н.В. Досуговые практики онлайн пространства молодежи // Социология. 2024. № 5. С. 207–214.
24. Маслодудова Н.В. Интернет-зависимость молодежи // Социология. 2024. № 4. С. 117–124.
25. Маслодудова Н.В. Понимание молодежью «дружбы» в социальных сетях // Социология. 2024. № 3. С. 44–51.
26. Маслодудова Н.В. Социальный капитал региональной молодежи // Социология. 2024. № 6. С. 47–54.
27. Полюшкевич О.А. Коллективные эмоции просоциальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 161–164.
28. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132.
29. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
30. Полюшкевич О.А. Экспертная оценка социальных индикаторов сплоченности // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 226–229.
31. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В. Просоциальная активность как социальный капитал волонтеров при спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 92.
32. Скуденков В.А. Влияние уровня тревожности, вызванной мобилизацией на экономические притязания россиян // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 293–297.
33. Скуденков В.А. Угрозы трансформации социально-экономических притязаний // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 152–155.
34. Скуденков В.А. Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 168–173.
35. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
36. Скуденков В.А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 104–109.
37. Скуденков В.А. Экономические статусы в виртуальном мире: взгляд студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 243–245.
38. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.
39. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданской ответственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей // Социология. 2024. № 3. С. 52–59.

MENTAL FEATURES OF MODERN YOUTH

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article shows the influence of mentality as a socio-cultural and socio-psychological phenomenon on the ideological attitudes and behavioral reactions of modern youth. Based on the results of the study, modern features of the development of youth mentality are identified and a new typology is outlined.

Keywords: mentality, youth, attitudes, social environment, ideology.

References

1. Ardashev R.G. Personal security in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 8–11.
2. Ardashev R.G. Virtualization in new meaningful life orientations of Russians // Global and regional impacts in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. Pp. 130–134.
3. Ardashev R.G. Deviant behavior of young people in the virtual world // Russian deviantological panorama: theory and practice. Proceedings of the international scientific and practical conference. Comp.: A.A. Zhavoronkova, O.S. Kravchenko. St. Petersburg, 2023. Pp. 100–103.
4. Ardashev R.G. New meanings in the consciousness of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Proceedings of the III International scientific and practical conference. Irkutsk, 2021. Pp. 152–156.
5. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the context of virtualization // Humanitarian and ecological resources of Lake Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among young people. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: a thematic collection of articles. Irkutsk, 2021. Pp. 141–144.
6. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // Alma Mater (Herald of the Higher School). 2021. No. 5. Pp. 31–34.
7. Baev P.A. Economic well-being of youth ideological attitudes // Sociology. 2024. No. 2. P. 57–64.

8. Baev P.A. Expert assessment of youth work motivation in the digital world // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. P. 241–244.
9. Baev P. A., Zimina E.V. Work in the value palette of modern Russia // Sociology. 2024. No. 4. P. 83–89.
10. Baev P. A., Kopalkina E.G. Youth work guidelines: virtual conditions // Sociology. 2024. No. 5. P. 31–38.
11. Baev P. A., Khaustov D.S. Living on credit: moral attitudes of Russians // Sociology. 2023. No. 6. P. 94–100.
12. Baev P. A., Khaustov D.S. Material aspirations and financial idols of modern students // Science and higher education in the 21st century: space of possibilities and development vectors. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. P. 352–355.
13. Zhuravleva I.A. Educational and labor strategies of young people in 2018 and 2023 // Social reality of virtual space. Proceedings of the V International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. P. 185–190.
14. Zhuravleva I.A. Educational trajectories of modern Russian youth // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 286–290.
15. Zhuravleva I.A. Educational trajectories of student youth in the structure of the life-world // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 371–374.
16. Zhuravleva I.A. Social security in virtual educational strategies of youth // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 83–86.
17. Zhuravleva I.A. Social role and functions of education in the regional community // Social regionalology. Interuniversity collection. Irkutsk State University. Irkutsk, 2006. Pp. 118–126.
18. Kuznetsova E.A. Virtual Leisure of Young People as a Condition of Socialization // Sociology. 2024. No. 4. Pp. 109–116.
19. Kuznetsova E.A. The Internet as a Factor in the Socialization of Young People // Sociology. 2023. No. 6. Pp. 19–26.
20. Kuznetsova E.A. Value-Reflexive Perception of Virtual Socialization of Young People // Sociology. 2024. No. 5. Pp. 58–65.
21. Kuznetsova E.A. Digital Socialization of Young People // Sociology. 2023. No. 3. Pp. 59–66.
22. Maslodudova N.V. Blogging as a New Type of Professional Activity // Trends in the Development of Science and Education. 2024. No. 108–2. Pp. 133–136.
23. Maslodudova N.V. Leisure Practices of the Online Space of Young People // Sociology. 2024. No. 5. Pp. 207–214.
24. Maslodudova N.V. Internet Addiction of Young People // Sociology. 2024. No. 4. Pp. 117–124.
25. Maslodudova N.V. Young People's Understanding of "Friendship" on Social Networks // Sociology. 2024. No. 3. Pp. 44–51.
26. Maslodudova N.V. Social Capital of Regional Young People // Sociology. 2024. No. 6. Pp. 47–54.
27. Polyushkevich O.A. Collective emotions of prosocial practices: virtual and real consequences // Man in the information society. Collection of materials of the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. P. 161–164.
28. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: prosocial practices and community solidarity // Humanitarian vector. 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 124–132.
29. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // Sociology. 2024. No. 2. Pp. 121–127.
30. Polyushkevich O.A. Expert assessment of social indicators of cohesion // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 226–229.
31. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V. Prosocial activity as social capital of volunteers in sports competitions // Theory and practice of physical education. 2024. No. 7. P. 92.
32. Skudenkov V.A. The Impact of the Level of Anxiety Caused by Mobilization on the Economic Aspirations of Russians // In Search of Social Truth. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 293–297.
33. Skudenkov V.A. Threats of Transformation of Socio-Economic Aspirations // Methodology for Preventing Threats in the 21st Century. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, 2022. Pp. 152–155.
34. Skudenkov V.A. Economic and Social Aspirations in the Context of Virtualization of the Way of Life of Young People // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. Pp. 168–173.
35. Skudenkov V.A. Economic Claims in the Context of Mobilization // Sociology. 2022. No. 5. Pp. 80–87.
36. Skudenkov V.A. Economic Claims: Effects of Transformations in Modern Society // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 104–109.
37. Skudenkov V.A. Economic Statuses in the Virtual World: Students' View // Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Vectors of Development. Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023. Pp. 243–245.
38. Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social elevator // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). P. 154–158.
39. Treskin P.A. The role of youth public organizations in the formation of citizenship, patriotism and moral values // Sociology. 2024. No. 3. P. 52–59.

Испано-китайское исследование перевода брендов с точки зрения экологического перевода

Чэнь Чэнь,

кандидат испанского языка и литературы, преподаватель,
Институт иностранных языков, Сианьский нефтехимический университет
E-mail: 342814074@qq.com

Как важная часть имиджа бренда, название бренда помогает потребителям идентифицировать и различать продукт или услугу и напрямую влияет на продажи продукта. Поэтому перевод названий брендов имеет решающее значение. В этом исследовании анализируется перевод названий брендов на испанский и китайский языки с точки зрения экологического перевода, чтобы выяснить, как переводчики адаптируются к экологической среде перевода. 77 наименований брендов из испаноязычных стран, зарегистрированных в Китае, были всесторонне оценены с точки зрения языка, культуры и коммуникации. Анализ показал, что с лингвистического уровня большинство переводов сохранили оригинальное произношение или смысл, что способствует продвижению бренда. С культурной или коммуникативной точки зрения меньшинство легко читают и вспоминают, имеют значимые коннотации, отражающие особенности продукта и привлекают внимание потребителей. Кроме того, в исследовании были обобщены пять методов перевода названий брендов на испанский и китайский языки и рассмотрены преимущества и недостатки каждого из них с трехмерной точки зрения, что позволяет переводчикам принимать более обоснованные решения о переводе названий брендов.

Ключевые слова: перевод названия бренда; эко-переводоведение; три измерения; методы перевода.

Introduction

Chinese scholar Hu Gengshen introduced the concept of Eco-translatology which has been inspired by the international ecological trend and Darwinian theory of evolution. Hu perceives the translation process as a selection activity of the translator's adaptation to the translational Eco-environment which comprises the worlds of the source language (SL) and target language (TL), linguistic, cultural, and social aspects of translating, as well as the author, client, and readers [14]. During the translation process, the translator must efficiently adapt to the world portrayed by the source text (ST), SL, and TL. The selection will relate to the translator's choice of interpretation of the ST and the decision of the translation's final expression. The criterion for evaluating a translation is the extent of its transformation across multiple dimensions which comprises linguistic dimension, cultural dimension, and communicative dimension [15]. The translator should accurately select phonemes, words, and sentences that can adhere to phonetic norms, spelling regulations, semantics, and grammatical norms. In addition, the translator should also transcend beyond the linguistic system to the entire cultural system in order to interpret the culture concealed in the ST, avoid cultural shock, and convey its meanings. The communicative dimension is concerned with the communicative intent and the appropriateness of the expressive style.

For clients who are unable to converse in Spanish, a Chinese name is essential for them to become familiarized with the brands. Unlike other types of translation, the translation of brand names has a clear and obvious commercial aspect. In addition to conquering the language barrier, it is essential to consider the cultural, religious, and psychological components.

Literature Review

Characteristics of Brand Names

A brand is a comprehensive concept that possesses six fundamental meaning levels: attributes, benefits, values, culture, personality, and consumer [21]. In many of today's fast-paced markets, it is immensely challenging to sustain a competitive advantage based solely on performance characteristics [19]. Consequently, the brand name has been a vital weapon for brand equity, profitability, and sustainability, regardless of the target market or client [18]. Therefore, as the significance of brand names has been recognized, marketing research proposes several canonical strategies for creating and selecting effective brand names.

When selecting a brand name, it is vital to apply the “Joyce Principle”, which calls for selecting a name that possesses desirable phonetic symbolism and significant, uplifting connotations [19]. Similarly, it should also be able to evoke a mental image since a visual image provides an easier-to-retrieve memory line as compared to an abstract concept [1]. Numerous studies have demonstrated a correlation between linguistic devices and the memorability of a brand name [2, 5, 7, 9, 17, 23]. Regarding the orthographic device, irregular or incorrect spelling may assist in the memorization of a brand [27]. Correspondingly, morphological devices such as affixes and semantic devices such as metaphors may also be favourable options for naming a brand [8, 13, 20, 24].

A brand name is not merely just an element of language but also a carrier of culture and company identity. Therefore, the translation must take into account the brand name guidelines as well as the culture of both the country of origin and the country of destination.

The Study of Brand Name Translation from an Eco-translatology Perspective

The notion of Eco-translatology is defined as an ecological approach to translation studies or translation studies from an ecological perspective [16]. In Chinese beliefs, particularly Taoism and Confucianism, contrasting or potentially opposing entities can coexist in harmony [11]. Brand name translation comprises numerous potential impacting variables which include language, culture, values, consumer psychology, and aesthetics, among others. It is actually a process of cultural and communicative conversion whose ultimate goal is to make it possible for consumers of TL to acquire the identical effect as the consumers of SL and also to facilitate the consumers’ comprehension. Therefore, Eco-translatology could be utilized to examine the translation of brand names as the linguistic, cultural, and communicative intent must be effectively transferred to the TL in order for brand names to achieve their effect. It presents a multidimensional, complementary, and integrated translation evaluation standard whereby the greater the “integration and adaptation” of a translation, the higher its quality is [26]. The present study will be a combination of qualitative and quantitative research in order to arrive at more logical and scientific results and to better guide the translation of brand names.

Translation methods in brand name translation

Regarding brand name translation methods, transliteration, literal translation and the combination of both are commonly used [12, 28]. The majority of English-Chinese translations choose to convert either the sound or the meaning. Transliteration emphasizes sound more than meaning, literal translation emphasizes meaning more than sound, and the combination of transliteration and literal translation emphasizes both sound and meaning [25].

Chinese and Spanish are members of distinct language families. The two languages employ different writing systems which are Chinese characters and Spanish letters. Each Chinese character consists of three components, namely a consonant, a vowel, and a tone. Due to the tone and meaning, a single syllable could represent multiple characters. For instance, the Spanish name Sara consists of two syllables: *sa*, *ra*. Each syllable could be represented with four accents, *sa* for *sā*, *sá*, *sǎ*, *sà* and *ra* for *lā*, *lá*, *lǎ*, *là* (*ra* does not exist in Chinese and could be substituted with *la*). To choose the best character that corresponds to these two syllables, it is necessary to check a dictionary. The four tones of *sa* correspond to 26 characters, while the four tones of *ra* correspond to 40 characters, according to the Xinhua Dictionary. Thus, there are 1040 (26×40) possible choices for the transliteration of Sara.

Research design

Research Questions

This paper aims to answer the following questions:

1. Does the translation of Spanish brand names fit the translational Eco-environment from linguistic, cultural and communicative dimensions?
2. Which translation methods are applied most frequently in the S-C translation of brand names?
3. From a three-dimensional perspective, how to select the most suitable method for translating a Spanish brand name into Chinese?

Research methods and procedures

This study selected the brand names from The Annual Report on the Most Valuable and Strongest Spanish Brands of 2023 and The Annual Report on the Most Valuable and Strongest Latin American Brands of 2023 lists which are both certified by independent branded business valuation and strategy consultancy Brand Finance [3, 4]. Although the 200 brands are the most valuable and strongest of Spain and Latin America, some of them have not entered Chinese market. Thus it is necessary to search on the China National Intellectual Property Administration website to get a list of brands who have already officially registered Chinese brand name. According to China’s Intellectual Property Law, all the brand names must be registered with this office. It turns out that 77 brands have registered their official Chinese names, 62 of which are from Spain and 15 from Latin America.

After gathering the brand names and their Chinese translations, linguistic, cultural, and communicative analyses were conducted. For example, count the amount of syllables, check linguistic devices such as alliteration and metaphors in ST and TT, verify the accuracy of pronunciation and meaning, and identify the characters that have positive connotations or convey product information. The brand names were then categorized according to translation methods, and the frequency of each method was calculated.

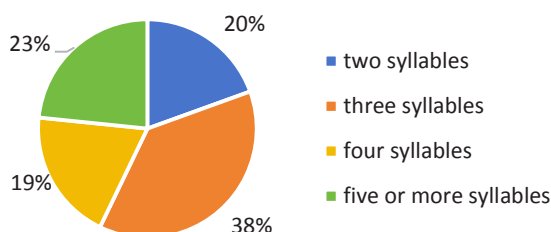

Result analysis

Analysis from the Linguistic Dimension

A brand name should be short and straightforward so that it is simple to read, identify, and remember. If every syllable of a brand name is translated, the new name will be complicated. According to the List of Common Words in Modern Chinese, about 73% Chinese words are two-syllable words, while only 22% are three or four syllable words [10]. After analyzing brands of ten product categories, Chan and Huang discovered that the majority of Chinese enterprises opt to select two-syllable names (91%), three-syllable names are also acceptable among Chinese consumers (8%) [6].

As shown in pic. 1, only 20% of the brand names (N=77) in this study are two-syllable words, whereas 80% contain three or more syllables. From linguistic and communicative dimensions, only 20% have adapted to the translational Eco-environment.

Pic. 1. The amount of syllables in brand names (N=77)

Some translators have adopted the tactic of omission to shorten brand names. It is without any doubt that reducing syllables has allowed them to become relatively easier to pronounce and recall. The following examples demonstrate the elimination of syllables or an entire word.

As shown in the following example, the translation of fashion brand Stradivarius is extremely lengthy and possesses no connection with the musical instrument. In its place, the free translation 14 音符 (musical note) would have been more fascinating and memorable if the brand logo had been taken into consideration.

Example 1: Stradivarius – 斯 hps14 特拉迪瓦里斯

Regarding brand names with specific meanings, literal translation could maintain the information in the

brand name. However, exceptions have also been identified. Example 2 shows that as the largest electric utility company in Spain, the literal translation 西班牙国家电力 (Spanish National Electricity) could be better than the transliteration 恩德萨, which has been unrelated to the product and possesses no specific connotations. Despite the fact that the translation is shorter, their specific meaning is not made clear. In contrast, the common words in the literal translation are straightforward to remember and prominently explain the product. Likewise, they are also easy to recall.

Example 2: Endesa (Empresa Nacional de Electricidad, S.A.) – 恩德萨

Additionally, the study indicated that it is extremely challenging to translate linguistic devices but creating linguistic devices in TL is possible, as seen in Examples 3. Chupa Chups abandoned the alliteration *chu* since the selection of two distinct characters 珍宝 is more reasonable given that the first two characters represent a common Chinese phrase that denotes “treasure”, making the product more “valuable”.

Example 3: Chupa Chups – 珍宝珠

Analysis from the Cultural Dimension

Language is influenced by culture, and culture is reflected in language. They are so intertwined that separating them would mean losing the essence of either culture or language. Since brand names are a component of the culture of the company or SL, in addition to being a language expert, the translator must also possess a solid grasp of the brand as well as the cultures of SL and TL to successfully produce a suitable and optimal translation. If the selected words or characters do not conform to the culture in TL, the brand image may be impaired and goods sales may suffer.

Brand names with positive and meaningful characters will pique people’s interest and earn their favour [6]. As shown in table 1, only 28.6% of brands have carefully selected characters to fit the translational Eco-environment from cultural dimension. Characters such as 乐 (happy), 福 (good luck or good fortune), 泰 (safe or peaceful), 佳 (excellent or great), 宝 (precious), 美 (beautiful) and 雅 (elegant) are frequently utilized in S-C brand name translation.

Table 1. Characters with positive meanings in S-C Brand Name Translation

Character	乐	福	泰	佳	宝	美	雅	Others	Total
Number	3	3	2	1	2	5	2	4	22
Proportion	3.9%	3.9%	2.6%	1.3%	2.6%	6.5%	2.6%	3.9%	28.6%

As demonstrated in the following examples, three brand names have employed the character 乐 (happy) for the syllables *la*, *ro*, and the pronunciation *ou*.

Example 4: Roca – 乐家

Example 5: Tous – 桃乐丝

In Example 4, Roca, a producer of bathroom products, abandoned its literal translation of rock and adopted the transliteration which means “happy family”. In

Example 5, the initial character 桃 of the jewellery brand Tous signifies “peach” and is widely utilized to describe girls. For instance, the phrase 面若桃花 (face like peach blossom) could be utilized to describe the beauty of a girl. The final character 丝 signifies “silk”, which perfectly illustrates the delicate nature of jewellery. The combination of these three characters will impress consumers, particularly female consumers.

As shown in the following examples, the character 福 (good luck or good fortune) has also been employed for the syllables *fer*, *fre*, and *fol* in three different brand names.

Example 6: Mapfre – 曼福

In Example 6, the translation of Mapre implies “prolonged good fortune”, corresponds with its insurance service. The character 福 in this example not only adapts the translational Eco-environment from cultural dimension but also from communicative dimension.

The character 泰 has been assigned to the syllable *te*. The transliteration of Telstar in Example 7 implies that one will successfully achieve his goal without encountering any conflict.

Example 7: Telstar – 泰事达

In Example 8, the character 佳 is utilized for the syllable *ga*. The translation of automotive components manufacturer Doga means “a nice road”, implying that their products are of high quality and would never pose any issues for the customers.

Example 8: Doga – 道佳

The desire for beauty has been ingrained in human nature, and the pursuit of beauty is an integral component of our lives. In order to effectively adapt to the translational Eco-environment, translators tend to select characters such as 美 (beautiful) and (elegant) when translating brand names. Regardless of the product or service, these characters will deliver consumers pleasure and a sense of mesmerizing beauty. In this study, five brands, including Mirinda (0 美年达), Melía (美利亚), Sol Melía (美利亚), Mercadona (美卡0 多纳), and Siemens Games (西门子歌 jc0 美飒), have all utilized the character 美 for the syllables *mi*, *me*, and *mer*. Two companies, Adolfo Domínguez (雅度夫) and Lladró (雅致), have utilized the character 雅 for syllables *a* and *lla* in their names.

To adapt to the translational eco-environment from cultural dimension, fast fashion brands such as Mango and Zara have opted for a zero translation method. While both the Spanish and Chinese brand names have been registered, only the Spanish name has been utilized on the storefront, labels, and website. Before entering the Chinese market, these fashion labels had already successfully achieved international recognition. Since the majority of the target consumers are young, they may not find it challenging to pronounce the original brand names, and the exoticism may also pique their interest.

Analysis from the Communicative Dimension

The primary focus of the translator’s adaptation and selection from communicative dimension is the recipient’s comprehension and response. The predominant goal of translating brand names is to successfully transmit product information, garner the attention of consumers, and advocate purchasing behaviour.

About 29% of the translations in this study contain product information, such as the country of origin (哈瓦那俱乐部 of Havana Club), the category (西班牙电信 of Telefónica), the quality (金固牢 of Gymcol), or

specific nouns that may evoke mental images (公鸡 of Gallo).

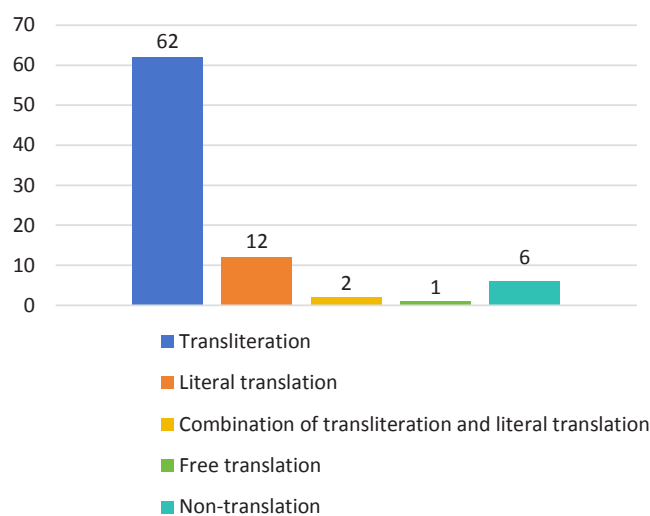
As for the porcelain brand Porcelanosa, the literal meaning of the translation 宝瓷兰 is “valuable, porcelain, orchid”. In Chinese culture, orchids are often used to describe people’s noble and elegant qualities. Therefore, the name not only indicates that the product is excellent and precious, but also implies the characteristics of its intended consumers. Similarly, in Example 3, the lollipop brand Chupa Chups has been translated into 珍宝珠 where the character 珠 refers to “pearl or things that have the same shape as a pearl”. The name indicates that the product is a precious ball-shaped candy.

The translation of Example 9 has clearly shown the advantage of its product: adhesives for industrial applications. In Chinese, 金 means “gold”, 固 and 牢 means “sturdy and solid”.

Example 9: Gymcol – 金固牢

Methods for the S-C Brand Name Translation

All of the aforementioned strategies have been identified in this investigation. Pic. 2 demonstrates the frequency with which various translation methods are utilized in the S-C translation of brand names.

Pic. 2. Frequency of translation methods in the S-C translation of brand names

Transliteration

Transliteration is the most frequent method for translating brand names since its most evident advantage is that the original pronunciation of the brand name has been retained, and the translation may offer consumers a sense of exotic delight. In the present study, 62 brand names (80.5%) were transliterated. In accordance with prior studies, transliteration is the most preferred method for translating brand names. Notably, although some of these brand names in Spanish have an exact meaning, transliteration has been adopted since literal translation neither preserves the pronunciation in Spanish nor provides any product information (Acciona, Corona, Cruzcampo, Dos Equis XX, El Corte Inglés,

Pull&Bear, Roca, Seat, Sol). For instance, in lieu of the literal translation “act”, Acciona adopted the transliteration 安迅能 (safe and rapid energy) which reflects the product’s characteristics.

Literal Translation

Regarding brand names with specific meanings, literal translation may be an effective means of conveying the original name’s content. Since this type of brand name has typically been derived from popular nouns, identifying equivalent terms in TL would be fairly simple. In contrast to transliteration, literal translation results in a brand name that is comprehensible and more known to consumers in TL. However, literal translation also possesses its own distinctive drawbacks. First and foremost, as an identical image typically possesses distinct implications in Chinese and Western cultures, the connotation of a brand name should not include cultural taboos. Secondly, literal translation may result in a brand name that is extremely lengthy and does not adhere to brand naming standards. Lastly, as the pronunciation of the brand name in SL and TL is highly different, the brand transmission would definitely be more challenging. 12 brand names (15.6%) employed literal translation. The majority of them are acronyms containing information such as the country of origin and the service. While the translations are lengthy, they are easy to read.

Combination of Transliteration and Literal Translation

Undoubtedly, the combination of these two translation methods may preserve both pronunciation and meaning of ST. The translation should not only adhere to the norms of pronunciation, but also be able to effectively express the brand’s connotations. Only 2.6% of the brands have opted for this method. In Example 10, the initial character 星 (star) corresponds to the brand logo and is the literal translation of the first word Estrella. The last two characters are the transliteration of Damm, and it is worth noting that the last character indicates “dew or fruity beverage” which precisely portrays the product’s feature. The translation has effectively adapted to the translational Eco-environment in terms of linguistic, cultural, and communicative dimensions. This method, however, has several drawbacks. It could only be used if the literal translation could convey product information and the ST of the transliteration is short. Otherwise, combining the meaning with the sound would not be necessary.

Example 10: Estrella Damm – 星达露

Free Translation

When the above-mentioned methods have failed to make the brand name appealing or convey its information, the translator may utilize free translation. This method could rebuild the brand name by taking multiple elements into account and utilizing adaptive selection. Although it will provide the brand new implications, the loss of pronunciation could limit the brand’s transmission.

15.6% of the brands translated its name using this method. For instance, NH hotel is an abbreviation for Navarra Hoteles, which can be translated as 纳瓦拉店 by adopting the transliteration of Navarra and the literal translation of Hotels. However, based on the letters N and H, the translator has opted for 诺翰. The official meaning of this name denotes “as sincere as a promise, as considerate as the word implies”. In contrast to the combination of literal translation and transliteration, free translation emphasizes the hotel’s service and adapts to the translation Eco-environment from cultural and communicative dimensions.

Example 10: NH hotel – 诺翰酒店

Zero translation

Despite the fact that a number of fast fashion brands have registered Chinese names, the original names in Spanish are also widely used. Thus, these brands have likewise adopted zero translation. As a marketing strategy, zero translation stabilizes the brand’s reputation and makes it more exotic. Nonetheless, its limitations are clearly evident. Before entering a new market, the brand must have achieved international recognition. In this study, Mango and brands from Inditex are internationally famous fast fashion companies, and preserving their original names will promote the spread of the business. Moreover, original brand names attract individuals who seek out international products, whereas in China, some companies choose “pseudo-foreign” brand names to entice consumers who prefer foreign products [22]. From cultural dimension, zero translation responds to the translational Eco-environment. However, this method is not applicable to lengthy or difficult-to-pronounce brand names such as Stradivarius from communicative dimension.

Conclusion

The present study aims to analyze the S-C brand name translation from the perspective of Eco-translatology. The results indicate that only a small part of brand names were able to successfully adapt to the translational Eco-environment from linguistic, cultural and communicative dimensions. These translations are short and correspond to the norms of brand naming, select characters with positive connotations, or clearly reflect product information.

The study summarizes five translation methods for the S-C translation of brand names, which coincide with the methods of E-C brand name translation. Most brands utilize transliteration to preserve the same pronunciation in various markets for brand promotion and to provide consumers with exotic enjoyment. However, one Spanish syllable could correspond to multiple Chinese characters, syllable-by-syllable transliteration will be too lengthy. Thus, to adapt to the translational Eco-environment, the translator must select suitable characters and omit the others from a three-dimensional perspective.

As a unique and distinctive form of communication, brand name translation should take into account all the various linguistic and cultural differences. Therefore, in order to effectively adapt to the translational Eco-environment, translators should thoroughly and comprehensively evaluate the translation from three dimensions so as to make appropriate decisions.

Литература

1. Aaker, D. A., Biel, A. L., and Biel, A. (2013). *Brand Equity & Advertising: Advertising's Role in Building Strong Brands*. – London: Psychology Press.
2. Benczes, R. (2019). *Rhyme over Reason: Phonological Motivation in English*. – Cambridge: Cambridge University Press.
3. Brand Finance. (2023). *The Annual Report on the Most Valuable and Strongest Spanish Brands of 2023*. – URL: <https://brandirectory.com/rankings/spain> (accessed on 10 February 2024).
4. Brand Finance. (2023). *The Annual Report on the Most Valuable and Strongest Latin American Brands of 2023*. – URL: <https://brandirectory.com/rankings/latin-america> (accessed on 10 February 2024).
5. Carr, D., and Miles, C. (1997). Rhyme Attenuates the Auditory Suffix Effect: Alliteration Does Not. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology: Section A*. 50(3), 518–527.
6. Chan, A. K., and Huang, Y. Y. (2001). Chinese Brand Naming: a Linguistic Analysis of the Brands of Ten Product Categories. *Journal of product & brand Management*. 10(2), 103–119.
7. Cortese, M. J. (1998). Revisiting Serial Position Effects in Reading. *Journal of Memory and Language*. 39(4), 652–665.
8. Davies, G., and Chun, R. (2003). The Use of Metaphor in the Exploration of the Brand Concept. *Journal of Marketing Management*. 19(1–2), 45–71.
9. Davis, D. F., Bagchi, R., and Block, L. G. (2016). Alliteration alters: Phonetic Overlap in Promotional Messages Influences Evaluations and Choice. *Journal of Retailing*. 92(1), 1–12.
10. Dictionary Editing Office, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. (2021). *Modern Chinese Dictionary*. – Beijing: The Commercial Press.
11. Dollerup, C. (2010). Chinese Eco-Translatology in Translation Theory Contexts. In *Proceedings of the First International Conference on Eco-translatology*, Macau, China.
12. Dong, L. C., and Helms, M. M. (2001). Brand name translation model: A case analysis of US brands in China. *Journal of Brand Management*. 9, 99–115.
13. Giyatmi, G., Hastuti, E. D., Wijayava, R., and Arumi, S. (2014). The Analysis of English Word Formations Used on Brand Names Found in Indonesian Products. *Register Journal*. 7(2), 179–204.
14. Hu, G. S. (2003). Translation as Adaptation and Selection. *Perspectives: Studies in Translatology*. 11(4), 283–291.
15. Hu, G. S. (2006). Adaptation in Consecutive Interpreting. *Perspectives: Studies in Translatology*. 14(1), 3–12.
16. Hu, G. S. (2008). Interpreting Eco-Translatology. *Chinese Translators Journal*. 29(06), 11–15+92.
17. Inoue, T. (1991). Encoding Activities by Preschool Children Under Orienting Versus Learning Instructions Are Onomatopoeias Associated with More Concrete Images? *Japanese Psychological Research*. 33(1), 11–17.
18. Keller, K. L., Heckler, S. E., and Houston, M. J. (1998). The Effects of Brand Name Suggestiveness on Advertising Recall. *Journal of Marketing*. 62(1), 48–57.
19. Kohli, C., and LaBahn, D. W. (1997). Creating Effective Brand Names: A Study of the Naming Process. *Journal of Advertising Research*. 37(1), 67–75.
20. Koller, V. (2009). Brand images: Multimodal Metaphor in Corporate Branding Messages. *Multimodal Metaphor*. 11, 45–72.
21. Kotler, P., Armstrong, G., Saunders, J., Wong, V., Miquel, S., Bigné, E., and Cámara, D. (2000). *Introducción al Marketing*. – New Jersey: Pearson Prentice Hall.
22. Liu, J. F., and He, Z. R. (2015) Free Translation in Brand Name Translation – A review of the Subjectivity of Pragmatic Translation. *Chinese Translators Journal*. 36(02), 103–106.
23. Pogacar, R., Shrum, L., and Lowrey, T. M. (2018). The Effects of Linguistic Devices on Consumer Information Processing and Persuasion: A Language Complexity Processing Mode Framework. *Journal of Consumer Psychology*. 28(4), 689–711.
24. Sapir, J. D. and Crocker, J. C. (1977). *The Social Use of Metaphor: Essays on the Anthropology of Rhetoric*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
25. Schmitt, B., and Zhang, S. (2012). Selecting the Right Brand Name: An Examination of Tacit and Explicit Linguistic Knowledge in Name Translations. *Journal of Brand Management*. 19, 655–665.
26. Wang, L. S., and Zhao, C. X. (2016). Cosmetic Brand Names Translation-Based on Eco-translatology. *Journal of Tianjin University (Social Sciences)*. 18(01), 74–78.
27. Wong, A. D. (2013). Brand Names and Unconventional Spelling: A Two-pronged Analysis of the Orthographic Construction of Brand Identity. *Written Language & Literacy*. 16(2), 115–145.
28. Zhang, S., and Schmitt, B. H. (2001). Creating Local Brands in Multilingual International Markets. *Journal of marketing research*. 38(3), 313–325.

A SPANISH-CHINESE STUDY OF BRAND TRANSLATION FROM AN ENVIRONMENTAL TRANSLATION PERSPECTIVE

Chen Chen

Xi'an Shiyou University

As an essential component of brand image, brand name assists consumers in recognizing and differentiating a product or service, and has a direct impact on the product's sales. Therefore, the translation of brand names is of the utmost significance. This study analyzed the Spanish-Chinese (S-C) translation of brand names from an Eco-translatology perspective to discover how translators adapt to the translational Eco-environment. Seventy-seven brand names from Spanish-speaking countries and registered in China were evaluated comprehensively from linguistic, cultural, and communicative dimensions. The analysis discovered that from linguistic dimension, the majority of translations maintained the original pronunciation or meaning, which is beneficial for the promotion of the brand. From cultural or communicative dimension, minority are easy to read and recall, have meaningful connotations that reflect the product's features, and capture consumers' attention. Additionally, the study summarized five translation methods for S-C translation of brand names and examined the advantages and disadvantages of each method from a three-dimensional view, enabling translators to make more informed decisions on brand name translation.

Keywords: brand name translation; eco-translatology; three dimensions; translation methods.

References

1. Aaker, D. A., Biel, A. L., and Biel, A. (2013). *Brand Equity & Advertising: Advertising's Role in Building Strong Brands*. – London: Psychology Press.
2. Benczes, R. (2019). *Rhyme over Reason: Phonological Motivation in English*. – Cambridge: Cambridge University Press.
3. Brand Finance. (2023). *The Annual Report on the Most Valuable and Strongest Spanish Brands of 2023*. – URL: <https://brandirectory.com/rankings/spain> (accessed on 10 February 2024).
4. Brand Finance. (2023). *The Annual Report on the Most Valuable and Strongest Latin American Brands of 2023*. – URL: <https://brandirectory.com/rankings/latin-america> (accessed on 10 February 2024).
5. Carr, D., and Miles, C. (1997). Rhyme Attenuates the Auditory Suffix Effect: Alliteration Does Not. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology: Section A*. 50(3), 518–527.
6. Chan, A. K., and Huang, Y. Y. (2001). Chinese Brand Naming: a Linguistic Analysis of the Brands of Ten Product Categories. *Journal of product & brand Management*. 10(2), 103–119.
7. Cortese, M. J. (1998). Revisiting Serial Position Effects in Reading. *Journal of Memory and Language*. 39(4), 652–665.
8. Davies, G., and Chun, R. (2003). The Use of Metaphor in the Exploration of the Brand Concept. *Journal of Marketing Management*. 19(1–2), 45–71.
9. Davis, D. F., Bagchi, R., and Block, L. G. (2016). Alliteration alters: Phonetic Overlap in Promotional Messages Influences Evaluations and Choice. *Journal of Retailing*. 92(1), 1–12.
10. Dictionary Editing Office, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. (2021). *Modern Chinese Dictionary*. – Beijing: The Commercial Press.
11. Dollerup, C. (2010). Chinese Eco-Translatology in Translation Theory Contexts. In *Proceedings of the First International Conference on Eco-translatology*, Macau, China.
12. Dong, L. C., and Helms, M. M. (2001). Brand name translation model: A case analysis of US brands in China. *Journal of Brand Management*. 9, 99–115.
13. Giyatmi, G., Hastuti, E. D., Wijayava, R., and Arumi, S. (2014). The Analysis of English Word Formations Used on Brand Names Found in Indonesian Products. *Register Journal*. 7(2), 179–204.
14. Hu, G. S. (2003). Translation as Adaptation and Selection. *Perspectives: Studies in Translatology*. 11(4), 283–291.
15. Hu, G. S. (2006). Adaptation in Consecutive Interpreting. *Perspectives: Studies in Translatology*. 14(1), 3–12.
16. Hu, G. S. (2008). Interpreting Eco-Translatology. *Chinese Translators Journal*. 29(06), 11–15+92.
17. Inoue, T. (1991). Encoding Activities by Preschool Children Under Orienting Versus Learning Instructions Are Onomatopoeias Associated with More Concrete Images? *Japanese Psychological Research*. 33(1), 11–17.
18. Keller, K. L., Heckler, S. E., and Houston, M. J. (1998). The Effects of Brand Name Suggestiveness on Advertising Recall. *Journal of Marketing*. 62(1), 48–57.
19. Kohli, C., and LaBahn, D. W. (1997). Creating Effective Brand Names: A Study of the Naming Process. *Journal of Advertising Research*. 37(1), 67–75.
20. Koller, V. (2009). Brand images: Multimodal Metaphor in Corporate Branding Messages. *Multimodal Metaphor*. 11, 45–72.
21. Kotler, P., Armstrong, G., Saunders, J., Wong, V., Miquel, S., Bigné, E., and Cámara, D. (2000). *Introducción al Marketing*. – New Jersey: Pearson Prentice Hall.
22. Liu, J. F., and He, Z. R. (2015). Free Translation in Brand Name Translation – A review of the Subjectivity of Pragmatic Translation. *Chinese Translators Journal*. 36(02), 103–106.
23. Pogacar, R., Shrum, L., and Lowrey, T. M. (2018). The Effects of Linguistic Devices on Consumer Information Processing and Persuasion: A Language Complexity Processing Mode Framework. *Journal of Consumer Psychology*. 28(4), 689–711.
24. Sapir, J. D. and Crocker, J. C. (1977). *The Social Use of Metaphor: Essays on the Anthropology of Rhetoric*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
25. Schmitt, B., and Zhang, S. (2012). Selecting the Right Brand Name: An Examination of Tacit and Explicit Linguistic Knowledge in Name Translations. *Journal of Brand Management*. 19, 655–665.
26. Wang, L. S., and Zhao, C. X. (2016). Cosmetic Brand Names Translation-Based on Eco-translatology. *Journal of Tianjin University (Social Sciences)*. 18(01), 74–78.
27. Wong, A. D. (2013). Brand Names and Unconventional Spelling: A Two-pronged Analysis of the Orthographic Construction of Brand Identity. *Written Language & Literacy*. 16(2), 115–145.
28. Zhang, S., and Schmitt, B. H. (2001). Creating Local Brands in Multilingual International Markets. *Journal of marketing research*. 38(3), 313–325.

Влияние на сохранение традиционных культур глобализации общественных процессов

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Статья посвящена анализу взаимодействия традиционной культуры и современных вызовов в Российской Федерации. Цель исследования – выявить роль культурных традиций в формировании национальной идентичности и определить пути их адаптации к современным реалиям. Задачи включают анализ исторического опыта сохранения культурного наследия, оценку влияния глобализации на культурное разнообразие и изучение российских инициатив в сфере культуры. Методология основана на междисциплинарном подходе, сочетающем исторический, социологический и культурологический анализ. Результаты исследования показывают, что сохранение традиционной культуры играет ключевую роль в поддержании национальной идентичности, а российский опыт в различных сферах культуры может предложить альтернативные решения глобальных вызовов. Выводы подчеркивают необходимость баланса между сохранением традиций и адаптацией к современным реалиям.

Ключевые слова: традиционная культура, глобализация, национальная идентичность, культурное наследие, Россия, современные вызовы.

Данная проблематика активно исследуется многими учеными в различных аспектах. Лю Ж. [5] анализирует культурные тенденции в современном мире и вызовы, с которыми они сталкиваются, что позволяет лучше понять глобальный контекст, в котором развивается российская культура. Гао Ц. [2] рассматривает взаимосвязь традиционной культуры и социальной трансформации, что особенно актуально для России в период значительных общественных изменений. Медко М.А. и Ищенко О.И. [8] подчеркивают важность сохранения культурных традиций для будущего народа, а Мармазова О.И. [6] исследует роль традиционной культуры в современном обществе. Колин К.К. [4] рассматривает российскую культуру в контексте обеспечения национальной и глобальной безопасности, что отражает геополитический аспект культурной проблематики.

Набокова Е.В. [9] анализирует государственную политику в сфере сохранения культурного наследия России, а Мартынов Г.Н. и Павлова Е.В. [7] акцентируют внимание на важности сохранения уникальности региональных и национальных культур. Седенков С.Е. [10] исследует изменения культуры в эпоху глобализации, что позволяет понять влияние глобальных процессов на российскую культуру. Волошина В.А. [1] рассматривает варианты будущего культурно-государственной идентичности, а Гацаева Р.С.А. [3] анализирует роль традиций в условиях глобализации. Эти исследования помогают понять перспективы развития традиционной культуры в России в контексте глобальных вызовов. Таким образом, научная литература охватывает широкий спектр вопросов, связанных с традиционной культурой и вызовами современности в РФ, от теоретических аспектов до практических вопросов сохранения и развития культурного наследия в условиях глобализации и социальной трансформации.

История охраны культурного наследия в России имеет глубокие корни, уходящие в далекое прошлое. Еще в древности люди с особым почтением относились к священным местам и древним артефактам. Однако систематический подход к сохранению культурных ценностей начал формироваться лишь в XVIII веке. Традиции – это квинтэссенция опыта предыдущих поколений, а не просто набор повторяющихся действий. Они играют ключевую роль в формировании идентичности человека, позволяя ему ощущать связь с собственной культурой и одновременно быть частью глобального со-

общества. Для гармоничного развития личности важно сочетать национальные особенности с общечеловеческими ценностями. Сохранение традиций и уважение к предкам – важные аспекты культурной идентичности народа. Хотя мир постоянно меняется, связь с корнями помогает людям сохранять свою уникальность и самобытность.

Важную роль в сохранении культурного наследия Древней Руси сыграли монастыри и церкви. Они не только хранили древние рукописи и книги, но и создавали новые исторические источники, такие как летописи. Первым документально зафиксированным опытом сохранения памятника на Руси стала Десятинная церковь в Киеве. Петр I заложил основы государственной политики в области охраны культурных ценностей. Он издал первые инструкции по сбору древностей и основал первый российский музей – Кунсткамеру в 1714 году. Екатерина II продолжила эту традицию, начав собирать художественную коллекцию, ставшую основой будущего Эрмитажа [1].

XIX век ознаменовался появлением научных обществ, занимавшихся изучением и сохранением исторического наследия. Среди них особо выделялись Московское археологическое общество и Императорское Русское географическое общество. Эти организации внесли значительный вклад в исследование и документирование исторических памятников на территории Российской империи. Первые попытки юридической защиты объектов культурного наследия были предприняты в конце XIX века. Однако международное признание необходимости охраны культурных ценностей пришло лишь в XX веке, с принятием Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [2].

Важным шагом в деле сохранения мирового культурного наследия стало создание ЮНЕСКО и принятие в 1972 году Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Эти международные инициативы подчеркнули глобальную значимость культурных и природных памятников и необходимость их сохранения для будущих поколений. Таким образом, история охраны культурного наследия в России прошла долгий путь от спонтанных усилий отдельных энтузиастов до формирования государственной политики и участия в международных инициативах по сохранению всемирного наследия.

Культура является неотъемлемой частью идентичности каждой нации и ключевым фактором в развитии человечества. Как отмечают исследователи, важно не только обладать культурными знаниями, но и развивать уверенность в ценности собственного культурного наследия. В современном мире наблюдается тенденция к культурному многообразию, что порой приводит к противоречиям между различными традициями. Для преодоления возможных конфликтов необходимо глубокое понимание закономерностей культурного

развития в глобальном масштабе. Это требует активного международного сотрудничества в условиях усиливающейся культурной глобализации. При этом сохранение собственной культурной самобытности имеет стратегическое значение для каждой страны. Это позволяет лучше осмыслить происходящие социальные изменения, укрепить национальный потенциал и обеспечить безопасность государства. Кроме того, бережное отношение к культурному наследию способствует развитию дружественных отношений между народами и поддержанию мира на международной арене [3].

Многообразие культур в современном мире базируется на принципе культурной инклюзивности. Уникальность каждой культуры обусловлена особенностями ее зарождения и эволюции в конкретных исторических и географических условиях. Формирование культурной идентичности происходит под влиянием как внешних факторов (природная среда, этнический состав, социальное устройство), так и внутренних (повседневные практики и образ жизни людей). При этом именно внутренние факторы играют ключевую роль в определении культурного своеобразия. Интересно отметить, что базовые виды человеческой деятельности во многом схожи у разных народов, что указывает на универсальность культурного опыта человечества. Однако конкретные формы реализации этой деятельности могут существенно различаться, создавая неповторимый облик каждой культуры. Таким образом, культурное разнообразие мира основано на диалектическом единстве общего и особенного. Общие черты сближают культуры, а уникальные особенности делают их самобытными. В условиях глобализации практически не осталось культур, существующих в изоляции – все они вовлечены в сложную систему межкультурных взаимодействий [4].

В современном мире наблюдается сложная и противоречивая ситуация в сфере культурных взаимодействий. С одной стороны, процессы глобализации способствуют интенсивному обмену культурными ценностями и практиками. С другой – это приводит к обострению противоречий между различными культурными традициями. Одним из ключевых факторов, влияющих на культурный ландшафт, является экономическое и политическое доминирование западных стран. Используя свое преимущество, они активно продвигают собственные культурные продукты и ценности, зачастую навязывая их другим странам, особенно развивающимся. Это вызывает обоснованные опасения относительно сохранения культурного разнообразия и национальной идентичности. В ответ на это многие страны стремятся отстаивать свою культурную самобытность, подчеркивая уникальность и ценность каждой культуры. Они противопоставляют идею культурного превосходства Запада, отстаивая право на собственный путь развития [5].

Ситуацию усложняет распространение экстремистских идеологий и террористических угроз,

что еще больше обостряет межкультурные противоречия. Кроме того, рост эгоистических настроений в международной политике создает дополнительные барьеры для культурного обмена и интеграции. Все эти факторы делают взаимодействие между культурами более напряженным и конфликтным. В этих условиях особую важность приобретает поиск баланса между сохранением культурного многообразия и развитием конструктивного межкультурного диалога. Современная цивилизация сталкивается с комплексом серьезных культурологических проблем, охватывающих различные аспекты общественной жизни. Однако Россия обладает значительным потенциалом для решения многих из этих вызовов, опираясь на свой богатый исторический опыт и культурное наследие.

В сфере стратегической культуры наблюдается несоответствие уровня политического мышления масштабу глобальных вызовов. Здесь Россия может предложить уникальный опыт государственного планирования и реализации масштабных национальных проектов. Такие программы как ГОЭЛРО, развитие ядерной энергетики и освоение космоса демонстрируют способность страны к долгосрочному стратегическому мышлению и воплощению амбициозных целей.

Экологическая культура общества характеризуется отсутствием системного экологического мышления. В этом контексте особую ценность представляет концепция «экологического императива», разработанная российским ученым Н.Н. Моисеевым. Эта идея, ставящая во главу угла гармоничное сосуществование человека и природы, может стать основой для формирования глобальной экологической стратегии. В области технологической культуры отмечается недостаточное понимание вопросов безопасности и этики применения новых технологий. Россия может поделиться опытом своих школ генеральных конструкторов, создавших уникальные системы оборонного комплекса. Практика управления сложными техническими проектами и система государственной стандартизации могут быть адаптированы для решения современных технологических задач [6].

Информационная культура общества остается на низком уровне, что создает серьезные риски в эпоху цифровизации. Российские научные школы в области философии информации и социальной информатики предлагают новые подходы к пониманию роли информации в современном обществе. В сфере культуры жизнеобеспечения наблюдаются значительные диспропорции. Россия может предложить богатые традиции в организации сельского и лесного хозяйства, системе охраны труда и здравоохранения. Особое внимание уделяется физическому воспитанию молодежи, что важно для формирования здорового общества. Кризис репродуктивной культуры, особенно в западных странах, проявляется в проблемах

традиционной семьи и демографических вызовах. Российская модель государственной поддержки материнства и детства, включая программу материнского капитала, а также сохранение духовных ценностей традиционной семьи могут стать альтернативой этим негативным тенденциям [7].

В области культуры безопасности Россия предлагает развитую систему реагирования на чрезвычайные ситуации и высокие стандарты техники безопасности на производстве. Этот опыт может быть полезен для совершенствования систем безопасности в глобальном масштабе. Таким образом, культурологический потенциал России может внести существенный вклад в решение глобальных проблем современной цивилизации, предлагая альтернативные подходы и опираясь на богатый опыт страны в различных областях культуры и общественного развития.

В современной России охрана культурного наследия является одним из приоритетных направлений государственной политики. Ключевым документом в этой сфере выступает Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», принятый в 2002 году и регулярно обновляемый. Этот закон определяет основные принципы и механизмы сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия. В последние годы в стране реализуется ряд важных инициатив в области охраны культурного наследия. Так, в 2022 году стартовал проект «Хранители наследия», получивший поддержку Фонда президентских грантов. Этот проект направлен на привлечение внимания общественности к вопросам сохранения исторического и культурного достояния страны [8].

2023 год ознаменовался проведением многочисленных культурных мероприятий как федерального, так и регионального масштаба. Особо стоит отметить VI Международный форум «Юность древних народов» в Рязани, который собрал участников из различных стран, включая Италию, Швецию, Францию, Кубу, ОАЭ, Беларусь, Египет и Великобританию. Подобные мероприятия способствуют укреплению международного сотрудничества в сфере культуры и обмену опытом в области сохранения исторического наследия.

Перспективы развития сферы охраны культурного наследия в России на 2024 год включают в себя ряд амбициозных задач. Планируется активное внедрение новых технологий, в частности, развитие цифровых архивов для музеев различных регионов. Это позволит сделать культурное наследие более доступным для широкой аудитории и обеспечит его лучшую сохранность [9].

Кроме того, ожидается продолжение и расширение международного сотрудничества в области охраны памятников культуры. Россия намерена активно участвовать в глобальных проектах по восстановлению и сохранению объектов все-

мирного культурного наследия, делиться своим опытом и перенимать лучшие практики других стран. Таким образом, Россия продолжает развивать комплексный подход к охране культурного наследия, сочетая законодательные инициативы, общественные проекты, международное сотрудничество и внедрение современных технологий. Эти усилия направлены на сохранение богатейшего культурного наследия страны для будущих поколений и укрепление ее роли в мировом культурном пространстве [10].

Таким образом, исследование показывает, что традиционная культура остается важным фактором в формировании национальной идентичности России, несмотря на вызовы современности. Опыт страны в сохранении культурного наследия, стратегическом планировании и поддержке традиционных ценностей может стать значимым вкладом в решение глобальных проблем. Важно продолжать развитие инициатив по сохранению и популяризации культурного наследия, используя современные технологии и международное сотрудничество. Будущие исследования должны фокусироваться на разработке эффективных механизмов адаптации традиционной культуры к меняющимся условиям, сохраняя при этом ее уникальность и значимость для общества.

Литература

1. Волошина В.А. Культурно-государственная идентичность: варианты будущего // Наука как призвание: теория и практика: Материалы 2-й междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием, Москва, 21 февраля 2023 года / Сост. А.В. Киричек, Н.А. Ходикова. Москва: Академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2023. С. 59–63.
2. Гао Ц. Традиционная культура и социальная трансформация // Глобальные социальные процессы 4.0: социокультурные трансформации в системе современных обществ: Сборник статей. Четвертая социологическая конференция молодых ученых, Санкт-Петербург, 16 декабря 2022 года. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2023. С. 285–288.
3. Гацаева Р.С.А. Роль традиций в условиях глобализации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69–5. С. 81–84.
4. Колин К.К. Российская культура в стратегии обеспечения национальной и глобальной безопасности // III Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации: доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции, Москва, 11–12 марта 2020 года. Москва: Московский гуманитарный университет, 2020. С. 27–35.
5. Лю Ж. Культурные тенденции в современном мире и вызовы, с которыми они сталкиваются // Глобальные социальные процессы 4.0: социокультурные трансформации в системе современных обществ: Сборник статей. Четвертая социологическая конференция молодых ученых, Санкт-Петербург, 16 декабря 2022 года. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2023. С. 301–306.
6. Мармазова О.И. Традиционная культура в современном обществе // Философия и культура в гуманитарном дискурсе: Материалы международной научно-методической конференции, Воронеж, 27–28 апреля 2022 года. Воронеж: Истоки, 2022. С. 62–65.
7. Мартынов Г.Н., Павлова Е.В. Решение проблем отношений к культурному наследию – это возможность сохранить уникальность региональных и национальных культур // Национальные цели развития России: вызовы и решения, Орёл, 02 декабря 2021 года. Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2022. С. 188–191.
8. Медко М.А., Ищенко О.И. «Сохраняя культуру, сохраняем народ». Всякий народ, заботящийся о будущем, бережет свои традиции // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2023. № 15. С. 431–432.
9. Набокова Е.В. Государственная политика в сфере сохранения культурного наследия России // Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая студенческая конференция: Сборник трудов конференции, Москва, 08–18 декабря 2023 года. Москва: Российский новый университет, 2024. С. 157–162.
10. Седенков С.Е. Изменения культуры в эпоху глобализации // Цифровая трансформация: образование, наука, общество. Москва: Автономная некоммерческая организация Центральный научно-исследовательский институт русского жестового языка, 2019. С. 427–435.

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION OF SOCIAL PROCESSES ON THE PRESERVATION OF TRADITIONAL CULTURES

Danilov V.L.
Dostoevsky Omsk State University

The article is devoted to the analysis of the interaction between traditional culture and modern challenges in the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the role of cultural traditions in the formation of national identity and determine ways of their adaptation to modern realities. Objectives include analyzing the historical experience of preserving cultural heritage, assessing the impact of globalization on cultural diversity, and studying Russian initiatives in the field of culture. The methodology is based on an interdisciplinary approach combining historical, sociological and cultural analysis. The results of the study show that the preservation of traditional cul-

ture plays a key role in maintaining national identity, and Russian experience in various spheres of culture can offer alternative solutions to global challenges. The findings highlight the need for a balance between preserving traditions and adapting to modern realities.

Keywords: traditional culture, globalization, national identity, cultural heritage, Russia, modern challenges.

References

1. Voloshina V.A. Cultural and state identity: options for the future // Science as a vocation: theory and practice: Proceedings of the 2nd interdisciplinary scientific-practical conference with international participation, Moscow, February 21, 2023 / Comp. A.V. Kirichek, N.A. Khodikova. Moscow: Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2023. P. 59–63.
2. Gao Ts. Traditional culture and social transformation // Global social processes 4.0: sociocultural transformations in the system of modern societies: Collection of articles. Fourth sociological conference of young scientists, Saint Petersburg, December 16, 2022. Saint Petersburg: Center for Scientific and Production Technologies "Asterion", 2023. P. 285–288.
3. Gatsaeva R.S.A. The role of traditions in the context of globalization // Trends in the development of science and education. 2021. No. 69–5. P. 81–84.
4. Kolin K.K. Russian culture in the strategy of ensuring national and global security // III Moiseev Readings: Culture and humanitarian problems of modern civilization: reports and materials of the All-Russian (national) scientific conference, Moscow, March 11–12, 2020. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2020. P. 27–35.
5. Liu Zh. Cultural trends in the modern world and the challenges they face // Global social processes 4.0: sociocultural transformations in the system of modern societies: Collection of articles. Fourth sociological conference of young scientists, Saint Petersburg, December 16, 2022. Saint Petersburg: Center for Scientific and Production Technologies "Asterion", 2023. P. 301–306.
6. Marmazova O.I. Traditional culture in modern society // Philosophy and culture in humanitarian discourse: Proceedings of the international scientific and methodological conference, Voronezh, April 27–28, 2022. Voronezh: Istoki, 2022. P. 62–65.
7. Martynov G.N., Pavlova E.V. Solving problems of attitudes towards cultural heritage is an opportunity to preserve the uniqueness of regional and national cultures // National development goals of Russia: challenges and solutions, Orel, December 02, 2021. Orel: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. P. 188–191.
8. Medko M.A., Ishchenko O.I. "Preserving culture, we preserve the people". Every nation concerned about the future cherishes its traditions // Education and upbringing of young children. 2023. No. 15. P. 431–432.
9. Nabokova E.V. State policy in the field of preserving the cultural heritage of Russia // All-Russian annual December scientific and practical student conference: Proceedings of the conference, Moscow, December 08–18, 2023. Moscow: Russian New University, 2024. P. 157–162.
10. Sedenkov S.E. Changes in culture in the era of globalization // Digital transformation: education, science, society. Moscow: Autonomous non-profit organization Central Research Institute of Russian Sign Language, 2019. P. 427–435.

«Античное тело» в романе Н. Кононова «Нежный театр»

Кускова Дарья Александровна,

магистр филологии, преподаватель РГГУ

E-mail: kovalevadasha@gmail.com

Данная статья посвящена анализу мифа, как осмысления действительности, в романе Николая Кононова «Нежный театр». Рассмотрено использование внешних исторических кодов, таких как концепция «античного тела» в культурной памяти, через которую главный герой пытается придать устойчивость своей реальности. Обосновывается точка зрения, что обращение к античной мифопоэтике является попыткой Н. Кононова укоренить свой роман в более устойчивой эпохе, чем эпоха модерности и «безвременье» 90-х годов. На примере разных философских подходов к античности и мифологии, выделены характерные черты восприятия мифа в коллективном сознании, и сопоставлены с текстом романа. Сделан вывод, что Н. Кононов использует мифологизм как театральные декорации, которые помогают читателю лучше понять внутренний мир и переживания главного героя.

Ключевые слова: репрезентация телесности, память, античное тело, Николай Кононов, травма, миф.

Введение

В XX веке проблема запечатления и осмысления Я-субъекта в пространстве развивалась: появилось новое понимание Эроса и Танатоса (работы З. Фрейда, К.Г. Юнга, М. Мерло-Понти, М. Фуко, В. Подороги и др.). Основным толчком для интереса к человеческой памяти стали трагические социокультурные события и исторические процессы начала XX века. Несмотря на то, что авторы пытались найти новый язык для того, чтобы говорить, они часто обращались к античным образам, как понятным и устоявшимся в коллективном сознании. То же самое происходит и в 90-е гг., когда советская «вечность» разрушилась, ничего не оставив после себя. Именно поэтому, Н. Кононов обращается к античной мифопоэтике: сформированным древнегреческим образам можно придавать новые символические значения. Н. Кононов говорит о телесности как некоей неизменности, точно также, как древнегреческие философы утверждают, что «душа и тело едины».

В рамках нашего исследования, мы будем обращаться к «мифу как осмыслению действительности». Данный подход выглядит достаточно логичным, когда мы обращаемся к тексту романа Н. Кононова. Когда мы говорим про «Нежный театр», мы, конечно же, говорим о детской травме, об устрашающей действительности, с которой герой-рассказчик посредством мифа пытается смириться.

Мифологизация в отечественной прозе конца XX–XXI вв. осуществляется следующими способами:

- 1) инкорпорированием в ткань художественного произведения мифологических реминисценций;
- 2) созданием «авторского мифа» (когда художественная структура произведения уподобляется мифологической).

Как отмечает в своей диссертации «Миф в русской прозе конца XX – начала XXI веков» И.Н. Зайнуллина: «Наиболее распространенными формами мифологических реминисценций можно назвать: мифологический персонаж, то есть мифологическое имя; мифологический сюжет; мифемы и мифологические архетипы». Также, Зайнуллина отмечает, что в тексте необязательно должны присутствовать конкретные образы или сюжеты; в виде реминисценций мы также можем рассматривать «цитаты, простые упоминания произведений, в которых дается интерпретация мифа» [1].

При дальнейшем анализе текста романа Н. Кононова мы будем говорить о следующих свойствах «античного тела» как части культурной памяти:

- принцип наличия всего во всем;
- всеобщая взаимопревращаемость вещей внутри замкнутого космоса (согласно А.Ф. Лосеву – космос в античности также телесен [2]);
- фиксированность в моменте (в контексте культуры XX–XXI вв. античную скульптурность может заменить живопись или фотография);
- отделение личного переживания и понимание его как безразличной части целого (коллективное бессознательное по К.Г. Юнгу).

Н. Кононов в интервью Д. Ларионову относительно романа «Фланёр», признается, что «Мне был нужен другой вектор, и я нашел его в античной литературе, свободной от «документальных достоверностей» и перфекционистских приемов при всем богатейшем арсенале поэтического» [3].

Мифологизирование повседневности находит отражение не только в творчестве писателя, но и в обыденной жизни: «именно поэтому полнота, поиски её во всём – в мифологии обыденного, о которой вы упоминаете, – моё кровное качество, без которого я не могу не то что писать, а вообще просыпаться утром» [6]. Вообще интерес Н. Кононова к античности достаточно понятен: после окончания физического факультета, Н. Кононов поступает в аспирантуру на философский факультет, в котором изучает теорию времени.

Анализ романа

Когда мы говорим об «античном теле» в романе Н. Кононова «Нежный театр», мы обязаны обратиться к античному театру (по причине того, что слово «театр» вынесено в заглавие всего романа). Тема истории античного театра широко изучена, но нам интересна сакральная составляющая: во всех исследованиях генезис театра выводится из мистериальных представлений в честь бога Диониса. Дихотомия аполлинизма-дионисизма в философии Ф. Ницше строится следующим образом: так, дионисисское начало проявляет себя в разрушительном разгуле стихийных сил, музыкальном начале, искусстве эротизма.

Как отмечают исследователи, Дионис в коллективной памяти сохранился как бог плодородия, виноделия и веселья. Театральные представления в Древней Греции были связаны с праздниками и проходили с огромным размахом: так, театр Диониса в Афинах имел 17 тыс. мест [4]. Актёры Древней Греции необходимо было очень много работать над гибкостью, выразительностью тела, звучностью и силой голоса.

С театром в романе связано не только само название, которое может отсылать нас к античному культу Диониса – телесности и эротизма. Герой-рассказчик в театре встречается со своей воз-

любленной Эсэс. У каждого из них были подготовленные правила и заученные роли (как в театре):

«А вот, наконец, и правила!

Мы должны были каждый раз встречаться в театре и заводить галантный разговор и все такое. Как впервые... [5]».

Несмотря на эту долгую игру по заученным правилам, герой все-таки признается: «Это соответствовало моей нелюбви к театру. Я не верил ни одному слову, доносящемуся со сцены. Я сомневался во всех словах... Это был сплошной обман [5]». Для героя-рассказчика истинность и ложность очень важны, это напрямую связано с его проблематичным восприятием действительности и попытками эту действительность постичь (как единственно правильную и реальную).

Обращаясь к античному театру, нам кажется интересным отметить, что все женские роли в театре исполняли мужчины: и особенность исполнения мужчинами женских ролей – это использование масок. Маска создавала интересные и обобщенные образы, например, минутное настроение действующего лица определялось маской. С маской у героя «Нежного театра» связано лишь одно воспоминание: «Я не знаю ее упругости. И маска ее (матери) лица, воссоздаваемая мной, как оживающая с напряжением фотография, – слишком зловеще перетекает в личину отца [5]». Воспоминание связано с тождественностью и оппозицией мужского-женского, а именно отца-матери. Здесь мы вновь сталкиваемся с драматизмом ребенка, рано потерявшим мать, образ которой никак невозможно сформировать – а за «видимой» маской – как в античном театре – скрывается Другой. Маска определяется не только некой скрытностью, таинственностью и двойственностью, но и фиксацией момента (герой-рассказчик сравнивает маску с фотографией).

С фиксацией в античной реальности работает не только маска – важным элементом фиксирования в Вечности является скульптура. Про скульптурность в романе сказано не много, но есть несколько интересных эпизодов, которые, как и театральные выходы – связаны с возлюбленной Эсэс:

«Анатомические аксессуары только добавляли ее изумительной особе скульптурную завершенность. Аллегория безупречности. Муза анатомии. Фея вскрытия [5]».

Скульптура в Древней Греции – это не только фиксация в Вечности, это гармоническое сосуществование духа и природы. Так как в философии античности телесное и духовное сосуществовало в единстве друг с другом, и неотделимо друг от друга, то сравнение возлюбленной Эсэс для героя-рассказчика делает ее образ фиксированным идеалом в реальности.

Мифологических реминисценций в тексте романа много: ими пропитано буквально все романное повествование: «так как время мифа – не нит-

ка, а цельная ткань, где есть и уток, и основа, и даже густой начес, полный крошечной пыли [5]».

Впервые о мифе в романе герой-рассказчик говорит в связке с отцом: «И я навсегда понял – как пахнет испод мифа. Слабым солоноватым потом отцовской ладони [5]». Для героя-рассказчика мифом становится его отец – посредством запаха происходит фиксация об этом мифическом – не-реальном образе отца-Другого, не близкого «Я» персонажа, как бы сильно он, к этому Другому, не стремился.

Связь памяти-воспоминания с мифической памятью достаточно тесная – герой-рассказчик сам теряется в фактах своего реального и выдуманного прошлого – здесь подключается важная в романе мифологическая память, которая дает внутреннюю поддержку герою, так как «истина в мифе содержится в самом мифе»: «Но все-таки она волшебным подныривала ко мне из совершенно непонятной стихии, связанной только лишь с мифической «памятью матери», о которой я на самом-то деле почти и не помнил, а только самоуглубленно фантазировал [5]». Эта «мифическая «память матери», которая одновременно существует и не-существует в памяти героя вызывает в нем невозможность примирения с реальностью. В другом эпизоде образ матери также сравнивается с мифом: «Я всегда оставался антиподом тучной матери, ставшей давным-давно для меня кучевым высоким облаком. Дольшим мифом [5]». Здесь вновь мы видим недостижимость матери для героя: он вновь сравнивает ее с облаками, до «которых никогда не достанет». В этом эпизоде главный герой впервые вводит сравнительную оценку «Я» персонажа с матерью-Другой. До этого прямого сопоставления с матерью персонаж никогда не использовал (герой-рассказчик сторонится сопоставления со своими родителями) – так, он будто внутренне пытается прочертить эту границу между «Я» и Другими, которых он потерял.

Особый интерес на протяжении всего романа у героя к античным именам и названиям. Будто, проживая «нереальную» жизнь, в которой герою невозможно возвести фундамент, в мифотворчестве он находит это спасательное фиксирование, ведь в коллективном сознании миф создан для мифа – и он всегда остается истинным.

С первых страниц романа вводятся сравнительные образы окружающих его *реальных* людей с греческими богами и героями мифов: «Как фальшивый Кронос (отец), который поглощает меня, совсем меня не пожирая. Словно я – кольцо [5]». В греческой мифологии бог Кронос – бог времени, пожирающий своих детей, чтобы сохранить свою власть и жизнь. Так, герой-рассказчик с самого начала вводит тему времени, которая будет важнейшей на протяжении всего произведения; и неотделимость себя от отца – поглощение подразумевает под собой вбирать в себя кого-то,

в отличие от «пожирания» – в рамках которого, Я и Другой должны слиться воедино.

«Она, как архаическая Даная, с легкой улыбкой принимала в себя эти золотые ливни человечьей идиотии [5]». Именно с такого сравнения герой-рассказчик вводит в повествование свою любовницу Эсэс. В этом небольшом отрывке мы можем найти основной сюжет известного мифа о Даная: отец запер молодую девушку в медном доме, а Зевс, пленившись красотой девушки, проник к ней в виде золотого дождя. Только в повествовании героя-рассказчика коннотация «золотой дождь» с мифологического-реального дождя из золота – переходит в современную – телесную – урологическую. Эта трансформация мифологического сюжета и образа характерна для всей русской литературной традиции: на первом месте не форма и содержание мифа, а его символическое значение. Так, например, герой сравнивает себя с Эдипом:

«Он вот-вот должен был начать задавать вопросы. Мне, как Эдипу. Ведь я захотел нашу Бусю на его глазах [5]». К мифу об Эдипе исследователи подходили с разных методологий, но самая известная трактовка принадлежит З. Фрейду, который рассматривает миф об Эдипе как непроработанные сексуальные желания сына к матери. Данная трактовка мифа много раз ставилась под сомнение, но разработанная концепция «эдипова комплекса» как сексуального влечения мужчины к женщинам значительно старше себя, в которых мужчины видят образ матери, широко и устойчиво закрепились в коллективной памяти и сознании. Таким образом, в данном отрывке сравнение персонажного «Я» с Эдипом отсылает нас не напрямую к мифу об Эдипе (который женился на своей матери), а к разработанному коллективному мифу об «эдиповом комплексе». И, несмотря на то, что главный герой всячески отрицает свое отношение к Бусе через образ матери, в данном отрывке мы можем говорить об обратном. Влечение к Бусе идет с самого детства мальчика, она становится своего рода связкой с утраченной матерью – ведь она была ее близкой подругой. Возможно, персонажное «Я» переживает свою утрату через сексуальное влечение к женщине, которой когда-то принадлежала его мать (не в контексте сексуальных отношений, а в контексте времени, проведенного друг с другом, т.к. Буся и мать мальчика выросли друг с другом).

Вообще мифологическое вставлено в пространство романа в совершенно неожиданных местах, так, например, небольшой диалог героя с Эсэс заканчивается следующим: «– Так как молчание порывает нити! – Во дворце Минотавра, на Крите». Здесь появляется известный древнегреческий миф о Минотавре: однако, в данном контексте для нас важен не Минотавр, а клубок ниток, который дает Ариадна Тисею. Именно благодаря этому клубку ниток Тисей смог выбраться

из лабиринта чудовища, эти нити связывают Тисея и Ариадну в определенный момент их жизни. Для древнегреческой мифологии нити очень важный символ, из нитей ткнут судьбу человека три мойры – олицетворения прошлого, настоящего и будущего. Точно также, словно нити судьбы переплелись, герой романа связан с Эсэс в определенный период своей жизни.

Конец романа закачивается также упоминанием античного сюжета: «На что это похоже? На разрешение апории Зенона. Когда Ахилл выращивает черепаху внутри самого себя [5]». Апория Зенона гласит: «Быстроногий Ахиллес никогда не догонит неторопливую черепаху, если в начале движения черепаха находится впереди Ахиллеса». Как нам кажется, основной смысл данной апории также деконструируется в рамках произведения. Необязательно пытаться вернуть недостижимый образ (для персонажного «Я» – образ матери, отца, самого себя), намного правильнее станет попытка эти образы взрастить в самом себе, как не что-то утраченное, а что-то хранимое и существующее глубоко внутри. Хотим также отметить созвучие начала и конца романа – в начале перед нами предстает образ Кроноса, пожирающего детей (следовательно, сливающий своё Я с Другими), в конце – также слияние Я с Другим, только не посредством поглощения (негативная коннотация), а посредством выращивания (позитивная коннотация).

Выводы

Кононов не стремится передать реальность и истинность древнегреческих мифов, он использует мифологизм как театральные декорации, которые помогают читателю понять внутренний мир и переживания главного героя. Для него важен символизм, который несут греческие мифы. Мифы достаточны понятны для широкого круга лиц, авторы деконструируют эти мифы для собственных целей.

Таким образом, наследуя мифологические сюжеты и символы, Н. Кононов «реконтекстуализирует» античные мифы, переводя их в пространство современности мирового масштаба. Параллели между современностью и античностью пронизывают все творчество русского писателя, включая поэзию и прозу. Подобный подход к античным сюжетам становится не просто наследием принципов русской культуры, но и попыткой выйти за пределы пространственно-временных (и телесных) границ. Одновременно с этим Н. Кононов не отстраняется от национального и индивидуального контекста, углубляясь в греческую мифологию, для него античность выступает как декорации для разговора о действительно волнующих его вопросах: кто есть Я? и как Я может быть познан в этом мире?

Античность на эти вопросы ответить не сможет, однако, сможет дать поддержку и фундамент для

фиксирования Я в травматичной действительности и смириться с собственным существованием, какое бы страдание оно Я не приносило.

Литература

1. Зайнулинна И.Н. Миф в русской прозе конца XX – начала XXI веков // автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2014. – 21 с.
2. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. – Москва: Мысль, 1989. – 208 с.
3. Николай Кононов: «Матрица европейского модернистского романа мне не подходит» // Colta.ru: сайт. – URL: <http://archives.colta.ru/docs/14319> (дата обращения: 01.08.2024).
4. Головня В.В. История античного театра. – Москва: «Искусство», 1972. – 397 с.
5. Кононов Н. Нежный театр. – Москва: Вагриус, 2004. – 384 с.
6. Николай Кононов: «Без нарушения границ нет литературы» // Artmoskovia.ru: сайт. – URL: <https://artmoskovia.ru/nikolaj-kononov-bez-narusheniya-granits-net-literatury.html> (дата обращения: 01.08.2024).

“THE ANCIENT BODY” IN THE NOVEL BY N. KONONOV “GENTLE THEATER”

Kuskova D.A.
Russian State University for the Humanities

This article is devoted to the analysis of myth as an interpretation of reality in Nikolai Kononov's novel "Gentle Theater". The use of external historical codes, such as the concept of the "ancient body" in cultural memory, through which the protagonist tries to give stability to his reality, is considered. The point of view is substantiated that the appeal to ancient mythopoetics is an attempt by N. Kononov to root his novel in a more stable era than the era of modernity and the "timelessness" of the 90s. Using the example of different philosophical approaches to antiquity and mythology, the characteristic features of the perception of myth in the collective consciousness are highlighted and compared with the text of the novel. It is concluded that N. Kononov uses mythologism as theatrical scenery, which helps the reader to better understand the inner world and experiences of the protagonist.

Keywords: the idea of physicality, memory, the ancient body, Nikolai Kononov, injury, myth.

References

1. Zainulina I.N. Myth in Russian prose of the late XX – early XXI centuries // abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. sciences. – Moscow, 2014. – 21 p.
2. Losev A.F. The history of ancient philosophy in a concise presentation. – Moscow: Mysl, 1989. – 208 p.
3. Nikolai Kononov: "The matrix of the European modernist novel does not suit me" // Colta.ru: website. – URL: <http://archives.colta.ru/docs/14319> (date of application: 08/01/2024).
4. Golovnya V.V. The history of the ancient theater. – Moscow: Iskusstvo, 1972. – 397 p.
5. Kononov N. Gentle theater. – Moscow: Vagrius, 2004. – 384 p.
6. Nikolai Kononov: "There is no literature without violating borders" // Artmoskovia.ru: website. – URL: <https://artmoskovia.ru/nikolaj-kononov-bez-narusheniya-granits-net-literatury.html> (date of application: 08/01/2024).

Принцип структурной когерентности в философском дискурсе: аспекты отражения в когнитивном и сенсорном опыте человека

Сидоров Денис Николаевич,

аспирант, ассистент кафедры философии и культурологии
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета

В статье представлено понятие принципа структурной когерентности, отражены мнения ученых, философов, проводивших исследования в данном направлении. Использование принципа структурной когерентности позволяет объяснить многие результаты исследований, посвященные природе сознания, также описывается связь между процессами сознания, его структурой и внешними явлениями, которые формируют субъективный опыт отдельного индивида. Данный принцип не является универсальной теорией, т.к. не решает всех проблем, связанных с познанием, но он может быть полезен для понимания конкретных случаев сознания. В статье описывается структурная когерентность, отражена ее роль на формирование целостного восприятия субъектом явлений внешнего мира, отражающиеся, фиксирующиеся и преобразующиеся в структурах его головного мозга. Отражена роль структурной когерентности в формировании сенсорного опыта. Представлен методологический подход объяснения роли структурной когерентности в функционировании сознания, отражены элементы, свойства и роль данного явления в формировании восприятия субъектом явлений окружающего мира. Отражены место и роль структурной когерентности в эмпирических исследованиях и формировании когнитивного и сенсорного опыта индивида.

Ключевые слова: сознание, принцип когерентности, структурная когерентность, когнитивность, познание.

В основе принципа структурной когерентности лежит представление о том, что элементы системы или структуры должны быть связаны между собой определенным образом, чтобы обеспечить ее функционирование и эффективность. Он подразумевает, что система или структура считается когерентной, если ее элементы взаимодействуют и согласованы друг с другом, образуя устойчивую и организованную целостность. Когерентность может проявляться в различных аспектах, таких как временная или частотная согласованность, пространственная организация и др.

В своих работах Д. Дж. Чалмэрс пытался совместить два тезиса: первый тезис – мы должны всерьез относиться к сознанию. То есть мы не должны пытаться избавиться от этого понятия и надо признать, что наш внутренний мир также реален, как и физический. Второй тезис – методологический, связан с серьезным отношением к науке. А именно мы должны не мистифицировать сознание, а найти нейронные корреляты, и более того, наука, которой мы должны всерьез относиться – та самая когнитивная наука, суть которой сводится к компьютерной метафоре. То есть сознание – это «программа», а мозг – «аппаратная часть компьютера». В мозге работают какие-то программы, реализуются функциональные схемы, это очень важно для сознания с одной стороны, с другой же стороны – сознание не сводится только к этим схемам. Оно нечто самостоятельное, нечто добавочное к каким-то схемам [3].

В период с 1993 по 1996 г. в своих исследованиях Чалмэрс провел черту, определяющую различие между проблемами сознания. В настоящее время они трактуются как «легкие» (которые связаны с работой сознания и решаются научными методами) и «трудные» (которые связаны с субъективными переживаниями и т.д.).

Принцип структурной когерентности в данной теории подразумевает единство между структурой сознания и процессами, которые формируют субъективный опыт. «Awareness» представляет собой понятие, которое неразрывно связано с сознанием и трактуется как непосредственно доступный и осознаваемый опыт. Это создает очевидную взаимосвязь между «consciousness» и «awareness», которая может быть глубже исследована. Набор фактов, составляющих переживаемый опыт, формирует сложный комплекс.

Каждый элемент опыта можно описать и исследовать, анализируя его характеристики: схожесть

и различия, восприятие положения, интенсивность и геометрическую организацию. Важно, что каждая из этих характеристик имеет аналог в структуре формирования субъективного опыта «awareness».

С помощью принципа структурной когерентности можно логически объяснить многие результаты исследований, посвященным природе сознания, а значит, его можно использовать как инструмент для косвенного анализа «awareness». Например, знания о нейронных процессах зрительной информации можно использовать для объяснения структуры цветового пространства.

Основы когерентности становятся базой для эмпирических изысканий в области сознания. На их основе формируется методологический подход для изучения сознательного опыта в различных научных дисциплинах. Эти принципы играют важную роль в когнитивной науке, иллюстрируя как мозговые структуры и их деятельность связаны для создания целостного восприятия окружающего мира. Принцип когерентности раскрывает, как взаимодействуют различные нейронные сети, обеспечивая интеграцию информации из разных источников, что позволяет создавать согласованные воспоминания, решения и поведенческие реакции [5].

Исследования показывают, что структурная когерентность напрямую связана с эффективностью когнитивных процессов. Например, развитие многих навыков зависит от способности мозга интегрировать информацию из различных областей. Этот процесс требует гармоничного взаимодействия нейронных сетей, что подчеркивает важность структурной когерентности для оптимального функционирования сознания для получения сенсорного опыта.

Принцип структурной когерентности утверждает, что элементы системы взаимодействуют и организованы таким образом, что образуют структуру, обладающую определенными свойствами и функциями. Важным аспектом этого принципа является их взаимосвязь и взаимодействие всех элементов.

С точки зрения обзора теории, этот принцип можно рассматривать как допущение, связывающее воедино характеристики опыта и физических процессов. Если предположить, что структура сознания и осведомленности когерентны, то для понимания определенного аспекта одного из них достаточно объяснить аналогичный аспект другого. Основное объяснение выполняется благодаря соединительному принципу.

На основе принципов когерентности формируется базовый методологический подход для эмпирического изучения сознательного опыта в различных научных дисциплинах. Этот принцип играет важную роль в нейробиологии и когнитивной науке, иллюстрируя, как мозговые структуры и их

деятельность связаны для создания целостного восприятия окружающего мира.

Когерентность также можно использовать для попытки демонстрации бесплодности теории, в которой говорится, что сознание можно свести к физическому, то есть оно аргументирует, чтобы показать нередуцируемость сознания, а также способствует формированию синтетической промежуточной позиции, между отрицанием функциональных основ сознания отрицанием самого сознания. Признать и то и другое, вроде бы возможно, но на стыках науки и здравого смысла возникают парадоксы, которые необходимо обсуждать. В частности, парадокс терминального суждения, связанный с представлением о том, что сознание реально, но не может влиять на физические процессы. Действительно, мирская позиция и натуралистический дуализм. Они и будут являться решением трудной проблемы сознания, то есть пытаться ответить на вопрос, почему вообще нужно сознание, почему оно существует. Ответ дается, правда, гипотетический: вполне возможно, что физика и науки, которые в ней встраиваются, в конечном счете в материи, но не в материи как таковой [2].

Принцип структурной когерентности может стать стартовой точкой для изучения сознания и дать методологический фундамент для научных исследований в целом ряде областей. Но данный принцип имеет свои собственные недостатки и границы применимости. Он не объясняет внутреннюю природу восприятия и переживания, а также не может дать ответ на вопрос, почему получаем опыт. В лучшем случае мы можем понять комплекс переживаний и элементов сложного опыта. На данный момент нет объяснения работы самого принципа когерентности, но благодаря этому мы можем выйти за рамки редуктивного подхода. В этом случае мы просто принимаем факт существования сознания без дополнительных объяснений.

Структурная когерентность занимает центральное место в применении эмпирических исследований для поиска объяснений различных характеристик опыта. Поэтому в науке и в философии сознания активно обсуждался статус данных принципов. Неудивительно, что в рамках психофизики велись обсуждения о значении этих принципов, которые были параллельны аналогичным дебатам в философии (Brindley 1960; Marks 1978; D. Teller 1984, 1990). Одни авторы видели в них эмпирические гипотезы, другие – ключевые посылки. Часто они понимались как фоновый контекст или предпосылки, касающиеся психофизического взаимодействия. При использовании принципов когерентности можно прийти к умозаключению, что для определения каких-либо специфических характеристик одного аспекта, необходимо объяснить соответствующий аспект другого. Основное объяснение выполняется благодаря соединитель-

ному принципу. Однако для научных объяснений важнее форма этой объяснительной модели, чем ее метафизический статус [4].

Сознание существует, просто потому что оно фундаментально. И без него не могли бы протекать процессы сознания. Если рассуждать последовательно, то окажется, что у всех физических объектов должна быть ментальная изнанка. Так или иначе, на этом пути можем решить трудную проблему сознания, хотя здесь своя цена. Эта философская теория не догматична. Да, она имеет прочное ядро – натуралистический дуализм, и состоит оно из доказательств нередуцируемого сознания [1].

Так или иначе, этот вопрос достиг глубокого обсуждения в философской литературе и, по всей видимости, требует дополнительных исследований. Поэтому принцип когерентности пока не может являться универсальной теорией, т.к. не решает всех проблем, связанных с познанием, но он может быть полезен для понимания конкретных случаев сознания. Однако, предшествующие ему принципы продолжают оставаться центральными элементами для связи между физическими процессами и «awareness».

Литература

1. Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 272 с.
2. Проволович Т.О. Квантовый подход Д. Чалмерса к решению проблемы сознания // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2020. – № 5. – С. 20–34.
3. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В.В. Васильев. М., УРСС. – 2013. – 512 с.
4. Человек как открытая целостность: Монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. – Новосибирск: Академиздат, 2022. – 420 с.
5. Шмаков В.С. Когерентность социокультурных процессов: к проблеме методологии // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 103–111.

THE PRINCIPLE OF STRUCTURAL COHERENCE IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE: ASPECTS OF REFLECTION IN HUMAN COGNITIVE AND SENSORY EXPERIENCE

Sidorov D.N.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

The article presents the concept of the principle of structural coherence, reflects the opinions of scientists and philosophers who have conducted research in this area. The use of the principle of structural coherence makes it possible to explain many of the results of research on the nature of consciousness, and also describes the relationship between the processes of consciousness, its structure and external phenomena that form the subjective experience of an individual. This principle is not a universal theory, because it does not solve all problems related to cognition, but it can be useful for understanding specific cases of consciousness. The article describes structural coherence, reflects its role in the formation of a holistic perception of the phenomena of the external world by the subject, reflected, fixed and transformed in the structures of his brain. The role of structural coherence in the formation of sensory experience is reflected. A methodological approach to explaining the role of structural coherence in the functioning of consciousness is presented, reflected.

Keywords: consciousness, the principle of coherence, structural coherence, cognition, cognition.

References

1. Akopov G.V. Psychology of consciousness: Issues of methodology, theory and applied research. – M.: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2010. – 272 p.
2. Provolovich T.O. D. Chalmers' quantum approach to solving the problem of consciousness // Bulletin of the Moscow University. Episode 7: Philosophy. – 2020. – No. 5. – pp. 20–34.
3. Chalmers D. The conscious mind. In search of a fundamental theory / Translated from English by V.V. Vasiliev. M., URSS. – 2013. – 512 p.
4. Man as an open integrity: A monograph / Ed. by L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova. Novosibirsk: Akademizdat, 2022. – 420 p.
5. Shmakov V.S. Coherence of sociocultural processes: to the problem of methodology // Siberian Philosophical Journal. – 2022. – Vol.20, No. 2. – pp. 103–111.

Проблема подходов к определению понятий «ценности» и «ценностные ориентации» в социально-философской литературе

Владимиров Иван Андреевич,

аспирант, кафедра философии и социального управления,
МГТУ «СТАНКИН»

E-mail: vladim.ivan@mail.ru

Статья посвящена анализу понятий «ценности» и «ценностные ориентации» в социально-философской литературе. Ценности рассматриваются как ключевой компонент социокультурной среды человека, формирующий стандарты поведения, убеждения и стереотипы, которые влияют на социальные структуры и общественную жизнь. Автор обсуждает историческое и философское развитие концепции ценностей, начиная с Иммануила Канта, который противопоставил нравственную сферу природе, и подчёркивает их сущностную связь с человеческим бытием. Рассматриваются различные теоретические подходы и классификации ценностей, предложенные такими учёными, как Р.Г. Лотце, В. Виндельбанд, Э. Дюркгейм, Г. Риккерт и другими. Статья также включает анализ более современных подходов, например теории Ш.Х. Шварца и классификаций М. Рокича.

Значительное внимание уделяется роли ценностей в формировании индивидуальной и коллективной идентичности, их изменчивости под влиянием глобализации, социально-политических и экономических процессов. Ценностные ориентации рассматриваются как динамические и гибкие структуры, которые обеспечивают интеграцию общественных ценностей в личное поведение, формируют устойчивые мотивы и убеждения, а также влияют на социальное поведение и взаимосвязи. Сочетание объективных и субъективных аспектов ценностей подчёркивает их разнообразие и сложность, отражает культурный, социальный и экзистенциальный характер. В статье подчёркнута проблема единого понятийного и методологического основания для систематического изучения ценностных ориентаций с точки зрения философской науки.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, индивидуальные ценности, социальные ценности, система ценностей, социокультурная среда.

Ценности – неотъемлемая часть социокультурной среды человека. Они определяют стандарты поведения, убеждения и стереотипы, влияя на социальные структуры и общественную жизнь. Ценности обеспечивают согласованность и предсказуемость поведения, что важно для социального взаимодействия и сотрудничества. Они служат внутренними ориентирами для принятия решений и повседневного поведения, определяя, какие действия считаются приемлемыми [4].

Ценности также влияют на формирование личной и коллективной идентичности, начиная с детства и на протяжении всей жизни, способствуя интеграции в сообщество с общей культурой и историей [17]. Со временем ценности изменяются под влиянием исторических, социально-политических и экономических процессов, а также глобализации [20]. Обмен информацией и культурное взаимодействие способствуют как конфликтам, так и обогащению ценностей, отражая сложную природу общества.

Иммануил Кант ввел понятие «ценности» для противопоставления нравственной сферы и сферы природы, разграничивая мир должного и реальность вещей. Он определял ценности как аспект личности и пытался постичь их сущность и нравственные правила. Позднее эта идея получила развитие в работах его последователей, которые продолжили исследовать природу ценностей и их роль в культуре.

Р.Г. Лотце и В. Виндельбанд исследовали соотношение субъективного и объективного в ценностях. Р.Г. Лотце считал, что ценности не существуют сами по себе, а воспринимаются через наши чувства, однако они не являются полностью субъективными [15]. В. Виндельбанд расширил понимание ценностей, рассматривая их как априорные и абсолютные формы, составляющие основу культурной деятельности. Г. Риккерт акцентировал внимание на трансцендентной природе ценностей, утверждая, что они существуют вне пределов субъективного и объективного мира [25].

Э. Дюркгейм подчёркивал социальное происхождение высших ценностей, которые формируются обществом и влияют на индивидуальное сознание. Он утверждал, что ценности не зависят от природных свойств носителей, а возникают из связи вещей с идеалами [10]. Другие теоретики, включая М. Рейзера [21] и П.С. Гуревича [11], также рассматривали ценности как субъективные конструкции, формирующиеся через личный опыт

и социальные нормы, что подтверждается идеями А.К. Абишевой [1] и И.В. Федосовой [24] о субъективном характере ценностей и их связи с человеческим бытием.

Ценности можно классифицировать по различным признакам, отражая их социальное и личное значение. В. Брожик предложил основывать классификацию на уровнях значимости для человека (материальные и духовные) и происхождении ценностей (первичные, вторичные, третичные). Сама классификация демонстрирует уровень развития оценочных средств в обществе [5].

О.Г. Дробницкий видит ценности как форму проявления социальных отношений: предметные ценности и ценности представления, служащие внешними критериями для оценок. Предметные ценности отражают активные потребности человека и воплощаются в объектах, получивших социальное одобрение [12].

Г.В. Олпорт рассматривает ценности через призму внешнего социального влияния, формируя шесть типов ценностей: теоретические, экономические, эстетические, социальные, политические и религиозные [3]. В.П. Тугаринов предложил двухуровневую классификацию, деля ценности на ценности жизни (здоровье, радость жизни) и культуры (материальные, социально-политические, духовные) [16].

Феноменологический подход В. Франкла выделяет три группы ценностей: творчества, переживания и отношения [19]. Э. Фромм акцентирует внимание на дилемме «быть или иметь», где современное общество ориентировано на обладание [7]. Н.А. Бердяев же считает, что духовные ценности стоят иерархически выше социальных, подчеркивая приоритет личности и её связи с божественным бытием [14].

М. Рокич предложил другую классификацию ценностей, деля их на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности связаны с конечными целями или состояниями, к которым стремится человек, и делятся на социальные и личностные. Инструментальные ценности касаются предпочтительных способов поведения или средств для достижения терминальных ценностей и делятся на моральные и ценности компетентности. Рокич считает, что ценности образуют сложную иерархию, где одни ценности более важны, чем другие в зависимости от личных предпочтений и жизненных ситуаций, и оказывают значительное влияние на поведение и принятие решений [8].

Стоит отметить, что моральные ценности включены в категорию инструментальных, отмечая их важность для межличностных отношений и возможные негативные последствия их нарушения.

Теория базовых ценностей Ш.Х. Шварца рассматривает ценности как отражение целей для удовлетворения биологических, межличностных и групповых нужд. Она предполагает, что ценно-

сти формируют структуру, где совместимые ценности близки, а противоречащие – далеки друг от друга. Третий аспект теории – это непрерывный континуум ценностей, первоначально разделённый на 10 категорий [29].

Благодаря замкнутой структуре ценностей, можно предсказать, как вся совокупность ценностей соотносится с поведением, установками, личностными чертами и демографическими переменными. Например, связь ценностей с другими переменными, такими как возраст после подросткового периода, должна монотонно уменьшаться в обе стороны по кругу от наиболее положительной ценности (традиция) к наименее положительной или наиболее отрицательной ценности (стимуляция).

Анализ различных подходов к исследованию ценностей показывает, что они не только отражают цели и потребности личности, но и структурируют социальное поведение и межличностные взаимодействия. Ценности формируют основу моральных и культурных норм, влияя на личностное и общественное развитие. Они играют ключевую роль в формировании общественного сознания и культурных норм, регулируя поведение в социальных группах и институтах.

Взаимоотношение индивидуальных и социальных ценностей остаётся дискуссионным. Индивидуальные ценности чаще анализируются в психологических науках, а социальные – в социологии, политологии и культурологии. Ю.И. Истошин определяет ценности как механизмы оценки личности, используемые для измерения моделей социального поведения [18].

Я.С. Сунцова заключает, что ценности зависят от внутренних и социокультурных факторов, соединяя внутренний мир личности с окружающей действительностью. Ценности являются социальным феноменом, обусловленным исторически и отражающим индивидуальный опыт [23].

«Система ценностей – это совокупность принципов и убеждений, формирующих мировоззрение человека или группы, под влиянием культуры, религии, образования и личного опыта» [9]. Ценностные ориентации отражают приоритетные для индивида или группы ценности и влияют на поведение и решения.

В.Г. Алексеева считает, что ценностные ориентации гибки и обеспечивают интеграцию общественных ценностей в поведение. По мнению Е.К. Аль-Янаи, они отражают цели и идеалы, формируясь через различные виды деятельности, а Б.С. Волков подчеркивает их роль в формировании устойчивых мотивов и убеждений [2].

Ценностные ориентации обеспечивают устойчивость личности и преемственность поведения, являясь признаком социальной зрелости. Дж. Мид считает их отражением социального окружения индивида [28]. Таким образом, как внутренняя картина мира индивида, так и его окружающая среда

оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций и самих ценностей.

В.А. Ядов, совместно с А.Г. Здравомысловым, рассматривает ценности как социальные установки, регулирующие поведение через систему диспозиций. Они также подчеркивают роль ценностных ориентаций в процессе социализации [13].

В.Л. Абушенко видит в ценностных ориентациях предпочтения и отвержения, которые направляют интересы, устанавливают иерархию предпочтений, определяют цели и мотивацию, уровень притязаний и поведенческие критерии [6].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что различные авторы выделяют объективные и субъективные составляющие ценностей, подчеркивая их разнообразие и многосложную сущность. Объективные аспекты ценностей часто связывают с материальными и конкретными характеристиками, которые могут быть измерены или оценены независимо от индивидуального восприятия. Культурная природа ценностей проявляется в традициях, убеждениях и нормах, которые формируются в рамках определенного общества и передаются из поколения в поколение. Социальная природа ценностей отражает их значимость для социальных взаимодействий и структур, влияя на общественное поведение и взаимоотношения между людьми. Экзистенциальная природа ценностей связана с глубокими личными переживаниями и смыслами, которые индивиды придают своей жизни, находя отражение в их личных философиях и мировоззрениях

Ценностные ориентации играют ключевую роль в структуре личности и общества, отражая индивидуальные предпочтения и гармонизируя общественные ценности с личными устремлениями. Они важны для формирования социально ответственной и морально устойчивой личности через взаимодействие внутреннего мира человека и внешней среды. В социально-философском дискурсе отсутствует единое понятийное и методологическое основание для исследования ценностных ориентаций и ценностей, что приводит к разному пониманию их природы и происхождения.

В связи с этим, ценности можно рассматривать как направленные на удовлетворение потребностей и социальные нормы, обусловленные конкретными социальными условиями и культурными представлениями, что схоже с подходами О.Г. Дробницкого [12] и Г.В. Олпорт [27].

А ценностные ориентации следует понимать как совокупность социокультурных условий и личностных мотивов. В диспозиционной концепции В.А. Ядова [26] ценностные ориентации рассматриваются как высший уровень диспозиции, на котором формируются жизненные цели и средства их достижения. На четвёртом уровне происходит самовыражение в условиях, включающих личные представления и социокультурную среду.

Тем самым ценностные ориентации можно представить как систему индивидуальных и социальных ценностей, которые регулируют и определяют жизненные цели личности и средства их достижения, сформированные под влияние мотивов и социокультурной среды.

Литература

1. Абишева А.К. О понятии «ценность» / А.К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 139–146.
2. Аль-Янаи Е.К. Сущность и генезис понятий «ценность», «ценностные ориентации», «ценностное отношение» в педагогике // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 4. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN420.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).
3. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания: Избранные психологические труды / Б.Г. Ананьев; Под ред. А.А. Бодалева. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 200. – 432 с.
4. Атаян В.В. Аксиологические концепты регулятивной функции ценности в обществе / В.В. Атаян // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 6. – С. 2–9.
5. Брожик В. Марксистская теория оценки. Пер. со словац. Д.С. Прасолова; под общ. ред. и с послесл. Ю.Н. Солодухина. – М.: Прогресс, 1982. – 261 с.
6. Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Москва: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2001. – 1311 с.
7. Гадецкая Е.О. Человек в гуманистической и авторитарной системе ценностей в работах Э. Фромма / Е.О. Гадецкая // Система ценностей современного общества. – 2013. – № 28. – С. 19–23.
8. Гарванова М.З. Исследование ценностей в современной психологии / М.З. Гарванова, И.Г. Гарванов // Современная психология: Материалы III Международной научной конференции: Бук, 2014. – С. 5–20.
9. Глава 2. Особенности ценностных ориентаций россиян // Жизнестойкость поколений современной России. – Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2019. – С. 19–36.
10. Громов И.А. Методология научного познания и теория ценностей Э. Дюркгейма / И.А. Громов, В.Г. Лукьянов // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 123–132.
11. Гуревич П.С. Философия культуры. – М.: Аспект-Пресс, 1994. – 315 с.
12. Дробницкий О.Г. Понятие морали. – М.: Наука, 1974. – 385 с.

13. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. 1965. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР: в 2 т. / [ред.-сост. Г.В. Осипов; изд. подгот.: Н.Ф. Наумова и др.]. – М.: Мысль, 1965. Т. 2. – 1965. – 503 с.
14. Линеvская Д.О., Н. Бердяев, Н. Лосский и С. Франк о природе ценности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 32(70). – С. 218–222.
15. Лотце, Рудольф Герман Основания практической философии / Герман Лотце; Пер. с нем. Я. Огус. – Санкт-Петербург: тип. М.И. Румша, 1882. – [2], 87 с.; 21.
16. Осипов И.Д. Личность и цивилизация в философии В.П. Тугаринова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2010. – № 4. – С. 84–89.
17. Ощепкова, Е.С. Роль ценностей в формировании идентичности / Е.С. Ощепкова, В.П. Сиячкин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 199–206.
18. Психологические механизмы регуляции социального поведения [Текст]: [Сб. статей / АН СССР. Ин-т психологии; [Отв. ред. М.И. Бобиева, В.В. Шорохова]. – Москва: Наука, 1979.
19. Ревушкина, М.Б. Представление о ценностях в учении В. Франкла / М.Б. Ревушкина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 2(30). – С. 145–153.
20. Романова, К.С. Трансформация ценностей как индикатор изменения общества и личности / К.С. Романова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – № 8. – С. 165–179.
21. Современная книга по эстетике [Текст]: Антология / Пер. с англ. Э.Н. Глаголевой [и др.]; Общая ред. и вступ. статья [с. 5–46] канд. философ. наук А. Егорова. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1957. – 603 с.
22. Социология в СССР [Текст]: [В 2 т.] / [Ред.-сост. Г.В. Осипов]. – [Изд. изм.]. – Москва: Мысль, 1966. – 2 Т.
23. Сунцова, Я. С. О согласовании социальных и культурных ценностей в регуляции поведения личности / Я.С. Сунцова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2005. – № 9. – С. 56–62.
24. Федосова, И.В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе / И.В. Федосова // Ценности и смыслы. – 2009. – № 2(2). – С. 75–92.
25. Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: [монография] / В.К. Шохин; Ин-т философии РАН, Российский ун-т дружбы народов. – Москва: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – 455, [2] с.
26. Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1975. – С. 89–105.
27. Allport GW, Vernon PE. 1931. A test for personal values. J. Abnorm. Soc. Psychol. 26:231–48.
28. Mead G.H. Mind, self and society, Chicago: University of Chicago, 1934.
29. Schwartz SH. 1992. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Adv. Exp. Soc. Psychol. 25:1–65.

THE PROBLEM OF APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPTS OF «VALUES» AND «VALUE ORIENTATIONS» IN THE SOCIO-PHILOSOPHICAL LITERATURE

Vladimirov I.A.
MSUT «STANKIN»

The article is devoted to the analysis of the concepts of «values» and «value orientations» in the socio-philosophical literature. Values are considered as a key component of the socio-cultural environment of a person, forming standards of behavior, beliefs and stereotypes that affect social structures and public life. The author discusses the historical and philosophical development of the concept of values, starting with Immanuel Kant, who contrasted the moral sphere with the sphere of nature, and emphasizes their essential connection with human existence. Various theoretical approaches and classifications of values proposed by such scientists as R.G. Lotze, V. Windelband, E. Durkheim, G. Rickert and others are considered. The article also includes an analysis of more modern approaches, such as the theory of Sh.H. Schwartz and the classifications of M. Rokich.

Considerable attention is paid to the role of values in the formation of individual and collective identity, their variability under the influence of globalization, socio-political and economic processes. Value orientations are considered as dynamic and flexible structures that ensure the integration of social values into personal behavior, form stable motives and beliefs, and influence social behavior and relationships. The combination of objective and subjective aspects of values emphasizes their diversity and complexity, reflects their cultural, social and existential nature. The article highlights the problem of a single conceptual and methodological basis for the systematic study of value orientations from the point of view of philosophical science.

Keywords: values, value orientations, individual values, social values, value system, socio-cultural environment.

References

1. Abisheva A.K. On the Concept of “Value” / A.K. Abisheva // Questions of Philosophy. – 2002. – No. 3. – P. 139–146.
2. Al-Yanai E.K. The Essence and Genesis of the Concepts “Value”, “Value Orientations”, “Value Attitude” in Pedagogy // World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2020. – No. 4. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN420.pdf> (accessed: 01.08.2024).
3. Ananyev B.G. Psychology and the Problems of Human Science: Selected Psychological Works / B.G. Ananyev; Ed. by A.A. Bodalev. – M.: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO “MODEK”, 2000. – 432 p.

4. Atayan V.V. Axiological Concepts of the Regulatory Function of Values in Society / V.V. Atayan // Humanities and Social Sciences. – 2008. – No. 6. – P. 2–9.
5. Brožik V. Marxist Theory of Evaluation. Translated from Slovak by D.S. Prasolov; overall ed. and with afterword by Y.N. Solodukhin. – M.: Progress, 1982. – 261 p.
6. World Encyclopedia. Philosophy / Chief Scientific Editor and Compiler A.A. Gritsanov. – Moscow: AST; Minsk: Harvest: Modern Writer, 2001. – 1311 p.
7. Gadetskaya E.O. Man in the Humanistic and Authoritarian System of Values in the Works of E. Fromm / E.O. Gadetskaya // The System of Values of Modern Society. – 2013. – No. 28. – P. 19–23.
8. Garvanova M.Z. Study of Values in Modern Psychology / M.Z. Garvanova, I.G. Garvanov // Modern Psychology: Materials of the Third International Scientific Conference: Book, 2014. – P. 5–20.
9. Chapter 2: Features of the Value Orientations of Russians // Resilience of Generations in Modern Russia. – Novosibirsk: Association of Scientific Researchers “Siberian Academic Book”, 2019. – P. 19–36.
10. Gromov I.A. Methodology of Scientific Cognition and the Theory of Values of E. Durkheim / I.A. Gromov, V.G. Lukyanov // Sociological Research. – 2010. – No. 8. – P. 123–132.
11. Gurevich P.S. Philosophy of Culture. – M.: Aspect Press, 1994. – 315 p.
12. Drobitzky O.G. The Concept of Morality. – M.: Nauka, 1974. – 385 p.
13. Zdravomyslov A. G., Yadov V.A. 1965. Attitude to Labor and Value Orientations of the Individual // Sociology in the USSR: in 2 volumes / [Ed.-compiler G.V. Osipov; Ed. prepared: N.F. Naumova et al.]. – M.: Mysl, 1965. Vol. 2. – 1965. – 503, [1] p.
14. Linevskaya, D. O.N. Berdyaev, N. Lossky and S. Frank on the Nature of Value // Proceedings of the Herzen State Pedagogical University. – 2008. – No. 32(70). – P. 218–222.
15. Lotze, Rudolf Hermann. Foundations of Practical Philosophy / Hermann Lotze; Trans. from German by Ya. Ogus. – St. Petersburg: Printing House of M.I. Rumsha, 1882. – [2], 87 p.; 21 cm.
16. Osipov, I.D. Personality and Civilization in the Philosophy of V.P. Tugarynov // Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations. – 2010. – No. 4. – P. 84–89.
17. Oshchepkova, E.S. The Role of Values in the Formation of Identity / E.S. Oshchepkova, V.P. Sinyachkin // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. – 2013. – No. 2. – P. 199–206.
18. Psychological Mechanisms of Regulation of Social Behavior [Text]: [Collection of Articles / USSR Academy of Sciences. Institute of Psychology; [Ed. M.I. Bobieva, V.V. Shorokhova]. – Moscow: Nauka, 1979.
19. Revushkina M.B. Representation of Values in V. Frankl's Doctrine / M.B. Revushkina // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2015. – No. 2(30). – P. 145–153.
20. Romanova K.S. Transformation of Values as an Indicator of Changes in Society and Personality / K.S. Romanova // Annual Scientific Journal of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2008. – No. 8. – P. 165–179.
21. Modern Aesthetics Book [Text]: Anthology / Translated from English by E.N. Glagoleva [et al.]; General ed. and introductory article [pages 5–46] by Ph.D. in Philosophy A. Yegorov. – Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1957. – 603 p.
22. Sociology in the USSR [Text]: [In 2 volumes] / [Ed.-compiler G.V. Osipov]. – [Revised edition]. – Moscow: Mysl, 1966. – 2 vols.
23. Suntsova Y.S. On the Coordination of Social and Cultural Values in the Regulation of Individual Behavior / Y.S. Suntsova // Bulletin of Udmurt State University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2005. – No. 9. – P. 56–62.
24. Fedosova I.V. The Problem of Value Orientations in Scientific Literature / I.V. Fedosova // Values and Meanings. – 2009. – No. 2(2). – P. 75–92.
25. Shokhin V.K. Philosophy of Values and Early Axiological Thought: [monograph] / V.K. Shokhin; Institute of Philosophy, RAS, Russian University of Friendship of Peoples. – Moscow: Publishing House of the Russian University of Friendship of Peoples, 2006. – 455, [2] p.
26. Yadov V.A. On the Dispositional Regulation of the Individual's Social Behavior / V.A. Yadov // Methodological Problems of Social Psychology. – Moscow: Federal State Unitary Enterprise “Academic Scientific Publishing, Manufacturing and Printing Center “Nauka”, 1975. – P. 89–105.
27. Allport G.W, Vernon P.E. 1931. A test for personal values. J. Abnorm. Soc. Psychol. 26:231–48.
28. Mead G.H. Mind, self and society, Chicago: University of Chicago, 1934.
29. Schwartz SH. 1992. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Adv. Exp. Soc. Psychol. 25:1–65.

Философские основания медиации: концепция «этики согласия»

Гуров Александр Андреевич,

аспирант кафедры философии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: guroff.san@yandex.ru

В условиях растущей актуальности медиации как эффективного способа разрешения конфликтов возникает необходимость в глубоком осмыслении ее философских оснований. Цель данного исследования – анализ концепции «этики согласия» как одного из ключевых принципов философии медиации. Методологическую основу работы составляет историко-философский анализ идей мыслителей разных эпох – от античности до современности – в контексте медиации. Особое внимание уделяется концепциям диалога у Сократа и Платона, учению Аристотеля о справедливости и добродетели, идеям Августина о любви и прощении, а также концепциям Фомы Аквинского о естественном праве и рациональности. В статье также анализируются идеи Карла Густава Юнга и Юргена Хабермаса. В результате исследования обосновывается важность «этики согласия» для развития теории и практики медиации, способствующей достижению гармонии и взаимопонимания в межличностных и социальных отношениях.

Ключевые слова: медиация, философия, этика, диалог, конфликт, гармония, взаимопонимание, согласие.

Введение

В современном мире, характеризующемся глобализацией, усложнением социальных взаимодействий и обострением конфликтов, медиация приобретает все большее значение как эффективный способ разрешения споров. Актуальность философского осмысления медиации обусловлена необходимостью теоретического обоснования ее сущности, целей, принципов и места в системе гуманитарного знания. Такое осмысление позволит раскрыть гуманистический и этический потенциал медиации, а также обогатить как теорию, так и практику ее применения.

Проблема философской концептуализации медиации заключается в том, что несмотря на ее растущую популярность в практической сфере, теоретические основания медиации разработаны недостаточно. Многие исследования фокусируются на техниках и методах медиации, не уделяя достаточного внимания ее философским основаниям [10; 14].

В существующей литературе по теме медиации можно выделить два основных направления: работы, сконцентрированные на практических аспектах медиации (техники, методы, приемы), и исследования, рассматривающие ее в контексте смежных дисциплин (психология, конфликтология, право). К первому направлению относятся, например, работы Лизы Паркинсон («Семейная медиация», 2011) и Фишера Р. и Юри У. («Переговоры без поражения. Гарвардский метод», 2018), посвященные практике семейной и переговорной медиации соответственно. Ко второму направлению можно отнести исследования Шамликашвили Ц.А. («Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров», 2010), Калашникова С.И. («Медиация в сфере гражданской юрисдикции», 2010), Гафнер К.Е. («Медиация как социо-коммуникативная технология конфликто-разрешения», 2019), Давыденко, Д. Л. («Примирительные процедуры в европейской правовой традиции», 2013), Удавихина У.А. («Социально-психологические особенности профессиональной деятельности медиатора», 2022), Ромазанов А.А. («Институт судебной медиации как процессуальный механизм разрешения правовых конфликтов на примере США», 2019), Носырева, Е.И. («Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США», 2001), которые рассматривают медиацию в контексте юриспруденции, конфликтологии и социальной психологии. Философское же осмысление медиации, направленное на анализ ее

фундаментальных принципов и связи с историей философской мысли, остается относительно неисследованной областью.

Научная новизна данной статьи заключается в попытке создать целостную картину философской концептуализации медиации на основе анализа идей философов разных эпох и направлений, а также в обосновании концепции «этики согласия» как одного из ключевых принципов философии медиации.

Цель исследования – раскрыть философские основания медиации как самостоятельного феномена и показать ее место в системе философского знания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи.

1. Проанализировать эволюцию философских взглядов на конфликт, диалог и согласие от античности до современности, чтобы выявить исторический контекст формирования идей о медиации.
2. Рассмотреть различные философские концепции, релевантные для понимания медиации (например, этика, коммуникация, герменевтика, феноменология), и выявить их вклад в концептуализацию медиации.
3. Обосновать «этику согласия» как один из ключевых принципов философии медиации, определяющий ее гуманистический и этический потенциал.
4. Выявить связь медиации с такими философскими понятиями, как диалог, коммуникация, взаимопонимание и этика, чтобы показать ее значимость для современной философии.
5. Определить место медиации в системе философского знания и обозначить перспективы дальнейшей разработки проблемы философской концептуализации медиации.

В результате проведенного исследования было установлено, что медиация имеет глубокие философские корни, прослеживаемые в идеях мыслителей разных эпох и направлений. «Этика согласия», основанная на принципах добровольности, равноправия, уважения достоинства и стремления к взаимному пониманию, была выявлена как ключевой принцип философии медиации, определяющий ее гуманистический и этический потенциал.

Философские концепции медиации: исторический обзор

Конфликт, как неотъемлемый элемент социальной динамики, всегда привлекал внимание философов, стремящихся постичь его природу и последствия. Философский анализ фундаментальных основ бытия и природы социальных взаимодействий играет важную роль в понимании конфликта. Философский подход позволяет рассматривать конфликт не только как угрозу, но и как источник развития и повод для переосмысления ценностей [2, с. 63].

Конфликт, в своей основе, является проявлением диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Философское мышление видит в противоречиях не только источник разрушения, но и импульс к развитию [11, с. 39].

Античность и Средневековье

Философские идеи античности и средневековья заложили важные основы для понимания медиации как процесса разрешения конфликтов, основанного на диалоге, стремлении к взаимопониманию и достижению справедливости.

Сократ, исследуя природу человеческой души, утверждал, что в основе разрешения конфликта лежит нравственный выбор каждого участника. Он видел в философии практическое руководство к жизни, дающее человеку силу и мудрость для преодоления трудностей, в том числе и конфликтов [13]. Эта идея созвучна принципам медиации, которая призвана помочь сторонам сделать сознательный выбор в пользу мирного урегулирования спора.

В философии Платона диалог играет ключевую роль как метод постижения истины и достижения взаимопонимания. Он утверждал, что истинные знания открываются в процессе интеллектуального обмена и столкновения мыслей и аргументов [15]. Эта идея находит свое преломление в принципах медиации, которая, подобно платоновскому диалогу, предполагает активное участие сторон в обмене мнениями и поиске взаимоприемлемого решения.

Аристотель рассматривал закон не только как инструмент наказания, но и как фактор нравственного воспитания общества, побуждающий к добродетели и стремлению к справедливости [5; 6]. Он видел в диалоге и поиске компромисса более гуманный и эффективный способ урегулирования конфликтов, чем судебные тяжбы [17]. В контексте философии Аристотеля медиация может быть интерпретирована как путь к достижению эвдемонии – высшего блага, гармонии и счастья, а также как практика *cultivation of virtue* – культивирования добродетели.

Философия Аврелия Августина, с ее акцентом на идеи любви, милосердия и прощения, открывает важные перспективы для понимания медиации как процесса примирения [1]. В его концепции «града Божьего» и «града земного» медиация может быть интерпретирована как стремление к созданию «града Божьего» – общества, основанного на любви, справедливости и солидарности.

Философия Фомы Аквинского, с ее акцентом на рациональность, справедливость и право, также может быть использована для обоснования философских оснований медиации [3]. Его концепция справедливости как основы социального порядка может быть интерпретирована в контексте медиации как стремление к восстановлению нарушен-

ной справедливости. Рациональность и диалог, являясь также ключевыми принципами медиации.

Философские идеи античности и средневековья заложили важные основы для понимания медиации как процесса разрешения конфликтов, основанного на диалоге, стремлении к взаимопониманию и достижению справедливости.

Эпоха Возрождения и Новое время

Философия эпохи Возрождения и Нового времени обогатила философские основания медиации идеями гуманизма, рациональности и стремления к социальной гармонии.

Гуманистическая философия Томаса Мора представляет особый интерес для концептуализации медиации. В своей «Утопии» Мор описывает идеальное общество, основанное на принципах социальной справедливости, где медиация могла бы стать естественным механизмом урегулирования социальных противоречий [16]. Идеи Мора о гуманизме и восстановительном правосудии созвучны принципам медиации: добровольности, конфиденциальности и ориентации на интересы сторон.

Гуманистические идеи Фридриха Шиллера, выраженные в его концепции нравственного самосовершенствования и стремления к социальной гармонии, находят прямое отражение в принципах медиации [19]. Шиллер утверждал, что человек, как существо разумное и нравственное, способен к саморазвитию и достижению гармонии. Эти идеи созвучны принципу активного участия сторон в медиации, предполагающему готовность к диалогу и поиску компромиссных решений. Принцип равенства и уважения достоинства в медиации также перекликается с философией Шиллера.

Философия эпохи Возрождения и Нового времени сделала акцент на роли нравственности, разума и стремления к гармонии в разрешении конфликтов, что нашло отражение в современном понимании медиации.

Современная философия

Современная философия открывает новые перспективы для понимания медиации, обогащая ее инструментарий и обосновывая ее принципы.

Карл Густав Юнг, один из ключевых представителей глубинной психологии, обогатил понимание человеческой психики рядом фундаментальных концепций, релевантных для философии медиации. В частности, его учение о коллективном бессознательном – глубинном пласте психики, содержащем универсальные архетипы и символы, – открывает новые перспективы для анализа мотивации участников конфликта [20]. Идеи Юнга о комплексах – психических образованиях, формирующихся в результате неразрешенных внутренних конфликтов – могут быть применены в медиации

для помощи сторонам в осознании и проработке собственных психологических барьеров.

Философия Юргена Хабермаса, особенно его теория коммуникативного действия, вносит важный вклад в философское обоснование медиации. Хабермас утверждает, что рациональный консенсус и взаимопонимание могут быть достигнуты через свободный и равноправный диалог между участниками, ориентированными на достижение общего блага [18]. Его концепция дискурсивной этики подчеркивает, что нравственные нормы должны быть результатом такого диалога. Эти идеи находят прямое применение в медиации, которая стремится к созданию условий для конструктивного диалога и достижения взаимного понимания между сторонами конфликта. Принципы медиации, такие как добровольность, конфиденциальность и беспристрастность медиатора, способствуют реализации идей Хабермаса о свободном и равноправном диалоге как основе разрешения конфликтов.

Современные философские концепции позволяют по-новому взглянуть на медиацию, обогащая ее инструментарий и углубляя понимание ее этических и коммуникативных оснований.

«Этика согласия» и диалог как основы философии медиации

Как было показано во введении, одна из ключевых проблем современной медиации заключается в недостаточной разработке ее философских оснований. Для решения этой проблемы в данной статье предлагается рассмотреть концепцию «этики согласия» как один из важнейших принципов философии медиации, определяющий ее гуманистический и этический потенциал.

«Этика согласия» может быть определена как система моральных принципов и ценностей, ориентированных на достижение взаимного согласия и сотрудничества между людьми на основе диалога, взаимопонимания и уважения к достоинству каждого участника [8]. В основе этой этики лежит признание того, что каждый человек обладает уникальным опытом, ценностями и мировоззрением, и что только через диалог и поиск компромисса можно достичь согласия и гармонии в межличностных отношениях [7].

Философские корни «этики согласия» прослеживаются в идеях мыслителей разных эпох и направлений.

Античность: Сократовский метод диалога, направленный на поиск истины через критическое осмысление убеждений, может рассматриваться как прообраз медиативного процесса, где стороны совместно стремятся к постижению истины и достижению взаимного понимания [13]. Платон, развивая идею диалога, подчеркивал важность интеллектуального обмена для достижения консенсуса [15]. Аристотель в своем учении о добро-

детели закладывает этические основания «этики согласия», указывая на то, что стремление к благу и справедливости должно быть основано на сознательном нравственном выборе и самосовершенствовании [5].

Средневековье: Христианская философия обогащает «этику согласия» идеями любви и прощения. Августин утверждал, что истинный мир и согласие достижимы только через божественную благодать и стремление к общему благу [1]. Фома Аквинский, развивая учение о естественном праве и законе, обосновывал важность рационального диалога и поиска общего блага для гармоничного сосуществования людей [3].

Современность: Концепция «этики согласия» находит свое развитие в работах Карла Густава Юнга и Юргена Хабермаса. Юнг, подчеркивая важность самопознания и осознания причин конфликтов, показывает, что для достижения согласия необходимо не только решение внешних противоречий, но и внутренняя трансформация участников [20]. Хабермас, в своей теории коммуникативного действия, обосновывает важность свободного и равноправного диалога для формирования нравственных норм и достижения рационального консенсуса [18].

Принципы «этики согласия» в контексте медиации:

- добровольность: участие в медиации должно быть добровольным и основываться на свободном согласии всех сторон;
- равноправие: все стороны должны иметь равные права и возможности в процессе медиации;
- уважение достоинства: достоинство каждого участника должно быть уважаемо независимо от его позиции в конфликте;
- открытость и прозрачность: процесс медиации должен быть открытым и прозрачным для всех сторон;
- эмпатия: медиатор и стороны должны проявлять эмпатию и стараться понять позицию и чувства друг друга.

Примеры из практики медиации.

Семейная медиация. В семейной медиации «этика согласия» позволяет разрешать конфликты между супругами, родителями и детьми, сохраняя семейные отношения. Медиатор помогает сторонам выразить свои потребности и чувства, найти точки соприкосновения и разработать решение, учитывающее интересы всех членов семьи [4].

Трудовая медиация. В трудовой медиации «этика согласия» помогает урегулировать споры между работниками и работодателями, сохраняя стабильность в организации. Медиатор способствует конструктивному диалогу между сторонами, помогая им выявить общие интересы и найти решение, удовлетворяющее как потребности работников, так и цели организации [12].

Международная медиация. В международной медиации «этика согласия» применяется для разрешения конфликтов между государствами, способствуя миру и международной безопасности. Международные медиаторы помогают сторонам преодолеть враждебность, найти общий язык и разработать соглашения, учитывающие интересы всех участников конфликта [9].

«Этика согласия» играет ключевую роль в понимании медиации, поскольку она определяет ее цели, принципы и методы. Медиация, основанная на «этике согласия», стремится не к тому, чтобы одна сторона «победила» другую, а к тому, чтобы стороны достигли взаимопонимания и нашли решение, удовлетворяющее интересы всех участников конфликта.

Обсуждение

Историко-философский анализ позволил выявить глубокую связь между медиацией и основополагающими идеями западной философской традиции. Ключевые философские концепции и идеи, которые нашли свое отражение в исследованиях философов разных временных периодов, такие как диалог, этика, справедливость и стремления к гармонии, сформировали фундаментальные основы для развития практического и теоретического обоснования медиации.

Философское осмысление феномена медиации, сквозь призму концепции «этики согласия», позволяет создать прочную связь между идеями философов прошлого и сформированной на сегодняшний день практикой медиации. Это позволяет взглянуть на медиацию с точки зрения её философских оснований. Медиация представляется не просто как грубый инструмент с определенным набором каких-то психологических приемов или же техник, а наоборот выделяется как экстраординарный процесс мышления, подкрепленный действием, а также в своей основе базируется на гуманистической и этической традиции.

Однако несмотря на все вышесказанное, множество вопросов остаются нераскрытыми, что создает перспективы для дальнейших исследований в этом направлении. Представляется необходимым анализ связующих составляющих медиации с такими философскими концепциями как: феноменология, герменевтика, постмодернизм, постструктурализм и т.д., это позволит глубже проанализировать медиацию, а также более детально концептуализировать её философскую составляющую, что в дальнейшем позволит модернизировать сам процесс проведения медиативных процедур.

Заключение

Медиация как самостоятельный феномен существует довольно давно и имеет глубокие исторические

корни. Благодаря проведенному, комплексному анализу философских концепций разных времен можно четко проследить её нерушимую связь с фундаментальными философскими концепциями – диалог, этика, коммуникация и т.д.

Философы разных эпох заложили основы медиации, которую мы знаем сейчас. Можно проследить путь концептуализации медиации, от античности до современности. В период античной философии были сформированы основы для понимания медиации именно как процесса, который способствует рациональному разрешению конфликта. Эпоха Возрождения и Нового времени внесла идеи гуманизма, нравственного совершенствования и восстановительного правосудия, которые способствовали актуализации процедуры медиации. Современная же философия позволила глубже понять психологические и социальный аспекты медиативных процедур, делая акцент на важности равноправия и свободного диалога.

Важным аспектом данного исследования является детальное рассмотрение концепции «этики согласия», которая является своего рода моральным кодексом для медиации, который призывает всех участников конфликта к поиску взаимовыгодного разрешения конфликта, с помощью диалога и равноправного отношения ко всем участникам конфликта. Данная концепция определяет основные цели и принципы медиации, а также методологию достижения социальной гармонии в межличностных отношениях.

Теоретическая значимость этого исследования, обосновывается тем что данная работа вносить свой вклад в развитие теоретических основ медиации, дополняя и раскрывая её философские основания, а также обозначая её место в системе гуманитарных наук. Практическая же значимость работы выражается в том, что данное исследование может быть полезным как для профессиональных, так и непрофессиональных медиаторов, а также для тех, кто хочет повысить свой уровень знаний в сфере разрешения конфликтов при помощи медиативных технологий.

Литература

1. Августин А. Исповедь. М.: АСТ, 2020. 384 с.
2. Адо П. Что такое античная философия? / пер. с франц. В.П. Гайдамака. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 320 с.
3. Аквинский Ф. Сумма теологии. М.: АСТ, 2019. 320 с.
4. Алиева З. З., Гасанова Ф.А. Медиация по семейным спорам в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 1. С. 74–77.
5. Аристотель. Никомахова этика. СПб.: Азбука, 2022. 448 с.
6. Аристотель. Риторика / пер. с древнегреч. Н.Н. Платоновой. М.: АСТ, 2017. 349 с.

7. Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 592 с.
8. Вест Р. Правовые эмоции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 3 (326). С. 6–33.
9. Гайдаренко Шер Н.И. Медиация как способ разрешения международных коммерческих споров // Журнал российского права. 2011. № 7 (175). С. 79–85.
10. Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 232 с.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
12. Долинская Л.М. О понятии и применимости медиации к трудовым отношениям // Законы России: Опыт, Анализ, Практика. 2011. № 8. С. 48–56.
13. Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Феникс, 1999. 320 с.
14. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.
15. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1994. 716 с.
16. Мор Т. Утопия. М.: Эксмо, 2018. 153 с.
17. Потемкин В.П. История дипломатии. С древнейших времен до нового времени. Т. 1. М.: Директ-Медиа, 2015. 543 с.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 377 с.
19. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / пер. Э.Л. Радлов. М.: Рипол-Классик, 2022. 242 с.
20. Юнг К. Г. О психологии бессознательного / пер. А.А. Чечина. М.: АСТ, 2021. 224 с.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MEDIATION: THE CONCEPT OF “ETHICS OF CONSENT”

Gurov A.A.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

The increasing relevance of mediation as an effective method of conflict resolution necessitates a deep understanding of its philosophical foundations. This study aims to analyze the concept of the «ethics of agreement» as one of the key principles in the philosophy of mediation. The methodological framework of the study is based on the historical and philosophical analysis of the ideas of thinkers from various eras – from antiquity to modernity – in the context of mediation. Particular attention is given to the concepts of dialogue in Socrates and Plato, Aristotle’s teachings on justice and virtue, Augustine’s ideas about love and forgiveness, and Thomas Aquinas’ concepts of natural law and rationality. The article also analyzes the ideas of Carl Gustav Jung and Jürgen Habermas. The study substantiates the importance of the «ethics of agreement» for the development of the theory and practice of mediation, which contributes to achieving harmony and mutual understanding in interpersonal and social relations.

Keywords: mediation, philosophy, ethics, dialogue, conflict, harmony, mutual understanding, agreement.

References

1. Augustine A. Confessions. M.: AST, 2020. 384 p.
2. Ado P. What is ancient philosophy? / translated from French by V.P. Gaydamak. M.: Publishing House of Humanitarian Literature, 1999. 320 p.
3. Aquinas T. Sum of theology. M.: AST, 2019. 320 p.
4. Alieva Z. Z., Hasanova F.A. Mediation on family disputes in the Russian Federation // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2014. No. 1. pp. 74–77.
5. Aristotle. Nikomakhova ethics. St. Petersburg: Azbuka, 2022. 448 p.
6. Aristotle. Rhetoric / translated from Ancient Greek by N.N. Platonova. M.: AST, 2017. 349 p. ISBN 978-5-17-102258-7.
7. Buber M. Two images of faith. Moscow: AST, 1999. 592 p.
8. Vest R. Legal emotions // Izvestia of higher educational institutions. Law studies. 2016. No. 3 (326). pp. 6–33.
9. Gaidarenko Sher N.I. Mediation as a way to resolve international commercial disputes // Journal of Russian Law. 2011. No. 7 (175). pp. 79–85.
10. Davydenko D.L. Conciliation procedures in the European legal tradition. Moscow: Infotropik Media, 2013. 232 p.
11. Deleuze J., Guattari F. What is philosophy? / translated from French. and afterword by S.N. Zenkina. M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 1998. 288 p.
12. Dolinskaya L.M. On the concept and applicability of mediation to labor relations // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2011. No. 8. pp. 48–56.
13. Cassidy F.H. Socrates. M.: Phoenix, 1999. 320 p.
14. Kozer L. Functions of social conflict / translated from English by O.A. Nazarova; under the general editorship of L.G. Ionin. M.: Idea Press, House of Intellectual Books, 2000. 205 p.
15. Losev A.F. The history of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato. M.: Iskusstvo, 1994. 716 p.
16. More T. Utopia. Moscow: Eksmo, 2018. 153 p.
17. Potemkin V.P. History of diplomacy. From ancient times to modern times. Vol. 1. M.: Direct Media, 2015. 543 p.
18. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka, 2006. 377 p.
19. Schiller F. Letters on the aesthetic education of a person / per. E.L. Radlov. M.: Ripoll-Classic, 2022. 242 p.
20. Jung K.G. On the psychology of the unconscious / per. A.A. Chechina. M.: AST, 2021. 224 p.

Влияние средств массовой информации на трансформацию телесности

Коннова Евгения Станиславовна,

аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета Лобачевского
E-mail: powerhumanity@yandex.ru

Фортунов Антон Николаевич,

д.ф.н., профессор, зав. кафедрой социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета Лобачевского
E-mail: anfort1@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос влияния трансформации телесности на человека посредством средств массовой коммуникации. Авторы исследуют разрыв между чувственным восприятием в социальной реальности и в репрезентативном медиапространстве, опираясь на маклюэновское понимание медиа, как расширение человека вовне и его переход в закрытую отчужденную систему; видят угрозу в том, что формируется безусловное подчинение, зависимость человеческого Я от медийного способа освоения мира и механизированная идентичность становится тривиальным, социально принимаемым, «естественным» процессом. Энергия человека теперь направлена не на деятельностное освоение мира, а на поддержание эмоционального и психического гомеостаза своей Я-системы в ответ на невозможность осуществить необходимый для человеческого гармонического состояния диалог с окружающим миром. Авторы констатируют, что человечество уже вступило в эпоху «посттелесности», как утраченной идентичности человека в многочисленных искажающих «зеркала» медийной реальности.

Ключевые слова: пост-телесность, медиа, чувственное восприятие, коммуникативные механизмы, медиателесность, власть медиа, эмоциональность медиа, контрчеловечность.

Идея о том, что медиа могут служить «продолжением вовне» органов чувств человека, быть своего рода телесными «протезами», которые подменяют собой органы визуального, тактильного, звукового восприятия, была своеобразным отражением неутраченного удивления человека, оказавшегося в ситуации противостояния чувственно (традиционно) воспринимаемого и медийно презентированного миров. Медиа постепенно завоевали свое «право» выступать в роли «истинных» референтов объективного мира, в то время как недоверие человека к собственным, личностным переживаниям все больше нарастало.

Следует отметить, что указанное разделение мироощущений началось еще с технологического изобретения в конце XIX века так называемой «развертки» немецким студентом Паулем Нипковым, который 15 января 1885 года запатентовал средство для передачи видимого изображения из пункта А в пункт В, т.е. первую телевизионную модель. «Данная технология позволила превратить телевидение в социальное явление, и степень его значения для человечества отнюдь не ограничивалась количеством собранных телевизионных приемников» [8, с. 20]. Дело в том, что многочисленные попытки инженеров-изобретателей симитировать отражательные способности человеческого глаза не приводили к созданию сколь угодно жизнеспособных моделей телевидения. И только радикальный разрыв с логикой чувственного мировосприятия, полное погружение в механические алгоритмы передачи информации привели к тому, что мир стал делиться на конкретные, дискретные части, которые могли быть «освоены» соответствующими механизмами (на конец XIX века это были селеновые, светочувствительные приборы) с тем, чтобы быть потом преобразованными в электрические сигналы и переданными по каналам связи.

Другими словами, контрчеловеческая, или даже античеловеческая логика коммуникативных механизмов вызывала у сторонних наблюдателей шок и естественный вопрос – «как такое возможно?». Не случайна в этой связи восторженно-недоуменная фраза, впервые переданная с помощью телеграфа Морзе через океан, – «чудны дела твои, Господи!» [7, с. 89].

Параллельно с процессами усовершенствования медийных механизмов росла и дистанция между человеческим мировосприятием и медийно освоенным (репрезентированным) пространством. Быстрота обработки первичного материала, мгновенность его трансляции, автоматизм

дальнейшего преобразования в медийно оформленный продукт диктовали вполне естественную реакцию: человек это аутсайдер коммуникативных процессов, или, как минимум, ненадежный источник информации (ее интерпретации). Маклюэн был одним из восторженных апологетов новой, телевизионной реальности, в которой «выведенные вовне» органы чувств, прежде всего зрение, превращают человечество в «глобальную деревню». «Люди мгновенно оказываются зачарованы любым расширением самих себя в любом материале, кроме них самих» [5, с. 51]. Он писал о том, что технология – это расширение наших тел и чувств, объясняя работу этого механизма через греческий миф о Нарциссе, который принял свое отражение в воде за другого человека, т.е. пережил свое расширение вовне с помощью зеркала, что вызвало окаменение его восприятия до состояния закрытой системы.

Следует отметить, что неявная тенденция к элиминации человеческих способностей к отражению и непосредственному восприятию окружающего мира продолжалась и дальше, в период угасания телевизионной эпохи. Лозунг новой кибернетической реальности «мозг – это компьютер» провозглашал приоритет вычислительной техники по отношению к человеческому организму – ведь рано или поздно ее возможности (прежде всего по скорости обработки и объемам накопления) превзойдут человеческий потенциал. «В VR эта идея не просто упраздняет определенные человеческие определенные качества – вся VR-технология строится на и отмене, предлагая в качестве альтернативы технологические раздражители. Ведь рефлексия как неотъемлемый элемент самосознания, теперь трансформируется в метафизическую игру: на вопросы, обращенные личностью к самой себе, ответы дает не она, а компьютер, заранее предполагая векторы ее психологической эволюции» [7, с. 85]. И если продолжать эту логику, то постепенно сложилась имплицитная этическая парадигма: компьютер – это и есть настоящий «мозг», источник энергии и идей, а человек – это всего лишь тело, эксплицированная оболочка чего-то большего, чем он есть в антропологической его стадии.

Однако в этих лозунгах и манифестациях якобы неограниченных возможностей электроники по сравнению с человеческим (ограниченным) телом была заложена очень существенная и до сих пор не отрефлектированная подмена: медиа, в силу запрограммированной в них невозможности охватить комплексно весь спектр переживаний реальности, вычлениют в ней лишь определенный сегмент, конкретную часть, превращая ее в символическую подмену прежней целостности. Сбалансированность, гармоничность классического мировосприятия сменились таргетированностью, конкретизированностью, целенаправленным увеличением определенных ее аспектов. Лозунго-

вость, карикатурная гипертрофированность, односторонность сегодняшних, меняющих друг друга с калейдоскопической быстротой, при этом похожих одна на другую презентаций становятся «естественным языком» современного общества, полностью погруженного в вычурный мир медийных иллюзий. Другими словами говоря, компьютер, выигравший у чемпиона мира по шахматам самую сложную партию, вряд ли может считаться сравнимым с ним даже в элементарных бытовых свойствах, например, умении заваривать чай.

Но именно это обстоятельство определяет тотальную аддикцию человеческого мировосприятия от медийных шаблонов. Другими словами, преувеличение и многократные повторения становятся надежным инструментом формирования безусловного подчинения, зависимости человеческого Я от медийного способа освоения мира. Причем, на каждом технологическом витке этот способ соответствует доминирующим в массмедиа технологиям, и Маклюэн, вполне справедливо связывающий существующий тип психики и наиболее распространенные гаджеты, все-таки не договаривал до конца всю правду об этой антропологической трансформации: медиа не только и не столько распространяют органы чувств вовне, сколько все больше закрепляют эту зависимость от экзотел, не позволяют человеку вернуться к его исконному антропологическому облику.

Этим, в частности, объясняется современная гиперэмоциональность современных медиа, которые уже давно перестали быть уважаемыми источниками информации, а, скорее, выступают в роли раздражителей, движимых исключительно коммерческой необходимостью: приковать внимание потребителя информации к себе больше, чем на 5 секунд означает претендовать на рекламную и потребительскую успешность созданной этим медиа искусственной презентации мира. «...авторы играют на таких качествах «человека массы», как «...склонность к гиперэмоциональности и безудержность аффектов; непременно деятельностное выражение эмоций». Интерактивность, возможность самовыражения в форме селфи на фоне впечатления или поста в соцсетях отвечают именно этим потребностям «человека массы», находящегося в мифическом пространстве псевдоиндивидуализации» [9]. Сетевые ресурсы, особенно претендующие на отражение новостной палитры дня, перенасыщены громкими лозунгами, истеричными призывами, леденящими душу намеками. Усиление эмоций, дисбаланс чувств, культурная и социальная неуравновешенность становятся «нормой» публичного поведения, ориентиром для идентификационных процессов, особенно среди молодежи. При этом следует учесть, что медиа пропагандируют гедонизм, расслабленное потребление их продукции. Не случайно название первого пульта дистанционного управления телевизором, которое ему дал его изобретатель, руково-

датель одной из телевизионных корпораций США Макдональд Джуниор, – «ленивые кости». «Идея превращения зрителя в расслабленного, в абсолютно пассивного, якобы комфортно при этом чувствующего себя человека перед экраном телевизора стала определенной тенденцией, которая сильно повлияла на всю медийную инфраструктуру, на суть телевизионного взаимодействия с обществом, да и на общество в целом» [7, с. 143]. Другими словами, «выведение вовне органов чувств» сменилось экспликацией эмоций – теперь их «за человека» переживают массмедиа.

Отсутствие практики самостоятельного восприятия событий приводит к тотальной зависимости от коммуникативной реальности. Сегодня исследователи наблюдают эффект FOMO среди подростков, погруженных в сетевую коммуникацию. Fear of missing out – боязнь пропустить важную новость, быть постоянно онлайн сутками напролет – все это проявления указанного синдрома. Невозможность противопоставить этому состоянию внятные человеческие усилия, четко обозначенную этику диктуют постепенное подчинение не только сознания, но и самого тела человека навязанным ему алгоритмам медийного (постреального) мировосприятия.

Экран, VR-шлем, смартфон становятся порталами, которые дают доступ к широкому спектру ярких эмоций, редко возникающих в реальной жизни. Все тело человека реагирует гормональными потрясениями на сигналы алгоритмов и медиапосланий. Вследствие этого «цифровая деменция» становится действительно тревожной социальной проблемой: атрофирование любых человеческих проявлений делает реального человека киборгом еще до того, как тот отважится на имплантацию чипов, замену органов на «продвинутые» электронные механизмы, т.е. на «улучшение» самого себя в угоду кибернетическим императивам. [3]

30 января 2024 года Илон Маск объявил, что была успешно проведена операция по вживлению чипа в мозг человека, разрешение на которую дало американское управление по контролю качества продуктов и медикаментов FDA¹. Интересно, что это устройство позволяет человеку с ограничением в двигательной активности «общаться» с компьютером или телефоном. То есть социальная реальность вновь заменяется цифровой.

Таким образом, механизированная идентичность становится тривиальным, социально принимаемым, «естественным» процессом. Аддиктивные проявления среди подростков выражаются в различного рода «культях» (н.п. культ Барби, недавние суицидальные группы и т.д.). Девиантогенный медиаконтент направлен на детей и подростков по причине их поверхностного, слабо осмысленного опыта социального общения и взаимодействия, отсутствие крепких межперсональных

и межгрупповых связей, а также зыбкости самоидентичности в силу возрастного периода психического развития. Деструктивное воздействие основано на принципах фокусировки «... на этичность девиантности; на престижность девиантности (как атрибута популярности и общественного признания); на героичность девиантности; на материальную выгоду от девиантного поведения; на безущербность и безопасность девиантности (для организма, индивидуально-личностного склада, межличностных и межгрупповых интеракций, для социального развития); на гедонистичность девиантности, на анестезирующее действие девиантности» [2]. Культ контрчеловечности подкрепляется и модой на уподобление животным: «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений реализуется и через фурри-сообщества – еще один субкультурный тренд медиапотребления, пришедший с Запада. В самом широком смысле фурри – это люди, интересующиеся антропоморфными животными и причисляющие себя к фурри-фандому. Как показали мониторинги социальных медиа, фурри – это сформировавшаяся арт-субкультура, в которой животных рисуют частично в образе людей, т.е. как антропоморфных существ, как правило, гипертрофированно сексуализированных и чаще всего состоящих в однополых отношениях» [5].

Однако указанная гипертрофированность мировосприятия диктует, как следствие, преувеличенное отношение к самим медийным инструментам. Обладание ими превращает человека в «социально успешного» индивида – ведь наличие суперсовременных (и, соответственно, немислимо дорогих) гаджетов создает иллюзию новых (усиленных) возможностей их обладателя. Здесь круг замыкается: одиночество, как следствие медийного развоплощения, превращает человека в самозамкнутую антропологическую систему, подверженную лишь воздействиям на нее со стороны технологий и, собственно, получающей оценки от нее за степень соответствия механическим «идеалам». Ее идентичность есть следствие инструментальной реконструкции образа Я в контексте технологических презентаций, и «телесная солидарность» классических сообществ («плечом к плечу», «рука об руку», метафора толпы как единого организма и т.д.) сегодня выглядит чем-то глубоко устаревшим, не имеющим права на существование.

Узурпированная средствами коммуникации метафизическое усилие по идентификационной трансформации Я-мира становится тривиальным, само собой разумеющимся, не значимым для антропологического статуса. Как следствие, энергия человеческого Я теперь не может быть идентифицирована как деятельностьная (направленная на освоение окружающего мира), а, скорее, как консервирующая, сохраняющая, защищающая личностные структуры от гиперэмоционального воздействия на них коммуникативных механизмов.

¹ <https://www.gazeta.ru/science/2024/01/31/18201709,27.05.2024>

Оцепенение становится контр-раздражителем, коррелирующим с указанным еще Фрейдом механизмом психологической защиты – вытеснением. Априорная невозможность переработать переживание вытесняет его в бессознательное, однако сегодня эта невозможность статусно закреплена в самом механизме и соответствующем ему опыте переживаний медийных презентаций. Рефлексии здесь не место! Насилие и катастрофы, сопряженные с навязчивым эротизмом и отсутствием табу есть не просто ткань медийного бытия. Это психологический «панцирь», если перефразировать метафору Макса Вебера, который не позволяет человеку, в его антропологическом статусе, обмениваться информацией с окружающим миром. Оцепенение становится своего рода манифестацией непричастности физического тела к трансформациям мира, подтверждение невозможности его изменения с помощью человеческого усилия.

Таким образом, нарциссизм, о котором говорил Маклюэн, здесь обретает новую этическую подоплеку. Ощущение превосходства над природой и другими людьми сменяется щемящим чувством неполноценности и неидеальности, которое в своем апофеозе рождает ощущение контриденности. Вычурные фигуры «селебритис» заведомо недоступны, блогеры-миллионники становятся в буквальном смысле «небожителями», чье поведение не укладывается в социальные стандарты. Неслучайны в этой связи множественные андеграундные тенденции в социуме, проявления социальной апатии и деадаптации. При постоянной травматизации, которая провоцируется медиа, создается нарциссический щит и его цена – отчуждение и равнодушие. Со снижением восприимчивости к тонким настройкам чувств выжигается способность к творческому восприятию и созданию своей жизни. Вот почему на волне популярности запрещенных ныне в России некоторых социальных сетей так «популярны» были суицидальные, граничащие с абсурдом фотографии, которые делались лишь для того, чтобы получить несколько дополнительных сотен «лайков» под соответствующим постом.

Таким образом, нарциссическая раскачка личности – от стыда до величия – становится своеобразным ответом на невозможность осуществить необходимый для человеческого гармонического состояния диалог с окружающим миром. Это, в свое очередь, означает экзистенциальную невозможность определить собственный статус, конкретизировать свои желания, цели, смыслы.

«Как только мы отдали свои чувства и нервные системы в плен частному манипулированию тех (частных корпораций), кто должен пытаться извлечь выгоду из аренды наших глаз, ушей и нервов, у нас реально больше не остается никаких прав» [4, с. 82]. Владельцы медийных средств коммуникации осознают их власть, как таковых, независимо от «содержания». Властные отношения

основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путем конструирования смысла через создание образа [1]. И этот процесс разворачивается посредством медиа.

Тема власти как обладания телом в нынешних условиях цифровой коммуникации трансформируется в глубинном, традиционном своем смысле. Медийная власть, обесценивает тело, нивелирует сакральное значение принадлежности физического объекта конкретному обладателю. Возможно, потому, что сам по себе «обладатель» размыт, не имеет конкретной субъектности, представляет собой динамичное, изменчивое, однако источающее энергию императивов псевдосуществование – технотронный информационный мир. Фактически стремление наиболее активных пользователей быть похожими на указанных селебритис или популярных медийных персонажей – это своего рода погоня за ускользающим собственным телом, попытка обрести себя в физическом смысле в пространстве фейков и недосказанностей. Действительно, в механицистской логике сознание является проявлением тела, эссенцией тела. Десакрализация (узурпация) сознания есть неизбежное следствие техницистского изменения мира. Тело вслед за сознанием превращается в набор элементов, которые, в свою очередь, подлежат техницистскому перевоплощению, что фактически означает фантомность такой цели, невозможность обретения себя в медиареальности несмотря ни на какие усилия.

В 2016 году в Оксфордском словаре появился термин «постправда», обозначающий обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям¹. В нынешних условиях, спустя почти десятилетие непрерывных изменений, можно констатировать, что человечество уже вступило в эпоху «пост-телесности», как утраченной идентичности человека в многочисленных искажающих «зеркала» медийной реальности.

Это обстоятельство указывает еще на один ракурс исследования данной темы. Пост-телесность неявно подразумевает пост-историчность, данность здесь и сейчас всего-того, что «осталось» от прежнего человека. Ценность тела заключается не только в его наличном, физическом присутствии как способе удостоверения собственного бытия, но и в опыте, в результатах развития, становления, взросления, превращения в самостоятельный физический феномен. Другими словами, тело есть концентрация истории личности и социума, и его деконструкция оборачивается элиминацией «всего того, что было пройдено».

После стадии телесности следует стадия зеркала в развитии ребенка. Жак Лакан сформулировал концепцию: «...человеку, чтоб существовать,

¹ <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/>, 27.05.2024

чтоб быть кем-то, необходимо признание другого... Нет другого и признания – нет субъекта» [6, с. 67]. Кто я есть – определяется другим и в отношениях с другим. Таким образом, тело – это прежде всего осознание, а не набор физиологических механизмов. Осознание себя как тела, как продолжения тела матери, есть необходимое свойство идентификации личности как самостоятельного метафизического продукта. Через устранение этого понимания в технократическую эпоху устраняется сама возможность коллективной идентификации, понимания связи с другими, принятия своей исторической роли (миссии).

Литература

1. Кагель М. Власть коммуникации: учебное пособие / пер. с англ. Н.М. Тывевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
2. Книжникова С.В. Медиапродукция и риск девиантного поведения у детей и молодежи // Медиаобразование. Media Education. 2017. № 3.
3. Крайнов А.Л. Трансгуманизм и биоэтика об экологии человека: границы дозволенного // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 374–378.
4. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – Москва; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
5. Никишин В.Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 11. – С. 131–148.
6. Узланер, Дмитрий. Жак Лакан: введение. – Москва: РИПОЛ классик, 2022. – 288 с.
7. Фортунатов А.Н. Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество: монография. – Москва: ФЛИНТА, 2023. – 184 с.
8. Фортунатов А.Н. Проблемы истории телевидения. Философский и культурологический подход. Курс лекций. Российская ассоциация по связям с общественностью. Профессиональное объединение по связям с общественностью «РАСО-ПРИВОЛЖЬЕ», 2007. – 76 с.
9. Шапинская Е.Н. Впечатления на продажу: современные тенденции в культуре потребления

ния // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1 (118). С. 162–169.

THE INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE TRANSFORMATION OF PHYSICALITY

Konnova E.S., Fortunatov A.N.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article deals with the issue of the influence of the transformation of physicality on a person through mass communication. The authors explore the gap between sensory perception in social reality and in the representative media space, based on McLuhan's understanding of media as the expansion of a person outside and his transition into a closed alienated system; they see a threat in the fact that unconditional subordination is formed, the dependence of the human self on the media way of mastering the world and mechanized identity becomes trivial, socially accepted, a "natural" process. Human energy is now directed not at the active development of the world, but at maintaining the emotional and mental homeostasis of one's Self-system in response to the inability to carry out the dialogue necessary for a human harmonious state with the surrounding world. The author states that humanity has already entered the era of "post-corporeality" as a lost human identity in numerous distorting ways.

Keywords: post-corporeality, media, sensory perception, communicative mechanisms, media corporeality, media power, media emotionality, counter-humanity.

References

1. Castells M. The Power of Communication: a textbook / trans. from English by N.M. Tylevich; under scientific editorship A.I. Chernykh; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 564 p.
2. Knizhnikova S.V. Media products and the risk of deviant behavior in children and youth // Media education. Media Education. 2017. No. 3.
3. Kraynov A.L. Transhumanism and bioethics about human ecology: the boundaries of what is permitted // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2023. Vol. 23, issue 4. Pp. 374–378.
4. McLuhan G.M. Understanding Media: External Extensions of Man. / Translated from English by V. Nikolaev; Concluding Article by M. Vavilov. – Moscow; Zhukovsky: CANON-press-C, Kuchkovo Pole, 2003. – 464 p.
5. Nikishin V.D. Malicious Information in Internet Media: The Overton Window and the Interrelation of Destructive Network Currents // Lex russica. – 2022. – Vol. 75. – No. 11. – Pp. 131–148.
6. Uzlaner, Dmitry. Jacques Lacan: Introduction. – Moscow: RIPO Classic, 2022. – 288 p.
7. Fortunatov A.N. Cyberhumanism. How Communication Technologies Transform Our Society: Monograph. – Moscow: FLINTA, 2023. – 184 p.
8. Fortunatov A.N. Problems of the History of Television. Philosophical and Cultural Approach. Lecture Course. Russian Public Relations Association. Professional Association for Public Relations "RASO-PRIVOLZHYE", 2007. – 76 p.
9. Shapinskaya E.N. Impressions for Sale: Modern Trends in Consumer Culture // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2021. No. 1 (118). P. 162–169.

Этимология и аксиология власти

Крюков Виктор Васильевич,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры правовых и социальных наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий
E-mail: krukovzav@mail.ru

Сотникова Елена Вячеславовна,

к.и.н., доцент, зав. кафедрой правовых и социальных наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий
E-mail: sotnikovaev@mail.ru

Хаяров Дамир Гареевич,

к.и.н., доцент, доцент кафедры правовых и социальных наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий
E-mail: hayarov.damir@yandex.ru

Предметом статьи являются *этимон* (изначальный смысл) понятия «власть» и его синонимов – таких, как господство, правление, влияние. Также выявляется происхождение терминов, обозначающих субъекты власти. Во второй части рассматривается ценностный аспект власти, а именно ее смысл и значение. Авторы формулируют в качестве цели выяснение происхождения слов, связанных с властью, в русском языке и заимствованиях, принятых в русскоязычных текстах. Также имеется интенция раскрыть источники формирования ценностного отношения и значимость власти для личности и общества. В части науки о происхождении слов применяются методы герменевтики и языковой реконструкции. В части учения о ценностях используются культурологический метод выявления социальной природы предмета исследования и диалектика, раскрывающая противоположные, но взаимосвязанные аспекты проблемы.

Новизна выражается в применении собственных разработок авторов как представленных в публикациях, так и в их дальнейшем развитии. Продемонстрированы архетипы базовых понятий политики, а также смысл и значение политических феноменов в жизнедеятельности людей и в функционировании социума. Показано, что власть есть способ упорядочения общественных отношений при переходе от родового патернализма к истинно культурным механизмам управления жизнью людей в полисе как сообществе людей, не связанных кровным родством. В аксиологическом аспекте показано, что власть есть функция социальной поддержки того субъекта, который артикулирует и продвигает интересы социальной группы, и тем больше его сила и глубже влияние, чем основательнее и количественно мощнее социальная база, на которую он опирается. Выводы: власть как феномен сводится к этимону «править», то есть направлять, указывать путь, а ценность власти определяется стремлением к преодолению хаоса и созданию порядка в действиях людей.

Ключевые слова: политика, власть, правление, репрезентация, персонификация.

Введение

Термин «*политика*» (др.-греч. *πολιτική* – гражданская деятельность) – «понятие, включающее в себя вопросы и события общественной жизни, связанные с функционированием государства. Его смысл восходит к древнегреческому названию города-государства – *полис*. Искусство управления городом, регулирования отношений между людьми в гражданском обществе Аристотель и назвал словом *политэйя*, а Платон вообще употреблял термин *кибернетика*, заимствуя слово у моряков, которые называли *кибернетом* рулевого матроса, управлявшего кормовым веслом и отвечавшего за направление курса судна» [11; 5, с. 139].

Необходимость в искусстве управления общественной жизнью «возникает именно в городах при переходе от варварства к цивилизации. Родовая община управлялась обычаями и традициями, ритуалами и табу. В гражданском обществе необходимо выработать *порядок* отношений между чужими людьми. Для этого нужно принять некоторые правила поведения, которые, в силу диктата власти или же при всеобщем согласии, одобрении и добровольном подчинении – становятся законами и складываются в правовые кодексы, своды юридических норм (от лат. *us, uridis* – обычай, закон, правовой)» [6, с. 50].

Материалы

Классическими в трактовке власти считаются работы М. Вебера [1] и Р.Б. Перри [20], опубликованные еще в начале прошлого века. Идеи классиков развивали С. Лукас [19], Н. Луман [8], Ч. Пирс [10]. Сущность ценностей исследовали М.С. Каган [4], Н.О. Лосский [7], Ф. Теннис [12], М. Шелер [15], тот же Р.Б. Пери [20]. Имеются как статьи [3; 6; 16; 17; 18], так и капитальные монографии по аксиологии, в частности – автора [5].

Этимология власти

Слово *власть* есть отглагольное существительное – от глагола *володети*, владеть. Смысл действия – управлять, править, и этот смысл аналогичен по происхождению платоновскому *кибернетика* – управление кормовым веслом на корабле. *Править* по русски – значит правой рукой поворачивать руль ладьи в правильном направлении. *Володети* – значит контролировать ситуацию и навязывать свою волю (велети) вопреки обстоятельствам или сопротивлению. Поэтому власть – это *сила*, *мощь*.

По английски *power* – сила, а также *rool* – править, доминировать, превосходить. А в Китае председателя (сидящего впереди) Мао Цзедуна называли Великим кормчим от все того же этимона с веслом на корме. Кстати: сидящий впереди, председатель, президент – это тот, кто правит, направляет.

Важнейшим элементом системы политических отношений в обществе является *государство*, дословно по-русски *правление*. Популярно в современной социальной философии определение М. Вебера: «Государство есть человеческое сообщество, которое претендует на монополию легитимного физического насилия внутри определённой области – географической, демографической, экономической» [1, с. 645]. В свою очередь сообщество (*Gemeinschaft*) понимается Ф. Тённисом «...как существо или вещь, действия которых едины в своей внутренней и внешней направленности», тогда как общество (*Gesellschaft*) он рассматривает как «агрегат или механизм, основанный на конвенции (форме всеобщей воли, поддерживаемой и сохраняемой каждым ради собственной пользы) и естественном праве» [12, с. 10].

Любопытно происхождение имен субъектов власти, лиц, облеченных властью. В Древней Греции это был *архонт*, номарх или наварх от корня *архэ* – старший, а также *стратег* – предвидящий. В Персии в провинциях правили *сатрапы* – представители центра, чужаки и поэтому беспощадные к подданным, так же, как в Древней Руси *посадники*, посаженные князем *смотрители*, как в современных криминальных сообществах смотрящие.

В Древнем Риме это был *император* (от лат. *imperativ* – повеление, распоряжение), и аналогичное *диктатор* (от лат. *dictum* – говорю, велю). Когда в средневековой Европе, подражая Риму, создавали империи, то даже личные имена правителей становились нарицательными. Так Карл Великий стал источником титула *король* (от лат. *karolus*), а имя Цезарь стали добавлять к имени собственному все правители, и появились слова *кесарь*, *кайзер*, *царь*.

В терминологию правления внесли свой вклад викинги. Предводитель дружины у скандинавов именовался *конунг*, и отсюда возникли английский *king*, тюркский *коназ* и русский *князь*.

Осуществляет власть человек или орган, имеющий на это *право*. Те, кто таким правом располагают, «классифицируются по признаку разделения социальных субъектов на *физические* и *юридические* лица, и тогда *непосредственные* действия физических лиц, стихийные или организованные, мятежи и восстания или перевороты и революции – суть действия *политические*. Тогда как введенные в рамки правового поля, т.е. *опосредованные* правовыми нормами, *писаными* актами и установлениями, *официально принятыми* кодексами и *публично одобренными* конституциями действия юридических лиц – парламентские слушания, съезды партий, процедуры выборов

или плебисциты и референдумы – суть действия *правовые*» [6, с. 51–52].

Когда князь самолично творит расправу, судит и рядит – это есть волеизъявление как выражение частного мнения. Чтобы избежать произвола как пристрастного решения, требуется выработать правила – типовые действия, которые будут применяться стандартно и беспристрастно.

«Отсутствие норм – это беспредел и хаос, неприкрытое насилие и кровавая война всех против всех. Поэтому великими мудрецами люди называли законодателей, которые создавали своды законов и тем вносили мир и порядок в жизнь своих сограждан. Это, скажем, царь Хаммурапи в Шумере, Солон Афинский в Древней Греции, император Юстиниан в Древнем Риме, князь Ярослав Мудрый в Киевской Руси» [5, с. 139]. Когда вместо частного мнения князь передает свое право чиновнику, а тот обязан судить по правилу, то это будет *правильно*, иначе говоря *по праву*, в соответствии с *правилом*, имеющим необходимый характер, поскольку в этой ситуации он не физическое лицо, а лицо юридическое, которое лишь реализует установленный порядок.

«Без правил жить нельзя. Положим, мы с вами сели играть в шахматы. Разыграли дебют, и я вдруг заявляю, что со следующего хода конь будет двигаться не буквой «Г», а буквой «П». Скрепя сердце – ведь позиция подготовлена к атаке – вы соглашаетесь. Разыграли миттельшпиль, и я опять настаиваю на том, чтобы конь в дальнейшем двигался буквой «М». Если вы сгребете с доски фигуры и швырнете мне их в лицо – вы будете правы. Так играть нельзя! Правила нужно оговорить «на берегу» и соблюдать их от начала до конца партии» [5, с. 140].

Аксиология власти

Власть есть социальное *доминирование* (от лат. *dominare* – преобладать), и поэтому она является ценностью. Вообще ценность – это такое человеческое измерение социальных феноменов, в котором проявляется культурная сущность продуктов человеческой деятельности. Принцип состоит в том, что ко всему, что человек создал, он не может относиться бесстрастно и равнодушно. К своим творениям человек относится как к детищам, в которых он видит самого себя, свое продолжение и воплощение. Любой продукт труда имеет для человека тем большее значение, чем больше самого себя, своих сил, времени, таланта он вложил в этот продукт.

Как определение ценностей, можно сформулировать следующее положение: «*ценность есть мера затраты физических или духовных сил человека на созидание или освоение элементов природной или социальной среды*. В объектах природы и в продуктах культуры я вижу как в зеркале свое собственное лицо, а к себе дорогому я не могу относиться бесстрастно: именно себя, в зависимо-

сти от обстоятельств, я люблю или ненавижу, одобряю или порицаю, люблюсь собой или же отвращаюсь от себя» [5, с. 80].

В применении к власти определяющее значение имеют два обстоятельства. В силу того, что «власть как социальная роль есть вторичная и превращенная форма личности, она репрезентирует, замещает и представляет одну, несколько или множество личностей. *Репрезентация* (от лат. *representatio* – новое предъявление), есть демонстрация вещи или личности в некоторой форме вторичной предметности: не в своем, а в ином воплощении, буквально *в чужом теле*. В связи с тем, что русское слово *представление* имеет несколько значений (дословно: ставить перед кем-то – демонстрация, зрелище, показ, предъявление, идея, понятие, понимание), то когда речь идет о представлении одного объекта посредством другого, в современном русском языке часто используется латинское слово *репрезентация* как слово с более конкретным значением» [6, с. 51–52].

«Адвокат представляет в суде подзащитного; делегат представляет на собрании или съезде свой коллектив, доверивший ему выступать «от имени и по поручению»; депутат в собрании представляет жителей своего округа; президент – всенародно избранный выразитель нужд и чаяний граждан страны. Когда на выборах мы отдаем свой голос тому или иному кандидату, то смысл этой процедуры буквален: дальше мы будем молчать, а наш депутат, если он избран и представляет нас в законодательном органе, говорит за нас, *значит* его голосом говорим мы все, он – наше олицетворение. По крайней мере – *по идее* должно быть так» [5, с. 141].

Явление репрезентации диалектически сопровождается своей обратной стороной – персонификацией социальной роли. «*Персонификация* (от лат. *persona* – лицо, и *facio* – делаю) *олицетворение, прозопопея, антропопатизм* (от греч. *ανθρωπος* – человек, и *παθος* – чувство) – представление природных явлений и сил, объектов, отвлеченных понятий в образе действующих лиц, в том числе подобии человека, или признание за ними человеческих свойств; приписывание свойств человеческой психики предметам и явлениям реального или вымышленного мира» [5, с. 142; 6, с. 51–52].

Исполнитель той иной социальной роли, занимая какую-нибудь должность, выдвигаясь на тот или иной пост, будучи наделен каким-то саном, рангом или степенью и званием, не только вольно, но и по необходимости отождествляет себя и свое социальное положение. И тогда «председатель совета директоров искренне говорит “моя фирма”, а администратор – “мой район”. Мэр выражает и реализует потребности развития *своего* города, и тогда мы видим – к чему он больше расположен: к строительству метро или возведению мостов. Дипломат, министр иностранных дел или

президент, выступая на международном форуме, говорят: “Россия против... Россия считает...”» [9, с. 193–196].

«Это не просто олицетворение как фигура языка. Это – персонификация социальной роли – «источник влияния, *харизмы* (очарования) политического лидера или государственного деятеля, расцветенной яркими красками оригинальности и притягательной силы личности исполнителя социальной роли, поскольку политик, как и актер, может быть талантливым или бездарным. Вместе с тем гениальный лицедей бессилён, если он не опирается на *социальную базу* – массу людей, которые незримо стоят за его спиной и от лица которых он выступает и на чью поддержку он опирается» [5, с. 141–142]. Сила власти состоит в том, сколько и насколько влиятельных людей незримо стоят за спиной своего представителя.

Институты (от лат. *institutum* – установление, учреждение) суть организационные формы общественной жизни, совокупности социальных ролей как матриц человеческого поведения, где эти роли представлены как превращенные, преобразованные во вторичный продукт люди. И человек как юридическое лицо ведет себя вовсе не так, как ему хочется, а так, как предписано. Это и есть социальная роль, и она отчуждена от персональных свойств личности, довлеет над исполнителем. «Он чувствует себя не творцом и высшей руководящей инстанцией, а слугой Голема, сделанного его руками. Чем могущественнее и грандиознее высвобождаемые им силы, тем более бессильным он чувствует себя как человеческое существо. Он противостоит себе и своим собственным силам, воплощенным в созданных им вещах и отчужденным от него. Он больше не принадлежит себе, а находится во власти собственного творения. Он соорудил золотого тельца и говорит: вот ваши боги, которые вывели вас из Египта» [14, с. 129]. Власть вообще есть именно институциональная ценность.

Значение социальной роли определяется тем, что мы можем получить от ее исполнителя. Что именно зависит от того или иного должностного лица, на что и на кого он может повлиять. Социальные роли, как то: должности, степени, звания, статусы, ранги уже сами по себе составляют иерархию, в которой мы ищем необходимый нам уровень компетенции, чтобы получить некоторую услугу: государственную ли, экспертную ли, юридическую ли, интеллектуальную или любую другую. Чем выше статус – тем зримее являет себя влияние, могущество, власть его носителя [6, с. 52].

Итак, получается, что *прямая зависимость* ранга ценности, ее значимости в имеющейся иерархии, ее места в субординации благ характерна для первичных элементов социума – людей и вещей, и она определяется *мерой затрат на их производство*. Тогда как *обратная зависимость* име-

ет место быть для вторичных элементов социума, превращенных форм людей – социальных ролей в составе институтов, и превращенных форм вещей – знаков и образов в виде идей и идеалов, и она определяется *мерой затрат на их потребление* [5, с. 100].

Ценности ранжируются по уровням – выше или ниже. Относительно компетенций должна быть выстроена иерархия (греч. *ἱεραρχία*, буквально – священноначалие), расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему, лестница последовательно соподчиненных ступеней, на которых располагаются ценности, и речь должна идти о принципе отчуждаемости их от социального субъекта. Этот принцип имеет тот смысл, что любая ценность в процессе интегрирования должна оставаться в пределах досягаемости, то есть не должна уходить за горизонт деятельности субъекта и становиться совершенно внешней по отношению к нему, а значит отчужденной и потому враждебной.

«На более высокий уровень должны выводиться те и только те ценности, которые не могут быть созданы или освоены данным субъектом без взаимодействия с другими субъектами. Все, с чем субъект в состоянии справиться сам, он не обязан делегировать в интегрированные формы, а если такого делегирования потребуют – должен расценивать это как насилие. Даже мир и благополучие нельзя навязывать грубой силой, как заключенным в тюремной камере мужчины и женщины проблематично создать любящую семью» [5, с. 148].

Заключение

Итак, мы выяснили, что термин *власть* по своему происхождению во многих языках восходит к этимону «вести», «править». Владение есть влияние, сила, убеждение или принуждение следовать избранным путем и выполнять волю вождя, ведущего за собой. Функция правителя есть социальная роль, которая как продукт затраченных сил исполнителя и стоящих за ним людей является ценностью, и поэтому привлекает внимание и вызывает страстное, эмоциональное отношение. Лидер как выразитель интересов социальной группы представляет эту группу и олицетворяет собственной персоной множество людей, от имени и вместо которых он приобретает статус, общественное положение. Вместе с тем власть отчуждается от своего источника и приобретает собственное значение, довлеет над породившей ее социальной базой.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Ершов Ю.Г. Человек. Социум. История / Ю.Г. Ершов. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – 189 с.
3. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания / В.П. Зинченко // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 85–97.
4. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Наука, 1997. – 116 с.
5. Крюков В.В. Сумма аксиологии: монография / В.В. Крюков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 207 с.
6. Крюков В.В. Базовые политические ценности / В.В. Крюков // Национальная ассоциация ученых (НАУ). № 71, 2021. – С. 49–52.
7. Лосский Н.О. Ценность и Бытие / Н.О. Лосский. – М.: АСТ, 2000. – 733 с.
8. Луман Н. Власть / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – 266 с.
9. Мельников М.В. Приватное и публичное в историческом процессе. Теоретико-социологический анализ: монография / М.В. Мельников. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 396 с.
10. Пирс Ч.С. Икона, индекс, символ / Ч.С. Пирс // Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
11. Платон. Диалоги / Платон. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
12. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 450 с.
13. Угроватов А.П. Политология: Словарь-справочник / А.П. Угроватов. – Новосибирск: ЮКЭА, 2006. – 486 с.
14. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм. – М.: АСЕ: Транзиткнига, 2005. – 571 с.
15. Шелер М. Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – 413 с.
16. Kryukov V. The Phenomenon of Values in the Axiology and in the History / V. Kryukov // International Journal of Management Science and Business Administration. – Volume 7, Issue 2, January 2021, p. 7–13.
17. Kryukov V. Basic Concepts of Political Axiology / V. Kryukov // International Journal of Management Sciences and Business Research, Sep-2021 Vol-10, Issue 9. – p. 15–18.
18. Kryukov V. Concepts of Political Axiology / V. Kryukov // Proceedings of the International Conference “Process Management and Scientific Developments” (Birmingham, United Kingdom, September 1, 2021). – p. 123–128.
19. Lukes Steven. Power: A Radical View / S. Lukes. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 244 p.
20. Perry R.B. General Theory of Values / R.B. Perry. – N.-Y. – 1926. – 589 p.

ETYMOLOGY AND AXIOLOGY OF POWER

Kryukov V.V., Sotnikova E.V., Khayarov D.G.
Siberian State University of Geosystems and Technologies

The subject of the article is the etymon (original meaning) of the concept of “power” and its synonyms – such as domination, rule,

influence. The origin of terms denoting subjects of power is also revealed. The second part examines the value aspect of power, namely its meaning and significance. The authors formulate as a goal the clarification of the origin of words related to power in the Russian language and borrowings accepted in Russian-language texts. There is also an intention to reveal the sources of formation of value attitudes and the significance of power for the individual and society. In the part of the science of the origin of words, the methods of hermeneutics and language reconstruction are used. In the part of the doctrine of values, the cultural method of identifying the social nature of the subject of research and dialectics are used, revealing the opposite but interrelated aspects of the problem.

Novelty is expressed in the use of the authors' own developments, both presented in publications and in their further development. The archetypes of basic concepts of politics, as well as the meaning and significance of political phenomena in the life of people and in the functioning of society are demonstrated. It is shown that power is a way of regulating social relations during the transition from patrimonial paternalism to truly cultural mechanisms of managing people's lives in a polis as a community of people not related by blood. In the axiological aspect, it is shown that power is a function of social support for the subject who articulates and promotes the interests of a social group, and the greater its strength and deeper its influence, the more fundamental and quantitatively powerful the social base on which it relies.

Conclusions: power as a phenomenon is reduced to the etymon "to rule", that is, to direct, to indicate the way, and the value of power is determined by the desire to overcome chaos and create order in people's actions.

Keywords: politics, power, direction, representation, personification.

References

1. Weber M. Selected Works / M. Weber. – M.: Progress, 1990. – 808 p.
2. Ershov Yu.G. Man. Society. History / Yu.G. Ershov. – Sverdlovsk: Publishing House of Ural State University, 1990. – 189 p.
3. Zinchenko V.P. Values in the Structure of Consciousness / V.P. Zinchenko // Questions of Philosophy. – 2011. – No. 8. – P. 85–97.
4. Kagan M.S. Philosophical Theory of Value / M.S. Kagan. – St. Petersburg: Science, 1997. – 116 p.
5. Kryukov V.V. Sum of Axiology: monograph / V.V. Kryukov. – Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2018. – 207 p.
6. Kryukov V.V. Basic Political Values / V.V. Kryukov // National Association of Scientists (NAU). No. 71, 2021. – P. 49–52.
7. Lossky N.O. Value and Being / N.O. Lossky. – Moscow: AST, 2000. – 733 p.
8. Luhmann N. Power / N. Luhmann. – Moscow: Praxis, 2001. – 266 p.
9. Melnikov M.V. Private and Public in the Historical Process. Theoretical and Sociological Analysis: Monograph / M.V. Melnikov. – Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2016. – 396 p.
10. Pierce C.S. Icon, index, symbol / C.S. Pierce // Selected philosophical works. – M.: Logos, 2000. – 448 p.
11. Plato. Dialogues / Plato. – M.: Mysl, 1986. – 607 p.
12. Tönnies F. Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology / F. Tönnies. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. – 450 p.
13. Ugrovatov A.P. Political Science: Dictionary and Reference / A.P. Ugrovatov. – Novosibirsk: UKEA, 2006. – 486 p.
14. Fromm E. Healthy Society. Dogma of Christ / E. Fromm. – M.: ACE: Transitkniga, 2005. – 571 p.
15. Sheler M. Selected works / M. Sheler. – M.: Gnosis, 1994. – 413 p.
16. Kryukov V. The Phenomenon of Values in the Axiology and in the History / V. Kryukov // International Journal of Management Science and Business Administration. – Volume 7, Issue 2, January 2021, p. 7–13.
17. Kryukov V. Basic Concepts of Political Axiology / V. Kryukov // International Journal of Management Sciences and Business Research, Sep-2021 Vol-10, Issue 9. – p. 15–18.
18. Kryukov V. Concepts of Political Axiology / V. Kryukov // Proceedings of the International Conference "Process Management and Scientific Developments" (Birmingham, United Kingdom, September 1, 2021). – p. 123–128.
19. Lukes Steven. Power: A Radical View / S. Lukes. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 244 p.
20. Perry R.B. General Theory of Values / R.B. Perry. – N.-Y. – 1926. – 589 p.

Человек и социум: коммуникационная модель концептуально-типологического взаимодействия

Лустин Юрий Михайлович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Цель исследования – в интерактивном контексте методологии научного знания выявить взаимосвязь понятий «концептуальность» и «типология», которая редуцирует новое понимание диалектических основ процесса коммуникации. Новизна работы состоит в обосновании коммуникационной модели концептуально-типологического взаимодействия в формате «человек – социум». Установлено, что концептуально-типологический дискурс взаимодействия зависит от системы концептов его детерминирующих. Доказана, что объективность концептуально-типологической взаимосвязи человека и социума определяет когнитивную направленность мышления человека на познание природно-социальной действительности, выбора жизненных стандартов деятельности и типологии поведения социализированной личности. Акцентируется внимание на концептуальности типологического выбора жизненной стратегии человеком. Также обосновывается концептуальность проявления типологии субъекта практики в интерактивном формате оптимизации социального бытия. Используются сопоставительный, дискурсивный и контекстуальный метод, принципы интроспекции, рефлексии, моделирования. Выводы исследования конкретизированы в перспективных направлениях использования, связанных с развитием типологических основ философской концептологии, методологии социологии коммуникации, социально-философских методов межличностной коммуникации.

Ключевые слова: человек, социум, концептуальность, типология, коммуникация, диалектика, модель, взаимодействие.

Проблема коммуникационного взаимодействия человека и социума еще не становилась объектом рассмотрения в аспекте взаимосвязи понятий «концептуальное» и «типологическое». Проявление системных императивов развития цивилизации в социальной структуре общественного устройства придает ей целенаправленность, автономность, модификационность, организованность, координированность, самодостаточность [15]. Концептуальность системно-структурной сущности социума объективно создается, типологически формируется, диалектически воспроизводится путем формирования монолитности *социальной общности*, развития *социальных институтов*, консолидации *социальных отношений*.

Особенностью жизнедеятельности человека является его принадлежность к определенной группе людей, типологические интересы, потребности, намерения которой принципиально влияют на его формирование, развитие и совершенствование. Концептуальность групповых отношений составляет общество, которое характеризуется социальной упорядоченностью, проявлением социальной роли и социального статуса человека в различных ситуациях коммуникации и делового общения.

В социальной философии, социологии, социальной психологии не ослабевает интерес к диалектической методологии исследования типов объектов и субъектов социальности, типологии коммуникантов в социетальном контексте их эффективного взаимодействия. По сути дела, содержание коммуникативной парадигмы «тип общества – типологические отношения – типология человека» направлено на проявление социальных качеств индивида, выбор жизненных стандартов его созидательной деятельности. Обосновывая методологию поиска оптимизирующего дискурса социального бытия человека Т.Б. Назарова отмечает роль в этом модальность расширения «традиционной классификации коммуникантов с учетом принципов общения и законов общения» [7, с. 110–114].

Социум – это динамическая нелинейная система открытого типа, способствующая концептуально-типологической определенности в выборе человеком своей жизненной стратегии и следование ей. Происходящие в обществе различные события детерминированы проявлением разных законов, в том числе законов коммуникационной среды, различных видов коммуникации и ее моделей [1; 8; 13; 14].

Находясь в системе со-измеримых значений, коммуникационное взаимодействие человека и социума представляет собой очень сложный «концептуальный механизм» взаимообусловленных связей и отношений между социальными объектами и социальными субъектами, детерминированным образом сопряженных в различных формах и форматах своей явленности. «Развитие социальной коммуникации, отмечает А.А. Груздев, осуществляется в ходе взаимодействия системного, деятельностного и инструментально-технологического измерений. Именно эти измерения участвуют в формировании феномена социальной коммуникации как системы. Динамические отношения между ними формируют реальность социальной коммуникации. Оптимизация каждого из трех измерений ведет к развитию социальной коммуникации в целом» [2, с. 47].

Социальная составляющая коммуникационного взаимодействия имеет объективную и субъективную стороны. Объективной стороной этого вида взаимодействия выступают связи, отношения и опосредования, влияющие на сущность и содержательный характер взаимодействия людей между собой. Под субъективной стороной понимается интуитивное, чувственно-эмоциональное, смысло-созидательное отношение индивидов друг к другу, основанное на определенной системе ценностных ориентаций. Информационный обмен, типопределенность социального общения – основные показатели взаимосопряженных, взаимодополняющих отношений объектов и субъектов социальности, имманентная основа их социально-духовного взаимодействия [6].

Формы отражения концептуально-типологической реальности в сознании (мышлении) человека являются основой его знания о действительности. Информационная составляющая этих знаний в процессе когнитивно-рефлексивной деятельности сознательного индивида приобретает концептуальный характер. В итоге, в его сознании (мышлении) формируются специфические умственные образования в виде концептов. Онтогносеологически актуализируя проблему того, как люди мыслят, Ю.В. Суржанская подчеркивает: «Концепт является фундаментальной формой мышления...» [11, с. 77].

Концепт – это универсальная форма мышления, когнитивно-смысловое ментальное образование человеческого сознания самовоспроизводящей характерности. По своей сущности, основополагающий признак концепта отражает значение методологической объективности – быть детерминантой субъективно-смыслового характера. Как рефлексивная форма выражения интеллектуальных процессов познания концепт субъективно многоаспектен диалектически противоречив, субстанционально конверсионален, ментально репродуктивен, типологически многомерен, а поэтому служит детерминантой внутреннего мира челове-

ка, которая направлена на формирование, развитие и корректирование упорядоченной концептуальной системы мыслительного порядка в целом.

Концепт в качестве познавательного значимого когнитивно-смыслового элемента сознания сопряжен с понятием «тип» («типология») и, соответственно, типом (типологией) человека и общества. Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», типология – есть «метод *научного* познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа» [12, с. 685]. В социально-коммуникативной динамике развития человека и социума понятия «концепт», «концептуальное», «типологическое» связаны отношениями обоюдной зависимости. Они рядоположены, так как сопряжены к условиям коммуникации общности, познанию человеком природно-социальной действительности.

Методологический синтез данных понятий репрезентирует лингвокультурный дискурс их понимания и модальный аспект развития в теории и практике социального познания. Более того, научная значимость искомым дефиниций причинно обусловлена коммуникативным модусом проявления свойств реальности, а поэтому связана с философской и социологической экспликацией их существенности в системе диалектической объективности. Сказанное позволяет, также, утверждать о правомерности понятия «концептуально-типологическое» и рефлексивной адекватности его содержания архетипическому генезису упомянутых дефиниций.

Как значимый вид социальных отношений, концептуально-типологическое взаимодействие человека и социума, во-первых, является рефлексивно-интегративным фактором их интерактивного взаимовлияния, имманентной основой развития социетальной сущности индивида, рациональным средством его практического и теоретического освоения действительности [5]. Как следствие, в онтогносеологическом дискурсе бытия человека и социума их концептуально-типологическое взаимодействие обладает некоторыми специфическими особенностями, которые конкретизируют стратегию его жизненного выбора, оптимизируют жизненно важные параметры социального бытия. Это: диалектичность, объективность, контекстуальность, прагматичность, которые ориентированы на адаптацию личности в системе общественных отношений, ее социализацию и формирование определенного статуса в событийном пространстве антропо-исторической среды. Во-вторых, на всеохватность и всестороннее развитие данного вида взаимодействия влияют: реальная социально-экономическая обстановка в стране, интенсивность коммуникативных контактов, надлежащий уровень социального доверия, мировоззренческая определенность идейных взглядов субъектов социальных отношений и пр.

В коммуникативном процессе объективного и субъективного взаимодействия существенную роль играет такое свойство концептуального как «схватывание». Во взаимосвязи человека и социума понятие «схватывание» выступает той особенностью, которая объективно отражая образно-мыслительную динамику внутреннего мира личности основополагает ее рефлексивно-смысловую деятельность. Это важный момент, в типологической специфике дихотомии «концепт – концептуальное», был замечен еще Абельяром. Так, объясняя генезис понятия «концепт» в истории философии, М.А. Ромащенко и А.А. Ромащенко отмечают: «В работах Абельяра, считающегося основателем концептуализма, часто можно встретить термин *conceptus* и родственный ему *conscipio*, которые в переводе с латинского языка имеют значение «схватывание» [9, с. 148]. Опираясь на этот довод, можно заключить, что концептуальность (концептуальное) есть производное от понятия концепт или системы концептов. Само собой разумеется, что типологическое сходство и различие терминов «концепт (*conceptus – conscipio*) – λ – концептуальное» позволяет констатировать: многогранное понятие *концептуально-типологическое* – есть сложносоставная форма мысли субъекта социальности, которая способна диалектически воссоздавать целостность типологического содержания реально существующего в его образно-смысловых интенциях всеохватной сущности.

Когнитивная направленность содержания концептуально-типологического взаимодействия в системе «человек – социум» имеет всеохватывающий характер и одновременно направлена на объективность постижения реальности и самопознание внутреннего мира социализированной личности. В концептуально-типологической парадигме познания диалектическим образом постигается не только сущность субъективных образов человека, типы их связей и типология отношений, но целенаправленная смылосозидающая деятельность личности. Значит, образно-типологические формы мышления диалектически формируют различные варианты (модели) ментальных конструкций сознания (мышления) человека в зависимости от онтогносеологических особенностей концептов ее порождающих. В свою очередь, эти концепты причинно обусловлены различными векторами социокультурных трансформаций.

Исходя из принципа системности познания в актуализации взаимодействия человека и социума первостепенную роль играет интеграция базовых концептов познания: «философия», «социология», «диалектика», «типология», «взаимодействие», «экономика», «социальное», «политика», «духовное»; «социальные отношения»; «социальные институты»; «социальные общности» и типология *сложносоставных концепт-конверсий* научного знания социологической характерности:

«социальная роль», «социальный статус», «социальные ожидания», «социальная оценка», «социальный опыт», «социальный контакт», «социальная связь», «констатирующая информация», «социальная идентичность», «социальная мобильность», «социальный ориентир» и др. По своему содержанию детерминационная объективность концептов трансформационно видоизменяема. Она конкретизирует когнитивную направленность мышления человека на социокультурное постижение природно-социальной действительности, аксиологический выбор реалистичных стандартов и ориентиров деятельности, типологию как жизненной стратегии, так моделей интеллектуального поведения социализированной личности в актах коммуникации. Идеалы и интересы межличностного общения трансформационно видоизменяют социальное пространство и культуру бытия человека в общественной среде в системе временных факторов. «Социокультурная трансформация, как пишет Е.А. Иноземцева, – это процесс приобретения обществом новых черт, соответствующих требованиям времени, изменения в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях. Как следствие этих процессов перед человеком возникает проблема выбора социальных ориентиров» [3, с. 117–118].

Целеопределенная стратегия выбора путей оптимизации социального бытия зависит от моделей концептуально-типологического взаимодействия человека и социума. Философская интерпретация понятия «модель» (от лат. «*modulus*» – «образец», ранее – «мера») может быть репрезентирована как объяснительное интерпретативное средство понимания человеком коммуникативной реальности. Основанное на взаимосвязанных уровнях научно-теоретического и практического дискурсов это средство способствует социальной дифференциации, общественному развитию различных средств, форм и методов коммуникации.

В философской методологии социологического знания можно выделить несколько моделей социального взаимодействия в коммуникативной среде. Основные из них: теория социального обмена (Дж. Хоманс); концепция символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер); управление впечатлениями (Эр. Гофман); система «взаимных ожиданий» (Т. Парсонс); теория трансактного анализа (Э. Берн); информационная теория конформности (М. Дойч, Г. Джерард); различные концепции стратификации (Л. Уорнер, У. Томпсон. Дж. Хики, Г. Стэндинг); теория коммуникативного действия (Ю. Хабермас); метод интерпретационного конструкта (Х. Ленк); концепция трансцендентального понимания (К.-О. Апель); «философия поступка» (М.М. Бахтин); концепция «сакральной коммуникации» (Г.В. Гриненко). Каждая из выделенных теорий раскрывает ее сущность, типологическое содержание, многогранные особенности интеракции.

Коммуникационная модель концептуально-типологического взаимодействия в системе «человек – социум» – это эпистемологически выраженный способ презентации специфического вида знания, которое предопределено всеохватной конструктивностью своей познавательной характеристики. Когнитивная взаимосвязь базовых концептов и концепт-конверсий свойств реальности, выражающих содержание данной системы, – имманентная основа коммуникационной модели. Такое социально-философское понимание модели, в контексте нового концептуально-типологического подхода к постижению общественных отношений, можно считать целесообразным и оправданным.

Исходя из методологических особенностей социального познания, основными базовыми концептами структуры коммуникационной модели концептуально-типологического взаимодействия человека и социума являются: социальные отношения, социальные институты и социальные общности, находящийся в диалектическом единстве с целостностью коммуникативного бытия социума. Рассмотрим каждый из этих элементов модели.

Социальные отношения. Коммуникативное содержание реальности проявляет свою концептуально-типологическую сущность исходя из общепринятых способов взаимоотношений человека и социума. Интерактивно взаимодействуя, индивиды передают друг другу типопределенность общения, варианты которых заданы их собственным жизненным опытом, типологической культурой общения.

Социальные отношения – это устойчивая самовозобновляющаяся система совместного взаимодействия коммуникантов. Взаимная типологизация обмена различного рода информацией концептуально обеспечивает общность жизненного мира индивидов, их смыслодеятельное устремление к цели, осознанное разрешение противоречий бытия.

Социальные отношения включают в себя различные системы и подсистемы. Они могут быть экономическими, политико-идеологическими правовыми, образовательными, профессионально-деловыми, социокультурными, семейными, этническими, национально-религиозными, природоохранными и др. На основе социальных отношений возникают различные социальные общности людей, руководимые и направляемые деятельностью различных социальных институтов.

Социальные институты. Социальный институт – это элемент социальной структуры общества, исторически сложившаяся форма организации совместной жизнедеятельности людей и концептуально-нормативное средство регулирования общественных отношений. В своей коммуникационной значимости социальный институт является механизмом, который обеспечивает, так

же, воспроизводство социальных отношений (например: институт брака, институт семейных отношений).

К основным социальным институтам относятся: государство, экономика, политика, идеология, культура, мораль, право, образование, семья, наука, здравоохранение, финансы.

Социальные общности. Социальные взаимодействия представляют собой отношения между социальными группами. В процессе жизнедеятельности люди находятся в общественном пространстве, преследуя определенные цели в жизни. Типология социальной общности задается типовыми интерпретациями, диалектически сформировавшимися на основе предшествующего опыта участников взаимодействия.

Человек – это главный элемент социальной структуры, без которого в обществе невозможны ни социальные отношения, ни социальные взаимодействия. В парадигме общественного устройства человек выступает как объект и субъект социальных отношений. В смысловом дискурсе коммуникативных отношений концептуально-типологическая специфика формирования типологии человека обусловлена особенностями становления, развития и совершенствования его устойчивых характеристик, системно выраженных в типологии индивидуальных свойств и социальных качеств.

По своей сущности, коммуникативная модель концептуально-типологического взаимодействия человека и социума представляет некое модально-сопряженное единство элементов системы концептов «социальные отношения – социальные институты – социальные общности», имеющая ту или иную специфику своей типологической и типовой характеристики. Смысловой аспект данных утверждений констатирует их модельный характер концептуальной направленности и типологической сущности. Когнитивные параметры системы позволяют реализовать коммуникативные аспекты межличностной интеграция на самом высоком уровне онтогносеологической всеохватности.

В разработанной модели содержание коммуникации репрезентировано дискурсивными характеристиками, онтогносеологический уровень которых объективирован мировоззренческими целям, аксиологическими ориентирами участников коммуникации, особенно в выборе жизненной стратегии смыслоопределенного действия. Философская экспликация модели позволяет точнее оценить социальный статус человека, его коммуникативную роль в социуме, что подтверждает гипотезу, выдвинутую академиком Т.И. Заславской о социальных слоях российского общества [4].

Таким образом, философское познание человека и общества органически связано с проблемой концептуально-типологического взаимодействия между ними. Данная парадигма взаимоот-

ношений формируется под воздействием государственной политики, трансформационных процессов межкультурной коммуникации, диалога национальных культур в контексте постоянного расширения диапазона влияния различного рода смысловой, интеллектуальной, оценочной, виртуальной информации.

Философско-типологический способ мышления человека диалектически охватывает сущность реальности в концептуальном единстве ее типологической явленности, чем актуализирует потенциальные логико-смысловые, интеллектуальные, ментальные, интуитивные возможности индивида. Содержание данного способа интерактивно направлено на логико-смысловое выявление проблем бытия и истинно верное решение жизненных проблем человека и общества.

Перспективность дальнейших научных исследований в контексте социально-философской и социологической проблематики может быть связана с развитием: типологических основ философской концептологии; методологических положений социологии коммуникации; метода социально-типологической редукции в философском познании; различных методик интерактивного взаимодействия в системе «природа – человек – социум – культура – социальная деятельность»; социально-философских методов межличностной коммуникации.

Литература

1. Водопьянов Н.В. Коммуникативные модели в системе социального управления (социетальный аспект): дис... канд. социол. наук: 22.00.04. Ростов-на-Дону. 2005. – 152 с.
2. Груздев А.А. Модели развития социальной коммуникации; философско-методологический анализ // Грамота. 2017. № 10(84): в 2-х ч. Ч. 1. С. 46–48.
3. Иноземцева Е.А. Проблемы социальной трансформации человека в современном обществе // Вестник Воронежского государственного технического университета. Социологические науки. 2012. С. 117–120.
4. Куценко О.Д. Вклад Т.И. Заславской в теорию социальной структуры общества // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 140–156.
5. Лустин Ю.М. Личность, типология, общество: диалектика социальной рациональности: монография, – Донецк: Изд-во ДОННУЭТ, 2023. – 340 с.
6. Матвеева А.Н. Личность и общество: проблема социально-духовного взаимодействия: монография. Казань: Бук, 2016. – 163 с.
7. Назарова Т.Б. От типологии видов общения к типологии коммуникантов: динамика коммуникативного поведения и коммуникативной личности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 2. С. 107–115.
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефлбук, К.: «Ваклер». 2001. – 656 с.
9. Ромащенко М. А., Ромащенко А.А. Актуализация понятий «концепт» и «концептуальное поле» в методологии историко-философских исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 147–150.
10. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф. 2010. – 256 с.
11. Суржанская Ю.В. Концепт как философское понятие // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. – № 2(14). – С. 70–78.
12. Типология // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
13. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 7 (58). С. 49–53.
14. Mowlana H. Human communication theory: a five-dimensional model // Journal of International Communication. 2019. 25(2) pp. 1–31.
15. Savrutskaya E.P., Ustinkin S.V. Education Problems in the Context of Communication Processes of the Modern Civilization / Science and Education: materials of the II international research and practice conference, Vol. I, Munich, December, 2012 / Vela Verlag Waldkraiburg – Munich – Germany. 2012. pp. 563–568.

MAN AND SOCIETY: COMMUNICATION MODEL OF CONCEPTUAL-TYOLOGICAL INTERACTION

Lustin Yu.M.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of the study is to identify the relationship between the concepts of “conceptuality” and “typology” in the interactive context of the methodology of scientific knowledge, which reduces a new understanding of the dialectical foundations of the communication process. The novelty of the work consists in substantiating the communication model of conceptual-typological interaction in the “person – society” format. It has been established that the conceptual-typological discourse of interaction depends on the system of concepts that determine it. It has been proven that the objectivity of the conceptual-typological relationship between a person and society determines the cognitive focus of human thinking on the cognition of natural and social reality, the choice of living standards of activity and the typology of behavior of a socialized person. Attention is focused on the conceptuality of the typological choice of a life strategy by a person. The conceptuality of the manifestation of the typology of the subject of practice in the interactive format of optimizing social being is also substantiated. The comparative, discursive and contextual methods, the principles of introspection, reflection, modeling are used. The conclusions of the study are specified in promising areas of use related to the development of typological foundations of

philosophical conceptology, methodology of the sociology of communication, and socio-philosophical methods of interpersonal communication.

Keywords: man, society, conceptuality, typology, communication, dialectics, model, interaction.

References

1. Vodopyanov N.V. Communication models in the system of social management (societal aspect): diss... candidate of sociological sciences: 22.00.04. Rostov-on-Don. 2005. – 152 p.
2. Gruzdev A.A. Models of development of social communication; philosophical and methodological analysis // Gramota. 2017. No. 10 (84): in 2 parts. Part 1. P. 46–48.
3. Inozemtseva E.A. Problems of social transformation of man in modern society // Bulletin of the Voronezh State Technical University. Sociological sciences. 2012. P. 117–120.
4. Kutsenko O.D. Contribution of T.I. Zaslavskaya to the theory of social structure of society // Sociological journal. 2014. No. 3. P. 140–156.
5. Lustin Yu.M. Personality, typology, society: dialectic of social rationality: monograph, – Donetsk: DONNUET Publishing House, 2023. – 340 p.
6. Matveeva A.N. Personality and society: the problem of social and spiritual interaction: monograph. Kazan: Buk, 2016. – 163 p.
7. Nazarova T.B. From the typology of types of communication to the typology of communicants: the dynamics of communicative behavior and communicative personality // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 107–115.
8. Pocheptsov G.G. Communication theory. M.: Refl-book, K.: "Vakler". 2001. – 656 p.
9. Romashchenko M.A., Romashchenko A.A. Actualization of the concepts of "concept" and "conceptual field" in the methodology of historical and philosophical research // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice Tambov: Gramota. 2015. No. 7 (57): in 2 parts. Part I.P. 147–150.
10. Social factors of consolidation of Russian society: sociological dimension / Ed. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences M.K. Gorshkov. M., Novyi khronograf. 2010. – 256 p.
11. Surzhanskaya Yu.V. Concept as a philosophical concept // Bulletin of Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Political Science. 2011. No. 2(14). P. 70–78.
12. Typology // Philosophical Encyclopedic Dictionary / Edited by: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseyev, S.M. Kovalev, V.G. Panov – Moscow: Sov. Encyclopedia, 1983. – 840 p.
13. Tukhvatulina L.R. Principles of Classification of Communication Models // Bulletin of TSPU. Series: Humanities. 2006. No. 7 (58). P. 49–53.
14. Mowlana H. Human communication theory: a five-dimensional model // Journal of International Communication. 2019. 25(2). pp. 1–31.
15. Savrutskaya E.P., Ustinkin S.V. Education Problems in the Context of Communication Processes of the Modern Civilization / Science and Education: materials of the II international research and practice conference, Vol. I, Munich, December, 2012 / Vela Verlag Waldkraiburg – Munich – Germany. 2012. pp. 563–568.

Концептуальные основания комплексных стратегий развития волонтерства в аспекте реализации государственной политики формирования гражданского общества

Майкова Олеся Александровна,

преподаватель, Международный юридический институт,
Королевский филиал
E-mail: Lesik_1983@mail.ru

Фридман Михаил Феликсович,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: Mffree79@mail.ru

Статья посвящена исследованию роли волонтерства в процессе становления гражданского общества и его интеграции в государственную политику. В работе анализируются концептуальные и методологические подходы к изучению волонтерства в контексте гражданского общества, а также рассматриваются различные теоретические модели, объясняющие взаимосвязь между ростом волонтерской активности и укреплением гражданских институтов. Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход, сочетающий философские, социологические и политологические методы анализа. В рамках статьи проводится сравнительный анализ международного опыта поддержки и стимулирования волонтерской деятельности со стороны государства. Заключительная часть статьи сосредоточена на выработке практических рекомендаций для эффективной интеграции волонтерства в систему государственной политики. Подчеркивается необходимость разработки комплексных стратегий, учитывающих специфику местных сообществ и национальные особенности.

Ключевые слова: альтруизм, волонтерство, гражданское общество, политика.

Введение

В современном мире волонтерство представляет собой не только форму социальной активности, но и важный институт, способствующий решению общественно значимых задач. В условиях демократизации и углубления процессов гражданской ангажированности, волонтерство становится ключевым элементом взаимодействия между государственными структурами и гражданами. Волонтерство – это особая форма добровольного участия, которая не только приносит пользу нуждающимся, но и способна преобразовать жизнь волонтеров и укрепить связи внутри общества [1].

Добровольная помощь или добровольческая деятельность, оказываемая группой людей или каким-либо лицом отдельным лицам или социуму в целом, базируется на идеях добровольной поддержки без какой-либо выгоды или материального эквивалента [2, с. 73]. Социально – Философский анализ феномена волонтерства позволяет глубже понять процессы, происходящие в обществе, и выявить закономерности его развития в контексте формирования институтов государственной политики. Философский подход позволяет выявить универсальные и специфические черты волонтерства, понять его роль в современных социальных и политических процессах, а также предложить пути для дальнейшего развития этой важнейшей социальной практики. В условиях глобализации и цифровой трансформации, волонтерская деятельность продолжает эволюционировать, открывая новые возможности для участия граждан в общественной жизни и укрепления демократических институтов.

Исторические предпосылки развития волонтерства

Волонтерство, как социальный феномен, проходит различные этапы эволюции, начиная с древних форм взаимопомощи до современных организованных структур и программ, инициируемых как негосударственными организациями, так и государственными органами. Исторические предпосылки развития волонтерства коренятся в древних цивилизациях и религиозных традициях, где идеи благотворительности и самоотверженного служения закреплялись в общественном сознании.

В Древнем Египте, Греции и Риме существовали формы взаимопомощи и коллективного труда, которые можно рассматривать как ранние прототипы волонтерства. В этих обществах часто существовали порывы помочь ближнему в рамках храмового служения и социального порядка.

В средневековой Европе, роль волонтерства прочно связана с христианскими идеалами милосердия и братской любви. Монастыри и религиозные ордены брали на себя обязанности по уходу за больными, накормлением бедных и предоставлением убежища странникам. Одним из самых древних примеров проявления альтруизма и прототипов волонтерства можно считать введение понятий «агапе» и «каритас» в учениях раннехристианского философа и теолога Августина Аврелия. Августин утверждал, что истинная любовь к ближнему, основанная на безусловной доброте и желании делиться, является основой морального поведения. Так, в своем трактате «О граде Божьем» [3, с. 186] он указывает: «Ибо Учитель учил их быть добрыми не ради славы человеческой». В это же время, системы взаимопомощи развивались и в других культурах. В исламском мире благотворительность считалась священным долгом и выражалась через «закят» – обязательные пожертвования в пользу нуждающихся. Эти идеи впоследствии оказали значительное влияние на развитие концепции добровольного служения общественному благу.

В эпоху просвещения, И. Кант акцентировал внимание на моральных обязанностях человека и концепции категорического императива. По Канту, индивид должен действовать так, чтобы его поведение могло стать универсальным законом [4]. В этом ключе добровольная помощь и участие в общественных делах представляются не просто актом благотворительности, но и моральным долгом каждого разумного существа.

В XVIII веке Жан-Жак Руссо также затрагивал тему взаимопомощи и общественного договора. Руссо подчеркивал, что благосостояние общества не может быть достигнуто без активного участия каждого из его членов [5, с. 52]. Руссо утверждает, что в целом должна существовать обратная зависимость между размером правительства и численностью населения [6, с. 10]. Соответственно, прототипы волонтерства здесь проявляются в виде акций взаимопомощи и общественного участия, которые способствуют созданию гармоничного и справедливого общества.

Необходимо отметить вклад и Русского философа В. Соловьёва, который в конце XIX века разрабатывал концепцию «всеединства», предполагающую непрерывное стремление к единению и солидарности между людьми. Соловьёв видел в добровольной помощи необходимый элемент в построении гармоничного общества, где каждый проявляет заботу и участие в жизни другого.

Концептуальные и методологические подходы к изучению волонтерства в контексте гражданского общества

Современные концептуальные и методологические подходы к изучению волонтерства акцентируют внимание на системных и структурных аспектах волонтерской деятельности в контексте гражданского общества. Концептуально волонтерство рассматривается как неотъемлемая часть социального капитала, способствующая укреплению связей внутри сообществ и повышению уровня социальной сплоченности. Волонтерство считается выражением активного гражданства, которое способствует гармонизации общественных интересов и укреплению демократических институтов. Между тем, необходимо учитывать, что, проанализировав работы отечественных и зарубежных исследователей, можно сделать вывод о том, что не существует согласованного определения или концептуализации того, что такое волонтерство. Концепция волонтерства ситуативна и приобретает разные значения в разных условиях. Это обусловлено разницей понимания волонтерства в различные исторические периоды, с точки зрения разных методологических подходов [7, с. 94].

В контексте гражданского общества волонтерство рассматривается через призму демократических теорий и теорий социальной справедливости, которые акцентируют важность волонтерской активности для развития демократических принципов, таких как участие, равенство и солидарность. Эти теории освещают, каким образом волонтерство может способствовать созданию более справедливых и инклюзивных сообществ, проявляя себя как форма гражданской ответственности и активного участия в общественной жизни.

Методологически изучение волонтерства охватывает различные дисциплинарные подходы, включая социологию, политологию, экономику и психологию. Количественные исследования позволяют выявить масштабы и характеристики волонтерского участия, а качественные методы, такие как интервью и фокус-группы, помогают понять мотивацию, барьеры и личные переживания волонтеров. Более того, сравнительные исследования между различными странами и культурами позволяют выявить уникальные и общие черты волонтерства в глобальном контексте, что способствует более глубокому пониманию его роли и значимости. Во многих странах правительственные программы, разработанные в поддержку добровольчества, играют ключевую роль в стимулировании участия граждан в волонтерских проектах. Важно понять, как различные государства подходят к координации и развитию волонтерского движения, и какие модели законодательства и политики они используют для обеспечения максимального вклада волонтеров в общественное благо.

Примеры успешного взаимодействия властных структур и гражданского общества в различных странах

В качестве примеров успешного взаимодействия властных структур и гражданского общества в различных странах можно привести следующие.

Крупномасштабный и систематизированный подход к поддержке волонтерства, разработанный в Соединенных Штатах Америки таких организаций, как Corporation for National and Community Service (CNCS), которая курирует программы «AmeriCorps» и «Senior Corps». На официальном сайте AmeriCorps [8] указано, что AmeriCorps предоставляет возможности американцам любого происхождения служить своей стране, решать самые насущные проблемы страны и улучшать жизнь и сообщества. Эти программы обеспечивают комплексную поддержку волонтеров через грантовое финансирование, образовательные стипендии и специализированное обучение. Таким образом, американское законодательство способствует росту волонтерского движения путем создания благоприятных условий для участия в нем различных социальных групп, стимулируя при этом корпоративные и индивидуальные инициативы.

В Европейском союзе волонтерская деятельность активно поддерживается через многослойную систему, включающую как национальные, так и общеевропейские инициативы. Примером служит Программа Европейского корпуса солидарности, которая предлагает молодежи возможность участвовать в волонтерских проектах в различных странах Евросоюза [9]. Также, в качестве примера государственной поддержки волонтерства можно назвать Германию, где действует закон о федеральной добровольческой службе (Bundesfreiwilligendienst). Этот закон был введен в 2011 году и предоставил правовую основу для волонтерства как выражения гражданской активности. Программа предоставляет возможность людям всех возрастных групп участвовать в проектах социального, экологического и культурного характера или в сферах спорта, интеграции, а также гражданской обороны и борьбы со стихийными бедствиями [10]. Финансовые льготы, страхование, обучение и признание опыта службы в дальнейшем трудоустройстве, предоставление налоговых льгот для корпоративных волонтеров и организаций, занимающихся социальной деятельностью (Франция, Германия) – все это элементы, способствующие высокому уровню вовлеченности населения. Так, например, во Франции движение волонтеров координирует общественная структура «Фонд волонтерского движения». Через фонд французские власти стимулируют работу добровольцев, в частности, предоставляют их объединениям налоговые льготы [11].

Сравнительный анализ этих примеров показывает, что ключевыми факторами успешного вза-

имодействия государства и гражданского общества в поддержке волонтерства являются гибкость подходов, устойчивое законодательное базирование и создание привлекательных условий для участников.

Рекомендации по адаптации международных практик в национальных условиях

Российская Федерация на протяжении последних десяти лет демонстрирует стремление к систематизированному развитию волонтерского движения. Создание Ассоциации волонтерских центров и общественно-государственной детско-юношеская «Российское движение школьников» [12] направлены на вовлечение молодежи и интеграцию волонтерства в образовательные процессы. Национальный проект «Экология» [13], в рамках которого реализуются многочисленные волонтерские акции, также показывает, как государственные инициативы могут быть направлены на решение конкретных социальных и экологических задач. Выдача грантов и признание заслуг волонтеров на государственном уровне создают мощную мотивационную базу для участия в добровольческих движениях.

Международный опыт в области волонтерского движения представляет собой значительный ресурс для развития волонтерских инициатив в России. Рассмотрение зарубежных практик позволяет приобретать новые навыки и методы, которые могут быть адаптированы к российским реалиям. Во многих странах мира уже накоплен значительный опыт в области волонтерства, который можно успешно интегрировать в российские проекты, модернизируя их и делая более эффективными. Эта интеграция позволит российским волонтерам не только перенимать лучшие практики, но и изобретать уникальные решения, основанные на синтезе различных подходов.

Социально-философский анализ показывает, что волонтерство во многих странах рассматривается не только как помощь другим, но и как форма самореализации и социального взаимодействия. В этом контексте международный опыт помогает россиянам глубже понять философскую основу волонтерства и осознать его значение в жизни общества. Включение международных философских и социальных подходов сможет помочь в преодолении существующих стереотипов о волонтерской деятельности в России и привлечении к ней новых участников, включая молодежь и профессионалов различных отраслей. Кроме того, международный волонтерский опыт может способствовать укреплению гражданского общества в России.

Для эффективной адаптации международных волонтерских практик в национальных условиях следует учитывать культурные, социальные и экономические особенности страны. Важно провести тщательный анализ местного контекста, учитывая исторические прецеденты, культурные нормы

и существующие неформальные институты. Волонтеры должны быть подготовлены к тому, чтобы работать в условиях, где их знания и методы могут потребовать модификации для достижения успеха. Это включает обучение не только местных традиций и обычаев, но и понимание локальных проблем и ожиданий. Важно также уделить внимание вопросам взаимного обучения и обмена опытом. Благодаря участию в международных программах, форумах и конференциях можно перенимать успешные модели и адаптировать их к национальным условиям. Межкультурное взаимодействие не должно быть односторонним; волонтеры могут многому научиться у местных участников программы, обогащая свои знания и биографический опыт. Это способствует появлению инновационных решений и способствует развитию более глубокого понимания глобальных и локальных проблем. Международные партнерства также могут открыть дополнительные возможности финансирования и ресурсов для развития волонтерских инициатив.

Для эффективной интеграции волонтерства в систему государственной политики, необходимо прежде всего осмыслить природу человеческой солидарности и альтруизма. Согласно И. Канту, моральный долг – это то, что человек обязан делать независимо от своих собственных интересов [4]. Волонтерство, как проявление альтруизма, должно быть интегрировано в политику таким образом, чтобы стало нравственным императивом, непосредственно связанным с благом общества. Чтобы добиться этого, необходимо разработать комплексные стратегии, которые учитывают специфику местных сообществ и национальные особенности.

Единственный способ сделать волонтерство действительно эффективным и значимым – это признать и поддерживать уникальную структуру каждого сообщества, что включает создание локальных программ, адаптированных к конкретным нуждам и особенностям.

Существует также необходимость в образовании и поддержке взаимодействия между волонтерскими организациями и государственными структурами. В этом контексте следует вспомнить Антонио Грамши и его работы о гражданском обществе и гегемонии. Грамши подчеркивал важность культуры и образования для формирования активной и осознанной гражданской позиции. Культура, по мнению Грамши, играет роль «гегемонии», то есть основы, на которой строится власть и управление обществом. В своей работе «Тюремные тетради» [14, с. 42] он указывает, что поскольку строительство аппарата гегемонии образует новые идеологические формы, обуславливает реформу сознания и методов познания, постольку оно является актом познания, философским актом.

Государство должно способствовать созданию площадок для диалога и совместной работы с волонтерскими организациями, что поможет развить более справедливую и эффективную социальную инфраструктуру.

И наконец, нельзя обойти стороной М. Хайдеггера о бытии-в-мире и заботе (*Sorge*). Волонтерская деятельность, интегрированная в государственную политику, должна стать выражением глубокой заботы о ближнем, эмпатии и ответственности за совместное будущее. Это потребует, как институциональных изменений, так и трансформации общественного сознания, чтобы волонтерство стало неотъемлемой частью социального бытия, способной влиять на благополучие каждого человека и общества в целом.

Заключение

Рассмотрев перспективы развития волонтерства в условиях становления гражданского общества как элемента государственной политики, можно прийти к выводу, что успешное развитие волонтерства в контексте становления гражданского общества требует комплексного подхода, включающего государственную поддержку, общественную активность и международное сотрудничество. Следует подчеркнуть важность создания благоприятного климата для развития волонтерства, основанного на уважении к труду добровольцев и признании их вклада в общественное благополучие. Институциональная поддержка, образовательные инициативы, законодательные гарантии и международное сотрудничество должны работать в едином комплексе, создавая условия для активного участия граждан в волонтерской деятельности, поскольку добровольчество играет значимую роль в формировании социальной сплоченности, обеспечивая платформу для активного участия граждан в общественной жизни и укрепления солидарности. Это, в свою очередь, способствует укреплению гражданских институтов и повышению уровня доверия между населением и государственными структурами. Волонтерство в условиях становления гражданского общества должно быть интегрировано в государственную политику как важный инструмент социально-экономического развития и укрепления гражданских отношений. Внедрение системных и всеобъемлющих подходов к поддержке и развитию волонтерства может существенно повысить уровень социального капитала и способствовать построению более развитого и справедливого общества.

Литература

1. Безуглая Г. В., Олимпиев М.Р., Шайдуллин А.А. Волонтерство: мост, связывающий людей // Столыпинский вестник. 2023. № 10. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka>.

- ru/article/n/volonterstvo-most-svyazyvayuschiy-lyudey (дата обращения: 28.07.2024).
2. Биякова Е. А. К вопросу об истории возникновения волонтерства / Е.А. Биякова Е.А. Демидович // Вестник науки и образования. 2019. № 15(69). С. 73–74.
 3. Аврелий А. О граде Божьем. // Научная электронная библиотека. Кн. I–V. 206 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_1–5.pdf (дата обращения: 24.07.2024).
 4. Кант И. Основы метафизики нравственности. [Электронный ресурс]. – URL: https://librebook.me/groundwork_of_the_metaphysic_of_morals/vol1/1 (дата обращения: 24.07.2024).
 5. Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. 147 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf (дата обращения: 24.07.2024).
 6. Бойко Н. Д. «Об общественном договоре» Жан-Жака Руссо: краткий анализ / Н.Д. Бойко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 9–11.
 7. Туркулец С.Е. Проблема концептуализации волонтерства в междисциплинарных исследованиях / С.Е. Туркулец, Е.А. Фетисова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 90–97.
 8. О AmeriCorps. Официальный сайт правительства США. [Электронный ресурс]. – URL: <https://americorps.gov/about> (дата обращения: 26.07.2024).
 9. European Union. Официальный сайт Европейского Союза. [Электронный ресурс]. – URL: https://youth.europa.eu/solidarity/young-people/volunteering_en (дата обращения: 26.07.2024).
 10. BFD Der Bundesfreiwilligendienst. Официальный сайт Федеральной добровольческой службы Bundesfreiwilligendienst. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bundesfreiwilligendienst.de/bundesfreiwilligendienst> (дата обращения: 26.07.2024).
 11. Прокофьев В. Французские власти предоставляют объединениям волонтеров налоговые льготы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2012/11/12/france.html?ysclid=Iz2l1nvcI823475450> (дата обращения: 26.07.2024).
 12. Феттер И.В. Общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников». [Электронный ресурс]. – URL: https://sosh8ugansk.gosuslugi.ru/netcat_files/30/69/Obscherossiyskaya_obschestvenno_gosudarstvennaya_detsko_yunosheskaya_organizatsiya_RDSh_prezentatsiya_3_.pdf (дата обращения: 28.07.2024).
 13. Национальный проект «Экология» / Официальный сайт Экология России. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/> (дата обращения: 28.07.2024).
 14. Грамши А. Тюремные тетради. 361 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi_tetradi.pdf (дата обращения: 28.07.2024).

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF COMPREHENSIVE STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF VOLUNTEERING IN THE ASPECT OF IMPLEMENTING STATE POLICY FOR THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY

Maykova O.A., Fridman M.F.

International Law Institute (Korolev branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the role of volunteerism in the process of formation of civil society and its integration into public policy. The paper analyzes conceptual and methodological approaches to the study of volunteerism in the context of civil society, and also examines various theoretical models explaining the relationship between the growth of volunteer activity and the strengthening of civil institutions. The methodological basis of the research is an interdisciplinary approach combining philosophical, sociological and political science methods of analysis. The article provides a comparative analysis of the international experience of state support and stimulation of volunteer activities. The final part of the article focuses on the development of practical recommendations for the effective integration of volunteerism into the system of public policy. The need to develop comprehensive strategies that take into account the specifics of local communities and national characteristics is emphasized.

Keywords: altruism, volunteering, civil society, politics.

References

1. Bezuglaya G.V., Olimpiev M.R., Shaidullin A.A. Volunteering: a bridge connecting people // Stolypin Bulletin. 2023. No. 10. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-most-svyazyvayuschiy-lyudey> (accessed: 07/28/2024).
2. Biyakova E.A. On the history of the emergence of volunteering / E.A. Biyakova E.A. Demidovich // Bulletin of Science and Education. 2019. No. 15 (69). P. 73–74.
3. Aurelius A. About the City of God. // Scientific Electronic Library. Book I–V. 206 p. [Electronic resource]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_1–5.pdf (date of access: 24.07.2024).
4. Kant I. Foundations of the Metaphysics of Morals. [Electronic resource]. – URL: https://librebook.me/groundwork_of_the_metaphysic_of_morals/vol1/1 (date of access: 24.07.2024).
5. Russo J.-J. On the Social Contract, or Principles of Political Law. 147 p. [Electronic resource]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf (date of access: 24.07.2024).
6. Boyko N. D. “On the Social Contract” by Jean-Jacques Rousseau: a brief analysis / N.D. Boyko // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 1 (217). Pp. 9–11.
7. Turkulets S.E. The Problem of Conceptualizing Volunteering in Interdisciplinary Research / S.E. Turkulets, E.A. Fetisova // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2022. No. 2. Pp. 90–97.
8. About AmeriCorps. Official website of the US Government. [Electronic resource]. – URL: <https://americorps.gov/about> (date of access: 07/26/2024).
9. European Union. Official website of the European Union. [Electronic resource]. – URL: https://youth.europa.eu/solidarity/young-people/volunteering_en (date of access: 26.07.2024).
10. BFD Der Bundesfreiwilligendienst. Official website of the Federal Volunteer Service Bundesfreiwilligendienst. [Electronic resource]. – URL: <https://www.bundesfreiwilligendienst.de/bundesfreiwilligendienst> (date of access: 26.07.2024).

11. Prokofiev V. French authorities provide tax benefits to volunteer associations. [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2012/11/12/france.html?ysclid=lz2l1nvclt823475450> (access date: 07/26/2024).
12. Fetter I.V. All-Russian public and state children's and youth organization "Russian schoolchildren's movement". [Electronic resource]. – URL: https://sosh8ugansk.gosuslugi.ru/netcat_files/30/69/Obscherossiyskaya_obschestvenno_gosudarstvennaya_detsko_yunosheskaya_organizatsiya_RDSh_prezentatsiya_3_.pdf (access date: 07/28/2024).
13. National project "Ecology" / Official website of Ecology of Russia. [Electronic resource]. – URL: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/> (date of access: 07/28/2024).
14. Gramsci A. Prison Notebooks. 361 p. [Electronic resource]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi_tetrad.pdf (date of access: 07/28/2024).

Многообразие значений понятия «традиция» в контексте различных онтологий времени

Илларионов Григорий Андреевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии Сибирского федерального университета
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Мусат Раиса Павловна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры информационных технологий в культурных и креативных индустриях Сибирского федерального университета
E-mail: lozraisa@yandex.ru

Минеев Валерий Валерьевич,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии, экономики и права Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева
E-mail: vvmineyev@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В исследовании рассматривается проблема многозначности и неопределенности понятия «традиция» в научно-философском дискурсе. Основой выступает гипотеза о том, что основой неопределенности понятия «традиция» является фундаментальная неопределенность онтологии времени, которая обуславливает различные оптики рассмотрения традиции. Выделяются три основных рамки интерпретации понятия «традиция». В контексте линейного времени традиция понимается как культурный континуум, характеризующийся устойчивостью и непрерывностью. В контексте относительного (субъективного) времени традиция раскрывается как социальный конструкт в виде нарративов, норм, ценностей, актуализируемых в зависимости от исторического момента. В контексте циклического времени традиция понимается как примордиальное, изначальное основание человеческой деятельности, горизонт познания, задаваемый эпохой. Вывод состоит в том, что построение единого универсального определения понятия «традиция» невозможно, так как оно производно от множественности онтологий времени. Однако это дает возможность систематически рассматривать поле различных значений традиции, определяемых ее связью с той или иной темпоральной структурой.

Ключевые слова: традиция, время, линейное время, социальное время, циклическое время, традиция-континуум, традиция-нарратив, примордиальная традиция.

Построение единого понимания и единой теории традиции является целью, которая ставится в науке и философии в течение как минимум последних десятилетий. Отечественные и зарубежные авторы выступают с подобными проектами [1; 2; 3], фиксируют наличие подобных проектов в научном дискурсе [4; 5; 6], изучают причины того, что единое понимание традиции все еще не удается обрести [7; 8; 9].

Проблема заключается в том, что понятия «традиция» в науке и общественном дискурсе настолько же распространено, насколько неопределенно и многозначно. Значения понятия «традиция» может быть разнообразно вплоть до несоотнесенности различных значений при том, что понятие играет существенную эпистемологическую и социально-политическую роль, широко фигурируя и в научном, и в политическом, и в быденном дискурсах.

В данном исследовании мы ставим перед собой цель определение оснований инвариантности понятия «традиция» в науке и философии.

Гипотезой нашего исследования выступает утверждение о том, что основанием инвариантности значения и интерпретаций понятия «традиция» выступает фундаментальная неопределенность онтологии времени, что обуславливает принципиально различные оптики рассмотрения в силу необходимой существенности категории времени по отношению к понятию «традиция».

Поскольку, говоря о понятии «традиция» мы имеем дело с дискретным множеством различных значений, исследовательских потребностей и целей, нюансов быденного и научного языков, мировоззренческих оснований. Это означает что наш выбор начальных посылок в значительной степени предопределяет какой смысл мы можем вложить в понятие «традиция», чем закроем для себя те смыслы, которые мы получили бы в рамках других онтологических посылок. Нам требуется методология, позволяющая совместить в одном исследовании самые различные позиции. Наш выбор методологии пал на феноменологический метод. Важным для нас становится выбор такой методологии, которая позволит нам беспрепятственно говорить о традиции, отказываясь от любых естественных установок в ее отношении. Это будет означать, что мы будем феноменологически рассматривать процесс конструирования понятия «традиция» в зависимости от различных условий и контекстов, прибегая к феноменологической редукции и принципу эпохэ.

Многообразие значений понятия «традиция» восходит к лежащей в основании его этимологии метафоре *traditio*, что в прямом смысле означает «передача», а в переносном смысле – «наследование имущественных прав», «обучение», «предание», «давняя привычка», «устоявшееся мнение» [10, с. 778]. Понятие «традиция» может применяться к объектам, которые по некоторым причинам полагаются «передаваемыми». В этом случае мы имеем дело с «традицией» как дескриптивным понятием. Такой типа понимания репрезентует для нас социолог П. Штомпка, когда дает определение понятия «традиция» как «совокупности тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, то есть это все то, что не было уничтожено, разбито, выброшено или забыто» [11, с. 65]. В этом случае для нас использование понятия «традиция» означает констатацию устойчивости во времени некоторого объекта, который мы и определяем как «традицию».

В ином случае понятие «традиция» используется в прескриптивном смысле, где оно относится уже не к области описания действительной реальности, но к области норм, ценностей, идеальных типов – иными словами реальности должной, предполагаемой или желаемой. Так, понятие «традиция» А. Макинтайр относит к нарративам, а консервативная и традиционалистская мысль таких авторов как Р. Генон подразумевает под «традицией» метафизический идеал [12; 13].

Понятие «традиция» может относиться и не к объектам того, что подлежит «передаче», но и к самому процессу и его качествам. Такое определение дает Ю.А. Левада: «механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их существования в прошлом; термин «традиция» нередко распространяется также на сами социальные установления и нормы, которые воспроизводятся подобным образом» [14, с. 642–643].

Понятие «традиция» может относиться и к «аккумулятору знаний и опыта» в философии науки И.Т. Касавина [15], и к незримому и неявному, но «вечному и неизменному пребыванию Духа Святого в Церкви» в ортодоксальном христианстве [16, с. 96] и к процессу циклического восхождения ко все более высоким уровням раскрытия творческого потенциала человечества, согласно литератора Т.С. Эллиота [17, с. 157–166]. Понятие «традиция» используется и в биологии, где его применяют в отношении закрепленных поведенческих особенностей животных [18].

Такое разнообразие обуславливает недостижимость задачи построения единого значения понятия «традиция», и соответствующей единой теории – ведь невозможно однозначно определить круг феноменов, которые мы можем включить во множество, объединенное понятием «тради-

ция». Как мы можем упорядочить значения понятия «традиция», и объяснить такую неопределенность?

Мы полагаем, что причина неопределенности понятия «традиция» лежит в его тесной связи с категорией времени. Среди всех онтологических категорий, в контексте которых мы могли бы использовать понятие «традиция», или говорить о каком-либо феномене как о традиции – наиболее значимым является время. Когда мы говорим о традиции, мы можем учитывать или не учитывать категории качества, количества, движения, пространства и т.д. Каждая из этих категорий имеет значение в исследовании чего-либо как являющегося традицией, но понятие «традиция» все еще будет иметь смысл и без обращения к этим категориям. Но без категории времени понятие «традиция» иметь смысла не будет. Мы можем говорить о традиции только в том случае, если устанавливаем некоторую степень тождества между различными феноменами, отстоящими друг от друга во времени, предполагая тем, что они являются частью единого воспроизводимого порядка. Возможно, данный порядок мы считаем объективным. Или это может быть порядок субъективный – знаковый, нормативный, ценностный. В любом случае именно время является «ключом», позволяющим использовать понятие «традиция».

Но время еще более неопределенно, чем понятие «традиция». Не существует единой онтологии времени, и мы говорим о физическом времени, социальном времени, циклическом времени. И каждый из таких модусов времени является необходимым, поскольку каждый из них является концептуальной основой различных общественных представлений, теорий науки и философии. Например, физическое время, даже если оно является условностью – необходимо для любой хронометрии. А представления о различных формах циклическости времени лежит в основе таких идей как исторические периодизации.

Итак, мы полагаем что единая теория традиции, и единое значение понятия «традиция» недостижимы настолько, насколько недостижима единая онтология времени. И инвариант представлений о времени рождает инвариант значений понятия «традиция», что диктует различные концепты и интерпретации феноменов, обозначаемых как традиция. Что ставит перед нами задачу упорядочивая выделенного инварианта.

Первое представление о времени, диктующее определенную рамку конструирования понятия «традиция», является линейное время, которое П. Сорокин и Р. Мертон называют «астрономическим временем» [19], а И. Ньютон именуется «абсолютным, истинным математическим временем» [20, с. 30]. Такое понимание времени исходит из представления о нем кто о линейной протяженности, процессуальной последовательности движения событий, составляющем хронологию, в ко-

торой моменты настоящего непрерывно движутся к будущему, «отмирая» по ходу этого движения и присоединяясь к прошлому. Как писали П. Сорокин и Р. Мертон, любые фрагменты линейного времени «сопоставимы, являются количественными и не имеет качественных аспектов, непрерывны и не допускают пробелов» [19, с. 615].

Линейное понимание времени часто критикуется. Например, А. Бергсон называл его «идолом языка, фикцией» [21, с. 392]. Однако, если исходить из определения линейного времени как «показания часов», данное другим его критиком – А. Эйнштейном, то линейное время для нас настолько значимо в определении понятия «традиция», насколько значимы в нашей жизни часы и их показания. Даже если линейное время иллюзорно, представления о нем играют важную роль в социальной реальности, и, следовательно, обуславливают конструирования значения понятия «традиция» [22, с. 180].

Конструируемую в рамках линейного представления о времени рамку понимания понятия «традиция» мы обозначим как континуальную, то есть исходящую из представления о традиции как находящейся в континууме времени, и самой по себе являющейся континуумом. Сущностным качеством традиции в этом случае будет выступать устойчивость. Наиболее наглядно и образно это представление можно выразить, обратившись к мифологическому образу Хроноса, ассоциируемому в эллинистической культуре с пожирающим своих детей титаном Кроносом [23]. Понятие «традиция» в этом случае относится ко всему тому, что способно избежать «пожирания» временем. Всего того, что некоторым образом избегает неумолимого хода времени, сохраняясь вопреки ему. В этом духе о традиции говорит Г.Г. Гадамер: «традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменных. Даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» [24, с. 334–335]. Схожим образом понятие «традиция» определяет в ранее приведенной цитате социолог П. Штомпка. В этом духе определяет понятие «традиция» В.М. Каиров: «устойчивые и повторяющиеся, прочные и общепринятые нормы и способы жизнедеятельности, исторически сложившиеся в рамках конкретной социальной общности» [25, с. 17].

Когда мы используем понятие «традиция» в контексте линейного времени, она сама по себе становится континуумом, параллельным континууму времени. Она непрерывна и устойчива, а если она перестает быть таковой, она перестает быть традицией. В континуальном смысле мы употребляем такие словосочетания как «философская традиция», «китайская традиция» или

«художественная традиция», выражая тем континуум устойчивости во времени философии, искусства или китайской культуры. В этом смысле быть «в традиции» значит просто «быть в настоящем», поскольку «философская традиция» будет означать устойчивость философии во времени – если философия завтра прервется, или перестанет быть устойчивой – она перейдет в прошлое, будет «пожрана» ходом линейного времени.

Иную рамку значения понятия «традиция» мы обнаружим в контексте относительного времени, которые мы можем иллюстрировать мифологическим образом Кайроса. Если физическое время – это «показания часов», то относительное время измеряется смыслами, значениями. По выражению теолога П. Тиллиха, Кайрос – ««подлинное время», момент, исполненный содержания и смысла» [26, с. 256]. Точкой отсчета относительного времени является сам человек, социальное время это «мое время» или «не мое время». П. Тиллих иллюстрирует эту мысль отсылкой к Библии. ««Мое время еще не настало», – было сказано Иисусом (Иоан. 7, 6), и затем оно пришло: это – кайрос, момент полноты времени» [26, с. 256]. Кайрос, относительное время – это «наше время», время относительно нас самих, нашей субъективности.

Есть разные отличные друг от друга формы относительного времени – социальное время, субъективное время, историческое время. Между ними есть значимые различия, но в контексте разговора о понятии «традиция» нам важно их сходство – все они относятся ко времени, точкой отсчета которого является человек. В этом смысле понятие традиция развертывается в качестве «пристанца экзистенциальных смыслов», как эту мысль выражает В.А. Кутырев [27, с. 63].

В контексте относительного времени Кайроса традиция – уже не обязательно устойчива и непрерывна. Она уже не континуум, но оценка человеком отстоящих от него во времени событий прошлого, настоящего или будущего. Понятие «традиция» в этом случае относится к нарративам, идеалам, ценностям, иными словами – к субъективной стороне социального бытия. Философ-этик А. Макинтайр предлагал понимание традиции как нарратива, который служит этическим и коммуникативным ориентиром поведения людей. Традиция-нарратив – это выбор человеком своего положения в общем повествовании о самом человеке, частью которого он себя считает. «Я могу ответить на вопрос «Что мне делать?» только в том случае, если я смогу ответить на предыдущий вопрос «Частью какой истории или историй я считаю себя?»». Мы вступаем в человеческое общество с одним или несколькими условными персонажами – ролями, на которые мы были призваны, – и мы должны познать их, чтобы иметь возможность понять, как другие реагируют на нас и как наши ответы могут быть истолкованы» [12, с. 209]. Другой автор, фольклорист Г. Глассье пишет о том, что традиция

есть не столько указание на прошлое, сколько социальный конструкт, творящийся в настоящем исходя из оценок человеком себя, своих оснований [28, с. 395]. Схожую мысль высказывал, и историк идей Е. Шацкий, рассматривая мысль о том, что понятие «традиция» относится не столько ко всему, что пришло из прошлого, сколько к той его части, которую люди в настоящем полагают для себя ценной, актуальной и значимой [6].

Понятие «традиция» раскрывается в относительном времени уже не как объективный континуум культуры, но как социальный конструкт. Поэтому данную рамку определения и понимания понятия «традиция» мы назовем конструктивистской.

Одним из наиболее значимых отличий конструктивистской рамки понимания понятия «традиция» от континуальной является их принципиально различное эпистемологическое наполнение. Традиция как континуум – говорит нам об объективном процессе развития. Мы можем не осознавать традицию, ошибочно ее интерпретировать, но сам по себе континуум необходим во всех случаях, когда мы рассматриваем генеологические связи социальных общностей, институтов, форм деятельности. Традиция как континуум не может не соответствовать ходу истории. Но традиция как конструкт вовсе не обязана соответствовать какой-либо исторической фактологии, реальному прошлому. Если мы говорим о традиции как нарративе, идеале или ценности – она не обязательно соответствует объективному прошлому, к познанию которого устремлена историческая наука. Традиция может быть обращаться и к реальному прошлому, и к его искаженным, фиктивным, мнимым отражениям. В качестве примера можно привести различные исторические фальсификации в рамках «войн исторической памяти», которые формируют ложные, но функциональные с точки зрения формирования норм, ценностей и нарративов, конструкты «прошлого» [29]. Или «изобретенные традиции», о которых писал Э. Хобсбаум на материале британского фольклора и социально-культурной жизни, имея ввиду легитимирующие политическую практику конструкты, воспринимаемые в качестве чего-то укорененного, древнего, п потому авторитетного, выражающего «подлинный британский дух» [30]. В конструктивистской рамке традиция – лишь тень реальной истории, ее нарративы могут ей как соответствовать, так и не соответствовать. В отличие от континуальной, где традиция – это необходимый спутник истории.

Наконец, третьим онтологическим представлением о времени, в котором разворачивается иная рамка понимания понятия «традиция» является циклическое время. Его можно образно иллюстрировать греческим понятием Эона, что может означать одновременно «вечность» и «жизненный цикл» [31, с. 403]. У досократиков Гераклита, Анаксимандра и Эмпедокла понятие Эона оз-

начало «век жизни» – человека или мира в целом. Эон – это целостный период, одна «жизнь», сменяющаяся другой.

Мы полагаем что именно в подобном смысле понятие «традиция» употребляет, например, Т. Кун, для которого научная традиция – это период «жизни» одной научной парадигмы, где научная революция знаменует собой конец старого и начало нового эона науки [32]. Исследователь проблемы единого понимания понятия «традиция» Я. Ядгар прибегает к понятию «горизонта», которое он заимствует у Г.Г. Гадамера [9]. Это понятие выражает ограниченность, историческую ситуативность нашего познания эпохой. Как еще раньше формулировал эту мысль Г. Гегель, каждый человек – часть своей эпохи, «исходит из нее и заключен в ней», и каждый «не отстает и не опережает» «дух» своего времени, своего народа, своего государства [33]. Эта обусловленность эпохой является условием познания, и одновременно, задает его ограничения, то есть горизонт. Например, научная традиция – это горизонт научного познания в рамках периода господства определенной парадигмы. Или Священное Предание как традиция ортодоксального христианства – это условие и предел познания человека в Церкви, причем у библейских древних евреев и язычников традиции-горизонты были иными – они не могли в своей традиции знать Христа.

В рамках представлений о циклическом времени понятие «традиция» относится к тому, что является горизонтом познания одной эпохи, одного Эона. В этом смысле традиция примордиальна, изначальна. Это может подразумевать метафизическую, онтологическую примордиальность, и тогда мы имеем дело с консервативно-традиционалистской мыслью, примером которой являются такие авторы как Р. Генон, Ю. Эвола, А.Г. Дугин. Или речь может идти о примордиальности исторической, и тогда мы говорим о исторически и культурно обусловленных априорностях, о которых писали такие авторы как Т. Кун, М. Фуко, И.Т. Касавин. Примордиальная традиция не непрерывна, в отличие от континуальной. И не является продуктом человеческой субъективности как традиция конструктивистская, напротив, она предшествует субъективности и обуславливает ее.

Таким образом, в циклическом времени понятие «традиция» разворачивается как примордиальное основание любой активности человека, его горизонт познания и деятельности.

Предложенная нами система не исчерпывает проблематику, поскольку в данной статье мы только обозначаем три рамки раскрытия понятия «традиция». Отдельного объемного рассмотрения требует и отношения их друг с другом, и обусловленные этим отношением частные концепты, связанные с понятием «традиция», и рождающиеся на их основе социально-политические представления и проекты.

Однако, мы полагаем что можно считать обоснованным выдвинутую нами гипотезу. Недостижимой является широко распространенная цель построения единого понимания понятия «традиция», поскольку наиболее значимая в этом контексте категория времени не имеет единого онтологического понимания. В этом смысле синтез единого определения понятия «традиция» невозможен. Однако, это дает нам иной подход к построению единого понимания понятия «традиция» – через рассмотрение ее как дискретного множества различных значений, отношения которых определяют концептуальное поле дискурса вокруг понятия «традиция».

Литература

1. Зильберман Д.В. К пониманию культурной традиции. – М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»; Политическая энциклопедия, 2015. – 623 с.
2. Bronner S.J. Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture. – Lexington: University Press of Kentucky, 2011. – 546 p.
3. Аверьянов В.В. Традиция как методологическая проблема в отечественной культурологии XX века: дис. ... д. филос.н.: 24.00.01. М., 2011. 396 с.
4. Полонская И.Н. Социокультурная традиция: онтология и динамика: дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2006. 55 с.
5. Трегулова Н.П. Становление дефиниции «традиция» // Вестник БГУ. 2021. № 2. С. 79–85.
6. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Наука, 1990. – 350 с.
7. Kramm M. Ein Analyseraster für Traditionskonzeptionen // Zeitschrift für Philosophische Forschung, 76, № 1. 2022. P. 73–98.
8. Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 2. № 3. P. 97–131.
9. Yadgar Y. Tradition // Human Studies, 2013, vol. 36, issue 4, P. 451–470.
10. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 1986. 1096 с.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 415 с.
12. MacIntyre A. After virtue: A study in moral theory. – Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. – 368 p.
13. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. – СПб.: Азбука, 2000. – 308 с.
14. Левада Ю.А. Традиция // Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 642–643.
15. Касавин И.Т. Традиция в структуре познавательного процесса. автореф. дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11, Москва, 1989. 35 с.
16. Софроний (Сахаров), схиархим. Старец Силуан // 3-е изд. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. – 528 с.
17. Элиот Т.С. Назначение поэзии. – М.: Совершенство, 1997. – 352 с.
18. Whiten A, Spiteri A, Horner V, Bonnie K., Lambeth S.P., Schapiro S.J., de Waal F.B.M. Transmission of multiple traditions within and between chimpanzee groups. Current Biology. 2007. Vol. 17. P. 1028–1043.
19. Sorokin P., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 1937. V.42. № 5. P. 615–629.
20. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989. – 687 с.
21. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память // пер. с фр. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
22. Эйнштейн А. Физика и реальность. – М.: Наука, 1965. – 359 с.
23. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
24. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
25. Каиров В.М. Традиции и исторический процесс. – М.: Луч, 1994. – 188 с.
26. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 479 с.
27. Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 63–75.
28. Glassie H. Tradition. // The Journal of American Folklore, № 108 (430). 1995. P. 395–412.
29. Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. 2023. № 1. С. 30–50.
30. Hobsbawm E., Ranger T. 2014. The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press. – 320 p.
31. Лебедев А.В. Эон // Большая российская энциклопедия. Том 35. Москва, 2017. С. 403
32. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 317 с.
33. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – 480 с.

THE VARIETY OF MEANINGS OF THE CONCEPT OF «TRADITION» IN THE CONTEXT OF VARIOUS ONTOLOGIES OF TIME

Illarionov G.A., Musat R.P., Mineev V.V., Rakhinsky D.V.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The study examines the problem of ambiguity and uncertainty of the concept of “tradition” in scientific and philosophical discourse. The basis is the hypothesis that the basis of the uncertainty of the concept of «tradition» is the fundamental uncertainty of the ontology of

time, which determines the various optics of considering tradition. There are three main frameworks for the interpretation of the concept of «tradition». In the context of linear time, tradition is understood as a cultural continuum characterized by stability and continuity. In the context of relative (subjective) time, tradition is revealed as a social construct in the form of narratives, norms, values, actualized depending on the historical moment. In the context of cyclic time, tradition is understood as the primordial, original foundation of human activity, the horizon of knowledge set by the epoch. The conclusion is that the construction of a single universal definition of the concept of «tradition» is impossible, since it is derived from the multiplicity of ontologies of time. However, this makes it possible to systematically consider the field of different meanings of tradition, determined by its connection with a particular temporal structure.

Keywords: tradition, time, linear time, social time, cyclic time, tradition-continuum, tradition-narrative, primordial tradition.

References

- Zilberman D.V. Towards Understanding Cultural Tradition. – M.: NSF “G.P. Shchedrovitsky Institute for Development”; Political Encyclopedia, 2015. – 623 p.
- Bronner S.J. Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture. – Lexington: University Press of Kentucky, 2011. – 546 p.
- Averyanov V.V. Tradition as a Methodological Problem in Domestic Cultural Studies of the Twentieth Century: diss. ... Doctor of Philosophy: 24.00.01. M., 2011. 396 p.
- Polonskaya I.N. Sociocultural Tradition: Ontology and Dynamics: diss. ... Doctor of Philosophy: 09.00.11. Rostov-on-Don, 2006. 55 p.
- Tregulova N.P. Formation of the definition of “tradition” // Bulletin of BSU. 2021. No. 2. P. 79–85.
- Shatsky E. Utopia and Tradition. – M.: Nauka, 1990. – 350 p.
- Kramm M. An Analysis of Tradition Concepts // Journal of Philosophical Research, 76, No. 1. 2022. P. 73–98.
- Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 2. No. 3. P. 97–131.
- Yadgar Y. Tradition // Human Studies, 2013, vol. 36, issue 4, P. 451–470.
- Dvoretzky I. Kh. Latin-Russian Dictionary. – Moscow, 1986. – 1096 p.
- Sztompka P. Sociology of Social Changes. – Moscow: Aspekt Press, 1996. – 415 p.
- MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. – Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. – 368 p.
- Guénon R. Essays on Tradition and Metaphysics. – St. Petersburg: Azbuka, 2000. – 308 p.
- Levada Yu.A. Tradition // Philosophical Encyclopedia: in 5 volumes. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1970. Vol. 5. Pp. 642–643.
- Kasavin I.T. Tradition in the Structure of the Cognitive Process. author’s abstract. diss. ... Doctor of Philosophy: 09.00.11, Moscow, 1989. 35 p.
- Sophrony (Sakharov), schema-archimandrite. Elder Silouan // 3rd ed. – Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 2011. – 528 p.
- Eliot T.S. The Purpose of Poetry. – Moscow: Perfection, 1997. – 352 p.
- Whiten A, Spiteri A, Horner V, Bonnie K., Lambeth S.P., Schapiro S.J., de Waal F.B.M. Transmission of multiple traditions within and between chimpanzee groups. *Current Biology*. 2007. Vol. 17. P. 1028–1043.
- Sorokin P., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // *American Journal of Sociology*. 1937. V.42. No. 5. P. 615–629.
- Newton I. Mathematical Principles of Natural Philosophy. – Moscow: Nauka, 1989. – 687 p.
- Bergson A. Creative Evolution. Matter and Memory // trans. from French. – Minsk: Harvest, 1999. – 1408 p.
- Einstein A. Physics and Reality. – Moscow: Nauka, 1965. – 359 p.
- Losev A.F. Mythology of the Greeks and Romans. – Moscow: Mysl, 1996. – 975 p.
- Gadamer H.-G. Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics. – Moscow: Progress, 1988. – 704 p.
- Kairov V.M. Traditions and Historical Process. – Moscow: Luch, 1994. – 188 p.
- Tillich P. Selected Works. Theology of Culture. – Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2015. – 479 p.
- Kutyrev V.A. Apology of the Human (Prerequisites and Contours of Conservative Philosophizing) // *Questions of Philosophy*. 2003. No. 1. P. 63–75.
- Glassie H. Tradition. // *The Journal of American Folklore*, No. 108 (430). 1995. P. 395–412.
- Illarionov G. A., Mosienko M.K. “Memory Wars” and the Problem of Social-Epistemological Relativism // *Antinomies*. 2023. No. 1. P. 30–50.
- Hobsbawm E., Ranger T. 2014. The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press. – 320 p.
- Lebedev A.V. Eon // *The Great Russian Encyclopedia*. Volume 35. Moscow, 2017. P. 403
- Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. – Moscow: AST: AST MOSCOW, 2009. – 317 p.
- Hegel G.V.F. Lectures on the Philosophy of History. – St. Petersburg: Nauka, 2000. – 480 p.

Сущность феномена медиации в контексте социальной философии

Рукавишников Артур Сергеевич,

аспирант кафедры философии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: artur-rukavishnikov@mail.ru

В данной статье представлен философский анализ медиации как социального феномена, раскрывающий её глубинные связи с фундаментальными проблемами человеческого бытия и социального взаимодействия. Автор обосновывает необходимость философского осмысления медиации, выходящего за рамки традиционных юридических и социологических подходов, которые зачастую ограничиваются рассмотрением нормативных и процедурных аспектов. С опорой на идеи М. Бубера, Ю. Хабермаса, Дж. Ролза, А. Хоннета, Й. Галтунга и Х. Арендт анализируются диалогическая природа медиации, её роль в достижении социальной справедливости и трансформации конфликтов, а также её этические измерения. Особое внимание уделяется анализу медиации как инструмента для формирования культуры диалога, взаимного признания и восстановления коммуникативных связей. В статье предлагается оригинальная философская модель медиации, рассматривающая её как форму социального взаимодействия, способствующую взаимопониманию, признанию, солидарности и миру. Подобная модель позволяет осмыслить медиацию не только как узкоспециализированный инструмент для разрешения споров, но и как важный элемент гуманизации и демократизации отношений в обществе.

Ключевые слова: медиация, социальная философия, диалог, коммуникативное действие, социальная справедливость, признание, трансформация конфликта, этика, ответственность, мир.

Введение

В современном мире, характеризующемся усилением социальных противоречий и кризисом традиционных институтов разрешения конфликтов [15], медиация как мирный и неконфронтационный способ урегулирования споров приобретает особую актуальность. Поиск эффективных механизмов достижения социальной гармонии и диалога актуализирует необходимость философского осмысления медиации как социального феномена, раскрытия её сущности, функций и перспектив развития.

Проблема исследования заключается в недостаточной разработанности философских оснований медиации. Большинство существующих работ сосредоточены на юридических аспектах этого процесса [13], тогда как его социальный смысл и значение остаются недостаточно изученными.

В научной литературе представлены разные подходы к пониманию медиации. Юридические исследования фокусируются на правовых основах и процедурных аспектах медиации [8; 13]. Психологические работы анализируют коммуникативные стратегии медиатора и психологические механизмы взаимодействия сторон [9]. Социологические исследования рассматривают медиацию как форму социального контроля и инструмент регулирования общественных отношений [9].

Научная новизна данной статьи заключается в проведении комплексного философско-правового анализа медиации с привлечением ключевых концепций социальной философии, таких как диалог (М. Бубер), коммуникативное действие (Ю. Хабермас), социальная справедливость (Дж. Ролз). На основе проведенного анализа в статье предлагается авторская философская модель медиации, рассматривающая этот процесс как форму социального взаимодействия, направленного на достижение взаимопонимания, восстановление справедливости и укрепление социальной солидарности.

Цель исследования: провести комплексный философский анализ медиации как социального феномена, выявить её сущность, функции и перспективы развития в контексте современного общества.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**.

1. Проанализировать существующие определения медиации и сформулировать её собственное понимание с учетом философского контекста.

2. Исследовать исторические и социально-культурные основания медиации.
3. Выявить основные принципы и этапы медиации.
4. Проанализировать роль медиации в регулировании различных типов социальных конфликтов.
5. Определить место и значение медиации в системе социальных институтов.
6. Выявить факторы, влияющие на эффективность медиации.
7. Сформулировать перспективы дальнейшего развития медиации в контексте современных социальных трансформаций.

В данном исследовании медиации как социального феномена используется комплекс **методов научного познания**, позволяющий провести глубокий философско-правовой анализ и разработать философскую модель медиации.

1. Диалектический метод.

Диалектический метод позволяет рассмотреть медиацию в её развитии и взаимосвязи с другими социальными явлениями и процессами. В рамках этого метода медиация анализируется как противоречивый процесс, в котором противоборствующие интересы сторон могут трансформироваться в взаимопонимание и сотрудничество. Диалектический метод позволяет выявить внутренние противоречия медиации, а также проанализировать её место и роль в общественном развитии.

2. Системный метод.

Системный метод позволяет рассмотреть медиацию как целостную систему, выявить её структуру, элементы и их взаимосвязи. В рамках этого метода медиация анализируется как система взаимодействия сторон, медиатора, правовых норм, социальных институтов. Системный метод позволяет понять, как разные элементы медиации влияют друг на друга и на её эффективность в целом.

3. Сравнительно-правовой метод.

Сравнительно-правовой метод позволяет выявить особенности медиации в различных правовых системах, проанализировать различия в её регулировании и применении. Этот метод позволяет увидеть сильные и слабые стороны разных моделей медиации, а также оценить перспективы её развития в разных странах.

4. Философско-антропологический метод.

Философско-антропологический метод позволяет рассмотреть медиацию с точки зрения её роли в реализации человеческого потенциала, установлении гармоничных социальных отношений. В рамках этого метода медиация анализируется как способ развития коммуникативных навыков, эмпатии, ответственности, способности к диалогу и сотрудничеству.

5. Анализ текстов.

Анализ текстов – важный метод философского исследования, который позволяет изучить и интерпретировать философские работы, посвященные проблеме медиации и смежным темам (диа-

лог, коммуникация, конфликт, справедливость, этика). В данной статье анализ текстов используется для выявления философских оснований медиации и разработки её концептуальной модели.

Комплекс используемых методов позволяет провести многосторонний анализ медиации как социального феномена. Диалектический метод помогает выявить внутренние противоречия и динамику развития медиации. Системный метод позволяет проанализировать её структуру и взаимосвязи её элементов. Сравнительно-правовой метод помогает увидеть особенности медиации в разных странах и оценить перспективы её развития. Философско-антропологический метод позволяет рассмотреть медиацию как способ развития человеческого потенциала и установления гармоничных социальных отношений. Анализ текстов является основой для философского осмысления медиации и разработки её концептуальной модели.

Медиация как форма диалога

Изучение медиации как социального феномена, обладающего значительным потенциалом в разрешении конфликтов и установлении социальной гармонии, привлекает внимание исследователей из разных областей знания – права, социологии, психологии, философии. В данном обзоре мы сосредоточимся на философском осмыслении медиации, выявлении её связей с ключевыми концепциями социальной философии.

Философское понимание медиации тесно связано с концепцией диалога, разработанной Мартином Бубером в его классических работах «Я и ты» (1923) [4] и «Диалог» (1954) [3]. Бубер рассматривал диалог как встречу «Я» и «Другого», где происходит подлинное взаимопонимание, основанное на взаимном признании и уважении. В диалоге «Я» не стремится навязать свою волю «Другому», но открывается ему, готовое к восприятию его уникальности и инаковости.

Медиация, в этом контексте, может быть интерпретирована как форма диалога, направленная на преодоление конфликта и построение новых, более гармоничных отношений между сторонами. Медиатор выступает фасилитатором диалога, помогая сторонам услышать друг друга, понять свои и чужие интересы и потребности, найти взаимоприемлемое решение.

Идеи Бубера о диалоге были развиты Юргеном Хабермасом в его «Теории коммуникативного действия» (1981) [19]. Хабермас аргументировал, что достижение взаимопонимания и консенсуса возможно только в «идеальной речевой ситуации», где участники коммуникации свободны от принуждения, равны в своих правах и стремятся к истине.

Применительно к медиации теория Хабермаса позволяет проанализировать её коммуникативные условия и препятствия, которые могут возникать на пути к достижению взаимопонимания. Напри-

мер, неравенство власти между сторонами, скрытые интересы, недоверие к медиатору могут нарушать идеальную речевую ситуацию и препятствовать эффективному диалогу.

Медиация и социальная справедливость

Философский анализ медиации также тесно связан с проблемой социальной справедливости. В своей классической работе «Теория справедливости» (1971) [15] Джон Ролз разработал концепцию справедливого общества, основанного на двух фундаментальных принципах: принципе равенства и принципе различия. Принцип равенства гарантирует всем гражданам равные основные права и свободы. Принцип различия допускает социальное и экономическое неравенство только в том случае, если оно идет на пользу наименее преимущественным членам общества.

Медиация, в этом контексте, может быть рассмотрена как инструмент достижения социальной справедливости, способствующий установлению справедливых отношений между сторонами. Медиация позволяет учесть интересы уязвимых групп, которые зачастую не имеют достаточных ресурсов для защиты своих прав в судебном порядке.

Концепция социального признания, разработанная Акселем Хоннетом в его работе «Борьба за признание» (1992) [20], также актуальна для анализа медиации. Хоннет аргументировал, что социальное признание является важнейшим условием социальной интеграции и справедливости. Медиация, способствуя взаимному признанию сторон и восстановлению нарушенных отношений, может сыграть важную роль в преодолении социальной исключённости и формировании более сплоченного общества.

Медиация как трансформация конфликта

Философское осмысление медиации невозможно без обращения к теории конфликта. Йохан Галтунг в своих работах «Теория конфликта» (1965) [6] и «Мир исследований: наука о мире и конфликт исследований» (1967) [5] предложил модель конфликта, которая позволяет анализировать его структуру, причины и динамику. Галтунг ввел понятие «структурного насилия», обозначающее системные факторы, которые порождают и поддерживают неравенство и конфликт.

Медиация, в этом контексте, может быть интерпретирована как процесс трансформации конфликта, направленный на преодоление структурного насилия и построение более справедливых и мирных отношений.

Этические аспекты медиации

Ханна Арентд в своих работах «Vita activa» (1958) [2] и «Ответственность и суждение» (2003) [1] подчер-

кивала важность публичной сферы как пространства для диалога, свободного обмена мнениями и формирования коллективного суждения. Арентд также аргументировала, что ответственность является неотъемлемым атрибутом человеческого действия и условием свободы.

Применительно к медиации идеи Арентд позволяют проанализировать её этические аспекты, роль медиатора как ответственного фасилитатора диалога, а также значение медиации для формирования публичной сферы и гражданского общества.

Философский анализ медиации позволяет раскрыть её глубинные основания, связи с фундаментальными проблемами человеческого бытия и социального взаимодействия. Медиация, в контексте социальной философии, предстает не просто как эффективный инструмент разрешения конфликтов, но и как важная социокультурная практика, способствующая развитию диалога, социальной справедливости, ответственности и мира.

Проведенный философский анализ медиации как социального феномена, основанный на применении комплекса научных методов, позволил выявить следующие результаты.

1. Медиация как форма диалога и коммуникативного действия. Анализ работ Мартина Бубера [3; 4] и Юргена Хабермаса [19] позволил интерпретировать медиацию как форму диалога, направленного на достижение взаимопонимания и консенсуса между сторонами конфликта. В отличие от судебного разбирательства, которое основано на конфронтации и принятии решения третьей стороной (судьей), медиация предоставляет сторонам возможность самим найти решение, удовлетворяющее их интересы. Однако, эффективность медиации как диалога зависит от ряда условий, таких как добровольность участия сторон, нейтральность медиатора, готовность сторон к взаимному признанию и уважению.
2. Медиация и социальная справедливость. Анализ работ Джона Ролза [15] и Акселя Хоннета [20] позволил рассмотреть медиацию как инструмент достижения социальной справедливости. Медиация способствует установлению справедливых отношений между сторонами, учитывая интересы уязвимых групп и способствуя их социальному признанию. При этом, важно помнить, что медиация основана на компромиссных решениях и не всегда может гарантировать достижение справедливости в абсолютном смысле.
3. Медиация как инструмент трансформации конфликта. Подобным образом интерпретировать медиацию нам позволил анализ работы по теории конфликта Йохана Галтунга [5; 6]. В данном ключе, медиация интерпретируется нами как процесс трансформации конфликта, служащий на благо преодоления насилия и создания мир-

ных отношений. Однозначно, медиация способствует и располагает к поиску взаимовыгодных решений, обнаружению глубинных причин конфликта и преобразению отношений конфликтующих сторон. Естественно, на результативность медиации влияет множество факторов. Начиная от банальной готовности сторон к примирению, заканчивая наличием необходимых ресурсов, как внутренних, так и внешних, для реализации достигнутых в рамках медиации договорённостей.

4. Этические аспекты медиации: В данном аспекте нам помог анализ трудов Ханны Арендт [1; 2]. Благодаря её работе, мы смогли выявить этические аспекты медиации, которые связаны в большей степени с ответственностью самого медиатора. Создание пространства для эффективного и при этом уважительного, равноправного диалога, соблюдение нейтральности и принципа «неразглашения» – всё это ложится на плечи медиатора и является его зоной непосредственной ответственности. Мы пришли к выводу, что медиация способствует развитию гражданского общества и поэтому может сыграть особую роль в демократизации отношений между членами общества.
5. Философская модель медиации. Проведённый анализ и его результаты, позволили нам сформировать философскую модель медиации, которая воспринимает её через призму социального взаимодействия, которое направлено на несколько ключевых аспектов. Например, достижение согласия и взаимопонимания. Медиация помогает выявить общие интересы сторон, найти точки их соприкосновения и организовать преодоление недопонимания. Так же, за счёт того, что медиация учитывает интересы сторон, вне зависимости от их социального статуса и происхождения, можно утверждать, что медиатор и организуемый им процесс служит восстановлению справедливости, по отношению к ущемлённым или уязвимым группам. В действительности, этот же аспект служит укреплению социальной солидарности, за счёт формирования культуры сотрудничества, равноправного диалога и уважения.

Результаты нашего исследования позволяют посмотреть на медиацию под совершенно новым углом. Взглянуть на неё, как на социальный феномен, который несёт в себе существенный и основательный потенциал для формирования гармонии в обществе. Так же, нам стоит обсудить полученные результаты, опираясь на уже существующие исследования и трезво оценить возможные перспективы развития медиации.

В первую очередь, коснёмся медиации, как диалога и её коммуникативной рациональности. Результаты нашего исследования феномена медиации проявляют достаточно логичный вывод, который совпадает с результатами ряда других

исследователей – медиация эффективна только при соблюдении конкретных условий. В их числе: добровольность участия, готовность к внутренним изменениям и желание найти компромиссное решение между сторонами конфликта, беспристрастность и нейтральность посредника, безусловно являются факторами, которые наиболее сильным образом влияют на результат. Можно сказать, являются фундаментальными в процессе урегулирования конфликта. Однако, в реальной практике, эти факторы не всегда соблюдаются, что неизбежно приводит к снижению эффективности процедуры и как следствие негативно влияет на восприятие медиации в обществе. Подобная проблема требует внимательного и скрупулёзного подхода, чтобы выявить дополнительные факторы, которые влияют на достижение коммуникативной рациональности в процедуре урегулирования конфликтов, и, соответственно, в разработке методов преодоления подобных препятствий.

Медиация, в контексте социальной справедливости, может сыграть главенствующую роль в формировании и утверждении равноправных отношений, с учётом интересов уязвимых групп населения. В свою очередь, это увеличивает процент успешной реализации социальной справедливости, однако, стоит помнить, что медиация не является гарантом достижения справедливости. Она лишь предлагает оптимальные условия для её достижения. Безусловно, нам необходимы дальнейшие исследования и разработки в области границ возможностей медиации в разных типах социальных конфликтов и возможных разных форм справедливости.

Обсуждение

Проводя глубокий анализ функций медиации и медиатора в обществе, мы пришли к выводу, что медиация может выступать инструментом трансформации конфликта, меняя отношения между конфликтующими сторонами, выводя их из позиции конфронтации, в позицию поиска консенсуса и конструктивного способа коммуникации. Конечно, это не отменяет факта, к которому мы пришли ранее – результативность и эффективность медиации зависит от множества факторов. Чем более сложный и многослойный конфликт, тем больше подобных факторов наслаивается и тем серьёзней предстоит задача медиатору. Это приводит нас к необходимости дальнейших исследований условий, в которых медиация будет наиболее эффективна.

В своей практике, медиаторы, часто сталкиваются с этическими дилеммами, требующих сложных решений и выбора. В рамках нашего исследования, мы пришли к выводу – необходимо продолжать вести разработку этических кодексов для медиаторов и более того, выделить отдельное направление обучения, в рамках профессиональной

подготовки, которое будет формировать у посредника навыки решения этических проблем.

Заключение

Наше исследование и анализ, позволили нам сформировать и выделить конкретные перспективы развития медиации.

1. Медиация может быть использована не только в сфере юриспруденции и права, но и в других областях жизни общества. Это говорит нам и возможном расширении области практического применения медиации.

2. Текущие модели применения медиации ещё далеки до совершенства, поскольку существует множество сложных социальным проблем, которые пока не может урегулировать медиация. Необходимо учитывать специфику различных видов и форм конфликтов, не забывая о контексте. Именно поэтому, необходимо развитие новых моделей медиации.

3. Как один из возможных методов повышения результативности медиации – внедрение медиации в образовательные, здравоохранительные, правоохранительные и прочие социальные системы.

Наше исследование имеет свои ограничения, в связи с тем, что мы исследуем феномен медиации с точки зрения философии. Для наилучшего и комплексного понимания феномена необходимо привлекать к осмыслению и анализу феномена медиации специалистов из других направлений и сфер знаний. Такой многогранный и разносторонний подход позволит разработать наиболее эффективные решения для качественного урегулирования конфликтов в обществе.

В заключении, отметим основные выводы проведённого нами исследования и философского осмысления медиации как социального феномена. Мы постарались раскрыть данное явление наиболее глубоко и фундаментально, исследую её основания и связи с фундаментальными, онтологическими проблемами человека и социальной коммуникации. Медиация, в рамках социальной философии, представляет собой важную социокультурную практику, которая формирует условия для справедливости, равенства и диалога, не являясь при этом просто инструментом для разрешения конфликтов.

Ключевые выводы нашего исследования следующие.

1. Медиация выступает в роли формы диалога, предоставляя конфликтующим сторонам возможность самостоятельно найти решение, которое будет приемлемым и удовлетворительным для каждой стороны.

2. Медиация формирует условия для создания справедливых отношений, минимизируя социальное неравенство, учитывая интересы уязвимых групп населения.

3. Медиация как инструмент трансформация конфликта: Медиация способствует трансформации конфликта, изменению отношений между сторонами и поиску новых, более конструктивных способов взаимодействия.

4. Этические аспекты медиации: Медиация требует от медиатора высокой ответственности, соблюдения принципов конфиденциальности и нейтральности.

Философская модель медиации: Разработанная в статье философская модель медиации рассматривает этот процесс как форму социального взаимодействия, направленного на достижение взаимопонимания, восстановление справедливости и укрепление социальной солидарности.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии философского осмысления медиации как социального феномена, выявлении её связей с ключевыми концепциями социальной философии (диалог, коммуникация, конфликт, справедливость, этика).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования практики медиации, разработки образовательных программ для медиаторов, а также для продвижения медиации как эффективного и этичного способа разрешения конфликтов в разных сферах общественной жизни.

Литература

1. Арендт Х. Ответственность и суждение. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 368 с.
2. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
3. Бубер М. Диалог. – М.: Академический Проект, 2018. – 176 с.
4. Бубер М. Я и ты. – М.: Высшая школа экономики, 2016. – 256 с.
5. Галтунг Й. Мир исследований: наука о мире и конфликт исследований // Социологические исследования. 1991. № 3. С. 96–109.
6. Галтунг Й. Теория конфликта // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 105–114.
7. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Избранные труды. – Краснодар: Совет. Кубань, 2006. Т. 2. – С. 123–195.
8. Гутников О.В. Состояние и перспективы развития корпоративного законодательства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 19–34.
9. Загайнова С.К. Медиация как социальный институт: теоретический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 23 (272). С. 87–90.
10. Лисицын В.В. Медиация – универсальный способ урегулирования коммерческих споров

- в России. Научный очерк: история и современность. – М.: МАКС пресс, 2009. – 134 с.
11. Мазаев В.Д. Конституционная модель российской экономической системы: образ и реальное наполнение // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 59–70.
 12. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. – 582 с.
 13. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США. – М.: Городец, 2005. – 25 с.
 14. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ. – URL: <http://base.garant.ru/12177508/> (дата обращения: 01.04.2024).
 15. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 536 с.
 16. Спенсер Г. Основания социологии // Спенсер Г. Сочинения / пер. с нем. Т. 4. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1898. – 359 с.
 17. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 288 с.
 18. Тюгашев Е.А. Философия и право в транзитивном обществе: гендерная перспектива // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. – Новосибирск: [б.и.], 2001. – С. 15–34.
 19. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: В 2 т. Т. 1. Разум и рационализация общества / Пер. с нем. под ред. Д. Миронова. – М.: Весь мир, 2000. – 416 с.
 20. Хоннет А. Борьба за признание: Моральная грамматика социальных конфликтов. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 416 с.

THE ESSENCE OF THE PHENOMENON OF MEDIATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL PHILOSOPHY

Rukavishnikov A.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

This article presents a philosophical analysis of mediation as a social phenomenon, revealing its deep connections with the fundamental problems of human existence and social interaction. The author substantiates the need for a philosophical understanding of mediation that goes beyond traditional legal and sociological approaches, which are often limited to the consideration of normative and procedural aspects. Based on the ideas of M. Buber, J. Habermas, J. Rawls, A. Honnet, J. Galtung and H. Arendt analyzes the dialogic nature of mediation, its role in achieving social justice and conflict transformation, as well as its ethical dimensions. Special attention is paid to the analysis of mediation as a tool for the formation of a culture of dialogue, mutual recognition and restoration of

communicative ties. The article proposes an original philosophical model of mediation, considering it as a form of social interaction that promotes mutual understanding, recognition, solidarity and peace. Such a model makes it possible to understand mediation not only as a highly specialized tool for dispute resolution, but also as an important element of humanization and democratization of relations in society.

Keywords: mediation, social philosophy, dialogue, communicative action, social justice, recognition, conflict transformation, ethics, responsibility, peace.

References

1. Arendt H. Responsibility and Judgment. – M.: Publishing House “Delo” RANEPА, 2018. – 368 p.
2. Arendt H. Vita activa, or On the Active Life. – St. Petersburg: Aletheia, 2000. – 437 p.
3. Buber M. Dialogue. – M.: Academicheskyy Proekt, 2018. – 176 p.
4. Buber M. You and I. – M.: Higher School of Economics, 2016. – 256 p.
5. Galtung J. The World of Research: Peace Science and Research Conflict // Sociological Research. 1991. No. 3. Pp. 96–109.
6. Galtung J. Conflict Theory // Sociological Research. 1991. No. 2. P. 105–114.
7. Gurvich M.A. Principles of Soviet Civil Procedural Law // Selected Works. – Krasnodar: Soviet. Kuban, 2006. Vol. 2. – P. 123–195.
8. Gutnikov O.V. State and Prospects of Development of Corporate Legislation in the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2007. No. 2. P. 19–34.
9. Zagaynova S.K. Mediation as a Social Institution: Theoretical Aspect // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2012. No. 23 (272). P. 87–90.
10. Lisitsyn V.V. Mediation is a Universal Method of Resolving Commercial Disputes in Russia. Research Essay: History and Modernity. – M.: MAKS press, 2009. – 134 p.
11. Mazayev V.D. Constitutional model of the Russian economic system: image and real content // Journal of Russian law. 2008. No. 12. Pp. 59–70.
12. Marx K. Economic manuscripts of 1857–1859 // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 46. Part 1. – M.: State Publishing House of Political Literature, 1968. – 582 p.
13. Nosyрева E.I. Alternative dispute resolution in the USA. – M.: Gorodets, 2005. – 25 p.
14. On the alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure): Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ. – URL: <http://base.garant.ru/12177508/> (date of access: April 1, 2024).
15. Rawls J. Theory of Justice. – Novosibirsk: Publishing house of the Novosibirsk University, 1995. – 536 p.
16. Spencer G. Foundations of Sociology // Spencer G. Works / translated from German. Vol. 4. – St. Petersburg: Printing house of A. Porokhovshchikov, 1898. – 359 p.
17. Tennis F. Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology / Translated from German by D.V. Sklyadneva. – SPb.: Vladimir Dal, 2002. – 288 p.
18. Tyugashev E.A. Philosophy and Law in a Transitional Society: A Gender Perspective // Social Interactions in a Transitional Society. – Novosibirsk: [b.i.], 2001. – P. 15–34.
19. Habermas J. Theory of Communicative Action: In 2 vols. Vol. 1. Reason and Rationalization of Society / Transl. from Germ. edited by D. Mironov. – M.: Ves' mir, 2000. – 416 p.
20. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. – M.: Center for Humanitarian Initiatives, 2014. – 416 p.

Трансформация ценностей советского общества с 50-х по 70-е годы двадцатого века: на примере художественных фильмов «Чужая родня» и «Странная женщина»

Салатова Елизавета Олеговна,

студент Северо-Осетинской государственной медицинской академии

E-mail: salatovaelizaveta@yandex.ru

Тускаева Гуара Батразовна,

к.и.н., доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Северо-Осетинской государственной медицинской академии

E-mail: guara.tuskaeva@yandex.ru

В статье рассматривается проблема трансформации идеологии советского общества и переоценки ценностей. В период с 50-х по 70-е годы двадцатого века произошёл наиболее яркий переход из мира нравственных идеалов в мир материальный, что в дальнейшем будет определённым образом сказываться на мировоззрении последующих поколений. Мы намерены показать нравственные изменения в советском обществе на примере художественных фильмов разных десятилетий «Чужая родня» (реж. М. Швейцер, 1955) и «Странная женщина» (реж. Ю. Райзман, 1977), так как кинематограф в данном контексте является историческим источником, позволяющим более объективно рассмотреть интересовавшую нас проблему и оценить характер метаморфоз, возникших в социальной сфере общества за данный период существования Советского Союза.

Ключевые слова: трансформация, материальное, духовное, идеология, СССР.

Традиционные общечеловеческие ценности испокон веков ориентированы на приоритет духовных над материальными. Однако в изменяющемся обществе бывают явления, в большей или меньшей степени оказывающие влияние на сознание широких масс людей и зачастую изменяющие его ценностные ориентиры на прямо противоположные. Не является исключением и советское общество. Жизнь не стоит на месте, прогресс вносит свои коррективы. Трансформация идеологии советского народа наиболее ярко наблюдалась в период с 50-х до 70-х годов. Это был своего рода резкий переход из одного мира в другой, отличный от прежнего. Большинство людей соблюдали кодекс строителя коммунизма и подчинялись законам государства, но меньшинство сталкивалось с несовершенством системы правления и шло против неё. Протест принимал самые различные формы – от пассивной неудовлетворенности качеством жизни до вызывающего поведения, создания неформальных группировок, увлечении нетрадиционной музыкой и многим другим. Одной из многочисленных причин подобного поведения стало влияние запада, что подтвердил А. Зиновьев в своём труде «Русская трагедия»: «Как только советские люди увидели реализацию марксистской идеи на Западе, они перестали быть оплотом коммунизма... они не понимали, что блага Запада исключают (убивают) блага коммунизма и что эти блага достаются не всем, а лишь избранным». [1, с. 29]. А одной из главных причин трансформации системы ценностей стал продолжительный путь к коммунизму, завершившийся «сокрушительным ударом по религиозному сознанию общества и коммунистической системе ценностей». [2, с. 29]. С целью исправить положение, XXII съезд КПСС в 1961 году принял новую программу партии, которая предполагала построение советского общества на материально-технической базе коммунизма. [2, с. 29] Вероятно, данный закон, который должен был реализоваться к 80-ым годам, оказал не малое влияние не только на экономическую, но и на социальную сферу жизни СССР.

Художественный фильм может выступать историческим источником, отражающим реальность эпохи. [3, с. 1339]. И, хотя он является субъективным взглядом режиссёра, тем не менее, аккумулирует в себе самую суть происходящего в обществе. Смену ценностных ориентиров советского

общества в 50–70-е годы мы проследили в кинофильмах «Чужая родня» и «Странная женщина». На наш взгляд, они достаточно ярко иллюстрируют эти изменения.

В кинофильме режиссера Михаила Швейцера «Чужая родня» действие происходит в послевоенные годы СССР. На примере противопоставления семьи Ряшкиных обществу в лице главного героя режиссёр демонстрирует вечный нравственный конфликт. Фёдор Соловейков – тракторист-передовик, добрый, весёлый и работающий парень, яркий представитель коммунистов, который по задумке режиссёра и является носителем духовных ценностей. В нём нет понятия эгоизма и жадности, в отличие от родителей его супруги. Для Ряшкиных в приоритете только материальное благополучие в ущерб общественному мнению и уважению. Они считают себя выше других по статусу исключительно по причине более высокого достатка. Но в окружении семья Ряшкиных не пользуется признанием, к членам их семьи относятся с пренебрежением. Супруга Фёдора Стеша Ряшкина оказалась перед сложным нравственным выбором. Она нашла в себе силы и выбрала жизнь, наполненную духовными ценностями. Её жизнь обрела новый смысл. Стеша осознала истинную цену бескорыстной дружбе, любви, взаимопониманию, поддержке, о которых она не ведала раньше. Своё позитивное отношение к происходящим событиям режиссёр скрывает в светлой и дружественной атмосфере фильма.

Юлия Райзман представил свой фильм «Странная женщина» в достаточно мрачных тонах, тем самым подчеркнув значимость проблемы приоритета материальных ценностей над духовными. Он раскрыл интересующую нас проблему в несколько ином ключе. Если в первом фильме определилось преобладание в обществе духовных ценностей, то во втором посредством противопоставления главной героини её окружению характеризуется выбор общества в пользу материальных приоритетов и их влияние на сознание людей. Евгения Шевелёва – профессиональный юрист, хорошая жена, любящая мать, справедливая, но несчастная женщина, сохраняющая верность собственным нравственным убеждениям. Образ Жени схож с образом Фёдора, однако она в отличие от него была лишена дружеского окружения и поддержки, поэтому выживала самостоятельно среди толпы предателей и порицателей. Что характерно для окружения Жени, становится понятным в сценах непосредственного столкновения принципов обоих.

Первый конфликт духовно развитой героини и материалистов общества проявляется в отношениях с мужем, который на её уместное замечание его коллеге не высказал ей слова поддержки, а, напротив, упрекнул в неуважительном отношении к гостям, ибо для него в приоритете репутация, но не мнение жены.

Второй конфликт выражается в разговоре Жени с любовником Андриановым, который смело утверждал, что отношения между мужчиной и женщиной должны строиться на так называемом «партнерстве», и не скрывал своего нежелания строить серьёзные отношения, тем самым разрушая традиционное представление Жени о браке, любви и счастье. Подобное отношение к женщине не является приемлемым, ведь в таком случае невидимое препятствие всегда будет мешать слиянию душ обоих, а, следовательно, испытывать счастье подле друг друга.

Третий конфликт выражается в отношениях с подружкой Викой, которая, не желая счастья Жене, советовала ей вернуться к мужу, невзирая на холодные чувства между ними. Мотивы Виктории были сугубо эгоистичными, ведь будучи одинокой женщиной, она завидовала той, у которой было всё и даже больше. Иначе не объяснить её решение привлечь внимание Андрианова после их расставания. Однако поверхностная Вика в отличие от принципиальной Жени смогла найти общий язык с Андриановым, что лишь подчеркивает непохожесть Жени на них.

Четвертый конфликт выражается в порицании поведения Жени её родной сестрой, которая, будучи в счастливом браке, не понимает её терзания.

Жене свойственны общечеловеческие достоинства, такие как верность, честность, а также женская чуткость и романтичность, которые обществу 70-х годов кажутся «странными». Желания героини были заурядными – любить и быть любимой, но для понимания этой элементарной истины необходимо было обладать рядом положительных качеств, которых было лишено её окружение. Но в любом мире всегда найдутся единомышленники. В кругу Жени такими оказались её мать и Юрий Агапов, люди, которые стали для неё опорой, которые были поразительно похожи на неё саму, которые не стали мириться с изменяющимся обществом и решили идти своим путём. Героиня сделала правильный выбор – осталась верной своим убеждениям, за что была вознаграждена большой настоящей любовью.

Мы проследили по фильмам трансформацию ценностных ориентиров советского общества. Если в 50-е годы в обществе ценились такие духовные качества личности, как нравственность, доброта, любовь и дружба, то уже в 70-е годы их заменили желание иметь высокий статус, карьеризм, стремление жить легко, выполнение обязанностей в семье как на работе и др. Фёдор и Женя в сущности являются одним и тем же образом доброго человека, но как по-разному воспринимаются их поступки, когда общество соответствует или не соответствует им самим. В первом фильме такими людьми восхищались, таких любили, так как ценились такие качества, как отзывчивость, смелость, трудолюбие, верность, добродушие. Во вто-

ром – людей с этими качествами осуждают, пытаются подавить.

Таким образом, на примере двух художественных фильмов мы рассмотрели трансформацию нравственных ценностей, т.е. переход от духовных к материальным в период с 50-х по 70-е годы.

Литература

1. Русская трагедия [монография] / А.А. Зиновьев // Москва: Эксмо, 2005–512 с.
2. Бурцев С. А., Трансформация системы ценностей советского общества как одна из основных причин его деградации / С.А. Бурцев // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса: науч. журн.: электр. версия. 2024. – Москва: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2009. № 3. С. 26–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistemy-tsennostey-sovetskogo-obschestva-kak-odna-iz-osnovnyh-prichin-ego-degradatsii/viewer> (дата обращения: 07.08.2024)
3. Слесарчук В.А., Советский кинематограф как исторический источник в современной отечественной историографии / В.А. Слесарчук // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»: науч. журн.: электр. версия. 2024. – Ижевск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет, 2022. № 6. С. 1339–1349. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-kinematograf-kak-istoricheskiy-istochnik-v-sovremennoy-otechestvennoy-istoriografii?ysclid=lzjlvaxot4518020607> (дата обращения: 07.08.2024)

THE TRANSFORMATION OF THE VALUES OF SOVIET SOCIETY FROM THE 50S TO THE 70S OF THE TWENTIETH CENTURY: ON THE EXAMPLE OF THE FEATURE FILMS “FOREIGN RELATIVES” AND “STRANGE WOMAN”

Salatova E.O., Tuskaeva G.B.

North Ossetian State Medical Academy

This article examines the problem of the transformation of the ideology and the reassessment of values of Soviet society. The period from the 50s to the 70s of the twentieth century is characterised by the most vivid transition from the world of moral ideals to the world of material values. This will have a certain impact on the worldview of subsequent generations. We intend to show the moral changes in Soviet society using the example of movies of different decades “Foreign Relatives” (directed by M. Schweitzer, 1955) and “Strange Woman” (directed by Yu. Raisman, 1977), since cinema within this context is a historical source that allows us to consider the problem more objectively and to give assessment of the nature of the metamorphoses that arose in the social sphere of society during this period of the existence of the Soviet Union

Keywords: transformation, material, spiritual, ideology, USSR.

References

1. Russian tragedy: monograph / A.A. Zinoviev // Moscow: Eksmo, 2005–512 p.
2. Burtsev S. A., Transformation of the value system of Soviet society as one of the main causes of its degradation / S.A. Burtsev // Bulletin of the Association of universities of tourism and service: scientific journal: elektr. version. 2024. – Moscow: Russian State University of Tourism and Service, 2009. No. 3. pp. 26–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistemy-tsennostey-sovetskogo-obschestva-kak-odna-iz-osnovnyh-prichin-ego-degradatsii/viewer> (date of application: 07.08.2024)
3. Slesarchuk V.A., Soviet cinema as a historical source in modern Russian historiography / V.A. Slesarchuk // Bulletin of the Udmurt University. The series “History and Philology”: scientific journal: elektr. version. 2024. – Izhevsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Udmurt State University, 2022. No. 6. pp. 1339–1349. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-kinematograf-kak-istoricheskiy-istochnik-v-sovremennoy-otechestvennoy-istoriografii?ysclid=lzjlvaxot4518020607> (date of application: 07.08.2024)

Этапы развития института образования в России: 1917–1930 годы

Щербина Зинаида Николаевна,

аспирант кафедры философии и социологии, Академия труда и социальных отношений
E-mail: buh@bk-resurs.ru

Рассмотрены аспекты состояния и трансформации института образования период с 1917 по 1930 годы. Определен социальный состав и уровень грамотности населения по периодам 3–5 лет. Даны характеристики непосредственных акторов существования и развития института образования в Советской России, а далее в Советском союзе. Проанализированы причины и следствия внутренних и внешних событий, затронувших общество.

Ключевые слова: социальный институт образования, образование, трансформация общества, грамотность населения, социальный состав общества России.

Социальный институт образования удовлетворяет фундаментальные потребности общества: формирует социокультурную основу страны, обеспечивает государство и экономику профессиональными кадрами, поддерживает функционал всех социальных институтов, является основой формирования гражданского общества.

В масштабах истории период сто летней давности относится к понятию истории новейшего времени – событий произошедших недавно, корневых современному положению. Исследование данной статьи охватывает период Российской истории, от Октябрьской революции 1917 года, коснувшейся всех сфер жизни государства и народа, до 1930 года – начала сталинских образовательных реформ. Будут рассмотрены социальные характеристики общества по этапам, ключевые мероприятия, направленные на изменения образовательной системы, влияние личностей непосредственно возглавлявших трансформационные процессы в образовании на их содержание и результаты.

Рассматриваемый период имеет дополнительное деление: 1917–1920 годы – период гражданской войны и иностранной интервенции, 1921–1924 годы – период восстановления народного хозяйства окончанием которого стала смерть В.И. Ленина, 1925–1930 годы – вступление в должность Генерального секретаря ЦК РКПб И.В. Сталина, начало индустриализации и коллективизации, принятие первого пятилетнего экономического плана. В эти временные промежутки общество в целом и институт образования в частности подвергались существенным изменениям, причины и следствия которых предстоит выявить.

Свершившаяся в 1917 году революция произошла не только в государстве и обществе, революция коснулась и социального института образования России.

Численность населения России в 1917 году в различных источниках определяется неоднозначно с различными допущениями. Для целей настоящего исследования будет принят показатель численности 178 371,8 тыс. человек (включая Княжество Финляндское) [9]. До февраля 1917 г. в Российской империи существовало исторически устоявшееся традиционное сословное деление: дворянство – 1%, духовенство – 3%, мещанство – 6%, крестьянство – до 80% общей численности населения. Проявлением модернизации общества

стало возникновение межсословных прослоек: буржуазия – 2% от общего числа населения, в том числе купечество – 1%, пролетариат – 8–10% [1, 5, 9].

Установить точную численность грамотных и образованных по Российской империи на 1917 год сложно из-за отсутствия системных всеобщих статистических данных. Приблизительное количество учащихся по всем учебным округам (включая Княжество Финляндское) 9053,4 млн человек [2], или 5,08% от численности населения.

Необходимо внести ясность в смысловое наполнение понятий грамотность и образованность принятых в обществе рассматриваемого периода. Грамотным считался человек имеющий навыки чтения и письма на родном языке. Концепция образования предполагала наличие факта окончания учебного заведения, что подтверждалось практически профессиональными навыками и / или удостоверялось письменно. Крестьянский труд, которым занималось большинство населения страны, не предполагало высокое техническое оснащение и применение специальных технологий: обучение всем видам работ велось на практике, без теоретической составляющей и не требовало специальной подготовки. Таким образом, подавляющее количество населения владело только навыками чтения и письма.

В 1917 году в России насчитывалось 124 высших учебных заведений всех форм собственности, в том числе 11 университетов и 40 лицеев и училищ университетского типа, а так же 19 инженерных, 15 сельскохозяйственных, 6 коммерческих институтов; 8 военных и военно-морских академий и высших училищ, 7 духовных академий [2]. Число студентов в 1917 году составило 135 065 человек или 0,08% населения. Для сравнения, в Германии этот показатель равнялся 0,09%, во Франции – 0,1% [3].

Созданная в 1917 году Государственная комиссия по просвещению в составе Совета Народных Комиссаров занималась разработкой и реализацией государственной образовательной политики. Особый интерес представляет социальное происхождение членов комиссии.

Председатель комиссии А.В. Луначарский (1842–1914) был рожден дворянином, имел дворянское звание и привилегии. Он получил юридическое образование, дослужился до чина действительного статского советника в Полтавском районном суде и получил право на потомственной дворянство по государственной службе.

Н.К. Крупская (1869–1939) дворянское происхождение (отец – военный, мать – гувернантка). Окончила с золотой медалью Гимназию Оболенской в 1887 году и поступила на Бестужевские курсы в 1889 году, на которых проучилась только год.

М.Н. Покровский (1868–1932) родился в семье статского советника в Москве. Окончил в 1887 году с золотой медалью 2-ю Московскую гимназию.

После поступил на историко-филологический факультет Московского университета, окончил в 1891 году с дипломом первой степени. В годы обучения прослушал лекции Василия Ключевского и Павла Виноградова, имел публикации в журнале «Русская мысль», готовился к получению ученой степени, вел преподавательскую работу. С мая 1918 года заместитель Наркома Народного образования.

Л.Р. Менжинская (1876–1933) и В.Р. Менжинская (1872–1954) – дочери профессора Римской католической духовной Академии Рудольфа Менжинского. Учились на Рождественских женских курсах, педагоги.

В.М. Познер (1877–1957) – дворянин, окончил в 1903 году Императорский Санкт-Петербургский университет, профессор, преподаватель.

П.И. Лебедев-Полянский (1882–1948) – отец – сапожник, мать – крестьянка. В 1902 году окончил Владимирскую духовную семинарию, продолжил образование в Юрьевском университете (факультеты медицинский и историко-филологический).

В.М. Бонч-Бруевич (1873–1955) выходец из семьи землемера (техника или инженера, снимающего земельные мерки). В 1884–1889 годах учился в Константиновском инженерном институте, инженер.

Перечень, приведенный выше, не охватывает всех, кто был причастен к реформам образования, последовавшим за революционными событиями 1917 года. Однако, при исследовании можно выявить, что реформаторы образования, за редким исключением, дворянского происхождения, имели достаток, в связи с чем получили хорошее образование. В годы учебы каждый из них был участником марксистских кружков, проникся революционными идеями. Вопрос, почему учреждения образования начала XX века в России стали «питательной средой» для марксистских идей, заслуживает особого изучения.

В июле 1918 г. был принят документ «Об организации дела народного образования в РСФСР». Основными принципами образовательных реформ стали: бесплатность образования и переход всей системы образования в ведение государства, отмена любых (религиозных, национальных, сословных, гендерных) ограничений в образовании, упразднение преподавания древних языков. Декрет «О введении новой орфографии» предусматривал упрощенное правописание и существенно облегчал обучение грамотности. Велась работа над созданием письменности для народов, ранее ее не имевших.

В задачи образования в период с 1917 по 1920 годы, кроме всеобщей грамотности и повышения образованности населения Советской России, входило «...превращение школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического переустройства

общества» [4], все действия в рамках образовательной реформы были пропитаны духом марксизма, во главу угла ставилось идеологическое воспитание, находившее отражение в построении школьной программы. Началось целенаправленное строительство системы просвещения, как элемента общегосударственной системы. Данное направление развития института образования прослеживается на протяжении всего рассматриваемого периода. Программа РКП(б), принятая VIII съездом в марте 1919 г. В разделе «В области народного просвещения» программы РКП(б) главной задачей партии ставилось превращение школы «в орудие коммунистического перерождения общества» [4].

Советская власть уничтожила сословия Российской Империи и социальный состав общества можно проследить по итогам переписи населения 1920 года, которая, необходимо заметить, не была всеобщей из-за наличия регионов, где советская власть не была установлена и шли боевые действия (Крым, Дальний Восток, Сибирь, регионы Кавказа). По данным Статистического ежегодника 1921 года, население страны составляло 131 299 тыс. человек из которых в городах проживали 4 137 тыс. человек. Городские жители делились на группы: городские рабочие, служащие, кустари и ремесленники, «буржуазия» – торговцы, владельцы мелких предприятий и лавок, использовавшие наемный труд, служащие государственных и общественных учреждений, представители творческих профессий. Грамотность горожан достигала 67,39%. Остальная масса населения относилась к крестьянам (сельским жителям) и военным (солдаты, матросы) и грамотность среди них по разным источникам и оценкам не превышала 9% [9].

На падение грамотности сказались сокращение расходов на образование, Советское правительство в первые годы выделяло на нужды образования 3% бюджета, что в номинальном и реальном выражении было в 10 раз меньше, чем до 1917 года.

К 1920-м годам Советская Россия подошла с показателями грамотности (до 33%) и образования, худшими, чем в 1917 году. По разным источникам, к 1917 году в Российской Империи грамотными были от 43 до 56% населения. Необходимость поднимать народное хозяйство стала причиной попытки тесного переплетения процессов образования и овладения профессиональными навыками. Наследием Гражданской войны стали беспризорники, количество которых, по разным оценкам составляло до 9 млн человек.

27 января 1921 года была создана «Деткомиссия ВЦИК» (Комиссия по улучшению жизни детей) во главе с Ф.Э. Дзержинским (1877–1926) – родился в дворянской семье польского происхождения. Из-за марксистских взглядов, не закончил Виленскую гимназию, в которую поступил в 1894 году.

В период борьбы с беспризорностью, проявились таланты выдающихся педагогов: В.Н. Сорока-Росинский (1882–1960), М.М. Рубинштейн (1878–1953), П.П. Блонский (1884–1941), А.С. Макаренко (1888–1939) и других. Главной заслугой этих педагогов является внедрение подхода, заключавшегося в совмещении обучения и трудового развития. Им принадлежит первенство в таких вопросах, как школьное самоуправление, лидерство в детском и подростковом сообществах. Пристальное внимание уделялось общественному воспитанию в духе марксистской теории. Опора на профессиональные педагогические подходы в образовании диктовалась следующими обстоятельствами, без которых развитие возникшего в 1922 году Советского Союза становилось невозможно.

1. Необходимость восстановления экономики страны и ее обеспечение кадрами. Для этого требовался не только энтузиазм, но и профессиональные знания педагогики и психологии.
2. Исправление социальной ситуации для создания приемлемого уровня жизни через борьбу с преступностью, голодом и разрухой в стране, восстановление социальных институтов.
3. Искоренение бедности, как следствия социального переворота 1917 года, гражданской войны и ее последствий (голод, разруха).

Идеологическая составляющая по прежнему являлась ключевой.

Смерть В.И. Ленина (1870–1924) 21 января 1924 года можно считать переломным моментом в развитии страны. В результате внутривластной борьбы Советское государство возглавил И.В. Сталин (1878–1953), провозгласивший тезис «построения социализма в одной отдельно взятой стране», теоретически и практически закрепленный в апреле 1925 года на XIV конференции ВКП(б). С этого момента в стране были проведены индустриализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства, завершившиеся в 1930 году.

Следует отметить, что в период с 1917 года до 12 марта 1929 года, то есть весь рассматриваемый период, во главе Народного Комиссариата просвещения стоял А.В. Луначарский – личность незаурядная, истинный актер истории нашего государства. О нем много известно от современников, как о человеке необычайно эрудированном, полиглоте, стороннике консервативных, классических подходов в решении вопросов [6, 10]. Идейный марксист, близкий друг и соратник В.И. Ленина, даже после его смерти оставался на своем месте во главе Наркомпроса. Под его руководством Советское государство смогло восстановить к 1930 году численность учащихся на уровне 1917 года, а подготовленные под его руководством постановления и программы позволили к 1934 году достичь практически 100% грамотности.

Количество учащихся в 1930 году составляло 13515,7 тыс. человек против 7322 тыс. чело-

век в 1922 / 1923 годах, в том числе в начальной школе учащихся было 5933,4 тыс. человек, а стало 9845,3 тыс. человек, в неполных средних школах численность выросла с 736,9 тыс. человек до 2424,7 тыс. человек, в средних школах с 591,7 тыс. человек до 1117,8 тыс. человек [8].

Общество, как социальная среда подразделялась на пролетариат (рабочих) и социалистическое крестьянство (колхозников). Граждане, не относящиеся ни к одной, ни к другой группе в силу специфики деятельности (врачи, учителя, творческие и научные работники), в прежние времена именовавшиеся «интеллигенцией», носили наименование «служащие».

Выводы

Период с 1917 по 1930 годы можно считать законченным циклом развития института образования России, а после 1922 года Советского Союза. Начавшаяся революционным сломом общественных устоев и трансформацией общества, повлекшая за собой возникновение нового государства, новая реальность поставила перед обществом новые задачи, решаемые через институциональные образовательные механизмы – воспитание и обучение. Переворот в идеологическом подходе к образованию повлек за собою колоссальные потери: отъезд из страны интеллигенции, деятелей науки и культуры, обнищание оставшихся в стране артистов, учителей, врачей. Из-за гражданской войны, последствий Первой мировой войны и, как следствие, невозможности ведения народного хозяйства, все усилия правительства и граждан были направлены на выживание. Уровень грамотности и образованности населения снизился настолько, что развитие стало невозможным.

Три этапа развития института образования и его встраивания в действительность, можно охарактеризовать следующим образом.

С 1917 по 1920 годы – резкое падение значимости потребностей, реализуемых через социальный образовательный институт: во главу образовательных процессов положены идеи марксизма и идеология построения коммунистического общества. Процессы регулируют люди из дворянской среды, делая первые пробы адаптации образовательных процессов из прошлого к сложившейся действительности. Резкое падение расходов на образование. Социальное общество полностью переформатировано, упразднены сословия, при этом новая социальная структура отсутствует полностью. Все преграды получения образования сняты, однако, необходимость выживания в трудных условиях не позволяет целевой аудитории сполна использовать предоставленную возможность.

С 1920 по 1924 годы – начало выхода общества из трагических событий (войны) и начало дальнейших преобразований. Материальная сторона развития общества, не возможная без про-

фессионалов, неизбежно подталкивает к поиску решения кадровых вопросов, в основу образовательных процессов ставится профессиональная подготовка. Регулировать образование возможно с помощью профессионалов, таким образом в это время громко заявили о себе педагоги, чьи работы используются в образовательной и воспитательной практике и по сей день. Бедность государственного бюджета компенсируется энтузиазмом, идеологией марксизма, построения коммунизма. Общество не имеет стратификации.

С 1925 по 1930 годы – страна делает резкий рывок в развитии образования, возвращаясь на дореволюционный уровень грамотности и создавая предпосылки превратить образование в фактор личностного развития, а институт образования в механизм по массовому формированию граждан, идеологически настроенных на строительство социализма – общества равенства. Коренные изменения в экономике (коллективизация, индустриализация), порой насильственного характера, позволили совершить рывок в экономическом развитии. Институт образования переходит в управление государственного аппарата – Народного комиссариата просвещения, а в дальнейшем Министерства просвещения СССР.

В короткий срок новое Советское государство, показало свою жизнеспособность, а общество адаптивность к новым условиям.

В 1930 году Советский союз вступил в совершенно новую фазу общественного развития. Одной из причин тому стало начало взрослой жизни поколения, выросшего на идеалах Революции и получившего образование в сложные годы с 1917 по 1929 г. Они пришли в экономику, во власть, стали творцами следующего этапа существования общества с новыми потребностями и обновленными социальными институтами Советского Союза. Этот период приходится на годы пребывания И.В. Сталина руководителем страны с 1930 по 1953 г.

Литература

1. Андреев Е. М., et al., Население Советского Союза, 1922–1991. – М.: Наука, 1993. ISBN 5-02-013479-1
2. Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи начала XX века // Вестник Российской Академии наук. – 1997.
3. Константинов Н. А., Медынский Е.Н., Шабаява М.Ф. История педагогики: учеб. для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1982.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Т. 2. Изд. 8. – М., 1970.
5. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 15 января 1911 года. Итоги по империи / Министерство народного

- просвещения. Вып. 16. Пг.: Уч. изд. М. Н. П., 1916.
6. О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1992. – 223 с.
 7. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Проект «Исторические Материалы». – URL: <https://istmat.org/node/166> (дата обращения: 26.08.2024).
 8. Статистический ежегодник России 1915 г. Пг.: ЦСК МВД, 1916. – URL: https://archive.org/details/statisticheskii_ezhegodnik_rossii_1915 (дата обращения: 26.08.2024).
 9. Труды ЦСУ, т. 12, вып.1, М., 1922.
 10. Чуковский К.И. Дневники // Новый мир. 1990. № 7. – URL: https://archive.org/details/trudy_tssu/7.1-1913-1917..1raw/ (дата обращения: 26.08.2024).

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION IN RUSSIA: 1917–1930

Shcherbinina Z.N.

Academy of Labour and Social Relations

Considered aspects of the state and transformation of the institute of education from 1917 to 1930. Determined the social composition and literacy rate of the population in the periods of 3–5 years. Characteristics of the direct actors of existence and development of the institute of education in Soviet Russia and further in the Soviet Union are given. Analysed the causes and consequences of internal and external events that affected the society.

Keywords: social institution of education, education, transformation of society, literacy of population, social composition of Russian society

References

1. Andreev E. M., et al., Population of the Soviet Union, 1922–1991. – М.: Nauka, 1993. ISBN 5-02-013479-1
2. Ivanov A.E. Higher school of the Russian Empire of the early 20th century // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 1997.
3. Konstantinov N. A., Medynsky E.N., Shabaeva M.F. History of pedagogy: textbook. for pedagogical students Inst. – М.: Education, 1982.
4. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1971). T. 2. Ed. 8. – М., 1970.
5. One-day census of primary schools in the Empire, carried out on January 15, 1911. Results of the Empire / Ministry of Public Education. Issue 16. Pg.: Уч. изд. М.Н.П., 1916.
6. O'Connor T.E. Anatoly Lunacharsky and Soviet Policy in the Sphere of Culture: trans. from English. – М.: Progress, 1992. – 223 p.
7. Russia 1913. Statistical and documentary reference. Project “Historical Materials”. – URL: <https://istmat.org/node/166> (date of access: 26.08. 2024).
8. Statistical yearbook of Russia 1915. Pg.: TsSK MVD, 1916. – URL: https://archive.org/details/statisticheskii_ezhegodnik_rossii_1915 (date of access: 08/26/2024).
9. Proceedings of the Central Statistical Bureau, v.12, issue 1, Moscow, 1922.
10. Chukovsky K.I. Diaries // Novy Mir. 1990. No. 7. – URL: https://archive.org/details/trudy_tssu /7.1-1913-1917..1raw/ (date of access: 26.08.2024).

Социокультурные трансформации современного российского общества: ключевые тенденции и их отражение на уровне массового сознания

Кареева Светлана Геннадьевна,

к.с.н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии
ФНИСЦ РАН
E-mail: Svetlran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович,

научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: sv_79@inbox.ru

Пинчук Антонина Николаевна,

к.с.н., старший научный сотрудник, Институт социологии
ФНИСЦ РАН
E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Статья посвящена изучению ряда качественных изменений, с использованием статистических данных, происходящих в социальных и культурных сферах российского общества 2020-х гг. Данные процессы рассматриваются под «углом» влияния детерминирующих их экономических, политических и технологических факторов, а также глобализации и урбанизации. Авторами анализируются ключевые, с их точки зрения, социокультурные трансформации и их воздействие на массовое сознание, культурную идентичность и социальные структуры современного общества. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению глобализации, культурной интеграции, изменению социальной структуры и миграционным процессам, а также роли СМИ в процессах формирования массового сознания.

Ключевые слова: социокультурные трансформации, факторы, массовое сознание, российское общество, социальная реальность, глобализация, урбанизация, цифровизация, культурная идентичность, СМИ.

Введение

Социокультурная сфера социума и происходящие в ней трансформационные процессы оказывают детерминирующее воздействие на функционирование всей социетальной (экономическая, политическая, социальная и др.) системы современного общества.

Социокультурные трансформации затрагивают многие сферы общественной жизни, но в первую очередь, культурные нормы, представления и ценности, социальные институты (наука, образование, вера, семья, мораль и др.) и практики, культурную идентичность, процессы самоопределения людей. Речь по существу идет о тех сферах жизнедеятельности, что «...отвечают за духовно-нравственную целостность общества, его крепость, культурно-историческую преемственность и сформированные через систему данных институтов легитимные ценности, представления и воспроизводимый обществом положительный исторический опыт» [7, с. 41]. В данном контексте любые негативные изменения в социокультурной сфере нацелены на глубинную социетальную дестабилизацию общества в целом и сложившаяся социальная реальность «...есть ни что иное как результат конструирующей деятельности социума, осуществленной на основе социокультурных представлений об окружающем мире» [7, с. 41]. Именно под социокультурным воздействием формируются установки в сознании социума на основании которых и создается реальность будущего.

В связи в обозначенном выше, изучение социокультурных трансформаций актуализировано по следующим причинам:

во-первых, эти процессы оказывают решающее воздействие на массовое сознание и как следствие на конструирующую функцию социума в целом, формируя новые представления, ценности и установки у широких социальных групп, на основе которых они формируют желательную или не желательную/созидательную или нет для общества социальную реальность;

во-вторых, трансформации затрагивают социальные структуры в социуме, изменяя традиционные формы социальной организации и порождая новые социальные группы и субкультуры различной направленности;

в-третьих, культурные изменения отражаются на идентичности общества, влияют на сохранение культурного наследия и адаптацию к новым условиям и др.

Исследование данной проблематики имеет выраженную актуальность и позволяет на перспективу лучше понять общую динамику изменений в обществе и их последствия для различных аспектов общественной жизни.

Теоретические принципы социокультурных трансформаций

Теоретико-методологическая разработанность проблематики социокультурных трансформаций достаточна, отражена в научных работах советских и российских ученых и нашла свое воплощение в ряде междисциплинарных научно-исследовательских направлений.

Кратко можно выделить ряд общих используемых для анализа данной проблематики подходов. Один из них основывается на концепции культурных доминант (Г.В. Сорина, У.С. Захарова и др.) и предполагает, что каждая культурная эпоха разнится своими характеристиками, которые отличаются от предыдущих и последующих этапов развития. В ней также определены культурно-исторические границы эпох и сопутствующие им социокультурные трансформации [20]. Научное направление по изучению социальных систем (Г.М. Андреева, А.Г. Здравомыслов, Г.В. Осипов и др.) и их социокультурных трансформаций посвящено анализу динамики их различных типов – классических, неклассических и постклассических. Социокультурный подход (Л. Выготский, Т.И. Заславская, Г.В. Осипов, Н.И. Лапин, Ф.И. Минюшев, В.Н. Кузнецов, А.С. Ахиезер и др.) освещает роль социального контекста и знаков в развитии человека, где обучение и развитие рассматриваются как процессы, связанные с культурными и языковыми практиками и с пониманием социокультурных трансформаций в образовании. Теории рефлексивного образования (Е.Н. Соловова, И.А. Стеценко, В.А. Сластенин и др.) изучающие данный феномен основываются на возможности изменения социальных норм и ценностей через осознание и рефлексии для преодоления традиционных барьеров в образовательных системах.

Безусловно, обозначенный спектр подходов не носит исчерпывающий характер, поскольку в состоянии непрерывного изменения находится как сама социальная реальность, современное общество, так и рассматриваемый феномен социокультурных трансформаций.

Под «социокультурной трансформацией» принято понимать прежде всего глубинный процесс качественного изменения социума в целом или отдельных его социально значимых сегментов. То есть социокультурные трансформации как таковые представляют собой масштабные интерактивные социокультурные преобразования системного типа, имеющие тотальный характер, затрагивающие различные сферы жизни индивидов и сообществ, и могут быть вызваны множеством

факторов, таких как экономические, политические и технологические изменения, глобализация и урбанизация [10]. Социально научное знание характеризует в целом данный феномен как некие трансформации, которые проявляются в изменениях культурных норм и ценностей, социальных институтов и практик, в культурной идентичности и самоопределении людей, где:

- на уровне национальных культур, социокультурные трансформации влияют на развитие культурной традиции и художественной культуры в целом, на позиционирование культуры в условиях глобальной коммуникации. И связано это с потребностью в приспособлении культурных практик к новой среде, техногенным изменениям и глобальным культурным тенденциям и др. [11];
 - решающее значение в самом процессе социокультурных трансформаций отводится инструментальной, созидательной или негативной, роли творческих акторов (профессионалов в области информационных технологий, представителей СМИ, творческих профессий – художников, писателей, ученых и т.д.), имеющих опыт воздействия на сознание людей и конструирующую функцию социума через науку, образование, искусство и творчество. Происходит создание новых смыслов, закамуфлированных в формат различных произведений. «... Именно благодаря им через образный, символический и визуальный ряд происходит влияние на социальную и культурную среды человека, те среды, в которых происходит его духовное и нравственное становление» [8, с. 30]. В совокупности все это – звенья информационного управления сознанием социума. Налицо тенденции требующего на перспективу включения работы института цензуры;
 - особого осмысления на перспективу потребует и кризис культуры, вызванный техногенной цивилизацией – это пример того, насколько сложным является взаимодействие человека с техникой и природой, подобное доминирование технических достижений приводит к эмоциональному отчуждению, утрате гармонического сосуществования и созданию псевдокультуры, которая лишена оригинальности и индивидуальности;
 - социокультурные трансформации всегда поднимают вопрос наследия, которое рассматривается не только как культурное, но и как фактор, определяющий будущее развитие общества. В то же время обсуждение проблем культурного наследия в современных условиях говорит о его сохранении, чтобы обеспечить преемственность, историческую память и устойчивое развитие культурных традиций.
- Любые социокультурные трансформации всегда требуют учета интересов всех слоев населения для обеспечения равного доступа к культурным ресурсам и сохранения культурного наследия.

Основные тенденции социокультурных трансформаций в современном российском обществе

К таким тенденциям можно смело отнести детерминирующие современную социальную реальность процессы глобализации и культурной интеграции. Одним из значимых принципов влияния глобализации на культурные процессы является детерриторизация, где есть утрата четкой привязки культуры к определенной территории. Данное явление проявляется в первую очередь, в виде миграционных потоков, когда люди физически покидают свои родные регионы, но сохраняют культурные связи благодаря современным коммуникационным средствам (мобильная связь и интернет). Затем данный процесс формирует так называемую «плавающую культуру», в которой локальные культурные элементы интегрируются в глобальный контекст, сохраняя свою уникальность, несмотря на физическую удаленность [5].

В то же время, появляется и концепция *глокализации*, которая предполагает синтез локальных культур с элементами глобальной культуры, что позволяет местным культурам сохранять свои традиции и одновременно обогащаться за счет контакта с глобальными культурными тенденциями с помощью диалога культур [1].

В настоящее время в постсоветской России процессы глобализации вызывают ассоциации соперничества между традиционными и инновационными формами культуры, так как традиционные культурные образцы сталкиваются с модернизацией, что приводит к формированию гибридных культурных форм. В результате возникает «рефлексивная традиционность», где традиционные ценности и практики подвергаются постоянному переосмыслению.

Часто глобализация ассоциируется и с вестернизацией, когда западные культурные ценности и практики распространяются на другие регионы мира. В России – это приводит к некоему противоречию, где с одной стороны наблюдается стремление к интеграции глобальных культурных элементов, а с другой – сопротивление и попытки сохранить национальные традиции. Данное соперничество вызывает культурное напряжение и требует от общества поиска гармонии между сохранением своей культуры и идентичности и приспособлением к глобальным культурным тенденциям. По результатам проведенного опроса ВЦИОМ от 23 августа 2022 года, большинство россиян (59%) не видят пользы от западной цивилизации, демократии и культуры: не подходит нам – 33%, а 26% считают их разрушительными. Доля россиян, отмечающих западную цивилизацию, демократию и культуру полезной сократилась до 30%, по сравнению с 2000 годом (55%). Лояльными к западной цивилизации остается молодежь: 55–50% росси-

ян от 18 до 34 лет считают, что Запад необходим России и может дать много хорошего. 70% россиян после 35 лет и те, кто находится в группе 60+ отмечают западные ориентиры неподходящими и губительными для России.

Каждый второй россиянин (55%) полагает, что мы сами забываем собственную культуру, а влияние Запада ни при чем. Треть из них (35%) видит проблему в усилении влияния западной культуры. Чаще всего позицию о том, что мы отделяемся от собственной культуры, поддерживает молодежь от 18 до 24 лет (73%). 44% сограждан разделяют мнение о том, что западная культура отрицательно оказывает влияние на художественные вкусы россиян [3].

Активные процессы глобализации прослеживаются и на уровне деятельности институтов культуры. Сегодня музеи, библиотеки и другие культурные учреждения держат курс в сторону оцифровки своих коллекций и предоставления к ним доступа через интернет, позволяя людям из разных уголков мира ознакомиться с культурным наследием других стран, например, с помощью онлайн-экспозиций можно посетить музеи и библиотеки, находящиеся на другом «конце света».

А информационные технологии, в частности, содействуют культурному диалогу и обмену с помощью таких инструментов, как видеоконференции, что позволяют проводить международные культурные мероприятия и обсуждения. Подобная глобализация играет двойную роль: с одной стороны распространяется глобальные культурные течения, а с другой – сохранение и распространение локальных культурных традиций. Например, социальные сети и другие онлайн-платформы позволяют этническим и культурным группам делиться своими традициями и культурными практиками, данное явление можно отнести к обозначенной выше глокализации, когда глобальные и локальные культурные элементы сосуществуют и взаимно обогащаются.

Также решающее воздействие на социальную реальность и общество оказали изменения в социальной структуре и идентичности современного социума. В советский период структура общества была относительно стабильной, разделенной на рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию, но с распадом СССР и переходом к рыночной экономике появились новые социальные группы, такие как предприниматели, менеджеры, служащие финансового сектора и другие профессионалы. Старые классовые различия стали менее очевидными, возникли новые критерии социального деления (уровень доходов, собственность и доступ к ресурсам власти) [4].

Еще одной тенденцией трансформации стало расширение среднего класса, ведь в советский период средний класс был представлен в основном интеллигенцией и техническими специалистами, в постсоветский период к ним добавились

предприниматели, менеджеры, высококвалифицированные специалисты в области IT, финансов и других высокотехнологичных отраслей. Подобное расширение среднего класса стало возможным благодаря экономическому росту и увеличению потенциала для социальной мобильности [16].

Несмотря на расширение среднего класса, в России сохраняется высокий уровень социального неравенства, в частности, очевиден разрыв в доходах между богатейшими и беднейшими слоями общества. Это связано с концентрацией капитала и ресурсов в руках узкой группы людей, с недостаточной продуктивностью социальной политики, и в то же время с тем, что социальная стратификация в России проявляется не только в доходах, но и в доступе к образованию, здравоохранению и другим социальным благам. По данным опроса ВЦИОМ от 21 июня 2022 года об оценке в российском обществе неравенства в доходах 69% россиян отмечают, что различия в доходах между людьми сегодня очень велики: среди аудитории с высшим образованием (76%), с низким потребительским статусом (75%), жителей городов-миллионников, Москвы и Санкт-Петербурга (79 и 78% соответственно). Каждый девятый (11%) не ощущает очень большой разницы в доходах. 55% россиян полагают, что государство должно работать над сокращением неравенства в доходах между людьми. 18% отмечают, что значительное неравенство необходимо для процветания России [12].

Трансформация социальной структуры также затронула социальную мобильность – в советский период она была ограничена государственным контролем и плановой экономикой. В постсоветской России возможности для вертикальной мобильности увеличились, но они неравномерно распределены по социальным группам, а доступ к образованию и профессиональному развитию часто определяется социальным происхождением и регионом проживания.

Процесс трансформации привел к размыванию традиционных социальных групп, переход от индустриального к постиндустриальному обществу изменил роль и статус многих профессий, так, сокращение численности промышленного пролетариата и рост сектора услуг изменили структуру занятости. Сейчас же на изменение социальной структуры влияют новые формы занятости, такие как фриланс и удаленная работа. По результатам опроса ВЦИОМ от 26 июля 2022 года о фрилансе, в России 5% россиян называют сегодня себя фрилансерами. Чаще всего молодежь 18–24 лет (12%), работающие учащиеся (13%), жители Москвы, Санкт-Петербурга, и городов-миллионников (8–9%), и те, кто имеют хорошее материальное положение (11%). Большинство россиян (56%) положительно относятся к тем, кто работает на фрилансе.

53% россиян замечают, что за последние три года число фрилансеров увеличилось. Чаще всего

на это указывает молодежь 18–24 лет (75%). Несмотря на распространение такого вида занятости, половина россиян (54%) не хотели бы работать на фрилансе, четверть сограждан (25%) считает этот вид занятости привлекательным. В представлении россиян фриланс – это свобода и независимость, но цена этой свободы – соцпакет, гарантии стабильности [19].

Россияне стали больше ценить преимущества удаленного формата работы. Об этом свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ от 05 июля 2022 года. Особенно на представление россиян повлияла пандемия. На сегодняшний день из дома трудятся 10% работающих, данный показатель не изменился с 2021 года (11%). Удалено в основном работает молодежь (19%), жители Москвы, Санкт-Петербурга и городов-миллионников (20–15%), а также занятые в сфере IT (36%), СМИ (35%), финансовой и страховой деятельности (23%). Несмотря на разные причины, по которым люди оказываются на удаленной работе, 82% россиян отмечают удобство такого формата работы, 62% видят в нем больше плюсов. Каждый третий (33%) хотел бы совмещать работу в офисе и из дома. 85% работающих россиян отмечают, что на удаленке легче совмещать рабочие и домашние дела. Однако традиционный формат работы для россиян (49%) остается наиболее востребованным [13].

С точки зрения влияния миграционных процессов, на социальную реальность, то после распада СССР и создания новых независимых государств на постсоветском пространстве образовались активные миграционные потоки. В частности, внутренняя и внешняя миграция увеличила число этнических меньшинств в крупных городах и регионах, изменив этнокультурную карту страны. Подобная миграция, в настоящее время, приводит к формированию новых социальных структур и субкультур. Приезжие мигранты привносят свои культурные практики, язык, религию и обычаи, обогащают культурное разнообразие, но одновременно создают проблемы для социальной интеграции. В некоторых случаях это приводит к социальной напряженности и конфликтам на этнической и культурной почве [9].

Процесс социального приспособления мигрантов зависит от таких факторов как экономические возможности, доступ к образованию и здравоохранению, проводимой государственной политики в области миграции.

Миграция влияет на культурную идентичность как самих мигрантов, так и принимающего населения, ведь для мигрантов процесс адаптации часто сопровождается сохранением своей культурной идентичности в новом окружении и в некоторых случаях проявляется в создании этнических общин и сообществ, но, в то же время местное население сталкивается с проблемой восприятия и принятия культурных различий [14].

Согласно данным, ВЦИОМ, в 2023 году 47% россиян считают трудовую миграцию положительным явлением для страны, это превышает показатели 10–15 лет назад, но, тем не менее, 41% граждан все еще придерживаются противоположного мнения. 56% респондентов соглашались с тем, что мигранты восполняют нехватку рабочей силы на низкооплачиваемых работах, тогда как 44% считают, что мигранты создают конкуренцию на рынке труда [17].

Исследования показывают, что молодое поколение более лояльно к мигрантам: 61% среди возрастной группы 18–24 лет видят плюсы в трудовой миграции, тогда как среди россиян в возрасте 45–59 лет этот показатель составляет 51%. Граждане с высокими доходами также более положительно относятся к мигрантам (61% против 28% среди малообеспеченных) [6].

Экономические факторы также формируют отношения к мигрантам, например, Россияне признают вклад мигрантов в экономику, особенно в сельском хозяйстве, строительстве и сфере услуг. Многие мигранты приезжают на временное пребывание, но часть из них остается на постоянной основе, получая гражданство или разрешение на временное проживание [18].

Отражение социокультурных трансформаций на уровне массового сознания

Социокультурные трансформации воздействуют на массовое сознание и отражаются на различных уровнях общественной жизни, то есть массовое сознание представляет форму общественного сознания, которая состоит из представлений, ценностей и настроений, характерных для больших социальных групп. За счет «...информационного воздействия на него осуществляется изменение мышления социума, а следовательно, и управление им. Вот почему так важно качество и контроль над распространяемой СМИ, социальными сетями и “потребляемой” обществом информацией» [7, с. 41].

По большей части, в наше время современные СМИ, особенно телевидение занимаются формированием и трансформацией массового сознания, что приводит к искажению демократических процессов и влиянию на поведение и мышление людей. Манипуляция через СМИ, социальные сети и др. имеет скрытое воздействие, которое может иметь как позитивные, так и негативные последствия (радикальные изменения психики и социальных установок людей). Исследования показывают, что через телевизионные программы изменяется восприятие реальности у зрителей. Около 65% россиян считают, что СМИ часто искажают информацию, создавая ложные представления о событиях и явлениях [2]. Влияние социальных сетей на молодежь, согласно опросу, показало, что 78% молодых людей в возрасте 18–24 лет признают, что социальные сети влияют на их взгля-

ды и поведение, они формируют новые социальные нормы и тренды. Что касается технологической трансформации, то по данным ВЦИОМ, 47% россиян отмечают, что цифровизация и интернет изменили их подход к обучению и профессиональной деятельности, предоставив новые возможности для развития и самореализации.

С точки зрения глобализации, урбанизации и цифровизации воспитываются новые идентичности и ценности в обществе, которые отражаются на уровне массового сознания в виде увеличения плюрализма мнений и культурной гибридизации. При этом урбанизация благоприятствует росту анонимности и индивидуализации, впоследствии становясь причиной изменения социальных связей и усиления чувства отчуждения среди населения.

Далее, выделим тот факт, что в современном российском обществе происходит постепенное изменение гендерных стереотипов и ролей, которое отражается на установках и восприятии гендерных норм среди молодежи, тем самым усиливаются дебаты между традиционными и эгалитарными идеологиями гендерных отношений – еще одно проявление социокультурных изменений на уровне массового сознания.

В России гендерные стереотипы и роли остаются значимыми социальными феноменами, несмотря на их постепенные изменения. По данным опроса ВЦИОМ, большинство россиян придерживаются традиционных взглядов на роли мужчин и женщин, например, 61% опрошенных считают, что главная роль мужчины в семье – быть кормильцем, в то время как 54% считают, что женщина должна сосредоточиться на ведении домашнего хозяйства и уходе за детьми.

Дополнительно, исследования показывают, что гендерные стереотипы влияют на распределение семейных обязанностей, хотя законодательно закреплена возможность ухода за ребенком для обоих родителей, в реальности лишь небольшой процент мужчин берет отпуск по уходу за ребенком. В 2023 году только 5% мужчин воспользовались этой возможностью, в основном из-за экономических причин и корпоративной культуры, которая не поддерживает длительные перерывы в карьере.

Интересные данные также были получены по поводу гендерных стереотипов на рабочем месте, согласно исследованию, около 40% женщин сталкивались с дискриминацией по признаку пола при найме или продвижении по службе. Эти данные подтверждаются наблюдениями, что женщины чаще заняты в низкооплачиваемых и менее престижных профессиях несмотря на то, что они составляют большую часть выпускников высших учебных заведений [15].

Влияние стереотипов также заметно в восприятии образовательных и профессиональных возможностей, например, девушки часто отказыва-

ются от карьеры в науке и сфере технологий из-за убеждения, что эти области предназначены для мужчин.

Заключение

Проведенный анализ ряда ключевых, с нашей точки зрения, социокультурных трансформаций в современном российском обществе позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, в России они характеризуются масштабными изменениями, которые проявляются в трансформации культурных норм и ценностей, социальных институтов и практик, в формировании новой культурной идентичности;

во-вторых, процессы глобализации, урбанизации и цифровизации распространенные в современном российском обществе являются одними из ведущих движущих сил данных трансформаций, например, глобализация приводит к интеграции локальных культур в глобальный контекст, создавая «плавающую культуру», где сохраняется уникальность культурных элементов. Далее урбанизация, меняет общественные пространства и влияет на городской образ жизни, а цифровизация содействует культурному диалогу и обмену и др.;

в-третьих, социокультурные трансформации влияют на массовое сознание, формируя новые представления и установки. В частности, современные средства массовой информации, особенно телевидение «играют» и манипулируют информацией и формируют иное негативное/положительное или разрушительное/созидательное восприятие реальности. Подобное влияние глобализации и цифровизации приводит к увеличению плюрализма мнений и культурной гибридации, а урбанизация помогает росту анонимности и индивидуализации;

в-четвертых, трансформация социальной структуры выражается в появлении новых социальных групп и изменении традиционных форм социальной организации, расширении среднего класса, изменениях в социальной мобильности и влиянии миграционных процессов, что создает новую социальную картину России;

в-пятых, исследование показало, что социокультурные трансформации вызывают изменения в гендерных стереотипах и ролях, которые отражаются на установках и восприятии гендерных норм среди молодежи и др.

Таким образом, востребованность научного изучения данного феномена будет только возрастать. Проблематика социокультурных трансформаций обладает выраженным научно-исследовательским потенциалом для будущего.

Литература

- Абдурахманова Е.А. Влияние глобализации на культуру / Исследования молодых ученых: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2019 г.). – Казань: Молодой ученый, 2019. – С. 90–92.
- Владимирова М.Б. Трансформация массового сознания под воздействием СМИ (на примере российского телевидения): монография. – Москва: ФЛИНТА, Наука, 2011. – 144 с.
- Влияние Запада и российская культура / ВЦИОМ. 23 августа 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura> (дата обращения: 09.08.2024).
- Гуренкова О.В. Формирование новой социальной структуры в процессе трансформации современного российского общества // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 26. – URL: <http://ekoncept.ru/2015/75349.htm> (дата обращения: 30.05.2024).
- Жукоцкая З.Р., Ковалева Л.Е. Глобализация и её влияние на культурные процессы // Успехи современного естествознания. 2011. № 1. С. 110–112.
- Иммигранты в России: за и против / ВЦИОМ. 14 августа 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/imigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 01.06.2024).
- Кареева С.Г., Некрасов С.В. Отечественные практики противодействия технологиям информационного воздействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6 (июнь). С. 40–47. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-6-49.
- Кареева С.Г., Кареев Г.Е. Социокультурный аспект информационной безопасности: «мусорное искусство» как инструмент социальной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 29–33. DOI: 10.23672/SAE.2023.24.38.001.
- Лазарева И.В., Лазарев В.В. Влияние миграционных процессов на систему расселения и градостроительную политику // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 2. С. 121–127. DOI: 10.22337/2077-9038-2020-2-121-127.
- Максимович В.А. Социокультурные трансформации в условиях информационного общества // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2021. № 3. С. 55–70.
- Национальная культура в контексте социокультурных трансформаций / М.И. Веренич [и др.]; науч. ред. В.А. Максимович. – Минск: Беларуская навука, 2021. – 456 с.
- Неравенство доходов: мониторинг / ВЦИОМ. 21 июня 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring?ysclid=izk12bi4bv362142189> (дата обращения: 09.08.2024).
- Один из дома: удаленка в постпандемической жизни / ВЦИОМ. 5 июля 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalennka-v-postpandemicheskoi-zhizni>

om.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-postpandemicheskoi-zhizni?ysclid=Izplwmhq8p316366451 (дата обращения: 09.08.2024).

14. Пруель Н.А., Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионоведение. 2020. Т. 28. № 1(110). С. 133–158. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158.
15. Статус женщин в российском обществе. Виртуальная конференция Института Кеннана. 2020. Доклад по итогам конференции. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Status%20of%20Women%20in%20Russian%20Society%20Conference%20Report%20-%20Russian.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
16. Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 22–32. DOI: 10.31857/S013216250014308-1.
17. Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение / ВЦИОМ. 18 ноября 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (дата обращения: 01.06.2024).
18. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций / РСМД. 17 ноября 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращения: 01.06.2024).
19. Фриланс в России – больше, чем фриланс? / ВЦИОМ. 26 июля 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (дата обращения: 09.08.2024).
20. Tarasov A. Theoretical-methodological Bases of the “Sociocultural Transformation” Concept Explication // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol.11. No.18. PP. 11993–12003.

SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: KEY TRENDS AND THEIR REFLECTION AT THE LEVEL OF MASS CONSCIOUSNESS

Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N.
Institute of Sociology of FCTAS RAS

The article is devoted to the study of a number of qualitative changes occurring in the social and cultural spheres of Russian society in the 2020's with the use of statistical data. These processes are examined in the influence light of the economic, political and technological factors determining them, globalization, urbanization as well. The authors analyze the key trends of these transformations and their impact on mass consciousness, cultural identity and social structures from their point of view. Special attention is paid to

globalization and cultural integration, changes in social structure, migration processes and their impact on identity, as well as the role of the media in the formation of mass consciousness.

Keywords: sociocultural transformations, factors, mass consciousness, Russian society, social reality, globalization, urbanization, digitalization, cultural identity, media.

References

1. Abdurakhmanova E.A. The influence of globalization on culture / Research of young scientists: materials of the 5th International scientific conference (Kazan, December 2019). – Kazan: Young Scientist, 2019. PP. 90–92.
2. Vladimirova M.B. Transformations of mass consciousness due to the media (a case study of the Russian TV: a monograph. – Moscow: FLINTA, Science, 2011. – 144 p.
3. The influence of the Westerners and Russian culture / WCIOM. August 23, 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura> (reference date: 09.08.2024).
4. Gurenkova O.V. Formation of a new social structure in the process of transformation of modern Russian society // Concept. 2015. Special Issue No.26. – URL: <http://ekconcept.ru/2015/75349.htm> (reference date: 30.05.2024).
5. Zhukotskaya Z.R., Kovaleva L.E. Globalization and its influence on cultural processes // Advances in modern natural science. 2011. No. 1. PP. 110–112.
6. Immigrants in Russia: pros and cons / WCIOM. August 14, 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (reference date: 01.06.2024).
7. Karepova S.G., Nekrasov S.V. Domestic practices to counteract information influence technologies // Humanities, social-economic and social sciences. 2024. No. 6 (June). PP. 40–47. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-6-49.
8. Karepova S.G., Karepov G.E. Sociocultural aspect of information security: “trash art” as a tool of social reality // Humanities, social-economic and social sciences. 2023. No.2. PP. 29–33. DOI: 10.23672/SAE.2023.24.38.001.
9. Lazareva, I.V., Lazarev, V.V. The influence of migration processes on the settlement system and urban planning policy // Academia. Architecture and construction. 2020. No. 2. PP. 121–127. DOI: 10.22337/2077-9038-2020-2-121-127.
10. Maksimovich V.A. Sociocultural transformations in the information society // Philosophy and humanities in the information society. 2021. No. 3. PP. 55–70.
11. National culture in the context of sociocultural transformations / M.I. Verenich [et al.]; scientific ed. V.A. Maksimovich. – Minsk: Belarusian Science, 2021. – 456 p.
12. Income inequality: a monitoring / WCIOM. June 21, 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring?ysclid=Izk12bi4bv362142189> (reference date: 09.08.2024).
13. Alone from home: a teleworking in the post-pandemic life / WCIOM. July 5, 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-postpandemicheskoi-zhizni?ysclid=Izplwmhq8p316366451> (reference date: 09.08.2024).
14. Pruel N.A., Lipatova L.N., Gradusova V.N. Migration in modern Russia: scale, main directions and problems // Regionalogy. 2020. Vol.28. No. 1(110). PP. 133–158. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158.
15. Women status in Russian society. The virtual conference at Kennan Institute. 2020. The report further to the conference. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Status%20of%20Women%20in%20Russian%20Society%20Conference%20Report%20-%20Russian.pdf> (reference date: 01.06.2024).
16. Tikhonova N.E. Transformations of the social structure of Russian society: the end of the 1980s – the end of the 2010's // Sociological research. 2021. No.8. PP. 22–32. DOI: 10.31857/S013216250014308-1.
17. Labour immigrants in Russia: a contribution, status and relationship / WCIOM. November 18, 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie>

- ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie (reference date: 01.06.2024).
18. Labour migration in Russia: a view through the prism of political, economic and demographic trends / RIAC. November 17, 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (reference date: 01.06.2024).
19. Freelance in Russia, more than freelance? / WCIOM. July 26, 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (reference date: 09.08.2024).
20. Tarasov A. Theoretical-methodological Bases of the “Sociocultural Transformation” Concept Explication // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol.11. No.18. PP. 11993–12003.

